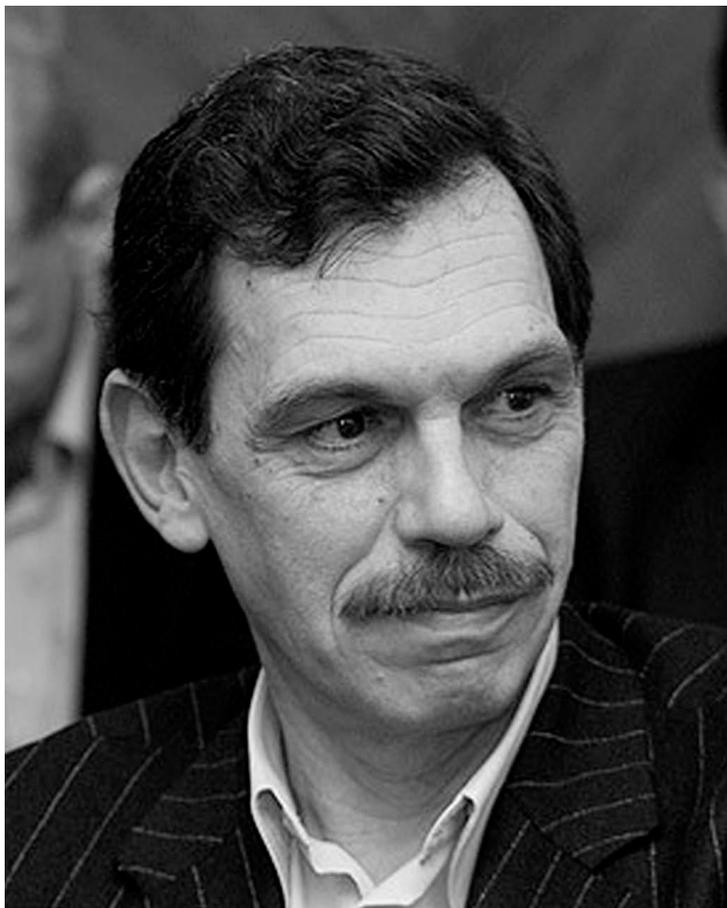

**ПАМЯТИ
АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА
ПОЛЕТАЕВА**

27.09.1952 – 18.09.2010

Недавно мы потеряли одного из наших самых талантливых и самых верных авторов – доктора экономических наук, профессора ГУ ВШЭ, главного научного сотрудника ИМЭМО РАН Андрея Владимировича Полетаева.

Андрею Владимировичу были присущи яркая индивидуальность, благородство натуры, независимость суждений, широкая эрудиция. Он обладал глубоким и острым умом, в равной мере аналитическим, теоретическим и критическим. В его творческом наследии – фундаментальные труды по разным областям социально-гуманитарного знания. Отличаясь редкой, для наших дней разносторонностью научных интересов, он не допускал дилетантства, предъявляя к себе самые высокие требования, и во всех направлениях, в которых занимался исследовательской работой, оставался настоящим профессионалом.

Хорошо известны и высоко оценены в разных исследовательских сообществах масштабные научные труды А. В. Полетаева (совместно с И. М. Савельевой) по теории исторического знания: *История и время: В поисках утраченного* (М., 1997), *Знание о прошлом: Теория и история: В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого* (СПб., 2003, 2006), *Классическое наследие* (М., 2010).

Статьи, опубликованные в нашем журнале:

- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Эмпирические основания исторической науки // *Диалог со временем*. Вып. 2. М.: УРСС, 2000. С. 36–51.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* История как теоретическое знание // *Диалог со временем*. Вып. 3. М.: УРСС, 2000. С. 15–33.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Историческая истина: эволюция представлений // *Диалог со временем*. Вып. 4. М.: УРСС, 2001. С. 162–181.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Прагматика истории // *Диалог со временем*. Вып. 10. М.: УРСС, 2003. С. 7–35.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Плоды романтизма // *Диалог со временем*. Вып. 11. М.: УРСС, 2003. С. 40–83.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // *Диалог со временем*. Вып. 18. М.: УРСС, 2007. С. 68–96.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Темпоральная картина мира в архаичных системах знания // *Диалог со временем*. Вып. 21. М.: ЛКИ, 2007. С. 22–51.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Возведение истории в ранг науки // *Диалог со временем*. 2008. Вып. 25/1. С. 26–54.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Российские историки в зарубежных журналах // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 32. С. 5–21.

Ниже мы публикуем статью Андрея Владимировича Полетаева и его неизменного соавтора Ирины Максимовны Савельевой о механизме формирования социальных представлений о прошлом.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

И. М. САВЕЛЬЕВА, А. В. ПОЛЕТАЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ О ПРОШЛОМ АНАЛИТИЧЕСКАЯ СХЕМА

В данной статье предпринимается попытка систематизации различных подходов к анализу механизма формирования социальных представлений о прошлом и предлагается концепция, демонстрирующая познавательные возможности и взаимосвязи разных дисциплинарных дискурсов. Новизна предложенного авторами подхода состоит в том, что сложный феномен формирования социальных представлений о прошлом представлен в виде условной схемы, структурирующей процесс производства, передачи и усвоения знаний о прошлом. Авторы выделяют три уровня формирования представлений и, соответственно, три объекта анализа: источники формирования представлений о прошлом, собственно механизм формирования и конечные результаты этого процесса, то есть содержание представлений о прошлом.

Ключевые слова: *социальные представления, прошлое, механизмы конструирования прошлого, источники знаний, экспертное/профессиональное знание, медийные источники, обыденное знание, индивидуальные представления.*

В последние годы социальные представления о прошлом (знания населения о прошлом) привлекают внимание исследователей самых разных направлений, равно как и средств массовой информации. Однако процесс идентификации и разработки ключевых проблем формирования корпуса исторических знаний пока развивается довольно стихийно. В данной работе предпринимается попытка систематизации различных подходов к анализу данного явления и предлагается общая аналитическая схема, демонстрирующая познавательные возможности и взаимосвязи разных дисциплинарных дискурсов.

Сложный феномен формирования социальных представлений о прошлом может быть представлен в виде следующей условной схемы, структурирующей процесс производства, передачи и усвоения знаний о прошлом. Естественно, это – теоретическая схема, и на практике границы между отдельными ее сегментами могут быть достаточно расплывчатыми. Как показано на схеме, прежде всего, можно выделить три уровня формирования представлений и, соответственно, три объекта анализа: 1) источники формирования; 2) механизм формирования и

3) конечные результаты этого процесса, то есть содержание представлений о прошлом. Понятно также, что каждый из этих уровней имеет явно выраженное социально-пространственное и временное измерение.

1. Источники формирования представлений/знаний о прошлом

Результаты эмпирических наблюдений и изучение работ по теме, позволяют выделить три основных класса источников формирования социальных представлений о прошлом: а) профессиональные источники; б) «медиа-источники»; в) «жизненный мир». Предлагая их краткий анализ, мы обращаем внимание на следующие направления исследования: i) конкретные типы источников внутри каждой группы; ii) удельный вес информации о прошлом в каждом из этих типов, т.е. относительная роль информации (знаний) о прошлом, содержащаяся в разных источниках; iii) степень их использования (распространения) в обществе; iv) основные подходы к изучению этих источников.

1а) Профессиональные источники

Профессиональные источники включают, во-первых, *исторические источники в строгом (историографическом) смысле*, то есть различного рода архивные документы и археологические находки, а также другие виды письменных и вещественных свидетельств, используемых профессиональными историками и археологами. Во-вторых, к профессиональным источникам можно отнести работы, конструирующие картину прошлого, выполненные в рамках различных видов экспертного знания, то есть *профессиональные тексты*, точнее, *дискурсы*, поскольку в широком смысле сюда относятся, например, и профессиональные лекции, а также устные выступления на конференциях, семинарах и т.д.

Если говорить об источниках, содержащих информацию о прошлой *социальной* реальности, то речь идет прежде всего о религии/теологии, философии, идеологии, общественных науках в целом и исторической науке и археологии, в частности. При этом только исто-

рия и археология являются специализированным знанием о прошлом. Другие типы знания не концентрируются специально на проблемах прошлого, но имеют некие темпоральные характеристики, т.е. содержат представления о прошлом, настоящем и будущем, о процессе социальных изменений, о состоянии и характеристиках «социальной реальности» в разные моменты времени и т.д. В целом можно сказать, что в них осмысливается бытие человека во времени.

Список экспертных источников формирования знаний о прошлом этим, естественно, не ограничивается – сюда относятся и некоторые естественнонаучные дисциплины – прежде всего физика, геология, биология – формирующие представления о прошлом природного мира.

Очевидно, что профессиональные источники используются в первую очередь самими экспертными группами (членами экспертных сообществ), специализирующимися в той или иной области знания (например, исторические и археологические источники в строгом смысле слова используются почти исключительно профессиональными историками и археологами). Еще одна группа (группы), которая в той или иной мере обращается к профессиональным источникам, хотя и менее систематическим образом, – профессиональные сообщества, производящие медиа-информацию о прошлом в широком смысле – от рядовых служителей церкви и школьных преподавателей истории до создателей исторических романов и исторических фильмов.

Анализ профессиональных сведений о прошлом осуществляется в большом числе исследований, которые можно условно обозначить как «историографию» в широком смысле, включая анализ работ, содержащих информацию о прошлом, в разных областях профессионального знания (история философии, история религии, история медицины и т.д.).

1б) Медиа-источники

Этим термином мы обозначаем широкий класс *массовых* источников, которые очень интересуют исследователей в последние десятилетия. Речь идет о таких объектах, как устный эпос, ритуалы, проповеди, коммеморации, памятники и мемориалы, музеи, учебники, популярные издания, масс-медиа (газеты, журналы, радио, телевидение), различные формы искусства (исторические романы, художественные фильмы и разные виды театрального искусства, историческая живопись и т.д.).

Медиа-источники, или массовые источники, что отражается в их названии, выступают в качестве средств информации о прошлом для самых широких групп населения. Удельный вес информации о прошлом в каждом из подобных источников варьируется, но в целом он довольно велик (обратим внимание на долю исторических романов в ху-

дожественной литературе, исторических фильмов в кинематографе, сведений о прошлом в религиозных проповедях и ритуалах и т.д.).

Практически любому из этих источников посвящено уже немало исследований. Традиция изучения различных видов устной эпики – легенд, сказаний, преданий, былин, мифов и т.п. – сложилась в позапрошлом веке. Литература здесь столь обширна, что мы ограничимся упоминанием лишь некоторых новейших теоретических сочинений, характеризующих принципы изображения прошлого в разных видах устных дискурсов¹. В последние десятилетия появилось немало работ, анализирующих исторические романы и фильмы, театральные постановки, исторические передачи на телевидении². Большой популярностью в качестве объектов исследования пользуются школьные учебники истории³. В России – даже учебники культурологии можно рассматривать как образцы «историософии для учащихся». Изучаются исторические памятники, монументы, а также связанные с прошлым церемонии (в том числе праздничные, как религиозные, так и гражданские) и коммеморации⁴. Столь же распространены и работы о формировании образов прошлого в идеологических (политических) дискурсах.

При анализе медиа-источников много внимания обращают на цели, которые ставят создатели этих источников. В первую очередь речь идет об идеологических интенциях авторов: изучению идейно-политических характеристик медиа-источников в целом принадлежит ведущее место. Образовательные и просветительские функции медийных средств сегодня интересуют исследователей в гораздо меньшей степени.

1в) «Жизненный мир» (Lebenswelt)

Термин «жизненный мир» был введен в оборот Э. Гуссерлем и активно использовался А. Шюцем⁵. В самом общем виде это – «мир повседневного опыта». В пределах нашей темы к «жизненному миру» («повседневному жизненному опыту») можно отнести информацию, получаемую индивидом в результате личных впечатлений (и превращающуюся с течением времени в информацию о прошлом), а также сведения о прошлом, получаемые в процессе повседневной коммуника-

¹ Гринцер. 1971; Гуревич. 1972; Топоров. 1973.

² О художественной литературе: Андреев. 2005; Дубин. 2005; о театрализованных действиях: Колязин. 2002; о кинематографе: Rosenstone. 1995; *The Historical Film*. 2001; Самутина. 2005.

³ Ферро. 1992 [1986]; *Knowing, Teaching, and Learning History...*

⁴ Уорнер. 2000 [1959]. С. 113–254; *Les lieux de mémoire* 1984–1993; Нора. 1999 [1993]; Озуф. 2003 [1996].

⁵ Шюц. 2004 [1932].

ции от различных собеседников. Эта информация имеет самый разнообразный характер, как на уровне личных впечатлений, так и устной коммуникации (от рассказов очевидцев до пересказа информации, полученной из других источников, в том числе массовых, или опять-таки межличностной коммуникации).

Для стороннего наблюдателя жизненный мир индивида и извлекаемая из него информация о прошлом являются ненаблюдаемыми, поскольку в большинстве случаев они не интересобъективны и специфичны для каждого человека. В то же время эта информация играет весьма существенную роль в формировании индивидуальных социализированных представлений о прошлом. Это демонстрируют, в частности, многочисленные специальные исследования, ориентированные на выяснение источников происхождения тех или иных представлений.

2. Механизм формирования представлений о прошлом

Механизм формирования представлений о прошлом можно изучать на трех уровнях: индивида, экспертных групп и непрофессиональных групп (масс).

2а) Индивиды

При исследовании на уровне индивида речь идет прежде всего об анализе общих механизмов восприятия, переработки, усвоения и запоминания информации, включая влияние социальных факторов на индивидуальные воспоминания. По этой проблеме имеется гигантское число работ в области психологии, как экспериментального, так и теоретического характера. Помимо общих исследований по психологии познания, восприятия, памяти и т.д., следует отметить работы по психологии обучения. Особо можно выделить исследования (относительно немногочисленные), анализирующие психологические проблемы усвоения материала учебников по истории. Большое внимание уделяется анализу влияния социальных факторов на индивидуальные воспоминания⁶.

2б) Экспертные группы

Имеется большое число исследований в области социологии знания, посвященных анализу механизмов формирования экспертного знания (прежде всего научного)⁷. Однако экспертное знание о прошлом не

---

⁶ Прежде всего, речь идет о работах З. Фрейда и его последователей (вытесненные воспоминания), «эпизодической» (Э. Тульвин) и «автобиографической» (Дж. Робинсон) памяти и некоторых других направлениях *Tulving*. 1972; 1983; *Robinson*. 1976; *Autobiographical Memory...*; *Remembering our Past...*; *Нуркова*. 2000.

⁷ *Gilbert*. 1976; *Малкей*. 1983 [1980]; *Knorr-Cetina*. 1981; *Gilbert, Mulkey*. 1984.

выделяется в этих работах в качестве самостоятельного объекта исследования (исключение – монография авторов)⁸.

2в) Не-экспертные группы

Существует множество разных типов социальных групп – семейные, этнические, локально-территориальные, статусно-сословные, профессиональные, религиозные, партийно-политические и т.д. Групповое прошлое (прошлое нынешних и бывших членов группы) имеет разную значимость для различных групп. В некоторых случаях роль этих представлений относительно невелика (например, для современных профессиональных сообществ), в других – прошлое оказывается едва ли не ключевым элементом групповой идентификации. Прежде всего, это относится к первичным (и древнейшим) общностям – семейно-родовым и этно-территориальным, но также и ко многим группам, возникающим в современных дифференцированных обществах.

Колоссальный опыт, накопленный в социальной психологии и общей социологии в рамках изучения психологии социальных групп пока еще не нашел активного применения в исследовании механизмов формирования социальных (групповых) представлений о прошлом.

В дополнение к трем основным направлениям изучения механизмов формирования представлений о прошлом можно упомянуть также проблемы социального распределения знания в обществе, механизмов релевантности, разных уровней индивидуального знания, различий между экспертным и обыденным знанием и др. Все эти темы в общем виде обсуждались, в частности, в работах А. Шюца⁹ и некоторых его последователей, но без конкретной привязки к знаниям о прошлом.

3. Содержание социальных представлений о прошлом

Выделим три основных типа источников, по которым можно судить о существующих (существовавших) в том или ином обществе представлениях о прошлом: экстернализированные индивидуальные представления профессионалов (экспертов); экстернализированные индивидуальные представления непрофессионалов; так называемые «массовые» или групповые представления на уровне массового сознания.

3а) Представления профессионалов (экспертов)

Знания экспертов о прошлом отражаются, естественно, в соответствующих профессиональных дискурсах (текстах и устных выступлениях), которые одновременно являются источниками формирования

---

⁸ Савельева, Полетаев. 2003–2005, особ. т. 1, гл. 3.

⁹ Шюц. 2004 [1946]; 2004 [1970 посм.] и др.

представлений для других членов экспертных групп. Индивидуальные представления экспертов, исходно выступающие в качестве мнений, проходят экспертизу в рамках соответствующего профессионального (экспертного) сообщества и, в случае их признания, входят в так называемый социальный запас знания. Признанные мнения экспертов, таким образом, получают статус знания и, в некотором общем смысле, могут рассматриваться как отражение групповых представлений членов соответствующих профессиональных (экспертных) групп.

Конечно, как отмечал еще Й. Хёйзинга, «...всякое историческое знание об одном и том же предмете – независимо от того, является ли этим предметом город Лейден или Европа в целом, – выглядит в голове ученого А совсем не так, как в голове ученого Б, даже если оба они прочли абсолютно все, что можно было прочесть на данную тему... В отдельном мозгу историческое знание никогда не может быть чем-то большим нежели память, откуда могут быть вызваны те или иные образы. In actu это знание существует лишь для пришедшего экзаменоваться студента, отождествляющего его с тем, что написано в книге» (Хёйзинга. 1997 [1929]. С. 219). Тем не менее, с известной условностью, все же можно говорить о существовании некоего относительно общепризнанного «знания» в рамках конкретных экспертных групп. Естественно, всегда существует некоторая неопределенность, какие именно экспертные мнения можно считать признанными соответствующей экспертной группой, а какие – нет. В практических исследованиях в качестве критерия выступают различные показатели укорененности и степени распространения (использования) тех или иных конкретных представлений в профессиональном сообществе (участия в индивидуальном запасе знания членов соответствующей группы).

В качестве таких показателей используются, во-первых, индексы цитирования и оценки интенсивности ссылок (в том числе условные оценки для прошлых периодов); во-вторых, различные показатели степени распространения и «популярности» в профессиональном сообществе соответствующих текстов (тиражи изданий, количество переизданий, количество переводов на другие языки и т. д.); в-третьих, степень включенности тех или иных конкретных концепций в учебные курсы, прежде всего ориентированных на подготовку профессиональных специалистов в соответствующей области.

Кроме того, здесь возникает проблема определения границ соответствующей группы, для которой те или иные профессиональные

представления можно условно считать общими¹⁰. Во многих случаях в качестве профессиональных сообществ, имеющих общие («групповые») представления о прошлом приходится выделять относительно небольшие группы – школы, течения, кружки и другие «группы профессиональных единомышленников». Часто такие группы четко локализованы во времени и в социальном пространстве. Но в целом эта тема пока еще мало разработана, учитывая множество различных школ в профессиональных сообществах. Единственное исключение – это работы по историографии, в которых рассматриваются и анализируются взгляды на прошлое отдельных исторических школ, течений и направлений в рамках «исторического цеха» (равно как и отдельных историков).

Отдельная проблема связана с оценкой произведений, которые выше мы обозначили как медиа-источники. В отличие от произведений, предназначенных для профессионалов, которые в целом можно считать выражающими представления авторов о соответствующей части прошлого, в случае с произведениями, предназначенными для «массового употребления», это, видимо, не так. Вряд ли можно говорить о том, что исторический роман адекватно отражает представления о прошлом его автора, равно как и исторический фильм вряд ли отражает фактические представления о прошлом автора сценария и режиссера фильма, не говоря уже обо всей съемочной группе, от актеров до осветителей. В то же время какие-то аспекты представлений о прошлом авторов эти произведения, видимо, все же в себе содержат, так что данная тема все же заслуживает дальнейшего изучения.

3б) Индивидуальные воспоминания

Индивидуальные воспоминания в последние десятилетия привлекают большое внимание как специалистов, так и «широкой публики». Этот жанр известен со времен древности (в каком-то смысле даже многие древние «исторические» сочинения и летописи в значительной мере представляли собой личные воспоминания, начиная, по крайней мере, с «Записок о Галльской войне»). Но если раньше создание «воспоминаний» и «мемуаров» было уделом единиц, то начиная с эпохи Возрождения подобные произведения постепенно распространяются все шире¹¹, а к концу XX в. становятся едва ли не массовым явлением.

Понятно, что все мемуары охватывают очень ограниченную часть прошлого – в границах сознательной жизни самого автора (все, что вы-

---

¹⁰ В качестве примера анализа представлений о прошлом наиболее широких экспертных групп см.: *Савельева, Поletaев*. 2003–2005. Т. 2.

¹¹ *Дэвис*. 1994 [1977].

ходит за эти хронологические рамки, относится к «медиа-источникам» и лишь косвенно отражает авторские представления). Впрочем, и в пределах времени собственной жизни этот источник не позволяет составить сколько-нибудь надежное и целостное суждение о действительных представлениях автора – публичный статус «мемуаров» ведет к существенным (сознательным или несознательным) искажениям индивидуальной репрезентации прошлого (наиболее характерны в этом отношении мемуары различных политических деятелей).

Определенные перспективы имеет так называемая «устная история», основанная на более массовом сборе индивидуальных воспоминаний¹². Дополнительный импульс этому направлению дало развитие технических средств – аудио- и видеозаписи. Здесь искажения реальных воспоминаний, связанные с эффектом «публичности», играют несколько меньшую роль (хотя и не исчезают полностью при беседе с полевым исследователем, как и в любом разговоре с посторонним человеком). Но пока этот материал используется весьма эпизодически и не системно.

Для полноты картины можно упомянуть и такой пока не вовлеченный в научный оборот источник, как результаты клинических наблюдений пациентов, проходящих курс лечения у психиатров и психотерапевтов. Конечно, на индивидуальном уровне здесь действуют ограничения, обусловленные необходимостью соблюдения врачебной тайны и неразглашения воспоминаний пациентов, но потенциально возможны обобщения отдельными врачами накапливаемого клинического материала.

3в) «Массовые» представления

Со второй половины XX в. важное место среди источников, позволяющих судить о социальных представлениях о прошлом, заняли социологические обследования, которые делятся на три основные группы – так называемые опросы общественного мнения, обследования фокус-групп и углубленные интервью. Появление социологических обследований, в принципе, открыло широкие возможности для изучения социальных (массовых, групповых) представлений о прошлом, однако эти возможности пока реализованы, мягко говоря, далеко не в полной мере. В подавляющем большинстве случаев в опросах общественного мнения вопросы, позволяющие выявить содержание представлений о прошлом, являются второстепенными, побочными, несистематическими, и их включение в опросные листы обычно диктуется иными целями – прежде всего, стремлением дополнить «историческим фоном» картину политических пристрастий населения, выявить, как оценивается текущая си-

---

¹² Томпсон. 2003 [1978/2000].

туация (политическая, социальная, экономическая, культурная) в данной стране по сравнению с предыдущими периодами.

Опросы, специально ориентированные на выявление социальных представлений о прошлом, крайне немногочисленны¹³. Столь же редки в этой области и другие виды социологических обследований – обследования в фокус-группах и углубленные интервью.

Для полноты картины упомянем еще об одном виде массовых обследований – проверке знаний школьников и студентов. Такие массовые тесты и опросы проводятся в США с 1915 г., с 1987 г. они включены в общую тестовую программу проверки знаний школьников (NAEP – National Assessment of Education Progress – Национальная оценка прогресса в образовании). В Западной Европе такого рода массовые тесты проводятся со второй половины 1990-х гг., наконец, в России к этой же группе можно отнести результаты Единого государственного экзамена (ЕГЭ) по истории, введенного в 2000-е гг. Кроме того, часто обследуются знания по истории студентов средних и высших учебных заведений (колледжей и университетов). Эти обследования представляют несомненный интерес, однако они ориентированы на проверку знаний, усвоенных при изучении школьного курса истории (прежде всего национальной), а не на выявление общих представлений о прошлом. Кроме того, как показано в работе С. Уайнбёрга, целью тестов является не столько выявление общего уровня знаний, сколько ранжирование учащихся¹⁴. В результате в тесты включаются только те вопросы, которые обеспечивают нормальное распределение общих результатов, то есть позволяют разделить студентов по уровню знаний (характерный пример – тесты ЕГЭ, где одной из целей составителей тестов является обеспечение среднего результата на уровне 50% от возможного).

В заключение остановимся еще на одном аспекте проблемы – историческом. Понятно, что представления о прошлом, как и любые социальные представления, сильно меняются во времени. К сожалению, *история* представлений о прошлом изучена в гораздо меньшей степени, чем их нынешнее состояние. С точки зрения исторической репрезентативности мы имеем следующую ситуацию: с некоторой долей условности наличный материал позволяет анализировать прошлые представления членов экспертных групп (эти источники сохраняются в наиболь-

---

¹³ Например, в США – обследование *Rozenzweig, Thelen*. 1998; и опросы Pew Research Center и ABC News в 1999 г., в России – опросы Социологического центра Российской академии государственной службы (РАГС) в 1990, 2001 и 2003 гг.

¹⁴ *Weineburg*. 2004.

шей степени). Гораздо менее обширным (не говоря уже о степени надежности) источником являются различного рода персональные мемуары. Что же касается действительно массовых (групповых) представлений, то этот источник практически полностью отсутствует до XX в.¹⁵

Отметим, что здесь часто происходит подмена объекта исследования – во множестве работ исследуются различные источники формирования представлений о прошлом (ритуалы, устный эпос и т.д.), которые выдаются за источники сведений о самих представлениях. Однако, как показывает современная практика, позволяющая прямо сопоставить содержание источников формирования массовых представлений (медиа-источников) с содержанием самих представлений (результаты социологических обследований), такая подмена абсолютно неправомерна.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев М. Л.* Поэтика прошлого // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
- Гринцер П. А.* Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира / Ред. П. А. Гринцер. М.: Наука, 1971. С. 7–67.
- Гуревич А. Я.* История и сага. М.: Наука, 1972.
- Дубин Б. В.* Советский и постсоветский исторический роман: герои, поэтика, социальные функции // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 252–291.
- Дэвис Н. З.* Духи предков, родственники и потомки: некоторые черты семейной жизни во Франции начала нового времени [1977] // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 201–241.
- Колязин В. Ф.* От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего Средневековья. М.: Наука, 2002.
- Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001 [1975].
- Малкей М.* Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983 [1980].
- Нора П.* Эра коммемораций [1993] // П. Нора и др. Франция–память. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999 [1984–1993]. С. 95–148.
- Нуркова В. В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000.
- Озуф М.* Революционный праздник: 1789–1799. М.: Языки славянской культуры, 2003 [1976].
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2-х тт. Том 1: Конструирование прошлого; том 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003–2006.
- Самутина Н. В.* Современное европейское кино и идея культуры («прошлого») // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.

---

¹⁵ Чуть ли не единственное исключение – работа Э. Ле Руа Ладюри, в которой анализируются представления о прошлом жителей деревни Монтайю в начале XIV в. (*Ле Руа Ладюри* 2001 [1975]. С. 342–345).

- Томпсон П. Голос прошлого: Устная история. М.: Весь мир, 2003 [1978/2000].
- Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Т. 6. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1973. С. 106–150.
- Уорнер У. Л. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000 [1959].
- Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992 [1986].
- Хёйзинга Й. Задачи истории культуры [1929] // Хёйзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс Традиция, 1997. С. 216–272.
- Шюц А. Смысловое строение социального мира [1932] // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 685–1022.
- Шюц А. Хорошо информированный гражданин: Очерк о социальном распределении знания [1946] // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 557–572.
- Шюц А. Размышления о проблеме релевантности [1970 посм.] // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 235–398.
- Autobiographical Memory / Ed. D. Rubin. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1986.
- Gilbert G. N. The Transformation of Research Findings into Scientific Knowledge // Social Studies of Science. 1976. V. 6. No. 3/4. P. 281–306.
- Gilbert G. N., Mulkay M. Opening Pandora's Box: A Sociological Analysis of Scientists' Discourse. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.
- The Historical Film: History and Memory in Media / Ed. M. Landy. New Brunswick (NJ): Rutgers Univ. Press, 2001.
- Knorr-Cetina K. D. The Manufacture of Knowledge. Oxford: Pergamon Press, 1981.
- Knowing, Teaching, and Learning History: National and International Perspective / Eds. P. Stearns, P. Seixas, S. Wineburg. N. Y.: New York Univ. Press, 2000.
- Les lieux de mémoire / Ed. P. Nora. 7 vols. P.: Gallimard, 1984–1993.
- Remembering Our Past: Studies in Autobiographical Memory / Ed. D. Rubin. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
- Robinson J. A. Sampling Autobiographical Memory // Cognitive Psychology. 1976. V. 8. No. 4. P. 578–595.
- Rosenstone R. A. Visions of the Past: The Challenge of Film to Our Idea of History. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1995.
- Rozenzweig R., Thelen D. The Presence of the Past: Popular Uses of History in American Life. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1998.
- Tulving E. Episodic and Semantic Memory // Organization of Memory / Eds. E. Tulving, W. Donaldson. N. Y.: Academic Press, 1972. P. 381–403.
- Tulving E. Elements of Episodic Memory. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1983.
- Weineburg S. Crazy for History // The Journal of American History. March, 2004. V. 90. No. 4. P. 1401–1414.

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, ординарный профессор ГУ – Высшей школы экономики, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ - ВШЭ; isavelieva@hse.ru

ОТ «НЕДОУМЕНИЯ» АРИСТОТЕЛЯ К ДЕКАРТОВСКОМУ «СОМНЕНИЮ»¹

Автор исследует традиции аристотелианской философии Возрождения и раннего Нового времени. В статье показано, как у философов данного периода используется идея методического сомнения, а также ее влияние на формирование одной из основных посылок философии Декарта.

Ключевые слова: история философии, «Метафизика» Аристотеля, аристотелизм XVI–XVII веков, толизм, Декарт.

Ричард Попкин порой бросал исследователям вызов, предлагая обнаружить скептицизм в рамках аристотелевой традиции. Я не стану утверждать, что обнаружила неуловимого Аристотеля-скептика, но покажу, как его важный термин *aporeo* превратился в *dubito*, когда Вильгельм из Мёрбеке² переводил третью главу «Метафизики», а дискуссии вокруг использования терминов *dubito* и *dubitandi* были высмеяны такими философами, как Пьер де ла Раме³, или раскритикованы Педро да Фонсекой⁴ и Франсиско Суаресом⁵. Это создаст контекст для моего вывода о том, что третья книга «Метафизики» была превращена Бенито

---

¹ Мне хотелось бы поблагодарить людей, поддерживавших мое исследование. Жозе Майа Нету побуждал меня представить более подробное объяснение того, как развивалось методологическое сомнение в период между Ла Раме и Декартом. Работы Жозе Майо Нету о Шарроне и Джанни Паганини об определении *aporeo* у древних скептиков помогли связать воедино мои собственные наблюдения относительно изменений смысла термина в латинских переводах Аристотеля. Я также благодарю Роджера Эрюю, чьи знания о Декарте и недавние публикации его текстов сделали мысль Декарта более доступной. Р. Эрюю (*Ariew*.1999) предоставил серьезные доказательства того, что Декарт черпал из Аристотеля и отвечал на его выводы. Клайв Стрикленд читал и обсуждал со мной эту статью несколько раз, а Кристофер Лигота высказал замечания, прояснившие главное направление развития аргументации.

² Вильгельм из Мёрбеке (ок. 1215–1286), фламандский доминиканец, переводчик с греческого на латынь философских трудов Аристотеля и Прокла, а также математических сочинений Герона Александрийского и Архимеда.

³ Пьер де ла Раме [Петр Рамус] (1515–1572) – французский гуманист и философ-логик.

⁴ Педро да Фонсека (1528–1599) – португальский иезуит, богослов и философ, автор сочинений по логике и метафизике. Современники прозвали его португальским Аристотелем.

⁵ Франсиско Суарес (1548–1617) – испанский иезуит, богослов и философ, один из важнейших философов неотолизма, принадлежавший к школе Саламанки.

Перейрой⁶ в программу обоснования методического сомнения, демонстрирующую сходство с учением Декарта.

Существует серьезная причина тому, что влияние, оказанное Аристотелевым термином *aporeo* на ренессансные комментарии к «Метафизике» и последующие труды, вплоть до декартова «сомнения», до сих пор не привлекало внимания. В английском переводе «Метафизики» с греческого нет никаких упоминаний о «сомнении»⁷, поэтому необходимо взглянуть на латинский перевод Аристотеля. Не стоит удивляться тому, что Декарт опирался на тексты Аристотеля. Исследовавшие его труды Э. Жильсон, Р. Эрью, М. Грин, П. Диар⁸ упоминали, что на Декарта оказали большое влияние некоторые доводы и определения, возникшие в аристотелевой традиции. Надеюсь, что мои наблюдения дополнят их выводы и еще раз продемонстрируют, сколь многим обязаны были философы раннего Нового времени философии предшествующих эпох, и, одновременно, какими новаторами они были в своем диалоге с многочисленными традициями, составлявшими аристотелианскую философию раннего Нового времени⁹.

1. Переводы 1-й главы 3-й книги «Метафизики» с греческого на английский язык и проблема перевода понятия арогео

В недавней книге «Метафизика Аристотеля» Василис Политис утверждает, что этот труд Аристотеля до сих пор не привлек того внимания, какого он заслуживает. Политис отмечает важность термина *aporeo* в 1-й главе 3-й книги «Метафизики».

Именно здесь Аристотель говорит, что метафизическое размышление направляется недоумением (*aporeo*) и конкретными недоумениями (*aporeoi*), задающими цель, а именно, постижение природы бытия, рассмотренного в 1-й главе¹⁰.

Политис отмечает, что целью 1-й главы 3-й книги было ориентировать читателя «Метафизики» при помощи *aporeo* на путь личного метафизического открытия¹¹. Я принимаю вывод Политиса о том, что данная книга Аристотеля имеет огромное значение, а значение термина

⁶ Бенито Перейра (1535–1610) – испанский иезуит, богослов и философ.

⁷ В русском переводе этого смыслового оттенка тоже нет. *Арогео* переводится как «затруднения» (прим. пер).

⁸ Роджер Эрью (*Ariew*. P. 207–210) приводит полезный индекс к труду Жильсона (*Gilson*. 1913), в книге Эрью приводится подробная библиография; *Dear*. 1988. Перечень работ М. Грин см. у Р. Эрью.

⁹ См. также: *Schmitt*. 1983; *Blackwell*, *Kusukawa*. 1999; *Stone*. 2006. P. 299–323.

¹⁰ *Politis*. 2004: “Aristotle’s Method in *Metaphysics*, 3, 1” P. 64–89.

¹¹ *Ibid*. P. 71.

aporeo – ключ к пониманию того, как этот текст читался и толковался. С изменением значения *aporeo* меняется и смысл всей книги. Обратимся сначала к английскому переводу У. Росса, который вплоть до недавнего времени пользовался наибольшей популярностью. Росс переводит *aporeo* как затруднение.

Тем, кто желает преодолеть затруднения, полезно хорошо рассмотреть их. Ведь последующая свободная игра мысли подразумевает разрешение предшествовавших затруднений, и невозможно завязать узел, о котором не знаешь. Но затруднение в размышлении указывает на «узел» в объекте; ведь когда наша мысль пребывает в затруднении, она похожа на тех, кто связан, ибо в обоих случаях невозможно двигаться вперед. Поэтому человек должен был рассмотреть все затруднения заранее, как для тех целей, которые мы уже указали, так и потому, что те, кто спрашивает, не обозначив сначала затруднений, подобны тем, кто не знает, куда идти. Кроме того, в противном случае человек не знает даже, нашел ли он в определенное время то, что ищет, или нет. Ведь цель такому человеку не ясна, тогда как тот, кто сначала размыслил о затруднениях, знает ее. Более того, тот, кто выслушал различные доводы, словно бы противимые сторонами в суде, имеет лучшую возможность судить¹².

Другой перевод, выполненный Ричардом Хоупом, предназначался для исследователей Фомы Аквинского. Хоуп учитывает латинский перевод «Метафизики» Вильгельма из Мёрбеке, которым пользовался Аквинат. Мне кажется, что его перевод дает лучшее представление об *aporeo* – недоумении, затруднении.

Затруднение в нашем размышлении обнаруживает спутанный клубок в существующем, поскольку мысль, находящаяся в затруднении, подобна связанному человеку: ни мысль, ни человек не могут двигаться. Поэтому мы сначала должны разрешить наши недоумения, как по указанной причине, так и потому, что тот, кто начинает исследование, не обозначив сначала проблем, подобен тому, кто не знает, куда идет, и не понимает, нашел ли он то, что искал¹³.

Перевод Хоупа имеет четкий замысел и использует оба понятия – затруднение и недоумение – для передачи смысла *aporeo*. Его выражение «спутанный клубок в существующем» весьма удачно, так как оно подразумевает неопределенный, возможно, даже сомнительный мир. В конце издания Хоуп приводит индекс технических терминов. В числе переводов для *aporeia* – *dubitare* указано следующее: «создавать трудности», «объяснения», «идеи», «принципы»¹⁴. Ни одно из этих понятий не подразумевает сомнения.

---

¹² Aristotle. 1928. P. 995.

¹³ Aristotle. 1960. P. 40–41.

¹⁴ Ibid. P. 389.

Ближе всего к тому, что специалист по древнегреческому языку назвал бы хорошим переводом, подошел Артур Мэдиган в 1992 г. Он переводил на английский язык комментарии Александра Афродисийского¹⁵ к 3-й книге «Метафизики»¹⁶. Мэдиган просто отказался от перевода *aporeo* на английский.

Он [Аристотель] говорит, что для развития самой науки и объектов исследования, относящихся к ней, необходимо начать с того, чтобы пронумеровать все те положения, в отношении которых необходимо совершить разбирательство-*aporeo* (*aporein*), а затем произвести *aporeo* в отношении этих положений¹⁷.

Затем Аристотель обозначает положения, в отношении которых исследователь, в любой науке, должен провести *aporeo*: «Это – положения, о которых ряд [мыслителей] имел разные мнения». Это может означать либо, что они придерживались не слишком подходящих, ошибочных мнений, либо что разные мыслители имели разные взгляды на предмет. Сказав, что каждому необходимо произвести *aporeo*, Аристотель приводит и доказывает свой общий вывод о том, что всем, кто собирается заняться каким-либо предметом, полезно для обнаружения объектов рассуждения начинать с преодоления *aporeo* относительно них¹⁸.

Мэдиган отчетливо указывает на то, как трудно переводить *aporeo*, и перечисляет четыре определения термина, использованных Александром Афродисийским. Термин может означать 1) физическое препятствие движению в определенном направлении (изначальный смысл); 2) состояние недоумения (*aporeo* в нас); 3) сложный объект или вопрос, вызывающий недоумение (*aporeo* в вещи); 4) философское рассуждение, стремящееся прояснить сложный вопрос и рассеять недоумение, приводя доводы разных сторон по данной теме.

Другие специалисты по Аристотелю и исследователи скептицизма тоже анализировали этот термин. Библиографический список Роберто Радиче и Ричарда Дэвиса указывает 39 статей, рассматривающих термин *aporeo* в «Метафизике»¹⁹, Джанни Паганини привлек наше внимание к тому, как этот термин исследовался специалистами по философскому скептицизму, в частности Бенсоном Мейтсом. Тот утверждал, что

---

¹⁵ Александр Афродисийский (к. II – н. III вв.) – древнегреческий философ-перипатетик, самый известный античный комментатор трудов Аристотеля.

¹⁶ *Alexander of Aphrodisias*. 1992. Комментарии Александра к «Метафизике» в переводе на английский опубликованы в серии греческих комментаторов Аристотеля, издаваемой Ричардом Сорабджи. С 1987 г. в этой серии вышло 40 томов.

¹⁷ *Aristotle*. 3,1 171.1. Ibid. Book III. P. 87–89.

¹⁸ *Alexander's commentary*, 172.1.

¹⁹ *Radice, Davies*. 1977.

Пирронов скептицизм представлял собой философский подход, основанный не на сомнении, но на *aporeo*. Мейтс переводит этот термин как «находящийся в затруднении», «пребывающий в замешательстве», «недоумевающий», «завязший», тогда как «сомнение», в отличие от *aporeo*, подразумевает понимание. Это важное различие, значение которого прояснится, когда мы рассмотрим значение перевода *aporeo* как *dubito*. Итак, *aporeo*, в отличие от сомнения, касается (бесплодного) рассмотрения противоречивых утверждений²⁰. Сомнение же – то, чем становится *aporeo* для некоторых философов XVI и XVII вв.

2. Превращение *aporeo* в *dubito*

Те, кто переводил с древнегреческого на латынь, не страдали от сомнений и не проявляли столь тонкий подход, как современные переводчики. Вильгельм из Мёрбеке создал первый популярный перевод «Метафизики» в XIII в. По словам Фомы Аквинского²¹, он сам по большей части использовал перевод Мёрбеке при составлении собственного комментария к тексту. Неудивительно, что он переводил *aporeo* как *dubito*. В конце XV в. кардинал Виссарийон²² заново перевел «Метафизику», а латинский перевод комментария Александра Афродисийского был выполнен испанцем Хуаном Хинесом де Сепульведой²³ и опубликован в 1527 г.²⁴ Все эти авторы переводили *aporeo* как *dubito*. Итак, перевод одного слова постепенно изменил понимание смысла 1-й главы 3-й книги «Метафизики» и повлиял на развитие метода сомнения в конце столетия. Как мы увидим, Пьер де ла Раме одним из первых предположил связь между *dubito*, *dubitandi* и сомнением скептиков. Начнем с комментария Фомы Аквинского и посмотрим, как он использует *dubito*.

---

²⁰ Paganini. 2008. Паганини ссылается на Мейтса. См.: *Mates*. 1996. P. 4–5. Мейтс указывает на различие между пирронизмом и скептицизмом Нового времени. Он пишет: «пирронизм не говорит о сомнении (хотя сам термин иногда ошибочно используется в переводе определенной фразы у Секста Эмпирика), однако оно является едва ли не определяющей характеристикой современного скептика. Напротив, типичным подходом пиррониста является *aporeo*, то есть пребывание в недоумении, замешательстве, в тупике». См также статью Мейтса (*Mates B. Doubt in Modern Skepticism and Being at a Loss*), процитированную у Паганини (Paganini. 2008. P. 30–32).

²¹ Aquinas. 1995.

²² Василиос Виссарийон (1403–1472) – греческий ученый, переводчик и философ-неоплатоник, ученик Гемиста Плифона. Жил в эмиграции в Италии. Архиепископ Сипонто, кардинал.

²³ Хуан Хинес де Сепульведа (1494–1573) – испанский гуманист, переводчик с греческого, богослов и философ, оппонент представителей школы Саламанки.

²⁴ Sepulveda. 1561.

Вот практически буквальный перевод параграфа 1 его комментария к 1-й главе 3-й книги «Метафизики».

Во-первых, он говорит, что тем, кто желает познать истину, «полезно», то есть, стоит «хорошо обдумать эти затруднения», то есть, тщательно рассмотреть предметы обсуждения. Хорошо сомневаться значит уделять большое внимание вещам, вызывающим сомнение, вот почему позднейшее обнаружение истины – не что иное, как разрешение прежних сомнений... Он говорит, что это необходимо для той науки, в которой мы ищем первый принцип и истину всех вещей; сначала необходимо сомневаться, прежде чем можно будет установить истину²⁵.

Английский перевод Джона Роуана не передает *dubito* как «сомнение» или нечто, родственное сомнению, поэтому от англоязычного читателя ускользают те коннотации, какие лексика Аквината могла порождать не в его собственное время, но у комментаторов в раннее Нового время.

Как мы увидим, подход Перейры, продемонстрированный в его труде *De communibus omnium rerum naturalium principii et affectionibus*, основывался на замечаниях Аквината из данного раздела его комментария. Конечно, обычно термин *dubito* означал «вопросать», а термином *dubitandi* обозначали вопросы, которые следовало обсудить. Однако я считаю, что здесь был сделан первый шаг в трансформации значения слова *dubito*. В конце концов, оно означало «сомнение» для таких философов, как Пьер де ла Раме, Бенито Перейра и Рене Декарт.

В переводе XV века с древнегреческого на латынь *aporo* тоже передавалось как *dubito*, что ясно из моего перевода текста Виссариона²⁶:

Ибо те, кто вопрошают, все же не могут определить, нашли ли они то, что искали, или же нет, если только они, в отличие от тех, кто не знает, каким путем им следует идти, не усомнились вначале. Нет решения там, где сначала не познан узел. Но сомнение со стороны ума проясняет это, поскольку ум сомневается до тех пор, пока это не уподобляется неким узам²⁷.

²⁵ Цитирую по ренессансному изданию Фомы Аквинского. *Aquinas*. 1588. P. 56–57: ‘Et primo procedit modo disputativo, ostendens ea, quae sunt dubitabilia circa rerum veritatem. Secundo incipit determinare veritatem. & primo docet quod volentibus investigare veritatem contingit, [prae opere] idest ante opus, [bene dubitare] bene attingere ad ea, quae sunt dubitabilia. ...Dicit ergo primo quam ad hanc scientiam quam quaerimus de primis principiis, & universali veritate rerum, necesse est ut primum aggrediamur ea, de quibus oportet dubitare, antequam veritas deteminetur’.

²⁶ О Виссарионе см.: *Labinsky*. 1980; *Concetta*. 1980. В его коллекции было 482 греческих рукописи и 250 рукописей на других языках; кардинал подарил ее Венеции в 1468 г. Большая часть рукописей находятся в Библиотеке Марчиана в Венеции.

²⁷ *Metaphysicorum Aristotelis*. 1516. ‘Tertius Metaphysicorum Aristotelis Interprete Bessarione, 7 verso. Text 1. P. 56–57: ‘Ad illam, quae quaeritur, scientiam necesse est in primis nos recurrere, de quibus primo dubitandum est. Haec autem sunt & quaecunque de

Перевод *aporeo* как *dubito* присутствует и в тексте комментария Александра Афродисийского²⁸, который был переведен на латынь. Обращение к комментарию подтверждает, что *aporeo* передавалось как *dubito*, однако Сепульведа не употреблял термин *dubito* столь же несдержанно, как Виссарион или Вильгельм из Мёрбеке²⁹. Теперь, имея в виду эти переводы, пора обратиться к комментаторам XVI века.

3. 1-я глава 3-й книги «Метафизики» и комментарии к ней
Пьера де Ла Раме, Педро де Фонсека и Франсиско Суареса

Упомянутые тексты иллюстрируют три техники комментирования: 1) суммирование или парафраз, как у Пьера де ла Раме; 2) изложение через комментарии, как у Аверроэса и Аквината; 3) изложение через вопросы, как у Фонсеки и Суареса. Первым и самым ранним из трех комментаторов раннего Нового времени был Пьер де ла Раме, несколько раз занимавший профессорскую кафедру Парижского университета. Его комментарий – *Scholarum metaphysicarum in totidem metaphysicis libros Aristotelis*³⁰ – был известен Перейре, Санчесу, Фонсеке и Декарту. Это пособие для студентов, разделенное на главы, одновременно суммировало и критически анализировало каждую книгу «Метафизики». Ла Раме часто добавлял едкие критические замечания в адрес самого Аристотеля и работ других комментаторов³¹. Его интонации вводят нас в далекий от спокойствия интеллектуальный мир, в котором средневековые споры и традиции комментирования не вызывали большого уважения и должны были испытывать на себе острые уколы риторической сатиры. Ла Раме, очевидно, был не единственным автором, высмеивав-

---

eis aliter quidam existimarunt & siduid ultra haec praetermissum sit. Est autem operae pretium facultatis habere volentibus, bene dubitare, nam posterior facultas, solution eorum est, quae ante dubitata fuerunt²⁸.

²⁸ О комментарии Александра см. статью Доротей Фрид в онлайн-издании Stanford Encyclopedia of Philosophy. См. также: *Alexander of Aphrodisias*. 2004. О влиянии текста в эпоху Ренессанса см.: *Kessler*. 2008. Кесслер рассматривает только одно сочинение Александра – De Anima. О Сепульведе см.: *Coroleu*. 1996. P. 325–332.

²⁹ *Sepúlveda*. 1561. P. 54: ‘Quod si ad omnem scientiam, ad hanc quoque id necessarium fuerit. Quae porro in singulis doctrinis dubitare ac disserere oporteat, docet, cum ait. (Haec autem sunt ea, de quibus aliter quidam existimarunt.) Aliter, idest incommode ac inepte, vel apte quidem, sed perperam, aut significat quae aliter alii senserint. Nam de quibus priores auctores diversas habuere sententias ea maxime dubitantur, aut quae cum essent cognitu necessaria fuerunt tamen a prioribus ignorata’.

³⁰ *de La Ramée*. 1566. Tertium. P. 45–61.

³¹ О «Философии для юношей» Ла Раме см.: *Ong*. 2004. P. 36–148; *Ong*. 1958. P. 355–356. Это сочинение переиздавалось в 1566, 1569, 1575, 1578, 1583 и 1610 гг.

шим то, каким образом понятие *dubito* обсуждалось в Париже. Одновременно задиристый и хорошо знавший свой предмет, Ла Раме с одобрением цитировал комментарий Александра Афродисийского, обливая презрением схоластические дебаты о *dubito* и называя 3-ю книгу «Метафизики» «*Theologia dubitationum*»³². Определяя объект своих нападок, он спрашивает, какого рода теология содержится в этой книге.

Эта теология, скажу я вам, близка к логике, то есть, касается причин. Однако эта теология слишком опрометчивого вида знания, ибо на протяжении всей книги сохраняется сомнение, без попытки разрешить его или объяснить. Очевидно, что здесь Аристотель превратился в академического философа, и приводит доводы обеих сторон по данному вопросу, не приводя собственного суждения. Сириан перечисляет 17 сомнений, тогда как у Александра число их меньше. Однако их восемнадцать, по моему мнению, и толкователи и комментаторы будут описаны в последующих книгах. Так что теология третьей книги «Метафизики» может быть по справедливости названа теологией сомнений, *Theologium dubitationum*³³.

Ла Раме дерзко переиначивает знаменитое высказывание Сократа о том, что мудрость начинается с признания собственного невежества, превращая его в объект для сатиры. Он возражает: «мудрость есть разрешение сомнений». Аристотель не разрешает сомнения; Ла Раме обвиняет его в том, что тот использовал сомнение искусственно (*praetextitur*).

Однако, божественный метафизик, какова же твоя новая академия? Академические философы приводят доводы с обеих сторон обсуждаемого вопроса, но в виде постоянного и непрекращающегося диалога, следующего за различными аргументами. Какие во всей твоей логике существуют законы, касающиеся этого нового способа философствовать? Я, со своей стороны, никогда не читал ничего, грубо говоря, столь глупого и нелепого. Что же, эти схоластики составляют новую академию скептиков?³⁴

Ла Раме низводит Аристотеля, философа *scientia*, на уровень простого скептика, заявляющего о том, что он ничего не знает. Эта искусственно выстроенная связь между термином *dubito*, употреблявшимся

³² *La Ramée*. 1566. P. 47.

³³ *Ibid.*: ‘*Theologia inquam erit etiam logica fere de caussis; sed theologia doctrinae insolentissimae quae toto libro tantum sine solutione vel explicatione ulla dubitatur. Academicus videlicet et hic factus est Aristoteles, disputat in utramque partem iudicium suspendit. Syrianus dubitationes septemdecim numerat: Alexander minus impense numerum habit: sunt autem octodecim; quarum nonnullarum interpretes & explicatores, libri sequentes erunt. Theologia itaque tertii metaphysici merito possit inscribi theologia dubitationum*’.

³⁴ *Ibid.* P. 46: ‘*At, inquam, metaphysice divine, quoniam ista nova academia est: ... Academici quidem in utraque partem disserebant, sed oratione variis argumentis perpetua continuaque. Quoniam vero in tota tua logica leges sunt de hac nova philosophandi via? Equidem, ut verum fatear, nihil unquam stultius atque ineptius legi*’.

аристотелианцами, и сомнением скептиков, сознательно провокационна, однако она предполагает связь между двумя разными традициями. В руках Декарта эти две традиции больше не будут казаться отделенными друг от друга, как это было раньше.

Если у Ла Раме мы находим яркую и зачастую очень остроумную критику схоластической терминологии, в лице Педро да Фонсеки мы обнаруживаем одного из самых значимых интеллектуалов XVI столетия. Он тоже ставит вопрос о полезности использования *dubito* в качестве философской техники. Его массивный двухтомный комментарий к «Метафизике» Аристотеля³⁵ является бесценным источником доводов для дискуссий. Он часто приводит историю различных подходов к определенным учениям прежде, чем формулирует свое мнение. Хотя он и работал в рамках аристотелианской традиции, но не боялся обнаруживать изъяны в Аристотелевом учении или в схоластических методах.

Его *explanationes* представляют собой пространные вдумчивые изложения, касающиеся определений философских терминов или же вопросов, относящихся к философскому учению. Фонсека прекрасно осознавал, каким утомительным может оказаться перечисление доводов всех сторон в споре с целью отразить все возможные варианты контраргументов по данной теме. Он предупреждал читателя о том, что если автор пытается быть точным и дает определение всему, что не было прояснено ранее, читатель вскоре переутомится³⁶. В первых же фразах «Размышлений о первой философии» Декарт отказывается перечислять все возможные доводы³⁷. Мы не утверждаем, что здесь он цитировал Фонсеку, однако стремление отвергнуть многочисленные сомнения для аристотелианцев не было чем-то новым и особенным. Фонсека задается вопросом: почему Аристотель наполнил свою книгу сомнениями?

Но кто-то может здесь спросить, почему Аристотель нагромодил все эти сомнения в своей книге, сомнения, которые возникли в самом предмете этой науки, и почему он не привел каждое из них там, где сомнение должно разрешить, как он поступил в других науках³⁸.

---

³⁵ Фонсека преподавал в университете Коимбры и был одним из составителей большой коимбрской серии комментариев к Аристотелю. *Fonseca*. 1577.

³⁶ *Fonseca*. 1577. P. 435: 'hoc loco traditur, est omnium accuratissimus, ut nihil videlicet definiatur, antequam argumenta pro utraque parte proponantur; non esse tamen eum ubique servandum, partim ne lectores satientur simplicitudinis fastidio, partim quia res proposita, & disputationis occasio, saepe alium postulant'.

³⁷ *Descartes*. 2000. P. 104–105.

³⁸ *Fonseca*. 1577. P. 436: 'Sed quaerat aliquis hoc loco cur Aristoteles congesserit in hunc librum omnes dubitationes, quae in material huius scientiae occurrebant, nec earum

Аверроэс писал о существовании родства между метафизикой и диалектикой; соответственно, в этом месте следовало рассмотреть все вопросы, относившиеся к обеим дисциплинам³⁹. Далее Фонсека отмечает, что Фома Аквинский и его учитель Александр Галльский⁴⁰ обращались к универсальной истине. Поэтому правильно, если философ вначале высказывает все сомнения, с тем, чтобы предмет рассматривался универсальным способом.

Немногим позже Франсиско Суарес, главный испанский философ эпохи, составил свой комментарий к 1-й главе 3-й книги «Метафизики». Ряд приведенных там замечаний относительно эффективности использования сомнения философами-аристотелианцами можно назвать исключительно критическими. Суарес также ставил под вопрос полезность приведения доводов со всех сторон обсуждаемого вопроса.

Комментаторы обычно спрашивают, почему здесь Аристотель отвел целую книгу на то, чтобы предложить вопросы, но не разрешить их. Я думаю, что он поступил так для того, чтобы подчеркнуть трудность данной дисциплины и ее полезность, а также, пожалуй, и для того, чтобы возбудить у читателя желание заняться наукой, в которой есть столько сомнений (которые надлежит разрешить). Итак, Аристотель предлагает различные вопросы в главе 1-й, а в других главах он приводит причины для сомнений со всех сторон, но так ничего и не разрешает. Более того, предлагая эти вопросы, он не придерживается какого-либо метода или определенного порядка. Кажется, что он просто излил их так, как они пришли ему в голову⁴¹.

Замечание Суареса просто убийственно по сравнению со словами Ла Раме. Внезапно оказывается, что Аристотель – великий философ,

quamque distulerit in eum locum, in quo dissolvenda erat, quemadmodum fecit in aliis scientiis³⁹.

³⁹ Ibid.: ‘Respondet Averroes id factum esse propter affinitatem primae Philosophiae cum Dialectica. Nam cum Metaphysica & dialectica facultas circa res easdem versetur, rationi consentaneum erat ut ante metaphysicam determinationem interger aliquis liber poneretur in eisdeum rebus Dialectico more tractandis.. Nam cum Metaphysica & Dialectica facultas circa res easdem versentur, rationi consentaneum erat ut ante metaphysicam determinationem interger aliqui liber ponerent in eisdem rebus Dialectico more tractandi’.

⁴⁰ Александр Галльский (ок. 1183–1245) – английский францисканец, изучавший богословие в Оксфорде и преподававший его в Парижском университете.

⁴¹ Suarez. 2004. P. 268: ‘Solent expositores inquirere cur Aristotele – ... hoc loco in questionibus proponendis absque earum resolutione integrum librum consumpserit. Existimo tamen id fecisse ad exaggerandum huius doctrinae difficultatem et utilitatem et fortasse ad excitandum lectori desiderium inquirendi scientiam in qua tot dubia expendiuntur; ... Proponit ergo Aristoteles in primo capite varias questiones: in caeteris vero rationes dubitandi in utramque partem affert, nihil autem definit. Et in proponendis his questionibus nullam fere methodum vel certum ordinem servat, sed prout in mentem veniebant ita eas effudisse videtur’.

составивший энциклопедию знания – писал без всякого порядка и метода, причем в главе, которая была предназначена для определения метода. Подобно Ла Раме и Фонсеке, Суарес не считал сомнение совершенным методом философского анализа.

Эти три комментатора в очередной раз показывают, какими подвижными были аристотелианские традиции в XVI в. Однако то, что они писали, было комментарием к самому тексту. Перейра и Декарт – философы, которые, несмотря на все различия, использовали Аристотелевы тексты вне их контекста. В случае Перейры 1-я глава 3-й книги «Метафизики» цитируется в качестве методологического заявления о том, как и почему автор собирается как можно детальнее изложить мнение каждого древнего, средневекового и современного философа по вопросам, рассматривавшимся в Аристотелевой физике. Декарт, с другой стороны, через шестьдесят лет после этого опирался на воспоминания о философских темах, рассматривавшихся в рамках аристотелианской традиции, не обозначая отдельные тексты, на которые он опирался.

4. *Dubito et Probabilitas*:

Бенито Перейра, Рене Декарт и рождение методического сомнения

Иезуита Бенито Перейра⁴² (1535–1610) и Рене Декарта (1596–1650) разделяли шестьдесят лет. Обычно их не связывают друг с другом, и небезосновательно. Испанец Перейра учился, а потом преподавал в иезуитском Collegio Romano. В своем учебном пособии *De Communibus omnium rerum naturalium principii et affectionibus*⁴³ он подверг систематическому критическому анализу античный и современный ему неоплатонизм, а также средневековый и современный скотизм. Его учебное пособие по Аристотелевой «Физике» многократно переиздавали между 1576 и 1627 гг. Декарт получил образование в иезуитской коллегии в городе Ла-Флеш, в рамках скотистской традиции⁴⁴. Его отношение к собственным аристотелианским корням сложнее определить. Декарт считается одним из философов, учредивших новый способ философствования, а некоторые полагают, что он был скептиком. Мое утверждение, что широкое применение Декартом сомнения, особенно в «Размышлениях...», было связано с аристотелианской традицией XVI века,

---

⁴² О Перейре и неоплатониках см.: *Blackwell*. (в печати). О Перейре и скотистах см.: *Blackwell*. 2004; *Blackwell*. 2003.

⁴³ *Pereira*. 1585. Перейра был очень популярен в Германии в XVII–XVIII вв.; его высоко ценили протестанты – историк философии Якоб Брукер и историк церкви Лоренц Мосхайм.

⁴⁴ *Ariew*. 1999.

может показаться спорным. Однако я считаю, что Декарт продолжил трансформацию коннотаций термина *dubito*, со временем менявшего свое значение в переводах и комментариях к 1-й главе 3-й книги «Метафизики». Один из способов сопоставить труды Перейры и Декарта состоит в анализе использования ими терминов *dubito* и *probabilitas*. Оба эти термина приведены Перейрой в начале 4-й книги “*De antiquis philosophis*”. Перейра так начинает *De Communibus omnium rerum*:

Прежде всего, Аристотель учил в 1-й книге «Топпики», что различные известные и признанные мнения знаменитых философов добавляют силу и яркость рассуждениям о вероятности каждой предложенной темы. Вероятностью следует считать то, что было принято всеми этими мудрыми людьми, или, по крайней мере, одним. Если только один выделяется, тогда множественность и разнообразие мнений по данному предмету заставляет нас сомневаться и отмечать затруднения, связанные с этой темой⁴⁵.

Он продолжает, цитируя 1-ю главу 3-й книги «Метафизики» по переводу Виссариона:

Тем, кто хочет иметь способность, полезно сильно сомневаться, ибо это умение есть решение тех вещей, в отношении которых ранее сомневались. Ибо те, кто задают вопросы, подобно тем, кто не ведают, каким путем им следует идти, не могут понять, нашли ли они то, что искали, или нет, если только они сначала не сомневались. Для первой группы ответ в конце неочевиден, однако для тех, кто сомневался сначала, он ясен, не говоря уже о фразе, в которой Аристотель говорит: человек нашел мыслительный узел, а затем освободился от него⁴⁶.

Перейра больше интересуется установлением различий между учениями философов, нежели указанием на сходства. Он настаивает, например, на том, что евреи не оказывали воздействия на греков, и тратит много усилий на определение правильной хронологии в обоих случаях. В разделе 6 комментария к «Физике» он критикует также утверждение Симпликия⁴⁷, что все античные философы были согласны между собой относительно творения и происхождения мира. Он настаивал на том, что каждый философ имел собственное мнение; а в последующих книгах изложены также и мнения об этих мнениях, принадлежавшие комментаторам-схоластам, недавно переведенным греческим комментаторам, и современным философам. Перейра анализировал эти разнообразные учения в поисках тех, что совпадали бы с его представлением о подобающем современном аристотелианском подходе к естествен-

---

⁴⁵ *Pereira*. 1585. P. 386–387.

⁴⁶ Латинский текст Виссариона см. в примеч. 27.

⁴⁷ Симпликий (ок. 490 – ок. 560) – один из последних античных неоплатоников, автор комментариев к трудам Аристотеля.

ной философии. Он был анти-скотистом и анти-платоником, как гласит книга 3, “De via et ordine doctrinae physicae”⁴⁸.

Текст *De communibus omnium rerum naturalium* сообщал читателям – студентам университетов и прочим – как много разных суждений высказывали древние греки, схоласты, а также философы Нового времени по таким темам, как материя, форма, природа, причина, рок, качество, место, время и движение. В 8-й книге, *De Causis*, можно увидеть, как Перейра использует термины *dubito*, *dubitiones* при перечислении вопросов, возникающих в связи с мнениями разных философов⁴⁹. Хотя существовало множество сомнений, некоторые вещи оставались несомненными – одной из них была действенная причина⁵⁰. Существовали, однако, и «вероятности», подлежащие обсуждению, – например, различные способы добывания огня. Перейра считал вероятности не угрожающими, но столь же интересными, сколь и рассуждения, а также бесконечными и, возможно, необходимыми лишь в том случае, если текст являлся основным пособием, перечислявшим мнения философов.

Невозможно рассматривать использование Декартом сомнения без упоминания о Пьере Шарроне⁵¹, как указывает Жозе Майа Нету в своем исследовании декартова восприятия трактата Шаррона *De La Sagesse*⁵². Примечательно, что обоим причиняло не только интеллектуальное, но и эмоциональное беспокойство многообразие мнений: они самой своей множественностью вызывали сомнения в том, что возможно что-то достоверное. Оба также отвергали перенасыщенную ученостью схоластическую традицию и разделяемое одним из течений аристотелианцев (к нему принадлежал Перейра) представление о том, что в уме не существует ничего такого, чего не было бы в чувствах. Для Шаррона и Декарта чувства были источником недостоверного знания. И Шаррон в *De La Sagesse*, и Декарт, прежде всего, в «Размышлениях...», поощряли ищущего формировать собственные суждения и создавать для себя умонастроение, в котором оказывалось возможным достичь либо невозмутимости, по Шаррону, либо истины *cogito*, по Декарту. Совершенно другой взгляд на множественность суждений представлен у аристотелианца Перейры и у более поздних философов-эклектиков, таких как Даниэль

---

⁴⁸ *Pereira*. 1585. P. 108–185.

⁴⁹ ‘explicantur tres dubitiones’ (P. 452); ‘explicantur duae dubitiones’ (P. 467).

⁵⁰ *Ibid.* P. 457: ‘Certum & indubitatum est, quid quid habet causam efficientem, etiam habere finem propter quem sit’.

⁵¹ Пьер Шаррон (1541–1603) – богослов и философ, друг Монтеня.

⁵² *Maia Neto*. 2003. P. 81–113.

Георг Морхоф с его трудом *Polyhistor literarius et philosophicus*⁵³. Последних завораживали новые и разнообразные мнения.

В главе 61 книги 1-й трактата «О мудрости» Шаррон, допуская, что знание – в целом хорошая вещь, немедленно добавлял, что оно претендует либо на слишком многое, либо на слишком малое⁵⁴. Он критиковал тех, кто интересовался познанием вещей, «находящихся вне нашего понимания, будь то вещи естественные или сверхъестественные». *Scientia* одновременно полезна и является средством достижения материальной выгоды и славы. Шаррон отвергал схоластическое познание, поскольку оно наполнено бессмысленным учением, тогда как чувства слабы и не являются источником знания⁵⁵. Цель мудрости заключается в нейтрализации всякого внешнего и внутреннего замешательства. Суждение используется для анализа всех вещей, однако мудрец не должен привязываться ни к одному из них: «не найти истину не значит судить плохо; судить плохо значит плохо думать, уравновесить... противоположности»⁵⁶. Он достигает скептической *epoché*⁵⁷ во имя спасения.

Подход Декарта к знанию, *scientia*, несколько более динамичен. *Cogito*, с одной стороны, заменяет *epoché*, а с другой, подчиняет ее. Декартова точность сочетается с реакцией на представления о том, что вероятность является достаточным ответом. В 1628 г. Декарт оспорил утверждение Шанду⁵⁸ о том, что всякая наука основывается на вероятности. Шанду, скорее всего, считал, что вероятность – лучшее, на что можно рассчитывать в естественной философии, учитывая случайность мира. Декарт возразил, что располагает методом достижения достоверного знания, и его призвали доказать это⁵⁹. Прошло немало времени, прежде чем он признал свой ответ удовлетворительным. Еще в 1637 г. он признавался Сильону⁶⁰ в том, что недоволен своими доводами относительно доказательства бытия Бога⁶¹ в «Рассуждении о методе», кото-

⁵³ Blackwell. 2000. Даниэль Георг Морхоф (1639–1691) – немецкий ученый, философ и историк философии.

⁵⁴ Charron. 1642. P. 303–304.

⁵⁵ Maia Neto. 2003. P. 105.

⁵⁶ Charron. 1642. P. 331–332: ‘ne trouver pas le vray ce n’est pas mal juger; mal juger c’est mal penser, balancer ... les oppositions’. Цит. по: Maia Neto J. Op. cit. P. 107.

⁵⁷ Epoché (греч.) – воздержание от суждения у философов-скептиков.

⁵⁸ Шанду – химик/алхимик, преподавал в Париже, придерживался принципов скептицизма.

⁵⁹ Baillet. 1691. T. 1. P. 160–166.

⁶⁰ Жан де Сильон (1596–1667) – философ, член Французской Академии.

⁶¹ Descartes. 2000. Декарт и Жан де Сильон разделяли программу, нацеленную против скептицизма. См. de Silhon. 1626, а также Gilson. 1930. P. 36–40.

рое он только что закончил. Декарт использовал понятие вероятности, начиная с «Правил для руководства ума» 1618–1628 гг.:

Каждый раз, когда суждения двух людей расходятся в чем-то одном, очевидно, что по крайней мере, один из них неправ. ... Поэтому мы видим, что во всех этих вероятных мнениях мы не найдем совершенной науки⁶².

В «Рассуждении» Декарт сумел, наконец, упорядочить свои мысли по данному вопросу. Следует ли ему принять их? По умолчанию, следует ли ему принять мнение Шаррона о том, что ответ получить невозможно, и скрыться в *epoché*, или же упорно искать решения? Он выбирает второе. Рассуждение Декарта можно разложить на 5 положений.

1. В третьей части «Рассуждения» Декарт принимает тот факт, что ему придется жить в мире внешних вероятностей, а во второй максиме он дает обет: «быть твердым и решительным в своих действиях, насколько смогу, и таким образом следовать самым сомнительным положениям после того, как я принял решение относительно них».

2. Затем, в той же третьей части он признает, что после многолетних странствий неудовлетворен этим взглядом, и решает искоренить все заблуждения «из своего ума, который ранее смог соскользнуть в них»⁶³.

3. Затем Декарт недвусмысленно отвергает скептическое сомнение ради, и постоянно притворяется колеблющимся. Напротив, весь мой план стремился к тому, чтобы дать мне уверенность отвести подвижную почву и песок, чтобы найти камень и глину⁶⁴.

4. Потом он отвергает как абсолютно ложное все, в отношении чего он хотя бы немного сомневается. Этот подход полностью противоречит взгляду, представленному Аристотелем в 1-й книге «Топики», где Аристотель наставляет философа анализировать каждое мнение, даже если его придерживался только один философ⁶⁵.

5. Первое достоверное знание, полученное Декартом – его знаменитое *cogito ergo sum*. Истина «столь твердая и достоверная, что самые экстравагантные предположения скептиков не смогли низвергнуть ее».

Отвергнув неопределенность вероятности⁶⁶, Декарт стремится к тому, чтобы обойтись без сомнения. Современные историки философии

---

⁶² *Descartes*. 2000. P. 3.

⁶³ *Ibid*. P. 59.

⁶⁴ *Ibid*.

⁶⁵ *Ibid*. P. 60–61.

⁶⁶ Термины *probabilitas*, *probabilité* и *probability* рассматриваются в многочисленных философских произведениях. В задачи данной статьи не входит обращение к этой большой и захватывающей теме.

часто именуют сомнение Декарта скептическим, признавая в то же время, что скептиком он не был. Я считаю, что Декарт использовал свою версию Аристотелева «сомнения»⁶⁷, чтобы развязать узлы в собственной личной и духовной жизни. Нынешние историки философии немедленно вспоминают о скептицизме, увидев термин «сомнение», хотя им следовало бы заглянуть в *Lexicon Philosophicus* Рудольфа Гоклениуса⁶⁸, изданный несколько раньше, чем появились труды Декарта, но во времена Шаррона⁶⁹. Словарь перечисляет 10 вариантов значения термина *dubitatio*, в том числе тот, что употреблялся в 1-й главе 3-й книги «Метафизики», но ни один из них не относился к традиции скептицизма. Как мы знаем, Декартово сомнение стремится устранить сомнение.

Методическое сомнение Декарта сильно отличается от смысла термина, обнаруживаемого у Аристотеля, Перейры или Шаррона. Аристотель ввел понятие *aporio* в метафизику, чтобы помочь философу сориентироваться в самой метафизике. Перейра использовал методическое сомнение, чтобы анализировать теории в физике, отбрасывая те, что он считал недостаточными, и отбирая правильные. Шаррон ввел сомнение как эмоцию и как интеллектуальную категорию, но его целью был уход, *epoché*; его доводы не имели четко очерченной цели.

Декарт, возможно не осознавая этого, вернулся к изначальному намерению Аристотеля, но несколько иначе. Как отметил Василис Политис, целью Аристотеля было сориентировать философа в его собственном философском поиске⁷⁰. Декарт систематически использовал термин *dubito* в латинской версии «Размышлений» – 9 раз в 1-й книге, 11 во 2-й, 11 в 3-й, 14 в 4-й, 3 в 5-й и 10 в последней, 6-й книге. В первой книге «Размышлений» Декарт признает то, что ранее, в «Рассуждении», считал для себя невозможным. Там он отверг порыв разрушить дом для того, чтобы построить новый, а здесь он бесстрашно утверждает, что «сравнивает с землей изначальные основания своего знания»⁷¹. Затем он приводит негативную версию 1-й книги «Топики» Аристотеля, как он это сделал в «Рассуждении». Он говорит, что отвергнет «все эти мнения», если найдет «в каждом из них причину для сомнения. И для этого мне не нужно рассматривать каждое мнение отдельно, ведь это дело стало бы бесконечным». Во второй книге «Размышлений», охва-

---

⁶⁷ О сомнении у Сократа и Декарта см. *Lojaco*. 2004. P. 103–146.

⁶⁸ Рудольф Гоклениус [Гёккель] (1546–1628) – немецкий философ-схоласт.

⁶⁹ *Goclenius*. 1613. P. 560–561.

⁷⁰ *Politis*. 2004. P. 71.

⁷¹ *Descartes*. 2000. P. 104–105.

ченый сомнениями и неспособный ни игнорировать их, ни разрешить, Декарт решает излечиться от сомнений, отбросив все, что допускает хоть малейшее сомнение. Снова и снова он ищет достоверного знания, отчаянно пытаясь найти способы устранить свои сомнения:

По этой причине я отброшу все, что может быть хоть немного ослаблено приведенными доводами, так что в итоге не останется ничего, кроме того, что является бесспорным и определенным⁷².

Лейтмотив здесь такой: сомнение сомневается в сомнении для того, чтобы достичь достоверности. Мы уже видели, что многим комментаторам, не только Ла Раме, но и Фонсеке, надоела тема *dubito*. Фонсека писал: если вы имеете дело со сложными предметами, например, как Декарт, то «не только не нужно, но зачастую и менее удобно» рассматривать каждую тему⁷³. Декарт заимствует это как побудительную причину сделать свои доводы возможно более сжатыми и убедительными.

Ученые любят указывать на казусы, обозначающие начало Нового времени, и Декарт тут считается лучшим образцом. Я бы хотела добавить: сравнивая Перейру и Декарта, нам удалось увидеть, как Перейра цитировал и комментировал аристотелианские источники, и как у Декарта они зачастую превращались в воспоминание или тень самих себя. Декарт, получивший образование в традиции Аристотелевой энциклопедии знания, хоть и не той же, что у Перейры, свободно создавал свою собственную форму аргументации и выхватывал практически из воздуха одну линию аристотелианских размышлений, чтобы использовать ее в своих доказательствах. Это дало ему возможность говорить о поставленных Шарроном проблемах, не цитируя его, написать собственный вариант 1-й книги «Топики» и использовать сомнение из 1-й главы 3-й книги «Метафизики», не спотыкаясь о прошлое. И самое главное, он был одним из тех, кто переформулировал предмет метафизики. Приняв вывод о том, что использование Декартом методического сомнения отчасти возникло на основе одной из аристотелианских традиций, и признав, что существовала богатая традиция использования методического сомнения, мы должны будем переосмыслить саму эту традицию.

Перевод с английского А. Ю. Серegiной

---

⁷² Ibid. P. 108.

⁷³ *Fonseca*. 1577. P. 435: *Accedit, quod aliud est agere de rebus difficilibus, antequam plenam earum cognitionem consequutus sis; aliud postquam habes rem perspectam, eiusque cognitionem aliis tradere institutus. Nam etsi priori modo necesse omnino est, ut ante determinationem argumenta omnia quae quidem momentum aliquod habeant, pro utraque parte proponantur; posteriori tamen non solum id non est necesse, sed saepe etiam minus convenit.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Alexander of Aphrodisias* on Aristotle's *Metaphysics* 2 & 3. Translation & Notes by W. E. Dooley, A. Madigan. Ithaca, NY, 1992.
- Alexander of Aphrodisias*: Supplement to "On the Soul" / Sharples R. W., transl. Ithaca NY, 2004.
- Aquinas Thomas*. Commentary on Aristotle's "Metaphysics". Transl. John P. Rowan. South Bend, IN, 1995.
- Aquinas Thomas*. In duodecim libros Aristotelis commentaria celeberrima, cum duplici textus translatione antiquae & nova Bessarionis Cardinalis, disetissimae defensiones locorum. Venice, 1588.
- Ariew R.* Descartes and the Last Scholastics. Ithaca NY, 1999.
- Aristotle*. The Works. Vol. VIII. *Metaphysics*. Translated by W. D. Ross. Oxford, 1928.
- Aristotle*. *Metaphysics*. Translated by Richard Hope. Ann Arbor, MI, 1960.
- Baillet Adrien*. La Vie de Descartes. Paris, 1691.
- Blackwell C., Kusakawa S.*, eds., *Philosophy in the sixteenth and seventeenth centuries: conversations with Aristotle*. Aldershot, 1999.
- Blackwell C.* New-Platonic Modes of Concordism versus Definitions of Difference: Simplicius, Augustinus Steuco and Ralph Cudworth versus Marco Antonio Zimara and Benedictus Pererius // *Clucas S.*, ed. / *Laus Platonici Philosophi: Marsilio Ficino and His Influence* (in print).
- Blackwell C.* Thomas Aquinas against the Scotists and Platonists. The definition of *Ens*: Cajetano, Zimara, Pererio, 1495–1576 // *Akadémiai Kladó*. Vol. 6. 2004.
- Blackwell C.* The Vocabulary for Natural Philosophy. The *De Primo Cognito* Question – a Preliminary Exploration: Zimara, Toledo, Pereira and Zabarella // *Fattori M., Hamesse J.*, eds. / *Lexiques et Glossaires Philosophiques de la Renaissance*. Louvain, 2003.
- Blackwell C.* The Logic of the History of the Philosophy: Morhof's 'De Variis Methodis' and the 'Polyhistor philosophicus' // *Waquet F.*, ed. *Mapping the World of learning: the Polyhistor of Daniel Georg Morhof*. Wiesbaden, 2000.
- Charron Pierre*. De La sagesse. Paris, 1642.
- Concetta B.* La formazione della biblioteca Latina del Bessarione. Scrittura, biblioteche y stampa a roman el '400. 1980.
- Coroleu A.* The Fortune of Juan Ginés de Sepúlveda's Translations of Aristotle and of Alexander of Aphrodisias // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 59. 1996.
- Dear P.* Mersenne and the Learning of the Schools. Ithaca NY, 1988.
- Descartes René. *Philosophical Essays and Correspondence*, edited and translated by R. Ariew. Indianapolis Ind., 2000.
- Fonseca Pedro*. *Commentaria Petri Fonsecae in libros Metaphysicorum Aristotelis Stagiritae*. Rome, 1577.
- Goclenius Rudolph*. *Lexicon Philosophicum quo tanquam clave philosophia fores aperiuntur*. Frankfurt, 1613; (reprint Hildesheim, 1964).
- Gilson E.* *Index scolastico cartésien*. Paris, 1913.
- Gilson E.* *Études sur Le role de la pensée médiévale dans la formation du système cartésien*. Paris, 1930.

- Kessler E.* Alexander von Aphrodisias Exeget der aristotelischen Psychologie bis zum Ende der 16. Alexander Aphrodisiensis enarratio De anima ex Aristotelis institutionibus, transl. Heronimus Donatus. Stuttgart-Bad Cannstatt, 2008.
- Labinsky L.* Bessarion's Library and the Biblioteca Marciana: Six Early Inventories. Roma, 1980.
- de La Ramée P.* Scolarium metaphysicarum. Paris, 1566.
- Lojacono E.* Socrate y l'honnête homme nella cultura dell'autunno del Rinascimento francese e Rene Descartes // Lojacono E., ed. / Socrate in Occidente. Florence, 2004.
- Maia Neto J.* Charron's epoché and Descartes' cogito: the Skeptical Base of Descartes' Refutation of Scepticism // Paganini G., ed. / The Return of Scepticism from Hobbes and Descartes to Bayle. Dordrecht, 2003.
- Mates B.* The Skeptic Way: Sextus Empiricus's Outline of Pyrrhonism, transl. and commentary. Oxford, 1996.
- Metaphysicorum Aristotelis xiiii librorum translation. Venice, 1516.
- Ong W.* Ramée, Method and the Decay of Dialogue. Chicago, 2004.
- Ong W.* Ramus and Talon Inventory. Cambridge Mass., 1958.
- Paganini G.* Skepsis. Le débat des modernes sur le scepticisme. Paris, 2008.
- Pereira Benito.* De communibus omnium rerum naturalium principiis et affectionibus, libri quindecim qui plurimum conferunt, ad eos octo libros Aristotelis, qui de physici auditu inscribuntur, intelligendo. Paris, 1585.
- Politis V.* Aristotle and the Metaphysics. London, 2004.
- Radice R, Davies R.*, eds. Aristotle's Metaphysics: Annotated Bibliography of the Twentieth-Century Literature. Leiden, 1977.
- Sepúlveda Juan Ginés,* Alexandri Aphrodisii Commentaria in duodecim Aristotelis libros de Prima Philosophia. Venice, 1561.
- de Silhon Jean.* Les deux vérités. Paris, 1626.
- Schmitt C.* Aristotle and the Renaissance. Cambridge, 1983.
- Stone M.* Scholastic Schools and Early Modern Philosophy // Donald Rutherford, ed. / The Cambridge Companion to Early Modern Philosophy. Cambridge, 2006.
- Suarez Francisco.* A Commentary on Aristotle's Metaphysics (Index Iodupletissimus in Metaphysicam Aristotelis) / translation & notes by John P. Doyle. Milwaukee, 2004.

Констанс Блэквелл, Президент Фонда интеллектуальной истории; *cblackwell@binthist.demon.co.uk*

ИЗ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ

Д. В. ТИМОФЕЕВ

ПОНЯТИЯ «ПРОСВЕЩЕНИЕ» И «РЕВОЛЮЦИЯ» В ЛЕКСИКОНЕ ОБРАЗОВАННОГО РОССИЙСКОГО ПОДДАННОГО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

В статье анализируется система значений и взаимосвязь понятий «просвещение» и «революция» в социально-политическом лексиконе российского подданного первой четверти XIX в. На основе анализа различных проектов, записок, научно-популярных работ и материалов периодической печати, определены позитивные и негативные ожидания образованной части российского общества в отношении возможных последствий «просвещения» и «революции» для модернизации российской экономики, решения крепостной проблемы, повышения эффективности системы государственного управления.

Ключевые слова: *история понятий, просвещение, революция, европейские идеи и общественно-политическая мысль России первой четверти XIX в.*

В современной историографии внимание исследователей привлекают субъективные и коллективные представления, стереотипы и мифологемы, формировавшие мировосприятие человека в прошлом, его отношение к различным процессам и явлениям окружающего мира. Интерес к данной проблематике актуализировал необходимость выработки методов работы с текстом источника, которые позволили бы корректно, не разрушая авторской логики, выявить систему представлений, ассоциативных связей, надежд или опасений, имевшихся в сознании людей изучаемого времени. Основой для поиска новых методов может стать признание тесной взаимосвязи общественного сознания с языковой практикой как в устной, так и в письменной форме. Ориентиром для подобного рода исследований служит немецкая школа «истории понятий» (Begriffsgeschichte), одним из основоположников которой был Р. Козеллек¹ и его коллеги по написанию многотомного труда «Основные исторические понятия. Исторический лексикон социально-политического языка в Германии», а также несколько иной, но методо-

---

¹ См.: Козеллек. 2004. С. 97–130; Козеллек. 2006. С. 33–53; Козеллек. 2010. С. 21–33; и др.

логически близкий немецкому, англосаксонский вариант “History of Concepts”, сформулированный в работах К. Скиннера и Дж. Покока².

Данный подход, на мой взгляд, позволит более адекватно исследовать процессы освоения различных политических идеологий без механического причисления одних авторов к «либералам», «консерваторам», «реакционерам» и т.п. Изучение истории общественно-политической мысли в тесной взаимосвязи с историей понятий поможет определить различные течения и полутона во всегда подвижной системе социально-политических представлений как отдельной личности, так и определенной социальной группы в целом.

В первой четверти XIX в. важнейшими элементами социально-политического лексикона образованного российского подданного, наряду с понятиями «государство», «закон», «гражданин», «гражданские права», «конституция», «собственность», «свобода» и «рабство», были концепты «просвещение» и «революция».

К началу XIX в. понятие «просвещение» было хорошо известно российской читающей публике и достаточно широко употреблялось не только в официальных документах или научно-популярных трактатах, но и на страницах периодической печати, в учебных пособиях и мемуарах. Одна из устойчивых коннотаций понятия «просвещение» была связана с христианским толкованием близкого по звучанию слова «свет», которое понималось как обладание истинной христианской верой, «очищающей» и «побеждающей» все человеческие пороки. Желание познать Бога, в данном контексте, отождествлялось со стремлением к «просвещению», которое не могло считаться «истинным» и полезным человеку без «христианской любви» к ближнему. Отсутствие морально-нравственной, духовной составляющей в процессе воспитания личности делало «просвещение» бессмысленным или даже вредным³. С этого времени «просвещение», как процесс распространения христианской веры и «деятельного христианства», было объявлено достойной целью учебных заведений.

Устойчивое употребление понятия «просвещение» для обозначения процесса обучения и конечной цели функционирования системы образования сосуществовало с более широкой по смыслу трактовкой⁴.

---

² См. подробнее о сходстве и отличии этих двух направлений: *Дмитриев*. 2004. С. 6–16; *Копосов*. 2006. С. 9–32; *Роцин*. 2009. С. 43–58; *Живов*. 2009. С. 5–26; *История понятий, история дискурса, история менталитета*. 2010.

³ См.: Речь о просвещении, говоренная покойным генерал-суперинтендантом Рейнботом... С. 126, 137.

⁴ См. об этом подробнее: *Тимофеев*. 2009. С. 12–20; *Тимофеев*. 2010. С. 21–48.

Содержательно «просвещение» было близко по значению словам «добродетель», «мораль», «благонравие», «человеколюбие» и т.п. Предполагалось, что человек, который способствует «просвещению», обязательно должен быть глубоко нравственным. В таком контексте «истинное просвещение» противопоставлялось поверхностному знанию, увлечению модными теориями и учениями. Негативные оценки полученного таким образом «просвещения» можно найти в записке «О союзе благоденствия и других тайных обществах», составленной в 1821 г. Неизвестный автор, критикуя позиции членов общества, писал: «Для прикрытия сколько-нибудь своего невежества бросились они к изучению политических наук и стали посещать часто преподаваемые курсы, где поверхностно ослепляли их блеском выражений и глушили громкими, но пустыми словами... от чего и все их просвещение было мишурное»⁵. Существование такого рода оценок позволяет предположить, что в некоторых случаях «просвещение» отождествлялось с умением реалистично анализировать любые процессы и явления, не поддаваясь искушению простого объяснения сложных общественных процессов. В данном контексте «просвещение» было синонимом достоверного, истинного знания, которое есть результат синтеза веры и разума.

Еще одна грань системы значений понятия «просвещение» открывается при анализе представлений российских подданных конца XVIII – начала XIX в. о качествах «просвещенного» и «непросвещенного человека». Ярче всего такого рода представления проявлялись в конкретных житейских ситуациях и могли быть отражены, например, в материалах следствия по различным гражданским и уголовным делам, где прилагательное «просвещенный» употреблялось для характеристики участников судебного процесса. В данном контексте достаточно информативным может быть комплекс документов «по делу коллежской ассессорши Розлачевой, продавшей свою родную дочь вместо крепостной девки». Объясняя свой поступок, Розлачева обвинила дочь в «распутном поведении». Однако проведенный в ходе следствия опрос родственников и соседей, позволил сделать вывод о том, «...что дочь Розлачеву никто по городу... не винит в распутстве, а считают более несчастною и гонимую от матери; впрочем хотя она в разсудке проста и похожа на самую невоспитанную поселянку, однакож не есть полоумная, каковою ее мать назвала, да и непросвещение ея причиною более полагают худое воспитание, данное ей от родителей»⁶. В приведенной

---

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1 с/а. Ед. хр. 2. Л. 1 об.

⁶ Полное собрание законов Российской Империи... С. 874.

выше цитате отражены те признаки, которые были для современников свидетельством отсутствия у человека качеств «просвещенной» личности: непросвещенный человек обладает «простотой рассудка», похож на «невоспитанного поселянина», т.е. он не умеет преподнести себя в обществе и красиво излагать свои мысли. Все эти умения и навыки «просвещенного» человека должны были «даваться родителями» и, по всей видимости, составить основу для повышения уровня «просвещения» в процессе обучения в различных учебных заведениях.

Таким образом, в отношении отдельного индивида понятие «просвещение» отождествлялось с верой в Бога, христианской любовью к ближнему, высокой нравственностью, образованием и начитанностью, умением выражать свои мысли и вести себя в обществе, быть полезным Отечеству и оказывать посильную помощь нуждающимся согражданам.

Смысловое значение понятия «просвещение», используемое для характеристики общества в целом также включало в себя комплекс признаков. Словосочетания «просвещенное общество» и «просвещенный человек» предполагали развитость системы образования и науки, распространение нравственности и религии, высокий уровень промышленного и сельскохозяйственного производства. Определение «просвещения» как комплекса признаков, характеризующих развитие общества в различных сферах, можно найти в работе К. Германа «Всеобщая теория статистики»: «...каждый народ имеет... образованность и просвещение, под коим разумеем мы не только те, кои приобретаются ученым или школьным воспитанием, но вообще всякого рода образованность, относящуюся к промышленности, ко нравам, к религии и к учености»⁷.

Указанная взаимосвязь с нравами, обычаями, религиозными верованиями и другими проявлениями своеобразия «народного духа», способствовала пониманию того, что «просвещение» – явление историческое. «Степень просвещения» общества рассматривалась как величина непостоянная, изменяющаяся в зависимости от целого ряда внешнеполитических факторов (войны, революции и т.п.), а также уровня материального благосостояния граждан и «нравственного состояния народа»⁸. Нередко все указанные выше факторы сводились к взаимозависимости «просвещения» и «нравов» в широком смысле этого слова.

Бесспорным считалось утверждение о влиянии «просвещения» на формирование «нравов». Так, И. Д. Ертов, аргументируя высказывание

⁷ Герман. 1809. С. 59.

⁸ См.: Каразин. С. 277; Система твердой земли или континентальная... С. 221; Об Англии и англичанах. С. 238–243.

о способности «просвещения» исчезать и возрождаться, усиливаться и ослабевать, писал: «Кто не восхищался блеском Просвещения, который озарял ныне едва ли не померкающую Европу? <...> Франция и теперь довольно склонилась к падению; и почему знать, долго ли просвещеннейшая из всех наций, Великобритания будет возбуждать собою удивление народов?»⁹. Актуальные политические события оценивались автором как свидетельство «падения нравов» в Европе и проявление нестабильности процесса «просвещения» в целом.

Логическим продолжением тезиса об историчности «просвещения» было признание неравномерности его распространения в разных странах мира, причиной которого объявлялись все та же зависимость от нравов и обычаев. Однако, несмотря на признание «естественных» отличий разных стран, «просвещение» представлялось как некая «общая для всех потребность», отражавшая «дух времени», стремление к совершенствованию и прогрессивному развитию общества¹⁰. В этой связи показательно, на мой взгляд, что даже в сочинениях на исторические темы российский читатель мог найти утверждения о том, что «Просвещение должно когда-нибудь обойти все страны света и возвысить природу человеческую»¹¹. В такой трактовке понятие «просвещение» обозначало уже не просто развитие «нравов», системы образования, науки или искусства, а было многозначным термином, употреблявшимся современниками для описания перспектив социально-политического и экономического развития страны.

В рамках экономического дискурса «просвещение» признавалось, одновременно, причиной и следствием развития промышленного производства, земледелия и торговли. Благотворное действие «просвещения» объяснялось тем, что оно формировало способность человека к предпринимательской деятельности, умение самостоятельно принимать важные решения, а следовательно, повышало бы экономическую активность «граждан» и обеспечило бы быстрый рост российской экономики в целом. М. Балудянский (Балугьянский) в статье «О разделении и обороте богатства» писал об этом так: «Правосудие, покровительство и свобода промышленности, купно с просвещением граждан и распространением торга, суть единственные действительные средства к обогащению нации»¹². Нередко такая трактовка присутствовала на страни-

---

⁹ *Ертов*. 1799. С. 19, 22.

¹⁰ Чего требует дух времени? Чего желают народы? С. 8.

¹¹ Исследование о влиянии монголо-татар на Россию. С. 356.

¹² *Балудянский*. 1808. С. 76.

цах российских журналов в форме утверждения о том, что «предприимчивость возникает через просвещение»¹³.

Все подобные публикации отражали существовавшие в первой четверти XIX в. позитивные экономические ожидания. Однако проведенный сравнительно-контекстуальный анализ источников позволяет утверждать, что в большинстве случаев о позитивном влиянии «просвещения» на российскую экономику современники говорили лишь как о потенциальной возможности, реализуемой только при широком «просвещении народа». О «просвещении народа», как необходимом условии развития сельского хозяйства и промышленности, писал К. Арсеньев: «...успехов по части земледелия можно ожидать в России только тогда, когда... просвещение распространится и в нижних классах народа...»¹⁴. Распространение «просвещения», понимаемого как совокупность знаний о новейших способах ведения хозяйства и умений применять их на практике, рассматривалась в качестве важнейшей задачи правительства, которое, наряду с созданием училищ, гимназий, институтов и университетов, должно было способствовать сближению науки и производства.

Несколько иное соотношение «надежд и тревог» в сознании представителей образованной части российского общества, размышлявших о перспективах и возможных последствиях «просвещения» в России, заметно в текстах на политические темы. Сравнительно-контекстуальный анализ позволил выявить в них целый ряд позитивных ожиданий. Прежде всего, «просвещение» рассматривалось в качестве действенного инструмента снижения числа и тяжести совершаемых в стране преступлений. Следуя этой логике, Н. М. Карамзин на страницах «Вестника Европы» выражал уверенность в том, что «успехи просвещения должны более и более удалять государство от кровопролития, а людей от раздоров и преступлений»¹⁵. Нередко подобного рода утверждения звучали в публичных собраниях и сопровождались обращением к тексту «Наказа Екатерины II уложенной комиссии», в котором императрица прямо указывала: «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми»¹⁶.

В более широком социально-политическом контексте «просвещение» называлось главным условием достижения «общего блага», нередко отождествляемого с принципами верховенства закона, гарантией не-

---

¹³ О народном благосостоянии от заграничной торговли... С. 48.

¹⁴ Арсеньев. 1818. С. 35.

¹⁵ Карамзин. 1803. С. 322.

¹⁶ См.: Речь, говоренная в канцелярии I отделения... С. 42.

прикосновенности частной собственности и безопасности личности. С этих позиций «недостаток в просвещении», по мнению современников, «...мешает всякому действию благодетельных намерений Правительства, на всяком шагу останавливает его, отнимает силу у великих, мудрых законов, рождает злоупотребления, несправедливости и – одним словом – не позволяет... наслаждаться внутренним, общим благоденствием...»¹⁷. Сформулированная таким образом взаимосвязь «просвещения» и перспективы установления «общего благоденствия», доказывала современникам необходимость всеми возможными средствами способствовать распространению «просвещения». Именно поэтому понятие «просвещение» обязательно использовалось в формулировках целей и задач различных «тайных», «вольных» и «официозных» обществ.

Сравним устав «Союза благоденствия» и материалы следствия по делу Петрозаводского общества «Французский парламент». В первом документе главной целью тайного общества объявлялось «распространение между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения»¹⁸, а во втором – подчеркивалось, что члены общества «Французский парламент» играли в политику, устраивая «недозвоительные» театрализованные заседания, «...под видом распространения нравственности и просвещения»¹⁹. Важно, что и в том, и в другом случае, члены тайных обществ субъективно воспринимали «просвещение» в качестве инструмента достижения «общего блага».

Однако признание «просвещения» одним из основных двигателей общественного развития не означало, что данное понятие для современников было абстрактным и никак не связанным с решением насущных социально-политических проблем. Напротив, «просвещение» являлось одним из ключевых понятий, использовавшихся при попытках выработать решение двух наиболее актуальных в начале XIX в. проблем – ликвидации «рабства» крестьян в России и повышения эффективности функционирования системы государственного управления.

Решение проблемы «рабства» в России было неразрывно связано с уровнем «просвещения» как помещиков, так и крестьян. На существование такой взаимосвязи в письме из Геттингена от 30 октября 1810 г. указывал Н. И. Тургенев. По его словам, для решения крепостного вопроса «надобно просвещение» и «...следственно судьба *рабства* тесно соединена с судьбою *просвещения* дворян, которым должно вбить в го-

¹⁷ О новом образовании народного просвещения в России. С. 50.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 7 об. – 8.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 58. Л. 1 об.

лову благородные, человеческие понятия, собственную их пользу надобно им показать, убедить их в истине и справедливости человеколюбия...»²⁰. Нежелание помещиков освобождать крепостных объяснялось неоднородностью «благородного сословия» и наличием соответствующей ей дифференциации «степени просвещения» российских дворян. Подтверждением данного тезиса служили многочисленные случаи жестокого обращения провинциальных помещиков с подвластными им крестьянами. И хотя, чаще всего, подобные факты сопровождалась оговорками о бедности или «душевном расстройстве» конкретного помещика и оценивались лишь как исключение из общего правила, эффективным средством решения крепостной проблемы современники называли «просвещение» мелкопоместных дворян. Яркой иллюстрацией благотворного воздействия «просвещения» на характер взаимоотношений помещиков и крестьян была статья с характерным заголовком «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени», в которой неизвестный автор убеждал читателей в том, что «просвещение истребляет злоупотребление господской власти, которая по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная»²¹. По его мнению, «просвещенный дворянин» – это человек не только образованный, но и осознавший свою особую социальную роль, обладающий чувством социальной ответственности за жизнь и благосостояние подвластных ему крестьян.

Одновременно с признанием важности «просвещения» дворянства, главным условием упразднения «рабства» в России провозглашалось «просвещение» крестьян. В противном случае «невежественное» крестьянство представляло угрозу общественному спокойствию, даже когда правительство проводило бы политику, направленную на постепенное смягчение «рабства» и последующее освобождение крепостных. В данном контексте показательное обоснование отсрочки издания указа о запрете продажи людей без земли, прозвучавшее на заседании Государственного Совета 6 мая 1801 г. Некоторые члены Совета считали, что крестьяне «...от непросвещения своего прямую цель ея не поймут и от своего невежества ее обратить могут к смыслу уменьшения законной власти над ними помещиков»²². Таким образом, понимание важности «просвещения» и признание неравномерности его распространения в российском обществе было одним из аргументов для отсрочки реализации серьезных социальных преобразований.

---

²⁰ Архив Братьев Тургеневых. Т. 1. С. 280.

²¹ Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени. С. 321–322.

²² Архив Государственного Совета. Т. 3. С. 766.

Как бесспорно необходимое условие проведения преобразований «просвещение» рассматривалось и в процессе поиска подходов к решению проблемы повышения эффективности системы государственного управления. Чаще всего, первым шагом считалось развитие системы «народного просвещения», способной удовлетворить потребность правительства в высококвалифицированных государственных служащих. Нацеленность системы образования на подготовку кадрового резерва для управленческих структур и судов различного уровня была провозглашена в университетских уставах, а также указах по созданию как государственных, так и частных училищ. Аналогичная установка присутствовала и в «частных» проектах, авторы которых недвусмысленно предупреждали императора о том, что позитивных результатов от любых преобразований «...тогда только ожидать можно, когда места наполнятся людьми честными и просвещенными»²³.

Еще одним способом повышения эффективности системы государственного управления, тесно связанным с необходимостью «просвещения народа», современники называли создание выборных органов сословного представительства, которые, не ограничивая полномочий самодержавной власти, помогали бы императору совершенствовать российское законодательство. Во всех проектах учреждения подобных структур Н. Н. Новосильцева, М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, А. Р. Воронцова и др. авторов упоминалось о целесообразности привлечения к обсуждению законопроектов представителей «просвещенного сословия». Такой идеальный образ «просвещенного гражданина», участвующего в управлении своим краем, совпадал с указанием в речи Александра I на закрытии Польского Сейма в апреле 1818 г. на то, что народные представители должны быть «гражданами просвещенными»²⁴.

Не менее пристальное внимание к уровню «просвещения» людей, допускаемых к участию в законотворческом процессе, было характерно и для членов радикально настроенных тайных обществ. Так, например, П. И. Пестель, размышляя о принципах организации системы народного представительства после свержения самодержавия, писал: «Выборы... будут падать на самых достойнейших и просвещеннейших мужей. Дворяне и богатые будут, вероятно, чаще других граждан избираемы, есть ли будут просвещеннее прочих; но таковой выбор, основанный на общем доверии, не есть политическое право для лица, а есть общая выгода

---

²³ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. XXIII. Л. 5.

²⁴ Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при закрытии сейма Царства Польского... С. 563.

для всего государства»²⁵. Таким образом, и в правительственных кругах, и в среде оппозиционно настроенного офицерства, идея сословного представительства была тесно связана с концептом «просвещение», выражавшего позитивные ожидания преобразований в политической сфере.

Однако, как и в случае с обсуждением возможных вариантов решения крепостной проблемы, размышления о перспективах развития политической системы Российской империи, сопровождались негативной оценкой «степени просвещения» российских подданных. Признавая необходимость создания эффективного механизма помощи монарху, современники нередко с сожалением констатировали неподготовленность российского общества к реализации на практике принципа сословного представительства. Основанием для таких оценок был пример Европы, где парламенты опирались на поддержку широких слоев населения. Сравнивая уровень «просвещенности» населения в России и ряде европейских государств, Д. П. Трошинский, например, подчеркивал, что «Английский парламент ничего бы сам по себе не значил, если бы не был поддерживаем многочисленным и *просвещенным* средним чином...». В России же, по его словам, «...находится много людей просвещенных, однако же главная масса народа и не столько просвещена, и просвещение ее не такое, как просвещение главных народных масс европейских государств»²⁶. В этих условиях, по мнению автора, реализация принципа сословного представительства возможна в перспективе, но только после распространения «просвещения народа».

Признавая «просвещение» важнейшим инструментом решения актуальных социально-политических проблем, представители образованной части российского общества достаточно часто задавали вопросы о том, каким образом можно повысить уровень «просвещения» российских подданных, и в какой степени следовало ориентироваться на опыт развитых стран Европы. Особую актуальность эти вопросы приобрели после Французской революции и Отечественной войны 1812 г., так как эти события показали, что сложившиеся ранее представления о европейских странах как «источнике истинного просвещения» были во многом идеализированы и не всегда соответствовали реальности. С этого времени в текстах российских авторов все чаще поднимался вопрос об опасности «слепого» заимствования европейских идей. Предостережения от возможных негативных последствий «подражательства» выражались в форме опасений получить не «истинное», а «ложное просве-

---

²⁵ Цит. по: Бокова. 2008. С. 221.

²⁶ Записка Д. П. Трошинского о министерствах. С. 48.

щение». Яркой иллюстрацией возможности «лжепросвещения» для современников был факт распространения в Европе революционных настроений, проникновение которых в Россию могло привести к непредсказуемым последствиям. В 1801 г. неизвестный автор писал: «Когда зараза имела пагубные следствия в народах изобилующих просвещением, ... сколь еще более того опасаться можно в земле... крайне обширной и весьма отдаленной от просвещения почти первоначального... так, что не найдется одного просвещенного на тысячу»²⁷.

Формирование негативного контекста слова «просвещение» и, как следствие, появление антонима «лжепросвещение», особенно заметно с началом Наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г. На страницах российских журналов появляется множество критических статей, авторы которых призывали различать «истинное просвещение» от моды на французский язык и увлечения различными философскими учениями²⁸. В общем виде, подобного рода публикации формировали представления о том, что «истинное просвещение» может быть только результатом «собственного размышления», а не бездумного следования зарубежным образцам. В статье «О всеобщей монархии в политическом и нравственном смысле» российский читатель мог найти рассуждения о необходимости «...снискать просвещение собственными размышлениями, а не раболепным подражанием примеру других»²⁹. Аргументируя свою позицию, неизвестный автор утверждал: «Кто не достиг просвещения заключениями собственными, тот не дерзай называть себя просвещенным»³⁰. Оптимальным алгоритмом заимствования, по его мнению, должно было быть следующее правило: «Просвещая себя, сверх собственных, чужими источниками, не должно употреблять одного из них исключительно, но надлежит познавать и исследовать все, что может быть полезно и поучительно; принимать же по исследовании одне общия истины и все то, что не вредно сохранению национального характера»³¹. Одним из важнейших критериев определения «истинности просвещения» называлось его согласованность с нормами христианской морали, обычаями и традициями, исторически сложившимися нормами внутри- и межсловных взаимодействий.

---

²⁷ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. VI. Л. 32.

²⁸ См., например: Глас русского. С. 45; *Ермолов*. 1813. С. 60–62.

²⁹ О всеобщей монархии... С. 280.

³⁰ Там же. С. 279.

³¹ Там же. С. 280.

Таким образом, в первой четверти XIX в. сформировалось представление о том, что «истинное просвещение» не исчерпывается заимствованием достижений европейской культуры и науки, напротив, его главная основа – православная вера, традиционная для российских подданных взаимная забота, честность и нравственность. На этом фоне Европа выступала, одновременно, и ориентиром для дальнейшего развития, и потенциальным источником «лжепросвещения».

Подобная двойственность в отношении к «просвещенной Европе» была обусловлена настороженным отношением к «революции», которая воспринималась в начале XIX в., прежде всего, как «нравственно-политическое явление»³², тесно связанное с распространением «лжепросвещения». С этих позиций главной причиной «революции» называли «падение нравов» и увлечение «ложными» политическими идеалами. Содержательно «нравственные причины революции», по мнению современников, выражались в поисках гражданами «несбыточного счастья», необоснованной критике властей, а также социальной вражде, вызванной непониманием взаимосвязи и функционального назначения различных сословий³³. Так, например, размышляя о целях агрессивной политики Франции, неизвестный автор объяснял российским читателям причины «революции» следующим образом: «В начале революции народ Французский искал щастия, руководствуясь каким-то темным чувством: Правительство казалось ему тиранским, дворянство высокомерным и притеснительным, и хотя дворяне и купцы со своей стороны также роптали, но другия состояния признавали первых излишними в государстве, а вторых своекорыстными откупщиками...»³⁴.

Все подобные проявления «человеческой страсти» были полной противоположностью «истинного просвещения», а следовательно, в морально-нравственном смысле «революция» не могла иметь положительных результатов. На страницах российских журналов неоднократно подчеркивалось, что «Европа после революции не только не приобрела никакого просвещения и успеха в нравственности, но едва не погрузилась в прежнее варварство...»³⁵, а поколение людей, «воспитанных во время и после революции... не имеет никаких понятий, кроме зверских правил, распространенных революцією»³⁶. Именно негативным влия-

---

³² См.: Обзорение политических происшествий Европы... С. 57.

³³ См.: Размышление русского патриота... С. 149.

³⁴ Исступление французской политики в 19 веке. С. 34.

³⁵ Письмо к друзьям о Бонапарте и нынешнем времени. С. 226.

³⁶ Положения и надежды Европы. С. 191.

нием «революции» на сознание человека многие российские авторы объясняли «варварские» действия французских солдат на оккупированных ими в 1812 г. российских территориях.

Неотъемлемой частью образа французской «революции» на страницах российской периодической печати, было утверждение, что она не только не достигла своих первоначальных целей, но и обманула надежды граждан: вместо «свободы», верховенства «закона» и неприкосновенности «собственности», «Франция... со временем постыдной своей революции соделалась позорищем ужасных неистовств и воспитала грабителей, нагло попирающих священные права, коими обеспечивается благо народов»³⁷. Главными «средствами революционных героев» объявлялось «возмущение народа против законной власти, грабеж всякого имущества, нарушение всех прав народных и человеческих»³⁸.

В общем виде, проведенный сравнительный анализ текстов, авторы которых писали о «революции» позволил выявить два ряда синонимов и образных выражений с однозначно негативной эмоциональной окраской. Первый ряд представлен образными выражениями, описывавшими «революцию», посредством сравнения с различными природными явлениями и хищными существами, как неуправляемый человеком процесс. В этом ряду, чаще других, употреблялись словосочетания: «ужасная революционная буря», «бурный дух», «пламя революции», «ужасная гидра революции»; «свирепое чудовище, изливавшее яд свой на всю Европу»³⁹. Второй ряд представлен словами и словосочетаниями, подчеркивавшими чрезвычайную и неоправданную жестокость революции, такими как: «ужасное кровопролитие», «кровавый путь», «кровавые волны», «революционные неистовства», «мучения», «злодеяния», «несчастье», «насилие», «тиранство», «война революционная», «времена ужаса»; «ужасы, произведенные адским духом революции», «мятеж». Наличие в текстах такого рода выражений позволяет предположить, что в сознании российских читателей могло быть сформировано представление о «революции», как деструктивном, чрезвычайно опасном и непредсказуемом по своим результатам процессе.

Все эти признаки «революции» были зафиксированы в толковом словаре Н. Яновского: «Революция – внезапная перемена в правлении

---

³⁷ О политических обманах Франции. С. 69.

³⁸ Французская революция. С. 40.

³⁹ См., например: Объявления от Людовика XVIII французам С. 3–21; Письмо к друзьям о Бонапарте... С. 224; Обзорение политических происшествий Европы... № XVI. С. 53–70; № XVII. С. 104, 111–112; Извлечение из письма в Казань... С. 324.

какого народа, произведенная сильным потрясением всего общественного тела для установления другого порядка вещей»⁴⁰. Для современников было очевидно, что такие изменения сопровождаются открытым взаимным противостоянием граждан одного общества в борьбе за достижение различных политических целей. Наличие противоборствующих сторон позволяло делать предположения, что результаты «революции» не конечны, а её «достижения» могут быть сведены к минимуму, или даже уничтожены её противниками в исторически обозримом будущем. В данном контексте неслучайно появление специального термина «контр-революция», который использовался для обозначения движения политического процесса в противоположном «революции» направлении⁴¹. Романтизация «революции», формирование её положительного образа в сознании оппозиционно настроенной части российского общества произошло только с 1840-х гг.⁴²

В общем виде, в сознании образованной части российского общества первой четверти XIX в. сформировалась двойственное отношение к «революции». С одной стороны, она оценивалась как безусловное «зло» и ничем неоправданное «насилие», а с другой – как важный урок человечеству, позволивший понять «истинные ценности». В 1802 г. на страницах журнала «Вестник Европы» можно было найти следующее утверждение: «Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священен даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти...; что одно время и благая воля законных Правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ»⁴³. Следуя этой логике, автор приходил к выводу о том, что «если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут называться благодетельными, то сим благодеянием мы конечно обязаны Революции»⁴⁴. Безусловно «полезными следствиями революции» было, во-первых, воздействие на «умы писателей», которые, зная о разрушительных последствиях революционных потрясений, стали «бояться оскорбить мораль», а, во-вторых, укрепление патерналистской модели взаимоотношений между государями и гражда-

---

⁴⁰ Яновский. 1806. С. 516.

⁴¹ Там же.

⁴² Чудинов. 2007. С. 13.

⁴³ Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени. С. 314–315.

⁴⁴ Там же. С. 315.

нами. Последнее обстоятельство, по мысли автора, делало провозглашаемую революционерами цель установления «равенства состояний» лишённой всякого смысла, так как «государя, место сей химеры стараются, чтобы гражданин во всяком состоянии мог быть доволен; чтобы ни которое не было презрительным или угнетенным»⁴⁵. Таким образом, негативный пример французской революции должен был служить укреплению стремления и власти, и подданных к сохранению социального мира, уважению законов и соблюдению взаимных прав граждан.

Не менее важным и поучительным примером «революции» считалась история возникновения республики «Соединенных Американских областей». Война за независимость, формирование высших органов государственной власти на выборной основе, реализация принципа верховенства закона и разделения властей – все эти события отождествлялись с «революцией» и рассматривались как яркий пример её позитивного влияния на социально-политическое развитие молодого государства. В этой стране, в отличие от европейских государств, «революция» не привела к возникновению острых социальных конфликтов и «падению нравов». Однако при этом все российские авторы неизменно подчеркивали, что опыт «американской революции» следует рассматривать лишь как исключение из общего правила. Так, в одном из многочисленных свидетельств русских путешественников о пребывании в «республике Соединенных Американских Областей», сообщалось: «Революция Американская не может быть уподоблена ни какой другой, и конечно, надобны были необыкновенные причины, чтоб произвести то удивительное всеобщее согласие, коим Американцы превозмогли все непреодолимые препятствия!»⁴⁶. В качестве такого рода «необыкновенных причин», чаще всего, называли географическое положение и общность интересов большинства переселенцев из Европы, считавших возможным на новом месте полностью реализовать свои желания и идеалы. Таким образом, в сознании образованного российского подданного сложилось представление о том, что конкретные проявления «революции» предопределялись множеством факторов, совокупность которых отражала особенности экономического и социально-политического развития страны. Логическим следствием подобного рода представлений было признание того, что в случае возникновения в России «революции» она не будет повторением ни одной из уже произошедших в мире «революций».

---

⁴⁵ Там же. С. 317.

⁴⁶ Взгляд на республику Соединенных Американских областей. С. 256–257.

Независимо от отношения к вопросу о необходимости «революции» в России, представители как консервативно, так и радикально настроенной части российского общества, считали, что росту революционных настроений могли способствовать несколько факторов.

Первый из них проявлялся в форме недовольства многочисленными злоупотреблениями местных властей. В 1809–1810 гг. И.В. Лопухин отмечал: «Злоупотребление власти, ненасытность страстей в управляющих, презрение к человечеству, угнетение народа – вот прямые и одни источники революции»⁴⁷. Декабрист А. Бестужев, объясняя причины возникновения в России тайных обществ, писал в начале 1826 г., что одной из целей их существования было предотвращение «кровавой революции», возникновение которой было возможно в связи с ростом недовольства народа местными чиновниками. В сложившихся условиях, по словам А. Бестужева, «...ропот народа, от истощения и злоупотребления земских и гражданских властей произошедший, грозил кровавою революциею» и «...общества вознамерились отвратить меньшим злом большее, и начать свою деятельность...»⁴⁸. С этих позиций подчеркивалось, что деятельность тайных обществ была направлена на «просвещение народа» как средство предотвращения «революции».

Второй причиной, которая гипотетически могла бы подтолкнуть Россию к «революции», современники называли непродуманную налоговую и денежно-эмиссионную политику правительства. Косвенным подтверждением могут служить рассуждения Н. И. Тургенева в работе «Опыт теории налогов» и записка Н. С. Мордвинова «О новых налогах». Оба автора, анализируя сложившуюся в России экономическую ситуацию, напоминали, что одной из главных причин «кровавой революции» во Франции были ошибки королевской власти в финансовой сфере⁴⁹. Данное обстоятельство, по их мнению, должно было быть для российского правительства весомым аргументом против любых предложений о повышении налогов или выпуске новых ассигнаций.

В целом, во всех текстах российских авторов первой четверти XIX в. «революция» описывалась как ненормальное, чрезвычайное состояние общества, вызванное, как правило, неспособностью государства эффективно решать актуальные социально-экономические проблемы. Такая трактовка предполагала, что «революция» – это не самодостаточная цель, а всего лишь *средство* решения острых проблем чрезвычайными метода-

---

⁴⁷ Цит. по: *Стенник*. 1990. С. 73.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 64.

⁴⁹ См.: *Тургенев*. 1818. С. 30; *Мордвинов*. 1902. С. 558, 559.

ми, которые, по мнению большинства российских авторов, могли быть решены с помощью «благодетельных» реформ правительства.

Лишь отдельные представители радикальных тайных обществ, проецируя результаты «революций» в разных странах мира на отечественную реальность, считали, что только посредством такой чрезвычайной процедуры возможно «установление» необходимых для дальнейшего развития России законов и институтов. П. И. Пестель писал об итогах французской революции и необходимости «революции» в России: «...большая часть коренных постановлений, введенных революцией, были при реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против революции, и я сам всегда против нее восставал. От сего суждения родилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем еще суждением, что те государства, в коих не было Революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений»⁵⁰. С одной стороны, Пестель указывал, что «все восставали против революции», а с другой, – признавал её «полезность» в исторической перспективе. Подобная двойственность была характерной чертой мировоззрения многих декабристов, которые, анализируя опыт зарубежных революций, четко отделяли «преступления», совершенные наименее «просвещенными» участниками, от её «принципов и идеалов», основанных на справедливых требованиях верховенства закона, личной свободы и неприкосновенности собственности⁵¹. Именно поэтому, говоря о возможной перспективе совершения в России «революции», они, как правило, подчеркивали, что её сценарий должен был существенно отличаться от европейских аналогов.

Принципиально важной отличительной чертой российской «революции» должно было быть отсутствие массового кровопролития. Для этого, с позиции сторонников революционного варианта модернизации страны, её началу должен был предшествовать период формирования так называемого «общего мнения», предполагавший количественное увеличение членов «тайного союза» и, одновременно, распространение в образованных кругах российского общества идеи о необходимости проведения значительных преобразований. В идеале, все это привело бы к разделению в общественном сознании образа «кровавой французской революции» и разработанной в тайных обществах программы социально-политических преобразований. Следуя этой установке, Пестель

---

⁵⁰ Цит. по: Плимак, Хорос. 1989. С. 218.

⁵¹ Чудинов. 2007. С. 12.

считал возможным заменить понятие «революция» близкими по значению словами «превращение», «преобразование» или «переворот»⁵². Отчасти такая подмена понятия соответствовала распространенной в XVIII в. практике перевода *révolution* как «преобразования» или «перемены»⁵³. Однако, если ранее это было продиктовано официальными установками цензуры, то в текстах, написанных членами тайных обществ, использование подобного рода синонимов, на мой взгляд, предпринималось в целях нейтрализации негативного контекста понятия «революция» и формирования положительного отношения современников к будущим политическим преобразованиям.

Не менее важное отличие предполагаемой российской «революции» от европейских, заключалось в том, что в процессе проведения кардинальных преобразований все происходящее в стране должно было быть подконтрольно новому правительству. В такой трактовке «революция» не должна быть зависимым от изменений в настроениях толпы стихийным процессом. Утрата управляемости грозила, с точки зрения сторонников революции, массовыми беспорядками и повторением «ужасов французской революции». Именно поэтому в ходе «революции» предполагалось не полное разрушение прежней системы управления, а разумное сочетание ранее существовавших структур с новыми, что позволило бы избежать массовых народных волнений и в течение нескольких лет сформировать эффективную систему государственного управления. При этом не исключалось, что к работе в новом правительстве могли быть привлечены известные своими либеральными взглядами и опытом управленческой работы представители прежней администрации⁵⁴. Таким образом, «революция» не предполагала разрушение государства, напротив, считалось, что для сближения идеала с реальностью необходимо сильное государство, способное сохранить социальный мир, гарантировать гражданам личную свободу и безопасность, обеспечить неприкосновенность частной собственности и реализацию принципа верховенства закона. Не желая повторения «ужасов французской революции», современники подчеркивали, что «просвещение» и «революция» являются не конечной целью, а всего лишь необходимыми инструментами достижения «общего блага». Содержательно, описываемая российскими авторами идеальная модель общественного устройства, предполагала юридическое закрепление прав граждан на сво-

⁵² См. подробнее: *Одесский*. 2008. С. 496–499.

⁵³ См.: *Плавинская*. С. 284; *Виноградов*. 1999. С. 449.

⁵⁴ См. подробнее: *Семенова*. 1982.

боду, собственность, личную безопасность, причем и в реформистской, и в революционной модели, достижение такого рода идеала представлялось возможным только при наличии сильного государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арсеньев К.* Обзорение физического состояния России и выгод от того проистекающих для народных промыслов, ныне существующих. СПб.: тип. деп-та Народного просвещения, 1818.
- Архив Братьев Тургеневых. Т. 1: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 годы. СПб., 1911.
- Архив Государственного Совета. Т. 3: Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878.
- Балудянский М.* Статья теоретическая о разделении и обороте богатства // Статистический журнал, издаваемый Карлом Германом. Т. II. Ч. II. 1808. С. 1–76.
- Бокова В. М.* «Ликурговы законы» Павла Пестеля // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы / Отв. ред. О. И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 215–227.
- Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын Отечества. 1814. Ч. 17. № XLV. С. 253–270.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Секретный архив. Оп. 1 с/а. Ед. хр. 2.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 – III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Оп. 229. Ед. хр. 58.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 48 – Следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу декабристов. Оп. 1. Ед. хр. 10, 11.
- Герман К.* Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке, изданная от Главного Правления училищ. СПб., 1809.
- Глас русского // Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 2. С. 43–46.
- Дмитриев А.* Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 6–16.
- Ермолов Г. П.* Глас Россиянина к единоземцам // Русский вестник. 1813. № 10.
- Ертов И. Д.* Картина Просвещения Россиян, пред началом девятого на десять века. Отрывки и смесь. СПб., 1799.
- Живов В. М.* История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 5–26.
- Записка Д. П. Трошинского о министерствах // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 3. С. 1–162.
- Извлечение из письма в Казань 29 октября 1823 года о празднестве по случаю освобождения короля Испанского // Отечественные Записки. 1823. Ч. XVI. № 43, ноябрь. С. 324–329.
- Исследование о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. 1825. Ч. XXII. № 62. С. 333–371.

- Иступление французской политики в XIX веке // Сын Отечества. 1813. Ч. 8. № XXXIII. С. 33–40.
- История понятий, история дискурса, история метафор / Сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера / Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. 328 с.
- Каразин В. Н.* Речь о пользе просвещения в домоводстве // Вестник Европы. 1811. Ч. LIX. № 20, окт. С. 259–290.
- Карамзин Н. М.* О верном способе иметь в России довольно учителей // Вестник Европы. 1803. Ч. VIII. № 8, апрель. С. 317–326.
- Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / Сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера / Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.
- Козеллек Р.* Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России. XV–XX века: Сб. научн. работ. СПб., 2006. С. 33–53.
- Козеллек Р.* Теория и метод определения исторического времени // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 2004. № 5(44). С. 97–130.
- Копосов Н. Е.* История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века: сб. научн. работ. СПб.: Алетейя, 2006. С. 9–32.
- Мордвинов Н. С.* Записка о новых налогах // Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 551–573.
- О всеобщей монархии в политическом и нравственном смысле // Сын Отечества. 1813. Ч. 9. № XLV. С. 271–281.
- О народном благосостоянии от заграничной торговли, производимой природными жителями // Архив литературы: из Духа журналов 1817 года. СПб., 1817. С. 48.
- О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. 1803. Ч. VIII. № 5, март. С. 49–61.
- О политических обменах Франции // Вестник Европы. 1812. Ч. LXV. № 17, сент. С. 69–79.
- Об Англии и англичанах // Сын Отечества. 1817. Ч. 41. № XLIV. С. 238–243.
- Обозрение политических происшествий Европы от смерти Фредерика Великого (1786) и начала Французской революции (1789) до 1812 года // Сын Отечества. 1821. Ч. 69. № XVI. С. 53–70; № XVII. С. 101–117.
- Объявления от Людовика XVIII французам // Вестник Европы. 1805. Ч. XXVI. № 5, март. С. 3–21.
- Одесский М. П.* Вольнодумный тезариус декабристов. Révolution–революция–переворот–превращение // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы / Отв. ред. О. И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 494–502.
- Письмо к друзьям о Бонапарте и нынешнем времени // Сын Отечества. 1813. Ч. 10. № LI. С. 217–234.
- Плавинская Н. Ю.* Как переводили Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 281–286.
- Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Великая Французская революция и революционная традиция в России // Великая французская революция и Россия. М.: Наука, 1989. С. 222–260.
- Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXI, 1811. № 24.821. С. 873–876.
- Положения и надежды Европы // Сын Отечества. 1813. Ч. 8. № XXXVII. С. 183–198.

- Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. Ч. III. № 12. С. 314–331.
- Размышление русского патриота о быстрых успехах французской системы // Сын Отечества. 1813. Ч. 4. № X. С. 145–159.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1164. – Особый комитет председателей Государственного Совета. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. VI, XXIII.
- Речь о просвещении, говоренная покойным генерал-суперинтендантом Рейнботом в училище, состоящем при Евангельско-Лютеранской церкви Св. Анны // Сын Отечества. 1817. Ч. 39. № XXX. С. 122–141.
- Речь, говоренная в канцелярии I отделения 6 департамента Правительствующего Сената, при начале учения чиновников, приуготовляемых по Высочайшей воле в аудиторы для армейских полков, секретарем Сената П. Хавским, 25 августа 1817 // Сын Отечества. 1817. Ч. 41. № XL. С. 41–49.
- Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при закрытии сейма Царства Польского, в 15/27 день апреля 1818 года в Варшаве // Дух журналов. 1818. Ч. 27. Кн. 19. С. 559–564.
- Роцин Е. Н.* История понятий: новый старый подход общественных наук // Политическая наука. 2009. № 4. С. 43–58.
- Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.
- Система твердой земли или континентальная // Сын Отечества. 1813. Ч. 4. № X. С. 220–223.
- Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. V: П–С. СПб., 1822.
- Стенник Ю. В.* Тема Великой французской революции в консервативной литературе и публицистике 1790-х годов // Великая Французская революция и русская литература. Л.: «Наука», 1990. С. 69–90.
- Тимофеев Д. В.* В ожидании перемен от «просвещения» России: надежды и тревоги российского общества первой четверти XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16. (154) История. Вып. 32. С. 12–20.
- Тимофеев Д. В.* Система значений понятия «просвещение» в социально-политическом лексиконе российского подданного первой четверти XIX века: опыт контекстуального анализа // Имперская Россия/Classical Russia 1700–1825 / Ред. Е.Н. Марасинова. – Idyllwild: Charles Schlacks, 2010. Vol. 3–5. С. 21–48.
- Тургенев Н. И.* Опыт теории налогов. СПб.: тип. Н. Греча, 1818.
- Французская революция // Сын Отечества. 1813. Ч. 7. № XXVII. Смес. С. 40–44.
- Чего требует дух времени? Чего желают народы? // Архив истории и политики: из Духа журналов 1819 года. СПб., 1819. С. 6–14.
- Чудинов В. А.* Французская революция: история и мифы. М.: «Наука», 2007.
- Яновский Н.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 3: О–Ф. СПб., 1806.

Тимофеев Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета; tdv@csu.ru

К. И. ШНЕЙДЕР

ИНДИВИДУАЛИЗМ И СОБСТВЕННОСТЬ В МИРОВОЗЗРЕНИИ РАННИХ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ

Автор рассматривает различные коннотации понятий «индивидуализм» и «собственность» в аксиологическом лексиконе ранних русских либералов, обращая особое внимание на особенности отечественной раннелиберальной концепции и ее основных ее теоретических постулатов. В статье предпринимается попытка обосновать использование концепции «социального пространства» П. Бурдьё в качестве методологии изучения феномена раннего русского либерализма.

Ключевые слова: индивидуализм, собственность, ранний русский либерализм.

Пережив очевидный всплеск профессионального интереса в середине – второй половине 1990-х гг., тема российского либерального наследия существенно сократила свою экспертную аудиторию и стала малоперспективной не без влияния политической ситуации в стране в целом. Поэтому в настоящее время реальные дискуссии по ней ведутся лишь в узком круге «заклятых либераловедов». Между тем по многим вопросам и, в частности, в отношении проблемы генезиса национальной либеральной традиции и поныне существуют диаметрально противоположные научные версии. Наиболее интересна гипотеза о появлении раннего русского либерализма во второй половине 1850-х – первой половине 1860-х гг., благодаря концептуальным работам К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, учеников и последователей Т. Н. Грановского. Активное участие в формировании либерального дискурса приняли также П. В. Анненков, И. К. Бабст, В. П. Боткин, А. В. Дружинин, Е. Ф. Корш, успешно разрабатывавшие экономические, социокультурные и эстетические каноны национального либерализма¹.

Методологическим основанием интерпретации истории раннего русского либерализма может служить социологическая теория «социального пространства» П. Бурдьё². В данном случае речь идет о поле производства идей, которое имеет ряд специфических особенностей. Во-первых, это сфера конкуренции, где агенты борются за символический капитал, позволяющий в случае успеха навязывать собственные представления другим участникам состязания. Во-вторых, это область столкновения различных групп влияния за право апеллировать к власти

---

¹ Шнейдер. 2009. Т. XVI. С. 234–242.

² Бурдьё. 2005.

и доминирующие позиции в определении исторического маршрута социума. В-третьих, это рынок интеллектуальных услуг с его сложной структурой печатного производства, цензуры, читательского спроса и предложения, рецензирования и продвижения определенных «нормативных» моделей, стильных мейнстримов и модных андеграундов.

Ранний русский либерализм формировался в неоднородной интеллектуальной среде, в условиях постоянного диалога со своими близкими и дальними оппонентами. С самого начала одной из его структурных особенностей являлось наличие как минимум двух течений, конкурировавших между собой за право выражать национальную либеральную аутентичность – «народническое» Кавелина и «охранительное» Чичерина. Соперничество усиливалось не только под влиянием различий в понимании отечественной исторической традиции, но и нюансов восприятия европейского прошлого в целом и достижений западного либерализма, в частности. За столкновением мнений нельзя не увидеть стремления игроков удовлетворить личные амбиции в борьбе за символическое первенство в либеральной среде на рубеже 1850–1860-х гг.

Не меньшей релевантностью для объяснения феномена раннего русского либерализма обладают дискуссии его представителей с радикальными и консервативными критиками. Накануне Великих реформ в поле производства идей несложно заметить открытую конкуренцию между основными направлениями отечественной общественной мысли в процессе социального конструирования модели ближайшего национального будущего. Основной площадкой развернувшейся полемики стала периодическая печать, а главным призом – участие в подготовительном этапе предстоящих преобразований в качестве экспертов и разработчиков. Необходимо отметить, что впервые либералам удалось опередить своих соперников и на некоторое время занять доминирующие позиции в ближнем круге советников самодержавия.

Одновременно интерес исследователя невольно концентрируется на имплицитно разном, порой непоследовательном восприятии либералами своих оппонентов. Достаточно вспомнить раскол в либеральной среде, вызванный гневным посланием Чичерина А. И. Герцену в 1858 г., когда Кавелин, поддержанный Анненковым и Бабстом, в резкой форме не согласился с его тоном и содержанием. Вместе с тем несколькими годами ранее именно Кавелин вместе с Чичериным в знаменитом «Письме к издателю» убедительно критиковали Герцена за тот же самый радикализм. Хорошо известна и дискуссия о преимуществах и недостатках централизации власти, также разведшая по разные стороны Чичерина и Кавелина. Наконец, никто из специалистов не будет оспа-

ривать очевидную эволюцию взглядов Кавелина в сторону славянофильства, нехарактерную для Чичерина. В данном случае можно говорить о разных габитусах отцов-основателей русской либеральной традиции как о результате индивидуального социокультурного опыта проживания и самоидентификации в либеральном интеллектуальном пространстве. Не исключено, что громкий разрыв Чичерина с Герценом воспринимался Кавелиным в качестве несанкционированного вторжения в распределение мест в либеральной иерархии.

Изучение феномена раннего русского либерализма невозможно без учета специфики того поля производства идей, в котором он формировался. В этом социальном пространстве сосуществовали рынок издательских услуг, рынок интеллектуальных услуг и цензура, претендовавшая на роль внешнего регулятора и модератора процессов развития отечественной общественной мысли. Содержание и ход дискуссии в либеральной среде часто коррелировались с личной позицией редактора периодического издания, дававшего наряду с цензором санкцию на публикацию материалов, что могло вызвать конфликт с автором: вспомним отказ в 1857 г. М. Н. Каткова, редактора «Русского вестника», поддержанный частью либерального сообщества, напечатать статью Чичерина о преимуществах централизации власти. Скорее всего, подобное решение было продиктовано не только несогласием шефа либерального журнала с рассуждениями Чичерина, но и временной конъюнктурой конца 1850-х гг. в канун Великих реформ. Показательна и судьба «Атеней» (1858–1859 гг.), другого либерального издания, созданного группой единомышленников, но по разным причинам не вписавшегося в узкие границы рынка периодической печати середины века.

Таким образом, «социальное пространство» П. Бурдые как функциональная интерпретационная схема релевантна для исследования феномена раннего либерализма. Важно учитывать глубокие размышления ее автора: «Эффекты, порождаемые внутри полей, не являются ни простой суммой анархических действий, ни общим результатом согласованного плана. Конкуренция, продуктом которой они являются, осуществляется внутри пространства, способного передать ей свои основные тенденции, вытекающие из постулатов, вписанных в саму структуру игры и представляющих собой ее фундаментальный закон...»³.

Индивидуализм и право собственности традиционно занимали ведущее место среди классических ценностей западного либерального мировосприятия. В самом общем виде отечественные либералы среди-

---

³ Бурдые. 2005. С. 120.

ны XIX в. полностью разделяли канонические взгляды своих европейских наставников, пытаясь максимально адаптировать их к национальным условиям. Вместе с тем, российский раннелиберальный дискурс обладал солидной толикой внутренней противоречивости. Это несложно продемонстрировать на примере анализа разнообразных либеральных коннотаций квинтэссенции индивидуализма.

Вряд ли кто-то из ранних русских либералов стал бы оспаривать идеи самоценности личности, ее высокого исторического призвания и уникальности. Более того, каждый из них мог написать вслед за Кавелиным: «...личность есть единственная плодоносная почва всякого нравственного развития, условие, без которого оно немислимо, альфа и омега всемирной истории; ибо личностью история создана и для личности переходит в разнообразные фазисы, представляя постепенное, более и более многостороннее развитие всех возможностей и сторон двойственной, сложной природы человека»⁴. Либералы наделяли индивида силой и способностями демиурга социальной истории, а его внутренний мир объявляли высшим достижением «мастерской природы». Вместе с тем, их представления о содержании и границах самого понятия не были идентичными. Если Кавелин и Чичерин обращали пристальное внимание на общественно-политическую и экономическую составляющую, то Анненков, Боткин и Дружинин артикулировали социокультурное начало в индивидуализме. В либеральном сегменте поля производства идей в середине XIX в. личность закономерно оказалась основным объектом конкуренции за символический капитал. Разработка нюансов индивидуального естественным образом приводила к лидерству того или иного мыслителя в круге «значимых других» единомышленников.

Еще Грановский утверждал право индивида на самостоятельную и даже определяющую роль в историческом развитии. Он считал: «Такого правильного, определенного развития нет в истории. Ей дан закон, которого исполнение неизбежно, но срок исполнения не сказан – десять лет или десять веков, все равно. Закон стоит как цель, к которой неудержимо идет человечество; но ему нет дела до того, какой дорогой оно идет, и много ли потратит времени на пути. Здесь-то вступает во все права свои отдельная личность. Здесь лицо выступает не как орудие, а самостоятельно, поборником или противником исторического закона, и принимает на себя, по праву, ответственность за целые ряды им вызванных или задержанных событий»⁵.

---

⁴ ОР РГБ. Кавелин. Л. 18–18об.

⁵ Грановский. 1905. Т. 1. С. 206.

Кавелин вслед за Грановским также исповедовал веру в креативные способности индивида, настаивая на его неограниченных творческих возможностях и телеологическом предназначении в истории. Несколько другую версию предлагал Чичерин, для которого личность не имела широкой политической автономии и в идеале должна была обеспечивать успех государственного развития. Этатизм являлся своеобразной константой в восприятии Чичериным сущности индивидуализма, в котором «личное начало должно подчиняться общественному; это – необходимое основание и условие всякого общежития; на этом зиждется весь нравственный мир человека. Отдельное лицо может видеть истину лучше целого народа, но оно не имеет права действовать во имя убеждений, разрушительных для существующего устройства»⁶. Вместе с тем, размышляя о природе общественного и его социальном доминировании в человеческой истории, он видел перспективу диалектической связи частного интереса и коллективной пользы. Чичерин утверждал: «Общества людей – не стада бессловесных животных, которые веряются попечению пастуха до тех пор, пока не поступают на убой. Цель человеческих союзов – благо членов, а не польза хозяина. Власть над свободными гражданами дает пастырям народов то высокое достоинство, перед которым с уважением склоняются люди, и нет краше, нет святее этого призвания на земле, нет ничего, что бы могло наполнить сердце человека таким чувством гордости обязанности»⁷. Кроме того, он умел различать понятия власти и общества, отдавая на откуп частным интересам гражданскую часть социума в противовес политической.

Чичерин вышел за традиционные для раннего либерализма рамки просвещенческого образа личности, наполненного безграничным прогрессизмом, и активно его демифологизировал. Он напрямую связывал ценность индивидуального в политике с функциональной деятельностью личности по обустройству общественной и государственной сферы. Чичерин акцентировал идею объективной несвободы человека, принимающего управленческое решение, от которого зависит будущее того или иного народа. В такой ситуации политический индивидуализм превращался в тонкое искусство выбора адекватных историческому времени средств, игравших даже более важную роль по сравнению с конечной целью. «Политический деятель имеет в виду не только цель, но и средства. Зрелое обсуждение последних, точное соображение обстоятельств, избрание наилучшего пути при известном положении дел,

---

⁶ Чичерин. 1899. С. 718.

⁷ Чичерин. 1862. С. 187.

– вот в чем состоит его задача, и ей он отличается от мыслителя, изучающего общий ход Истории, и от художника, наблюдающего движение человеческих страстей»⁸, – настаивал Чичерин. Таким образом, идеальный тип политического индивидуализма Кавелина в основном опирался на абстрактные философские каноны и риторику эпохи Просвещения, тогда как Чичерин попытался максимально прагматически адаптировать постулаты концепции «просвещенного абсолютизма» к российским условиям, увязав процесс правовой эмансипации личности с постепенными реформами верховной власти и зрелостью общества.

«Второй эшелон» раннего русского либерализма в значительной степени представлен писателями, литературными критиками, эссеистами, публицистами. У Анненкова, Боткина и Дружинина образ индивидуального насыщен романтическими коннотациями, социокультурной динамикой, сдержанным историческим оптимизмом, национальным и космополитическим содержанием. Они стремились погрузиться в водоворот человеческих страстей в пику актуальным общественно значимым проблемам и считали, что: «... самое счастливое (в политическом отношении) общество не в состоянии дать полного счастья на частную жизнь каждого из своих членов – точно так же, как общество политически страждущее, никак еще не превращает отдельных его составляющих личностей – в собрание страдальцев, невежд или преступников»⁹.

Интерес либералов был обращен к самому человеку со всеми его природными особенностями и гигантским разнообразием их социальных проявлений. Во главу угла ставилась идея уникальности индивида с его неповторимым миром внутренних переживаний. «Личность никак не может быть одинакова. До сих пор я еще не находил ни одного человека, который похож был бы не только на другого, но даже на собственный портрет: так всегда капризна и неуловима казалась мне каждая личность...»¹⁰, – утверждал Анненков.

Социокультурный оптимизм ранних русских либералов детерминировался в значительной степени временным фактором, а именно состоянием европейской цивилизации в постсредневековый период. В своем лексическом самовыражении либералы нередко прибегали к использованию темпоральных характеристик, таких как «новый мир», которым обозначался современный этап человеческой истории. Они искренне верили в почти безграничные возможности настоящего и бу-

---

⁸ Барсуков. 1901. Кн. 15. С. 252.

⁹ Дружинин. 1983. С. 221.

¹⁰ Анненков. 1877. Отдел первый. С. 2.

дущего развития сложной внутренней структуры личности, ее самопознания и самоидентификации. Либералы акцентировали внимание на достижениях индивидуалистического мировосприятия, когда общее все чаще уступало место частному. В «новом мире» личность получила исторический шанс на превращение в микрокосм, так как здесь человек впервые «вступает в свои человеческие права; в новом мире перестает он быть представителем лишь всеобщих нравственных сил. Здесь он сам становится собственным своим миром; в его внутреннем чувстве пребывает солнце его жизни»¹¹. Эти пафосные и несколько наивные слова молодого Боткина, написанные в пору знаменитой дискуссии западников и славянофилов, отражали стремление части будущих основоположников русской либеральной традиции сформулировать идеал личности, свободной от давления внешних обстоятельств и погруженной в самое себя. Поистине гимном звучат его слова о романтической любви: «...индивидуальный человек, сливаясь с другим индивидуальным, достигает высшей ступени личности. Любовь есть первое откровение той связи, которая соединяет всеобщую нравственную и духовную жизнь с определенной индивидуальностью»¹².

Боткин нередко обращался к вечной теме любви, особенностям взаимоотношения полов, к средствам воспитания индивидуального вкуса. Поразительно актуально звучат слова: «Если же мужчине позорно быть самцом, на том основании, что он человек, а не животное, то и женщине позорно быть самкою на том основании, что она – человек, а не животное. Ограничить же круг ее деятельности скромностью и невинностью в состоянии девическом, спальней и кухней в состоянии замужества (как это было в средние века) – не значит ли это лишить ее прав человека, и из женщины сделать самкой? Но, скажут нам: женщина – мать, а назначение матери свято и высоко – она воспитательница детей своих. Прекрасно! Но ведь воспитывать не значит только выкармливать и вынянчивать (первое может сделать корова или коза, а второе нянька), но и дать направление сердцу и уму, – а для этого разве не нужно, со стороны матери, характера, науки, развития, доступности ко всем человеческим интересам?...»¹³.

Автор этих размышлений настаивал на безусловном равноправии полов в процессе активного познания окружающего мира, доминирования социального над биологическим в индивиде как определяющем

---

¹¹ *Боткин*. 1984. С. 114.

¹² Там же.

¹³ *Боткин*. 1893. Т. 3. С. 149.

векторе прогрессивного развития социума. В конечном счете, Боткин, так и не став впоследствии центральной фигурой в либеральной среде, все же приобрел значительный символический капитал благодаря разработке эстетики национальной модели либерализма. Для него статус профессионального эксперта в социокультурной сфере являлся необходимым условием успешной конкурентной борьбы, как за пределами, так и внутри либерального сообщества, наряду с потребностью преодолеть «проклятие» купеческого происхождения и стать своим в кругу «значимых других» отечественных интеллектуалов.

Представители «второго эшелона» удачно дополняли классиков – Кавелина и Чичерина. Кредо Анненкова, Боткина и Дружинина – интерпретация интимного и чувственного в индивидуализме, когда многое часто не поддается логическому объяснению. Здесь царит атмосфера ощущений, полутонов, своеобразия которых можно постичь исключительно через свой собственный, неповторимый опыт. «Эстетствующие» либералы в разное время серьезно увлекались романтизмом и идеями «чистого искусства», одухотворявшими, по их мнению, личность. Анненков считал, что начиная с эпохи Александра I романтизм «послужил, прежде всего, возвышению отдельной личности, давая ей право говорить о себе, как о предмете первостепенной важности, и уполномочивая ее противопоставлять свои нужды, страдания и требования, даже заблуждения и ошибки всяким, так называемым, высшим интересам и представлениям. Исповедь личности получила интерес политического дела, но под одним условием, чтобы исповедь эта находила сочувственные струны в сердцах других людей и отражала собственную их историю душевных страданий, стремлений и надежд»¹⁴.

Романтизм, традиционно насыщенный консервативными коннотациями, соблазнял ранних русских либералов призывом к внутренней свободе, контроверзой общего и частного, разрывом с безликой и примитивной действительностью. При этом они предупреждали против искусственного и пагубного ухода индивида в сферу исключительно личных переживаний. Кроме того, либералы понимали всю разницу между европейским романтическим трендом и его отечественной копией. Если на Западе романтизм был ярким воспоминанием, облаченным в литературную форму, разочарованием, сложным процессом исторической саморефлексии, то в России – скорее средством к пробуждению социального интереса просвещенной части общества и модным жанром литературы, наполненным исповедальными мотивами.

---

¹⁴ Анненков. 1874. С. 225–226.

Не менее позитивно либералы «второго ряда» относились к социальным функциям «чистого искусства», которое «медленно, неуклонно, верно совершает... свою всемирную задачу и, переходя от поколения к поколению, силой своею просветляя внутренний организм человекoв, – ведет к изменениям во временной и частной жизни общества»¹⁵. Важно отметить контрдидактические интенции либеральных апологетов «чистого искусства», ориентированных на преодоление таких стереотипов, как собирательный образ «положительной» личности, канонические требования к поведению человека и его мироощущению, рационализация индивидуальных реакций на окружающий мир.

Все это вызывало у части либерального сообщества резкую критику, которая приобретала иногда весьма поэтические формы. «Как не сжимайте вы сферу чувств человека, как ни подводите вы его понятия в ряд сухих формул – пока у этого двуногого животного без перьев имеется орган, называемый сердцем, пока у него есть мозг и нервы, и кровь, имеющая способность приливать к сердцу, – вы его не удовлетворите одним узким кодексом так называемой положительности. Идеальность требований душевных может быть смешна, если ее довести до фальшивого; но едва ли не смешнее в человеке фальшивая положительность, исключаящая собою все сердечные движения, делающая всю нашу жизнь однообразным переходом по избитой тропинке»¹⁶, – утверждал отечественный классик «чистого искусства» Дружинин.

В середине XIX в. романтизм и теоретические положения «чистого искусства» позволили Анненкову, Боткину и Дружинину выйти уже на границы либерального поля производства идей. Это было связано с естественным маргинальным состоянием еще только формировавшегося раннего русского либерализма, в узком интеллектуальном пространстве которого индивидуальные габитусы «эстетствующих» мыслителей конкурировали между собой за право обладания наиболее точной и оригинальной интерпретацией социокультурных либеральных ценностей. Неудивительно, что в их риторике 1840–1850-х гг. можно заметить неприятие догматического прогрессизма, удручающей повседневной нормативности буржуазного общества, дидактики концептуального арсенала европейского Просвещения и апологию эгоцентризма.

Вместе с тем, все это ни в коей мере не приводило к радикальному разрыву с либерализмом и должно быть отнесено, скорее всего, на счет особенностей и болезни роста отечественной либеральной традиции.

---

¹⁵ Дружинин. 1988. С. 267.

¹⁶ Там же. С. 340–341.

«Прощая» Кавелину увлечение славянофильством, а Чичерину его этатизм, мы не вправе лишать Анненкова, Боткина и Дружинина своеобразной «прописки» в русском либеральном сообществе «первой волны», в котором сосуществовали элитистские интерпретации индивидуализма и эгалитарные представления о природе личности.

В целом, индивидуализм являлся одной из системообразующих категорий в аксиологии отечественного либерализма середины XIX века. Совершенно очевидно, что имевшие место разногласия в трактовке феномена индивидуального в либеральной среде не выходили за рамки персональных различий в восприятии классической европейской традиции. Однако их не следует игнорировать. Возможно, все дело во временном факторе, так как на рубеже 1850–1860-х гг. в поле производства идей наиболее заметные интеллектуальные достижения были связаны с подготовкой либеральной программы Великих реформ и разработкой национальной модели либерализма. Таким образом, общественная атмосфера накануне преобразований в значительной степени детерминировала конкурентную борьбу за авторство самого удачного либерального проекта, в котором соединились бы западная теоретическая мысль и все своеобразие российской действительности. Данное обстоятельство может объяснить не только оригинальность многих размышлений ранних русских либералов, но нередко весьма умеренный характер их программных заявлений. В преддверии Великих реформ в России самодержавная либерализация общественной мысли стала прямым вызовом для либералов, что требовало адекватного ответа.

Другим краеугольным камнем концепции раннего русского либерализма следует считать положение и социальном измерении права собственности, которое не вызывало серьезных споров. Вряд ли кто-либо из либералов захотел бы оспорить слова Кавелина: «Как бы общественная жизнь ни была идеально устроена, с какою бы строгою справедливостью и беспристрастием ни распределялись вещественные, материальные блага между людьми, с какою бы нежною заботливостью ни пеклось общество после умершего об оставшихся в живых, дорогих ему лицах, – все это никогда не заменит права собственности, права оставлять наследство частным лицам, потому что в этих двух правах выражается свобода человека, которая ему так дорога, без которой он становится животным, а общество человеческое – стадом баранов»¹⁷.

Неравенство, как и свобода, по мнению ранних русских либералов, сопровождали человека с момента его рождения. Но если по поводу

---

¹⁷ Кавелин. 1898. Т. 2. С. 113.

свободы у них, все же, существовали определенные сомнения, связанные с изначальной и непреодолимой принадлежностью индивида к конкретной социальной среде с уже заданным «жизненным уставом», то идею многочисленных различий между людьми разделяли все. Обсуждая любые общественно значимые вопросы, либералы настаивали на несхожести и неравенстве человека по рождению. «Люди по физической природе, по умственным и другим своим способностям, неравны между собою со дня рождения. Из этого прирожденного неравенства вытекает и неравенство внешней их деятельности; одни предприимчивы, изобретательны, неутомимы, другие нет; одни делают много, скоро, хорошо; другие мало, медленно и плохо»¹⁸, – утверждал Кавелин.

Таким образом, отцы-основатели отечественной либеральной традиции артикулировали идею прирожденного неравенства индивидов, напрямую связывая это положение с представлениями о свободе и собственности. Для ранних русских либералов, как и для многих западных теоретиков либерализма, особенно его аристократической версии, распространение эгалитаризма неизбежно приводило к непримиримому столкновению с идеалами свободной экономической и социальной конкуренции, жизненного успеха личности и создавало реальную угрозу праву наследования имущества – одной из главных причин неравенства в социуме. Поэтому содержание понятия равенства они больше увязывали с правильной политикой государственной власти, обязанной создать по возможности любому человеку все необходимые условия для самореализации и не препятствовать ему в достижении цели.

Кроме того, ранние русские либералы, вслед за многими европейскими либеральными мыслителями, ограничивали политические права граждан имущественным цензом. В частности, они разделяли мнение классика французского либерализма Б. Констана о том, что «владелец дохода, достаточного, чтобы существовать независимо от чужой воли, может иметь гражданские права»¹⁹, так как только собственность обеспечивает человеку свободное время для приобретения необходимых знаний и занятия политикой. Известный франкофил Чичерин буквально вторил Констану, заявляя: «Поэтому собственность, в общем итоге, служит лучшим мерилom политической способности»²⁰. В итоге, именно с рассуждениями о равенстве/неравенстве и свободе русские либералы середины XIX в. соединяли свои представления о собственности.

---

¹⁸ Там же. С. 112.

¹⁹ Классический французский либерализм... 2000. С. 79–80.

²⁰ Чичерин. 1899. С. 16.

Итак, в раннелиберальном дискурсе господствовало мнение о закономерности неравенства в обществе, которое сопровождает индивида всю жизнь, начиная с момента рождения. Вначале это связано с правом наследования имущества, созданного предшествующими поколениями семьи и обеспечивающего человеку определенные статусные позиции и потенциальные возможности уже при появлении на свет. Данное право ранние русские либералы объявляли не только священным и неприкосновенным, но и лучшей гарантией плодотворного развития всего общественного организма. Ведь материальная независимость «дает средства к более тщательному воспитанию с малолетства, а оно пробуждает и изодряет ум, развивает таланты, укрепляет хорошие природные склонности и подавляет в зародыше дурные, словом, вызывает к деятельности все душевные и нравственные силы, которые при отсутствии воспитания и при тяжких заботах с самой юности о существовании, остаются неразвитыми, глочнут, грубеют и наконец замирают в массах людей, не имеющих собственности и живущих трудом»²¹.

Исторически возникновение собственности русские либералы середины XIX века связывали с формированием личности как результата внутреннего развития племенных сообществ и осознания индивидом своих частных интересов. В дальнейшем залогом успешного расширения системы частной собственности они способность личности к постоянному обновлению поля деятельности и преодолению силы коллективных традиций. «Чем более развивается личность, тем шире становится круг ее действий, тем свободнее делается собственность. Полное освобождение частной собственности из единства родового владения является уже плодом долгого и медленного исторического процесса»²², – полагал Чичерин, изучив длительный опыт существования сельской общины в России. Отечественные либералы не забывали подчеркивать не метафизическую, а исключительно диалектическую связь сосуществования свободы, собственности и неравенства.

В раннем русском либерализме обсуждались разные виды собственности, о чем нередко писали Бабст, Боткин, Кавелин и Чичерин, но преимущество по вполне понятным причинам отдавалось земельным вопросам. Этот выбор был продиктован не столько принадлежностью большинства либералов к сословию дворян-землевладельцев, сколько актуальностью проблемы поземельных отношений накануне и в период проведения Великих реформ. Для всех либеральных мыслителей круга

---

²¹ Кавелин. 1898. Т. 2. С. 113.

²² Чичерин. 1858. С. 5.

Кавелина-Чичерина крепостное право и дореформенное состояние системы земельной собственности являлись прямым вызовом ближайшему будущему страны, отчего рождалось острое желание как можно быстрее начать преобразования в этой сфере. Вместе с тем, именно в полемике об идеальном устройстве деревни и многочисленного крестьянского населения либеральная среда не отличалась единомыслием.

Не вдаваясь в нюансы обсуждения аграрного вопроса в раннем русском либерализме, необходимо отметить два основных подхода к решению проблемы перспективного обустройства земельной собственности в России. Первый представлял Кавелин, который всерьез был обеспокоен социальными последствиями предстоящей модернизации в сельском хозяйстве в канун Великих реформ. В частности, он обращал внимание на отрицательные последствия безграничного господства личной собственности. Признавая очевидные результаты распространения частных интересов в экономике, Кавелин предупреждал: «Где только личная собственность господствует исключительно, там, рано или поздно, непременно наступает полная социальная анархия и бедствие народных масс, страшные общественные недуги, против которых доселе оставались бессильными все средства, – недуги, которые развиваются неудержимо, питаясь и поддерживаясь сами собой»²³. Одновременно он ни в коей мере не ставил под сомнение сакральный характер существования самого института собственности в России. Он искал варианты смягчения неизбежного процесса социальной дифференциации в обществе в период раскрепощения крестьян и культивирования ценностей рыночной экономики в деревне. В итоге, Кавелин лоббировал идею сосуществования разнообразных форм собственности в сельском хозяйстве с его многомиллионным населением. Сохранение общинных порядков наряду с развитием частного интереса казалось ему панацеей от пролетаризации огромной крестьянской массы и разорения дворянства.

Иной версии придерживался Чичерин. Он был близок к сторонникам классического экономического либерализма манчестерского типа. По мнению Чичерина только свобода поземельной собственности может гарантировать успешное развитие экономики российского государства. В преддверии крестьянской реформы он утверждал, что цель «к которой мы должны стремиться при отмене крепостного права, есть свобода лица, подчиняющаяся единственно государственной власти, и свобода поземельной собственности»²⁴. Таким образом, свобода лично-

---

²³ Кавелин. 1898. Т. 2. С. 177–178.

²⁴ ОР РГБ. Чичерин. Л. 10–11.

сти закономерно предполагала самые широкие возможности распоряжения своим имуществом. Чичерин тратил намного больше интеллектуальных усилий на доказательство необходимости политической лояльности человека государству, оставаясь апологетом экономической свободы и права собственности, не стесненного общинными институтами или запретительными мерами. Вместе с тем, Чичерин прекрасно осознавал серьезные трудности переходного периода в национальных условиях. «Что касается до нашего отечества, то нам вообще говоря, до улучшенного фермерского хозяйства еще далеко, а между тем целая масса бедного народонаселения, пущенная на волю без земли и осужденная питаться ежедневным трудом, без сомнения впадет в самое бедственное положение»²⁵, – писал Чичерин, солидаризируясь с мнением Кавелина. Более того, он не отрицал вероятности сохранения на переходном этапе некоторых ограничений, таких как, регулирование крестьянской мобильности, обязательные отработки, но исключительно в качестве вынужденных и временных мероприятий, рассчитанных на постепенное укоренение основ системы свободной земельной собственности. Сохранение общинных порядков Чичерин однозначно отвергал, акцентируя внимание на неизбежности крестьянского выкупа земли.

Разницу в подходах двух главных теоретиков раннего русского либерализма в данном случае объяснить не так уж просто. С одной стороны, хорошо известно толерантное отношение Кавелина ко многим идеям славянофилов, среди которых была и апелляция к якобы спасительным для России общинным институтам. Одновременно всем знаком последовательный экономический либерализм Чичерина, часто спасавший его от обвинений в принадлежности к консервативному кругу мыслителей. С другой стороны, не в последнюю очередь, позиция Кавелина связана с тем местом, которое он занимал в отечественном либеральном сообществе середины XIX столетия. В силу уже имеющегося среди коллег авторитета ему принадлежало практически монопольное право на интерпретацию многих исторических, социально-экономических и политических сюжетов программы формировавшегося русского либерализма, с чем вряд ли мог согласиться Чичерин.

Персональные габитусы ключевых фигур в отечественной либеральной мысли середины XIX в. определяли возможности каждого в создании оригинального авторского проекта либерализации страны в национальных условиях. Смещение позиции землевладельца и либерального эксперта в крестьянском вопросе, признанного всей интеллек-

---

²⁵ Там же. Л. 9.

туальной средой своего времени, породило очевидное своеобразие взглядов Кавелина в непростом деле реформирования системы земельной собственности. В свою очередь Чичерин, отвергавший архаичные институты и устаревшие рецепты перспективного экономического развития России, предлагал консервативную методику политического обновления исключительно с позиции собственника. Например, он открыто заявлял о недопустимости расширения политических прав в пользу неимущих. В «устранении бедности от политических прав нет ничего возмутительного для нравственного чувства»²⁶, – считал один из столпов отечественной либеральной мысли середины XIX века.

Таким образом, за очевидными объяснительными схемами идейной неоднородности раннего русского либерализма нельзя не увидеть ролевую конкуренцию основных персонажей за символический капитал лидерства в либеральном сообществе. Никто из либералов не отрицал наличия национальных особенностей, но каждый из них, прежде всего Кавелин и Чичерин, акцентировали внимание и нюансировали отдельные сюжеты, опираясь на которые и создавали свои концептуальные версии «народнического» и «охранительного» либерализма.

Заметное место в раннем либерализме занимали вопросы настоящего и будущего отечественной промышленности. Общим для всех либералов было представление о слабом развитии этого сектора национальной экономики и необходимости всемерного укрепления в нем института частной собственности. Один из классиков либеральной политэкономии в России середины XIX в. Бабст убеждал: «Предоставляя каждому человеку, каждому промышленному обществу свободное поле деятельности, не приучая народ к мысли, что и в его хозяйственных делах нужна ему постоянная нянька, ограничиваясь только надзором или хорошими строгими законами против всякого покушения на чужую собственность и преимущественно в отношении к должникам, к банкротствам, и тогда частный интерес, личная выгода приведет и каждого отдельного промышленника, и народную промышленность вообще к желанной цели»²⁷.

В отличие от поливариантных предложений в сфере обустройства земельных отношений нормативные требования либералов к промышленной и торговой собственности не отличались разнообразием. Самое главное – это создать с помощью государства абсолютные гарантии неприкосновенности и правовой защищенности частной собственности в

---

²⁶ Чичерин. 1899. С. 16.

²⁷ Бабст. 1999. С. 123.

качестве залога будущей успешной экономической модернизации. Другой стимул либералы видели в свободе торговли и промышленности, минимизации внешнего государственного участия в распределении и перераспределении собственности, полагаясь на естественные механизмы конкурентной борьбы. Наконец еще одним условием положительной динамики роста экономики ранние русские либералы считали «обуржуазивание» дворянства, превращение его в крупного торгового и промышленного собственника.

Внешнее единомыслие либеральной среды в вопросах развития частной собственности в промышленности и торговле связано, как ни странно, с разной оценкой ближайших перспектив общественного движения российского социума. Одни либералы (Бабст, Боткин, Чичерин) придавали серьезное значение влиянию городского хозяйства и промышленных центров на экономику и, по мере возможности, разрабатывали либеральную экономическую стратегию. Другие (Кавелин) попросту не участвовали в обсуждении данных проблем, так как скептически относились к гипотетическим достижениям отечественного фабричного производства и крупной торговли, полагаясь исключительно на деревню как единственный источник экономического процветания в России.

«Как бы не развилась у нас фабричная промышленность и торговля, они никогда не создадут у нас такого могучего среднего сословия купцов и фабрикантов и столько же многочисленного безземельного и бездомовного класса фабричных рабочих и пролетариев, в противоположность землевладельческим классам и поземельной собственности, как в Европе»²⁸, – утверждал Кавелин. Поэтому традиционные для него опасения пролетаризации неимущих масс в России вообще не увязывались им с какими-либо процессами в промышленной и торговой сфере.

В целом, ранние русские либералы не подвергали ни малейшему сомнению право человека на приобретение, распоряжение и защиту своей собственности. «Право собственности, право оставлять ее после себя своим детям и близким, есть для огромного большинства людей лучший плод и награда трудов и усилий. Отнимите эти два сильнейших побуждения для деятельности, и одни только избранные будут продолжать трудиться и работать, а большинство не станет ничего делать, упадет в бездействие, в умственную и нравственную апатию»²⁹, – считал Кавелин. Более того, это право составляло основу либерального тезауруса середины XIX века, не только персонально маркировавшее идей-

²⁸ Кавелин. 1898. Т. 2. С. 128–129.

²⁹ Там же. С. 112–113.

ную принадлежность мыслителя, но и во многом определявшее всю аксиологию отечественного либерализма.

В раннем русском либерализме на фоне общего интеллектуального консенсуса в трактовке индивидуализма и права собственности нетрудно заметить интерпретационное разнообразие в методике и средствах их адаптации на национальной почве. Среди очевидных причин этой разногласности следует назвать естественные последствия процесса освоения классического либерального наследия европейского образца в неблагоприятных условиях доминирования базовых характеристик традиционного общества. Однако немаловажное значение имели особенности поля производства идей, в котором происходило рождение «харизмы» русской либеральной традиции.

Сюжетные и ситуативные различия в коннотациях индивидуализма и собственности в раннем русском либерализме рождались в конкурентной среде, где еще отсутствовало представление о каноническом национальном арсенале либеральных ценностей и путях их укоренения в России. Позиции одних теоретиков (Кавелин) освящались временем присутствия в круге «избранных» либералов еще со времен западничества 1840-х гг. Другие (Чичерин), в силу более молодого возраста не прошедшие обучения в «школе западников», обозначили свои концептуальные претензии в либеральном сообществе позже, во второй половине следующего десятилетия. Таким образом, разница в идейной социализации отцов-основателей раннего русского либерализма, да еще в период его формирования накануне Великих реформ, стимулировала столкновения и борьбу между ними за авторитет и право аутентичного понимания специфики либерального в России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анненков П. В.* Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799–1826 гг. СПб.: Б.М., 1874.
- Анненков П. В.* Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П. В. Анненкова. 1849–1868 гг. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877. Отдел первый.
- Бабст И. К.* Избранные труды. М.: Наука, 1999.
- Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1901. Кн. 15.
- Боткин В. П.* Сочинения. СПб.: Журн. «Пантеон лит.», 1893. Т. 3.
- Боткин В. П.* Литературная критика; Публицистика; Письма. М.: Советская Россия, 1984.
- Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2005.
- Грановский Т. Н.* Полное собрание сочинений. СПб.: Н. Ф. Мертц, 1905. Т. 1.

Дружинин А. В. Литературная критика. М.: Советская Россия, 1983.

Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М.: Современник, 1988.

Кавелин К. Д. Собрание сочинений. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1898. Т. 2. Классический французский либерализм: Сборник / Пер. с фр. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

ОР РГБ. Ф. 548. Кавелин.

ОР РГБ. Ф. 334. Чичерин.

Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М.: В типографии Эрнста Барфехта и комп., 1858.

Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М.: В тип. Грачева и комп., 1862.

Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1899.

Шнейдер К. И. О некоторых «фобиях» современного отечественного «либераловедения»: начальная история русского либерализма как историографический «фантом» // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. Т. XVI. М.: Университетская книга, 2009. С. 234–242.

Шнейдер Константин Ильич, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного университета; *kshneyder@yahoo.com*

С. И. БЫКОВА

СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТ КАК «ВРАГ НАРОДА» ДИЛЕММА ЛИЧНОСТНОЙ И ОФИЦИАЛЬНО ЗАДАННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается проблема противостояния/сотрудничества арестованных советских людей и следователей НКВД. Ориентированные на выявление «контрреволюционных, диверсионных, шпионских организаций», сотрудники НКВД арестовывали невинных людей и, используя всевозможные способы, получали от них «признания» в несовершенных преступлениях. Один из аргументов – признания необходимы в интересах советского государства. После вынужденного «признания» размышления о предательстве (себя, оговоренных людей, идеи) могли стать причиной самоубийства или сумасшествия.

Ключевые слова: идентичность, советский патриотизм, «провокационные» методы следствия, конструирование образа «врага народа», самооговоры.

Маргарет Мид, анализируя фильм А. Иванова «На границе» (1938), обратила внимание на сходство главных героев – предателя и советского патриота, внешне почти неотличимых друг от друга и в течение всей жизни являвшихся друзьями. Для нее это сходство иллюстрировало амбивалентность образов, имевших своих прототипов в реальной жизни, и свидетельствовало о трудностях изучения советского общества «на расстоянии»: исследователю сложно понять, с кем он имеет дело – с «верным советским гражданином» или «врагом народа». Изучив феномены социального контроля и бдительности, М. Мид сделала вывод: «Враг народа» – точная копия самого верного советского гражданина или члена партии¹. Кроме того, она признала, что в реальности советские функционеры должны были решать подобную же дилемму.

Однако в данном случае, как справедливо отмечала Наталья Козлова, изучавшая «человеческие документы» советской эпохи, следует поставить вопросы о социальной конструкции самих принципов организации социальной реальности и о роли государства в их конструировании. Помимо пропагандируемых властью идеалов существовала классификационная решетка государственных категорий, согласно которой люди делились на «своих» и «чужих»; на «культурных» и «некультур-

---

¹ Цит. по: *Ссорин-Чайков*. 2009. С. 19–20, 52–53.

ных»; на тех, кто имеет право получить паспорт, и тех, кто должен жить без паспорта. Такие классификации принимались и воспроизводились представителями разных социальных групп. Именно это согласие, по мнению Н. Козловой, – одна из причин успешности советской системы².

В спектре разнообразных и противоречивых мнений и суждений, характеризующих политические настроения советских людей в 1930-е годы, особое значение имел миф о светлом будущем. Именно эта вера поддерживала энтузиазм, оправдывала произвол власти, трудности и жертвы. Амбициозные исторические перспективы, желание обогнать время отразились не только на темпоральных представлениях поколения 1920–1930-х гг.: данный хронотоп предопределил создание особых маркеров социальной стратификации, основными категориями которой являлись «бывшие» и «новый советский человек». Однако в ситуации политических репрессий противопоставление данных двух категорий оказалось проблематичным – появилась категория «внутренний враг»: «не нашими» объявлялись все, кто критически относился к происходящему, сохранял смелость говорить правду (о некачественных обедах в заводской столовой, о дефиците продуктов питания, о некомпетентных руководителях предприятий, о предательстве И. Сталиным ленинских заветов...). Степан Подлубный, сын раскулаченного крестьянина, приехавший в Москву, в дневниковой записи от 23 декабря 1933 г. так характеризовал молодых людей, которых называли «не нашими»: «либеральные», «люди нешаблонных взглядов», «на все смотрят критически, сказав слово, не оглядываются», «не стесняются говорить правды в глаза», «категория этих людей глубже, развитей, способнее...»³.

Данное наблюдение современника можно считать точным, так как реалии жизни вызывали множество вопросов и сомнений, являясь причиной постоянных размышлений о собственной идентичности. Например, Аркадий Маньков, живший в Ленинграде и работавший в 1930-е гг. сначала на заводе «Красный треугольник», затем в библиотеке, ставший студентом исторического факультета ЛГУ, отразил этот процесс весьма образно в своих дневниковых записях: «Иногда меня (в особенности по ночам) посещает мой черт... Тогда мне становится не по себе. Я утрачиваю силу и равновесие духа. Прошлое и будущее покрывается мраком». Существование его семьи и большинства окружающих людей на грани выживания; низкая оплата труда; нищие на улицах города и в вагонах электричек; государственное насилие, проявлявшееся в директи-

---

² Козлова. 2005. С. 27, 221–222.

³ Там же. С. 228–229.

вах правительства, судебных процессах и принудительных займах, своим несоответствием грандиозным историческим перспективам создавали основание для размышлений и самокритики: «Вдруг, да это только внешняя сторона явлений, видимость, совершенно необходимая, так сказать, узаконенная историей, что за этой видимостью скрывается светлая и радужная сущность?!?»⁴. В стремлении найти ответ на данный и многие другие вопросы некоторые люди начинали сомневаться в своей «советскости». Другие, напротив, стремились доказать свою гражданскую ответственность, наблюдая и оценивая окружающих.

Абсурдность ситуации заключалась в том, что «врагами народа» называли людей, которые никогда не принимали участия в дискуссиях, были очень далеки от политики, ориентируясь только на выживание в трудных условиях.

Террор, ставший фактором повседневности, создавал в стране два мира – иллюзорной свободы и абсолютной несвободы. Границы этих миров были невидимы и подвижны: каждый человек неожиданно мог оказаться в «другом» мире. Многие находились в постоянном ожидании ареста, а «сознательные советские граждане», разделяя официальную теорию об обострении классово-борьбы, с энтузиазмом помогали раскрывать «контрреволюционные и шпионские организации». Власть, официально одобряя недоверие, подозрительность, предательство и жестокость, создавала атмосферу оправдания всех аморальных поступков абстрактными идеалами «светлого будущего», «советского патриотизма», «революционной законности» и «политической бдительности».

Газеты и радио освещали политические процессы, проходившие в Москве и в регионах. Центральные и местные газеты публиковали сообщения под названием «Дневник судебного процесса», предоставляли читателям подробную информацию о допросах подсудимых, речи государственных обвинителей и тексты приговоров. Обязательным элементом пропагандистской кампании являлись материалы, свидетельствующие о поддержке населением предпринимаемых властью мер социальной защиты. Не только содержание, но и названия корреспонденций и писем, опубликованных в газетах, подчеркивали единогласие народа и власти: «Смерть изменникам!»; «Никакой пощады врагам...!»; «Трудящиеся области одобряют приговор суда». О проведенных политических процессах издавались брошюры и снимались документальные фильмы.

---

⁴ Маньков. 2001. С. 17, 27.

В условиях ускоренного строительства, освоения новых технологий и кардинальных перемен, неотъемлемыми характеристиками которых являлись напряжённость жизни, бытовая неустроенность, аварии на производстве, обострение социальных отношений, у большинства современников формировалось лояльное отношение к информации властных инстанций. В ситуации, когда добросовестно трудившиеся люди не понимали причин дефицита продуктов питания, отсутствия предметов потребления, невыполнения планов, других негативных явлений – «вредительство» стало одним из элементарных объяснений возникавших трудностей. В результате многие граждане искренне верили в наличие врагов, препятствовавших реализации идеала светлого будущего.

Именно по этой причине некоторые советские люди соглашались на сотрудничество с ОГПУ и НКВД. Одни становились агентами следственных органов под давлением, по принуждению; другие – из превратно понимаемого чувства долга. Тем не менее, при знакомстве с документами удивляет пунктуальность и «добросовестность» исполнения этой социальной роли. Агентурные данные, которые предоставляли «источники», имевшие псевдонимы «Герман», «БУР», «Нагорный», «Тобол» и другие, в соответствующие инстанции, были чрезвычайно информативны и содержали подробнейшие сведения не только о политических настроениях и критических высказываниях, но о личной жизни, привычках и даже литературных пристрастиях наблюдаемых.

Материалы судебно-следственных дел и личных фондов руководителей партии и государства предоставляют много свидетельств о деятельности добровольных информаторов, не являвшихся агентами следственных органов или членами «разоблачительских» организаций, но считавших своим долгом сообщать о сомнительных фактах или подозрительных людях. Они направляли свои заявления, докладные записки и анонимки во все инстанции – в партбюро и ЦК ВКП(б), в местные управления и Наркомат внутренних дел, в газеты, в Верховный Суд и Прокуратуру СССР. По этим документам можно воссоздать атмосферу ненависти, в которой происходило самоуничтожение социума, имевшего в своем составе людей, ориентированных на поддержку власти и называвших в своих корреспонденциях «врагов народа».

Так, в письмах, адресованных в центральные органы, один из жителей Свердловской области заявлял о стремлении всегда оправдывать «доверие советской власти» и желании «убрать сор, мешающий строи-

тельству социализма»⁵. Авторы других корреспонденций, характеризующих подозреваемых ими людей, использовали такие выражения: «Он враг республики, враг рабочего класса...»; «Сомневаюсь, что он большевик...»; «Заверяю, что это чужой человек... для нашего строительства»; «Это далеко не советские люди...»⁶.

Авторы доносов часто не только проявляли подозрительность к указанным ими лицам, но и выражали возмущение работой органов, задачей которых считались выявление и изоляция «чуждых» людей. Весьма показательным является мнение автора анонимного послания, датированного 1936 г.: «Живущие с ними... удивляются, почему и под чьим руководством такой буржуазный тип находит должности в нашем советском хозяйстве и даже пользуется правами советских граждан»⁷. Примечательны и тот факт, что наряду с умеренными требованиями («обратить серьезное внимание и расследовать вышеизложенное», «принять меры», «не мешало бы политотделу поинтересоваться им», «проверить бело-гвардейского офицера, проживающего здесь...», «исследовать это дело и привлечь к ответственности»; «рассмотреть и передать, куда следует»; «спросить меня, я подробно все расскажу...») авторы демонстрируют агрессивность по отношению к следственным органам: «я буду дальше писать, если ты не примешь мер против этого злодея»⁸.

Многие современники осознавали роль осведомителей НКВД – как добровольных информаторов, так и секретных сотрудников. В частности, в городах распространялась следующая версия: «...очереди у магазинов правительством созданы, чтобы испытать политическую благонадежность населения»⁹. Наиболее информированные убежденно критиковали НКВД за систематическое материальное поощрение агентов, главной задачей которых являлось создание фантомов врагов¹⁰. Директор Пермского педагогического института П. Г. Погожев в письме к И. Сталину в 1938 г. на вопрос «Как можно объяснить массовое появление врагов народа, врагов социализма через 20 лет победоносного социалистического строительства?» ответил: «Секрет этого позорного

⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 183. Л. 189–191, 196–200.

⁶ ГАОО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20945 (конверт); Д. 26018. Т. 1. Л. 10, 11, 17; Д. 17160. Т. 16. Л. 173–175 и др. дела; ГАДПР ПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7794. Т. 2. Л. 60; Т. 3. Л. 95; Ф. 2. Оп. 1. Д. 31849. Л. 58–59 и др. дела.

⁷ ГАДПР ПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7794. Т. 3. Л. 95.

⁸ ГАОО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19638. Т. 5. Л. 220–221; ГАДПР ПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12837. Т. 2. Л. 226–235; Д. 26710. Л. 367.

⁹ Осокина. 1998. С. 204.

¹⁰ XX век. 2003. С. 46; Фельдман. 2008. С. 125.

явления состоит в том, что органы НКВД проводят политику массовой фабрикации врагов народа»¹¹.

Второй этап конструирования/деконструкции «врагов» и «советского человека» происходил в застенках НКВД. Самой трагичной страницей этих событий является история противостояния следователей и арестованного – история до сих пор не изученная¹². Материалы судебно-следственных дел позволяют рассмотреть, каким образом сотрудники НКВД получали необходимые им «добровольные» признания арестованных и, напротив, что позволяло арестованным выдерживать моральное и физическое давление следователей.

Самым удивительным аспектом истории следствия и репрессий является обман следователями арестованных и их самообман, основанный на принципиальном противоречии в понимании патриотизма. Следователи прагматично и откровенно цинично использовали искренние чувства преданности Родине оказавшихся в их распоряжении людей. Согласно множеству свидетельств, следователи сначала стремились внушить, что они знают об арестованном только положительные отзывы, однако «интересы государства требуют...»¹³. Например, в тюрьме «Красный камень» (г. Нижний Тагил) следователи заявляли, что аресты – часть особо секретной кампании, проводимой по указанию сверху, аресты активистов и стахановцев нужны для разоблачения настоящих врагов, а признания – «для блага Родины»¹⁴. В других тюрьмах следователи обещали, что за добровольные признания, «необходимые советскому государству», арестованные не только будут освобождены, но и получат работу по их желанию в любом районе СССР. По этой причине арестованные не только подписывали протоколы, но учили и даже репетировали речи для выступления на открытом судебном процессе. Однако в большинстве случаев обещания следователей являлись расчетливым обманом – они знали, что суда не будет, что многие из арестованных уже приговорены к ссылке или расстрелу.

Многие из арестованных соглашались на сотрудничество со следователями, доверяя им как представителям советской власти. Одним из примеров подобного поведения можно считать Сигизмунда Негребецкого, молодого рабочего УЗТМ, стахановца, арестованного в начале

---

¹¹ Политические репрессии. 2004. С. 270.

¹² Журавлев. 2005. С. 372.

¹³ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18001. Л. 64; Д. 4514. Л. 29; Д. 17554. Т. 30. Л. 86–87, Т. 32. Л. 77; Репрессии. 2006. С. 273.

¹⁴ Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 64.

1938 г. Он сообщал в письме своей матери о том, каким образом был осужден на десять лет: «В тюрьме следствия никакого не было. Следователь просил подписать документ о шпионско-диверсионной деятельности, объясняя это тем, что нужно для дипломатических целей и обещал полную свободу через два месяца. У следователя я был только один раз, где подписал документ, который от меня требовали, тем более от имени государства и Советской Власти, а не доверять Советской Власти у меня нет никаких оснований»¹⁵.

Другой вариант развития событий представил А. Т. Чернышев, до ареста работавший молотобойцем на Богословских копях. Отбывая наказание, он обратился в 1939 г. в Президиум Верховного Совета СССР, указывая, что был осужден, хотя никаких преступлений не совершал: «Следователь ставит меня в известность, что материалов на меня никаких нет, и он знает, что я не виновен... но нужен материал <...> о якобы совершенных действиях контрреволюционного характера, который Вы должны подписать. Нужно это в дипломатических целях, для изжития иностранных консульств. Если Вы не подпишете, Вы являетесь врагом народа, не хотите помочь нашему правительству...»¹⁶.

К сожалению, не являлась редкостью третья модель отношений «следователь-арестованный». Главный инженер Уралэнерго, член партии большевиков с 1917 г., участник гражданской войны, ставший талантливым специалистом, поверил следователю, который убедил его в необходимости фабрикации материалов для предъявления английскому правительству данных о шпионской деятельности против Советского Союза. Умный, эрудированный коммунист, находившийся ранее в длительной командировке в Великобритании, вместе со следователем в течение нескольких дней составляли протокол допроса о шпионской деятельности. Причем инженер исправлял написанное следователем, чтобы «материал выглядел правдоподобно»¹⁷.

Игра в патриотизм предназначалась не только для арестованных, но и для самих следователей: в документах встречаются свидетельства, как руководство убеждало их в том, что массовые аресты и «особые» методы ведения следствия осуществляются «в интересах родины», «в интересах советской власти», «в интересах партии и страны». В письме на имя Л. П. Берии, датированном 30 ноября 1938 г., оперуполномочен-

¹⁵ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18166. Л. 30-32.

¹⁶ Там же. Д. 39666. Л. 11.

¹⁷ Завещание. 1989. С. 26. См. аналогичные истории: XX век. 2003. С. 67, 76; ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 32. Л. 337-339.

ный УНКВД Свердловской области А. Г. Гайда (в отличие от некоторых своих коллег он написал это письмо до ареста) признал, что он являлся «участником вражеской работы, которая проводилась последние два года», что все следователи требовали и получали от арестованных показания «для советской власти»¹⁸. Свидетельство А. Г. Гайды подтвердил 23 марта 1939 г. заместитель начальника УНКВД по Свердловской области Варшавский, привлеченный к ответственности за «активную» работу в период массовых политических репрессий: на допросе он признал незаконность действий следователей, отметив, что они уговаривали арестованных дать показания о принадлежности к иностранным разведкам, поскольку советскому правительству нужны были факты для предъявления претензий иностранным посольствам¹⁹.

Однако на самом деле признания обвиняемых были важны для руководства НКВД и И. Сталина как оправдание массовых репрессий. Огромную роль в том, что некоторые из современников начинали верить в реальность преступлений и справедливость наказания, играли именно личные признания обвиняемых, которые можно было услышать на открытом процессе или прочитать в газетных репортажах. По этой причине следователи НКВД добивались признаний любыми средствами. Заместитель наркома НКВД М. П. Фриновский, арестованный в конце 1938 г., свидетельствовал: Н. Ежов интересовался, как правило, не существом дела, а только тем, не откажутся ли арестованные от своих показаний на очных ставках и на открытом процессе²⁰. Если современники сомневались в правосудии, то признания подсудимых иногда становились главным аргументом, позволявшим принять официальную версию. Инженер С. Швед в своих воспоминаниях передала настроения советских людей того трагического времени: «Мне тогда казалось, как и многим, многим другим, что не может быть «дыма без огня». Очевидно, все-таки какие-то крупные преступления обнаружены, пусть далеко не все виноваты, но не всех же зря казнят. Особенно убедительными казались некоторые процессы с «саморазоблачением», «раскаиванием»...»²¹.

Иногда сотрудники НКВД начинали «работу» с очередными жертвами до ареста. Когда многие коллеги главного инженера Половинкинского рудника И. Ф. Сидоркина были арестованы, его пригласил уполномоченный НКВД и рассказал ему об их показаниях. Как специалист,

¹⁸ Там же. Д. 17368. Т. 5. Л. 92–93.

¹⁹ Там же. Д. 17554. Т. 54. Л. 44–45.

²⁰ Хаустов, Самуэльсон. 2009. С. 116.

²¹ Завещание. 1989. С. 74.

знающий ситуацию на руднике, Сидоркин выразил недоумение, поскольку «на самом деле все было не так». Тогда в качестве доказательства правдивости своих слов уполномоченный зачитал последнюю фразу из показаний. Стандартные слова о том, что показания записаны собственноручно арестованным и он просит сохранить ему жизнь, чтобы использовать свои знания и опыт для работы в угольной промышленности и тем самым искупить вину, которую совершил перед советской властью, как отметил инженер, «рассеяли сразу мои сомнения...»²².

Проблема признаний вызвала дискуссию в ЦК ВКП(б). И. Сталин во время его конфликта с Политбюро по вопросу об очных ставках, ссылаясь на признания К. Радека и других, заявлял: «...очень аккуратно и честно работают чекисты», поскольку на очной ставке в присутствии членов ЦК обвиняемым была предоставлена возможность сказать правду. Если они согласились с тем, что записано в протоколах, значит, нет никаких фальсификаций²³.

Учитывая значимость признаний, сотрудники НКВД стремились получить их, используя все методы воздействия. В феврале 1938 г. на совещании Н. Ежов критиковал оперативный состав за крайне низкий процент давших признательные показания. Как утверждают известные исследователи истории репрессий В. Хаустов и Л. Самуэльсон, такая ситуация была характерна для всех регионов СССР. Например, в Мордовской АССР 96% прошедших через тройку советских граждан не признались во «вредительской деятельности»²⁴. Действительно, многие арестованные, несмотря на все методы воздействия со стороны следователей, не признавали обвинений, заявляя, что в контрреволюционные организации не вступали, антисоветскую агитацию не вели, диверсиями, террором и шпионажем не занимались. Как правило, такие люди, не признавая себя виновными, отказывались подписывать протоколы допросов с ложными показаниями²⁵. В воспоминаниях Касыма Азнабаева приводится пример, что все арестованные двадцать пять «нефтяников-вредителей» из Ишимбая выдержали, протоколов допросов не подписали (несмотря на это, четверых приговорили к десяти годам лишения свободы, остальных расстреляли). Н. Шелегов, журналист, после следствия написал в Верховный Суд СССР: «Мне только 34 года... полови-

---

²² ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 30. Л. 85.

²³ *Делалой*. 2010. С. 450.

²⁴ Хаустов, Самуэльсон. 2009. С. 286.

²⁵ Например: ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26018. Т. 1. Л. 141–145, 164–165; Д. 17160. Т. 11. Л. 245–250.

ну своей жизни я работал в комсомоле и партии... я никогда не был и не мог быть участником какой бы то ни было контрреволюционной организации. Я был и остаюсь <...> советским патриотом». В записках родным, которые так и не удалось передать из заключения, Николай писал, уверяя в своей невиновности: «Я решил до конца, чего бы мне не стоило, остаться честным и правдивым перед партией и перед собой. Не все поступают так...». Такой же позиции придерживался Я. К. Донкушин, диспетчер станции Свердловск: виновным себя не признавал, показания других называл оговором, в последнем слове заявил: «Никогда не был вредителем, всегда работал честно»²⁶. Можно привести другие подобные примеры, однако едва ли есть основания однозначно утверждать, что они характеризуют определяющую тенденцию.

В документах имеются противоречивые свидетельства. В частности, директор Свердловского государственного университета З. Ф. Горбакова, вынужденная после долгого противостояния следствию признать обвинения, в письме, переданном из тюрьмы родным, сообщала: «Так поступает большинство»²⁷. В протесте по одному из дел указано, что были расстреляны все арестованные – 295 человек (среди них рабочие и специалисты многих предприятий Урала из Чусовского, Нижней Салды, Добрянки, Нытвы, Кунгура, Алапаевска, Полевского, Нижней Ляли, Свердловска, других заводов, рудников и золотых приисков). Некоторые из них до революции были эсерами, но большинство в годы Гражданской войны являлись красными партизанами. Особенностью этого дела является возраст арестованных, даты рождения которых 1869-й, 1872-й, 1880-й, 1886-й, 1897-й год. Некоторые из родственников арестованных назвали эту трагедию «делом стариков». До момента ареста Управление НКВД не располагало никакими материалами о принадлежности обвиняемых к «контрреволюционной организации», и только в процессе допросов были получены признания большинства арестованных. Только 20 человек виновными себя не признали. В письме дочери одного из обвиняемых содержится описание встречи с отцом после нескольких дней пребывания в Свердловской тюрьме: «...морально сломленный, он сумел мне шепнуть во время краткого свидания, что подписал то, в чем не виноват»²⁸.

---

²⁶ Завещание. 1989. С. 151; ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17201. Л. 89, 93–94, 105 об; Д. 20945. Л. 45 об.

²⁷ Репрессии. 2006. С. 274.

²⁸ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 54. Л. 203.

Второй секретарь посольства США Дж. Ф. Кеннан, присутствовавший на одном из московских процессов, пытался найти ответ на вопрос, волновавший многих: «Люди спрашивают: “Как они заставили каждого подсудимого сознаться?”». Ответ на этот вопрос сравнительно прост: они не заставили каждого. Есть, несомненно, многие, кто отказался играть роль, и кто по этим причинам не был доставлен на открытый процесс». Отметив, что у следствия имеются грубые методы воздействия, он продолжил размышления грустной шуткой, сочиненной дипломатами: новая Конституция СССР, чтобы быть эффективной, должна даровать русским право подвергаться пыткам, не признаваясь²⁹.

Мнение американского дипломата подтверждается множеством свидетельств, содержащихся в письмах арестованных, которые они пытались во время следствия передать родным; в ходатайствах, жалобах и заявлениях, отправленных в областные и союзные органы суда и прокуратуры, адресованных правительству, ЦК ВКП (б), лидерам партии и государства. Эти документы, сохранившиеся в судебно-следственных делах, воссоздают историю ареста, условия содержания во время предварительного заключения и произвол следователей. Пострадавшие называли различные формы физического и морального давления, применяемые на допросах: отказ от очных ставок со свидетелями и другими обвиняемыми; отказ от внесения в протокол объяснений и показаний, опровергающих версию следствия; лишение права на письма родным и свидания; угрозы бросить в камеру к рецидивистам или расстрелять, арестовать членов семьи; нецензурные оскорбления; заключение в карцер; лишение пищи и сна, избияния³⁰.

Следует обратить внимание на то, что начатая политическим руководством страны жестокая игра превратилась в сознании многих в реальность: именно так они воспринимали сконструированный ими мир, в котором множество врагов. И. Сталин в ответ на рапорт Н. Ежова о напряженной работе органов НКВД, «раскрывших» множество польских резидентур и диверсионных групп на разных предприятиях, указывал на необходимость усиления «операции по полякам»: «Очень хорошо! Копайте и вычищайте и впредь эту польско-шпионскую грязь. Крушите ее в интересах СССР!»³¹. Нарком внутренних дел Н. Ежов, вернувшийся с допроса, на вопрос о каплях крови на его гимнастерке ответил: «Это кровь врагов революции». Следователи, за редким исключением, были

²⁹ «Второй московский процесс». С. 236.

³⁰ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20878. Т. 2. Л. 17, 61–62; Д. 16602. Т. 3. Л. 10 и др.

³¹ Хаустов, Самуэльсон. 2009. С. 291.

готовы применять физическое насилие по отношению к людям, оказавшимся в их полной власти. Из более чем ста сотрудников УГБ УНКВД по Вологодской области отказались принимать участие в избиениях подследственных только три человека; из 45 выпускников Ленинградской межкраевой школы НКВД, направленных в область в конце 1937 г. – только один комсомолец³². Среди признаний следователей, привлеченных к ответственности в 1939 г., можно прочесть: «Нас постоянно предупреждали: кто сомневается в правильности проводимой нами работы – тот сам враг и подлежит уничтожению». Иногда начальники выражали недовольство «бледностью» протоколов и заявляли следователям: «Что вы стесняетесь, враг никогда не скажет о себе всего: нужно писать в протоколах не то, что говорит враг, а то, что он думает»³³.

Следователи и охрана в изоляторах и тюрьмах, охрана и заключенные-уголовники на этапах и в местах заключения по отношению к «врагам народа» не только использовали нецензурную брань, но и называли их «гадами», «фашистами». Такое отношение провоцировалось властью – большинство обвиняемых на первом московском процессе «признались» в сотрудничестве с гестапо. Сразу после этого М. Томский, прочитав постановление суда об аресте и решившись на самоубийство, написал Сталину: «...я не могу перенести, когда меня ставят на одну доску с фашистами»³⁴. М. Шангин, арестованный в 17 лет, вспоминал о голодовке, организованной его сокамерниками в Челябинском центре в знак протеста против невыносимых условий содержания. Пришедший начальник тюрьмы заявил: «Вашей сволочи, фашистов, у нас миллионы, и на всех тюрем пока не настроили». Помимо унижительных вербальных характеристик использовались и другие способы фиксации негативной идентичности арестованных. Как правило, врачи к «фашистам» не заходили – «небезопасно жалеть “врагов”». Кроме того, политическим заключенным было запрещено праздновать революционные праздники – почти во всех тюрьмах изымались вещи и предметы красного цвета, жестоко наказывалось пение «Интернационала». Однако, несмотря на запреты и наказания, политические заключенные использовали любой повод для протеста, называли друг друга «товарищами» и «большевиками». Некоторые воспринимали заключение как настоящую «школу большевизма». С. Швед вспоминала, что в тюрьме с особым пафосом декламировали «Советский паспорт» В. Маяковского: «Может быть, эти

³² Петров, Янсен. 2009. С. 127, 277.

³³ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15258. Л. 39; Д. 18001. Л. 63.

³⁴ Рейфилд. 2008. С. 301.

стихи поддерживали в нас веру, что мы достойны быть советскими гражданами»³⁵. Г. И. Крумин, участвовавший в деятельности большевистского подполья с пятнадцатилетнего возраста, после 1917 г. бывший членом редколлегии «Правды», заместителем главного редактора Большой советской энциклопедии, за отказ признать обвинения был отправлен в одиночную камеру Таганской тюрьмы. Когда в открытое зимой окно камеры тюремщики подбросили ему веревку, он, выбросив ее обратно, ответил: «Большевики не вешаются»³⁶. Однако для сохранения стойкости и самообладания каждому человеку требовались невероятные усилия, так как моральное и физическое давление следователей, их изобретательность превосходили самое богатое воображение.

Многие, оказавшись в НКВД не сразу понимали ситуацию, не могли поверить, что абсурдные обвинения станут причиной лишения свободы и жизни. Например, командир Тюменской дивизии, башкир по национальности, будучи арестованным без предъявления материалов хотя бы по нормам 1937 г., по просьбе начальника Особого отдела прочитал для сотрудников лекцию на тему «Национализм в Башкирии». На другой день ему предложили подписать протокол допроса, в котором он признавал себя не только идеологом контрреволюционного национализма, но и претендентом на пост военного министра в национальном правительстве. Комдив, несмотря на угрозы следователей, которые продолжали вести себя по-дружески, два дня не подписывал эту «чушь», считая, что в таком случае сотрудникам НКВД придется отвечать. Однако следователи, продолжая игру, предложили ему подписать «для курьеза». Только после того, как он с юмором рассказал о «розыгрыше» сокамерникам, и они объяснили ему, каким может быть результат, комдив начал стучать в дверь, требуя вызова в Особый отдел³⁷.

Подобные признания в несовершенных преступлениях получили название самооговор. Арестованные, оказавшиеся в экстремальной ситуации, пытались осмыслить происходившее. Однако в некоторых камерах, опасаясь доносчиков, не решались на откровенность, в других – напротив – активно обсуждали историю каждого и дискутировали о причинах репрессий, о самооговорах, пытаясь понять роль И. Сталина³⁸.

---

³⁵ Завещание. 1989. С. 101–102, 208, 211, 213–215, 217; Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 118, 289; XX век. 2003. С. 61.

³⁶ Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 189.

³⁷ Завещание. 1989. С. 22.

³⁸ XX век. 2003. С. 79, 86; Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 118, 138–139, 165.

Если методы воздействия оказывались эффективными, и арестованный соглашался на сотрудничество, от него требовали написать заявление о раскаянии. Как правило, авторы заявлений обязательно («по рекомендации» следователей) указывали причины своего отказа от «запирательства» – желание помочь советскому государству и получить прощение или смягчение наказания. Например, сотрудники управления НКВД г. Алапаевска предлагали арестованным такой вариант «чистосердечного признания»: «Не желая скрывать от следствия ничего, в интересах советской власти я решил рассказать о моей причастности к польской дифинзиве. Прошу вызвать меня, я расскажу все о себе и известных мне агентах польской разведки». В большинстве таких заявлений тексты имели аналогичное содержание, отличаясь лишь нюансами: «Серьезно продумав обстоятельства, связанные с моим арестом и не желая больше оставаться в лагере врагов народа, я признаю себя виновным в том, что являлся участником контрреволюционной эсеровской повстанческой организации в Нижне-Салдинском районе. Прошу вызвать меня на допрос для дачи показаний». Иногда использовались иные формулировки, акцентировавшие внимание на желании автора сотрудничать со следователями: «Расскажу органам внутренних дел всю правду. На первом же допросе дам развернутые показания как о себе, так и об участниках организации... этим окажу помощь органам НКВД».

В других «заявлениях» авторы признавали «эффективность» деятельности сотрудников НКВД: «Я понимаю, что следствие располагает достаточными данными о всей нашей работе, поэтому я не намерен скрывать от следствия что-либо и хочу говорить искреннюю правду. Я убежден, что следствию известны все участники организации, поэтому скрывать от следствия чего-либо я не намерен». Алексей Богданов, окончивший в 1930 г. Московский энергетический институт, в 1933 г. – Корнуэльский университет, занимавший накануне ареста должность заведующего кафедрой электросистем Уральского индустриального института, был вынужден под диктовку следователя написать заявление, текст которого встречается во многих других делах: «Осознав всю тяжесть совершенного мною преступления перед Советской властью и не желая быть уличенным имеющимися на меня материалами у следствия, я решил стать на путь чистосердечного признания и заявить следователю со всей полнотой и правдивостью в том, что предъявленное мне

обвинение по ст. 58-6 УК РСФСР, я полностью признаю... Подробности о контрреволюционной деятельности я дам в своих показаниях»³⁹.

Согласно данным заявлениям арестованные не только признавали свою виновность, но и давали обязательство рассказывать о деятельности «участников организации». Признание в несовершеннолетних преступлениях против Родины, даже данное под пытками, являлось причиной морального потрясения и мучительных размышлений – именно признание многими воспринималось как преступление и предательство не только себя, но и всех идеалов партии и советского государства. Невыносимые страдания вызывало понимание ответственности за судьбу оговоренных людей: «Я с ужасом стал думать о том, что благодаря моим показаниям многие уже, возможно, находятся под арестом, а некоторые, попав в аналогичное с моим положение, так же станут на путь ложных показаний – тогда все дело будет настолько запутано, что восстановить истину будет уже чрезвычайно трудно»⁴⁰.

Осознав трагизм произошедшего, многие решались на поиски справедливости, обращаясь с письмами и ходатайствами во все инстанции, способных повлиять на исход дела. В противоположность следствию, обвиняемые, их родственники и друзья в кассационных жалобах и заявлениях о пересмотре приговора утверждали, что осужденные были истинными коммунистами, активными участниками социалистического строительства⁴¹. Одним из примеров многочисленных заявлений является письмо инженера УЗТМ В. И. Игнатова А. Вышинскому: «Считаю себя честным советским гражданином, превращенным в настоящее время в контрреволюционера. Прошу вернуть меня в число советских людей, строящих счастливую жизнь». Другие, сообщая об издевательствах по отношению к арестованным, выражали уверенность: «Я надеюсь, что Партия и Правительство, я верю в это – найдут правду. Я смогу вернуться к семье... не как изгой, а как прежний, честный человек и гражданин нашей Великой Родины». Иногда авторы акцентировали внимание не на личной трагедии, а на социальной и государственной значимости проблемы: «На основании Сталинской конституции я обращаюсь к вам с просьбой дать указание о пересмотре моего дела, т.к. в Советском Союзе каждый трудящийся имеет право на свободный труд

---

³⁹ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 42393. Л. 6 (среди изъятых документов – грамота ударника); Д. 17160. Т. 14. Л. 86, 120, 152, 236, 208, 215; Т. 16. Л. 76; Репрессии. 2006. С. 198.

⁴⁰ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17554. Т. 30. Л. 87об; Т. 32. Л. 80.

⁴¹ См., напр.: «Дорогой наш товарищ Сталин!». 2001.

и защиту своих гражданских прав... наше правительство... не оставит без внимания невинно находящихся в заключение людей»⁴². Как правило, в таких заявлениях авторы конструируют негативную идентичность следователей и других людей, которых они считали (по тем или иным причинам) виновными в своем аресте.

Безвыходность ситуации, чувство обреченности, физическое истощение и душевные страдания становились причиной многих трагедий. В воспоминаниях очевидцев содержатся описания самоубийств, попыток самоубийства, случаев сумасшествия, произошедших в разных тюрьмах и следственных изоляторах (от Москвы до Петропавловска-Камчатского)⁴³. Абсурдность обвинений и жестокость следователей, требовавших «признаний», оказались невыносимыми даже для бывших политкаторжан, имевших опыт заключения в царских тюрьмах. Одним из примеров такого завершения пути революционера является судьба Ф. А. Ксенофонтова, автора книги «Учение В. И. Ленина о революции и диктатуре пролетариата» (написанной по рекомендации Сталина), бывшего в 1926 г. помощником генерального секретаря ЦК ВКП(б) по печати, затем работавшего на высоких партийных должностях, – он не смог выдержать издевательств во время следствия, сошел с ума и погиб.

Для многих обвиненных спасительное воздействие оказывала надежда на восстановление истины и возвращение им чистого имени в будущем. Некоторые верили даже в возможность установления потомками памятников в честь невинно пострадавших⁴⁴. Большинство арестованных сохраняли убежденность в том, что советская власть и партия непричастны к преступным действиям НКВД, иногда высказывая предположения о «вредительской деятельности, пробравшихся в органы «врагов народа», или противопоставляя истинный социализм политике И. Сталина. Как правило, такие люди, понимая сложности строительства нового общества и принимая, как данность, необходимость жертв и возможность ошибок, просили своих детей никогда не мстить советской власти. Более того, многие из них даже после пребывания в ГУЛАГе сохранили убеждения в возможности реализации социалистических идеалов. Американский историк Стивен Коэн назвал таких членов партии «верующими коммунистами»: вернувшись, они добивались не только реабилитации, но и восстановления в партии, называя ответст-

⁴² ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22750. Л. 28; Д. 17208. Л. 161–162; Д. 39666. Л. 12.

⁴³ Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 108, 164, 183, 176, 201.

⁴⁴ Там же. С. 197.

венным за трагедию только И. Сталина⁴⁵. Считая социализм и советскую власть смыслом жизни, такие люди создавали версию событий, позволявшую им не отказываться от своих идеалов.

Таким образом, в условиях политических репрессий 1930-х гг., происходили удивительные метаморфозы с представлениями о патриотизме и гражданском долге. Как правило, до собственного ареста или ареста своих родных и друзей, советский человек доверительно относился к фактам «выявления» «врагов народа», воспринимая их через официальные объяснения об обострении классовой борьбы и стремлении «мирового империализма» уничтожить социалистическое государство. Будучи активными участниками происходивших в стране преобразований, большинство советских граждан мечтали о новых достижениях и об улучшении жизни, работая с полной самоотдачей, не жалея сил и времени. Однако в условиях экстраординарных перемен и ускоренного ритма жизни из нравственной системы координат оказались вытесненными многие ценности. Именно по этой причине оказавшийся в застенках НКВД человек соглашался на сговор со следователем, на самооговор (по сути, на отказ от себя, своего честного имени) «в интересах государства». В большинстве случаев ценой сделки являлись заверения и обещания следователей от имени советской власти, не имевшие никаких реальных юридических оснований, но декларировавшиеся как единственная гарантия для арестованного сохранить «советскую» идентичность. Соглашаясь на подмену, человек верил в честность «игры», и как только он понимал реальность обмана, он пытался отказаться от принятой им негативной идентичности, обращаясь за помощью к государству, имевшему для него статус высшей ценности.

В случае сопротивления предложениям следователей обвиняемые, не принимавшие никакой «оправдательной» идеологии, были обречены на долгий процесс оскорблений, унижений, физического и морального давления. Однако, не признавая никаких сделок с совестью, не допуская возможности лжи, отстаивая чистоту идеалов, многие сохраняли мужество и стойкость. Именно таким поведением они считали возможным показать советский характер, понимая обреченность своего положения.

Самой печальной оказывалась участь тех, кто не выдерживал психологического или физического воздействия и вынужден был признать себя «врагом» государства, которому был искренне предан. Чувство

---

⁴⁵ Мемуары о политических репрессиях. 2007. С. 157; *Козн.* 2009. С. 34.

вины перед родиной, партией, советским народом и самим собой иногда оказывалось невыносимым, приводя к сумасшествию и самоубийству.

БИБЛИОГРАФИЯ

- «Второй московский процесс» в оценках американских дипломатов: спор юриспруденции и гуманизма // Американский ежегодник, 2001. М.: Наука, 2001. С. 223–240.
- XX век. История одной семьи. М.: Издательство «Русаки», 2003. 272 с.
- Делалой М. Эмоции в микромире Сталина: случай Николая Бухарина (1937–1938). Типы большевистской мужественности и практика эмоций // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М.: НЛЮ, 2010. С. 431–456.
- «Дорогой наш товарищ Сталин!» и другие товарищи. Обращения родственников репрессированных командиров Красной Армии к руководителям страны. М.: «Звенья», 2001. 336 с.
- Журавлев С. В. «НКВД напрасно не сажает»: особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 371–400.
- Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Издательство «Европа», 2005. 544 с.
- Козн С. Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2009. 144 с.
- Маньков А. Г. Дневники 30-х годов. СПб., 2001.
- Мемуары о политических репрессиях в СССР, хранящиеся в архиве общества «Мемориал». М., 2007.
- Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М.: РОССПЭН, 1998.
- Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М.: РОССПЭН, Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 447 с. Политические репрессии в Прикамье 1918–1980-е гг. Пермь, 2004.
- Рейфилд Д. Сталин и его подручные. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 576 с.
- Репрессии в среде преподавателей высших учебных заведений г. Свердловска в 1937–1938 гг. // Архивы Урала. 2006. № 9–10. С. 192–292.
- Скорин-Чайков Н. Предел прозрачности: черный ящик и антропология врага в ранней советологии и советскости // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 19–56.
- Фельдман М. А. Два письма из уральских архивов // Отечественная история. 2008. № 2. С. 124–128.
- Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 432 с.

Быкова Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России и стран СНГ факультета международных отношений Уральского государственного университета; sibykova@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА И. В. СТАЛИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ С 1930-Х ГГ. ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Рассмотрена динамика формирования образа И. В. Сталина в коллективной памяти, начиная с периода культа личности до современности. Образ Сталина как одной из наиболее крупных исторических фигур XX в. остается критической точкой в системе культурных символов России, через отношение к которой самоопределяются многие политические направления. При этом сам образ подвергается существенной трансформации в широком диапазоне значений.

Ключевые слова: исторические представления, образы истории, коллективная память, социальная память, Россия в XX в., И. В. Сталин, культ личности.

Работы М. Хальбвакса, получившие известность на Западе в первой половине XX в., положили начало интересу социологов и историков к проблеме социальной памяти. В 1970-е гг. в Западной Европе и США произошел новый всплеск в поисках закономерностей отражения исторических событий, фактов, лиц в культуре современности. Во многом это было связано с необходимостью формирования образов Холокоста, именно с тех пор этот термин стал пониматься на Западе исключительно как преследование евреев нацистами в 1930–40-е гг. Постепенно тематические границы расширялись, что позволило сформироваться направлению *memory studies* (исследование памяти).

Речь идет о семиотике истории, поскольку представители данного направления стремятся выяснить не то, «как было на самом деле» – вечный вопрос исторических изысканий, а то, в каких знаках представлено прошлое в социальной среде настоящего и почему оно представлено так, а не иначе. Один из основателей московско-тартусской семиотической школы Б. А. Успенский, описывая классическую оппозицию *historia res gestae* (история событий) против *historia rerum gestarum* (история образов событий), замечает, что первая «не способна объяснить восприятие исторического прошлого», в то время как «история в смысле *historia rerum gestarum* – это прежде всего осмысление прошлого»¹.

В нашей стране в относительно недавнем прошлом формированием образов истории на официальном уровне занималась верхушка правящей партии, ВКП(б)-КПСС, а необходимости в какой-то особой науке, изучающей это, не было. С конца 1980-х ситуация меняется,

---

¹ Успенский. 2002. С. 14.

исторические образы в СМИ и на страницах литературы «вырываются» из-под партийной опеки (хотя понятно, что и прежде существовал неконтролируемый сверху пласт коллективной памяти!). В постсоветской России активно начинает формироваться культурология как учебная и научная дисциплина, вокруг предмета, тематических границ и самого права на существование которой до сих пор кипят споры. На наш взгляд, культурология имеет непосредственное отношение к данному научному направлению, будучи ориентирована на выяснение того, как формируются и «работают» образы исторических явлений в конкретной культуре, какова их социальная роль и функции. Появившаяся в постсоветской России возможность открытого выражения собственного мнения привела к неизбежной активизации дискуссий и споров по поводу российского прошлого, однако во многом упор традиционно делается на попытки выяснения того, как оно было на самом деле, иначе говоря, на традиционно историографические аспекты исследования. Мы же хотим обратить внимание на культурологический аспект истории.

Нередко упускается из виду давно известный факт, что настоящему прошлому интересно лишь в рамках конкретных утилитарных потребностей современности. Поэтому настоящее создает образы истории, позволяя себе и намеренное забвение, и любые интерпретации исторического материала. Параллельно поискам наиболее адекватных потребностям культуры-реципиента образов исторических событий идет процесс сознательной и бессознательной переработки поступающей из прошлого информации для формирования исторических представлений. Данный процесс происходит как на уровне политики, осуществляемой государством и теми или иными политическими силами в целях использования образов прошлого как эффективного средства управления массой, так и в среде потенциальных объектов этого управления (манипуляции) – социальных групп и индивидов. Последние ищут в прошлом определенные точки опоры, призванные помочь преодолеть трудности настоящего и использовать накопленный позитивный и негативный, условно говоря, опыт прошлого. Политические установки в формировании образов «сверху» и ожидания «снизу» могут совпадать и не совпадать. В зависимости соотношения того и другого происходят колебания от консенсуса между властью и народом до непримиримого конфликта.

Третий, хотя претендующий быть первым, фактор в процессе формирования образов и представлений задается наукой. В идеальной модели, естественно, наукой, движимой установкой на максимальное извлечение фактов, с одной стороны (историографический аспект), и на возможно более объективированное описание типичных моделей обра-

ботки социальной трансформации образов в социальной памяти и в политике памяти – с другой. Реальная же наука, представленная как поле мнений профессиональных историков, культурологов, социологов, культурных антропологов, педагогов, – высказанных ими в научных и научно-публицистических, учебных и методических работах, – оказывается на поверку таким же полем борьбы образов и связанных с ними стереотипов, которое характеризует обыденное групповое сознание. Это стало особенно очевидным с развитием электронных СМИ и глобальной сети, которые предоставляют все большие возможности для вовлечения массы индивидов в дискуссии на исторические темы.

Приверженность стереотипам и проявлениям ригидного черно-белого мышления в среде, называющей себя научной, иногда выглядит совершенно обескураживающей. Кандидаты и доктора исторических наук спорят о том, однозначно полезна или однозначно вредна деятельность Петра Великого, о том, что лучше и что легитимнее: Российская Империя или Советский Союз, кто сыграл большую роль в Великой Отечественной войне: Жуков или Рокоссовский и т. д. Еще более странно преувеличение роли личности, внешних сил, случая в событиях отечественной истории, то есть факторов, в принципе, характеризующих бытовое сознание, но не научный подход. Одни профессионалы, называющие себя патриотами России, всерьез верят, что страна, не побежденная ни Ордой, ни турками, ни Наполеоном, пала жертвой «германских денег» и привезенного в plombированном вагоне Ленина в 1917 г., а если бы не это, то вообще Россия в то время стояла на пороге победы в войне и на пике процветания. Другие убеждают в том, что патриотизм неотделим от коммунистического мировоззрения и Гитлер был разбит исключительно благодаря преимуществам социалистического строя в СССР. Третьи уверены, что исключительной причиной развала СССР были личности Горбачева и Ельцина, плюс происки американцев.

В последние годы среди многочисленных фактов отечественной истории, ставших своего рода «камнями преткновения» в дискуссиях на исторические темы, выделяется группа явлений, связанных с жизнью и деятельностью И. В. Сталина. Причем, если во времена так называемой «хрущевской оттепели», в годы «гласности» и «перестройки», а также в 1990-е доминировало осуждение сталинизма (а образ самого «вожда народов» конструировался, исходя из новых разоблачений и даже демонизировался), то в последние годы все более заметна тенденция оправдания Сталина и его политики по широкому спектру позиций. В групповом сознании уже можно зафиксировать отдельные проявления

некоего модернизированного культа личности Сталина. Многие вещи, очевидные для автора данной статьи, родившегося в 1950-е гг., оказываются, совершенно неочевидны для обучаемых им студентов, в сознании которых уже успели сформироваться некоторые современные стереотипы по поводу советской истории, которые независимо от их модальности иллюстрируют все больший отрыв образов от реалий того времени.

Наше внимание привлек не только сам факт усиления интереса к этой исторической фигуре и умножения однозначно позитивных оценок его деятельности (достаточно взглянуть на полки книжных магазинов), но тот факт, что Сталин сегодня стал едва ли не самой яркой иллюстрацией того разрыва между реальным историческим лицом и его представлением в культурном поле, который и является предметом *memory studies*. Грубо говоря, сегодня каждый волен творить из Сталина то, что хочет. Ситуация чрезвычайно интересна для описания процессов, которые являются предметом изучения в работах по коллективной памяти – конкретная личность становится все более осязаемым культуротворческим фактором по мере нарастания исторической дистанционности, потому что начинает жить своей новой, виртуальной, жизнью, имеющей все меньше общего с жизнью реального индивида, каким он был.

Привлекательность личности Сталина для многих современных россиян привела к явлению, которое показалось бы парадоксальным в одинаковой мере верным сталинцам и антисталинистам еще два-три десятилетия тому назад: современная культура создает такой широкий диапазон образов этого человека, что некоторые из них могут быть определены как взаимоисключающие. Подобно тому, как советские идеологи в свое время пытались «превратить» в своих сторонников Петра Великого и Суворова, Пушкина и Гоголя, Кропоткина и Плеханова (отсюда известный анекдот тех времен, когда «крошка-сын пришел к отцу и спросила кроха»: – Папа, а кто еще из русских царей, кроме Петра I, был за нас, за большевиков?), сегодня сторонники различных, казалось бы, политических взглядов интерпретируют деятельность «вождя народов» в свою пользу и рисуют его образ на своих знаменах.

Говорить о динамике общественного мнения и формирования образа Сталина в советское время непросто, поскольку открытые социологические исследования на эту тему тогда не проводились. Однако если исходить из того, что кредит доверия КПСС со стороны народа не был исчерпан по большому счету до 1991 года, то политика партии в этом вопросе отражала, по-видимому, мнение немалой части рядовых граждан СССР. В целом же, на советском и постсоветском отрезке отечественной истории в массовой оценке роли Сталина заметно действие тео-

рии «маятника», когда периоды «похолодания» к личности этого вождя сменяются периодами «потепления». Потепление характеризуется нарастанием публикаций в СМИ, научных и историко-публицистических изданиях, в которых даются положительные оценки роли Сталина в отечественной истории, и соответствующими сдвигами в динамике общественного мнения по опросам крупнейших социологических служб и некоторых СМИ (в постсоветский период, когда открытые социологические исследования общественного мнения стали возможны).

Формированию культа личности Сталина в 1930-е гг., позднее осужденному КПСС, предшествовала бурная деятельность самой же партии по формированию новой сакральности, которая должна была оказать влияние на мировоззрение нового типа, свободного от религиозных предрассудков, как тогда называлась вера в Бога. Народ, измотанный войнами и революцией, ожиданиями лучшей жизни, надо было вдохновить на строительство социализма, примирить с временными лишениями, им надо было управлять и сделать его послушным воле партии. В таких условиях в сознании народа, не готового по своему развитию к корпоративному управлению, шли процессы поиска образа отца нации, призванного заменить собой образ богоданного монарха.

Предпосылки культа однозначно содержатся в массовой психологии, их надо было только развить, а их развитию объективно способствовала и ситуация. Протоиерей Михаил Ардов вспоминает о том, как искусствовед А. Г. Габричевский в разговоре с ним упомянул о «загадочном» лозунге, висевшем на здании Манежа в дни похорон Ленина: «Могила Ленина – колыбель человечества». «Я надеюсь, вы не станете возражать, – отвечал ему о. Михаил, – если я скажу, что партия большевиков – сатанинская пародия на Церковь: съезды – это соборы; парады, демонстрации и митинги – ритуальные действия, чучело Ленина пародирует святые мощи и так далее <...> “Могила Ленина – колыбель человечества” это такая же точно пародия на слова молитвы, обращенной к воскресшему Христу: “Гроб Твой – источник нашего Воскресения”»².

Вспомним первые две Моисеевы заповеди «Аз есмь Господь Бог твой; да не будут тебе бози инии разве Мене» (Исх. 20; 2-3) и «Не сотвори себе кумира...» (Исх. 20; 4). Отречение от Бога истинным образом вело к кумиротворчеству. Поэтому язычество в богословском (не культурно-антропологическом смысле) понимается не как

---

² Ардов. 2006. С. 183–184.

стадия этногенеза, а как состояние души человека, променявшего веру в Бога на кумирню. Поэтому советская идеология, при всей ее претензии на новизну, фактически явила собой лишь неоязычество и не более того.

Сам по себе культ Сталина (лидера, обладавшего всеми необходимыми качествами, которые от него ждал народ в условиях формирования новой советской религии), естественно, не мог устраивать многих из его же бывших соратников и творцов новой идеологии, вроде Троцкого, Бухарина, Зиновьева и др. Но бывшие соратники спохватились, когда «джина», которого они сами выпустили из сосуда революций, запихнуть обратно оказалось невозможно. Сам народ стал лучшей гарантией набирающего обороты культа личности. Удивительно, что партия после XX съезда попыталась возложить целиком вину за создание культа на самого Сталина. С точки зрения социологической это выглядит совершенно нелепо и способствует демонизации образа «вождя народов». С другой стороны, понятно, почему так. Винить себя (партию) никак было нельзя, винить народ – неприлично, когда уже столько сил положено на формирование новой, свободной, раскрепощенной личности строителя социализма. А эта личность на тридцать пятом году революции не смеет, скажем, приступить к написанию даже справочника кулинарных рецептов, не пропев в предисловии обязательного «акафиста» мудрому и доброму «отцу народов».

Имеются свидетельства, что Сталин противился формированию культа. Сторонники этой точки зрения охотно ссылаются на письмо Сталина в издательство «Детиздат» от 16.12.1938, в котором вождь протестует против создания искусственного образа себя в детской книге:

«Я решительно против издания “Рассказов о детстве Сталина”. Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, “добросовестные” брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом. Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория “героев” и “толпы” есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры. Народ делает героев – отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу. Советую сжечь книжку. И. СТАЛИН»³.

Проблема инициативы снизу при формировании культа личности поднималась и в беседе Сталина с приехавшим в конце 1936 г. в СССР

---

³ Сталин. Соч. Т. 14. 1997. С. 249.

Лионом Фейхтвангером, который позднее так передал это место: «На мое замечание о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью он пожал плечами. Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами – портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты – да еще какие! – в местах, к которым они не имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. “Подхалимствующий дурак, – сердито сказал Сталин, – приносит больше вреда, чем сотня врагов”. Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция»⁴. Сегодня, когда под знаменем Сталина выступают антикоммунисты, приходится всерьез усомниться в универсальности последнего замечания вождя. А вот мысль о наивной радости неразвитого сознания остается актуальной и по сей день.

Под обаяние Сталина совершенно искренне поддавали и многие «инженеры человеческих душ», способствовавшие формированию культа в массах – даже те, кто потом разочаровывался и в Сталине, и в сталинизме. Можно лассиков отечественной литературы А. А. Фадеева, А. Т. Твардовского, Б. Л. Пастернака, чьи талант и гражданский патриотизм, затмившие в итоге насаждаемое свыше корпоративное чувство «классовости», сегодня несомненны. 1-го января 1936 г. бухаринские «Известия» опубликовали стихотворение Пастернака «Художник», в котором наиболее адекватно отражена сущность того, что потом и получит название культа личности Сталина. Удивляться этому не приходится, поскольку поэт – глас народа.

---

⁴ Фейхтвангер. 2001. С. 62–63.

«...А в те же дни на расстояньи
За древней каменной стеной
Живет не человек, – деянье:
Поступок ростом с шар земной.
Судьба дала ему уделом
Предшествующего пробел.
Он – то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел...»⁵.

Смерть Сталина и процессы над бериевской командой стали первыми признаками грядущей масштабной переоценки роли вождя и его внутренней политики. Следующий шаг был сделан на XX съезде партии. Тотальное покаяние КПСС перед народом было неприемлемо, разочарование народа в самом строе и руководящей партии надо было предотвратить формированием негативного образа конкретного явления – сталинизма и осуждением культа личности. Ловкость этого хода КПСС состояла в том, что все беззакония, ошибки во внутренней политике, военном строительстве, оперативном руководстве во время войны 1941–45 гг. – были объявлены последствиями культа личности. Культ был призван прикрыть собой политическую обусловленность многочисленных партийных «ошибок» их органической природой вытекающей из всех русских революций и действий самой партии, а не отдельных лиц и теоретических взглядов Сталина (вроде пресловутого тезиса об усилении классовой борьбы по ходу строительства социализма).

В итоге Сталин и сталинизм были осуждены, а линия партии осталась верна «ленинским принципам» коллективного партийного руководства. Опять же, в отсутствие статистических данных можно лишь в общих чертах говорить о наступившем расколе советского общества по вопросу о роли Сталина. Так или иначе, один из сегментов был представлен «коренными» антисталинистами, которые встречались и прежде в рядах преданных партии и делу социализма коммунистов. Второй сегмент включал все увеличивающееся число разочаровавшихся в Сталине прежних поклонников. А. Т. Твардовский следующим образом прокомментировал свое состояние после завершения «антисталинской» главы в поэме «За далью даль»: «Мне важно было написать это, я должен был освободиться от того времени, когда сам исповедовал натуральный культ»⁶. Именно настроения разочарования в сталинизме определяли динамику «оттепели»). Наконец, существовал сегмент,

---

⁵ Цит. по: *Пастернак*. Т. II. 2004. С. 401–402. Там же см. комментарии к истории стихотворения.

⁶ Цит. по: *Лакишин*. 1991. С. 34.

включавший тех, кого в обиходе называли «твердолобыми сталинистами» или «верными сталинцами». Причем, среди последних были не только те, кто сажал, но и те, кого сажали⁷. Автор данной статьи лично знал людей, отбывших немалый срок в лагерях и ссылках, но сохранивших личную преданность «вождю народов», а всю неправду относивших на счет других членов сталинского руководства и ведомство Ягоды-Ежова-Берии. В целом оправдание Сталина в связи с широко-масштабными репрессиями по политическим мотивам в 1930–40-е гг. обычно сводилось (и сводится теперь) к двум позициям: 1. Сталин до поры не подозревал о масштабах гонений на граждан собственной страны; 2. Масштабные репрессии дело вынужденное, но необходимое – хотя и были лишние жертвы, но без них не обойтись, дескать, внутренний враг мешал Сталину строить социализм и победить в войне.

«Оттепель» сменилась брежневско-сусловским периодом руководства страной. Проблема формирования образа Сталина в СССР вступает в новую фазу. Маятник начинает движение в обратном направлении. Благополучно пережившие «оттепель» сталинисты восстанавливают свое влияние в партии, убеждая Брежнева, что дальнейший процесс разоблачения преступлений сталинизма может привести к деструктивным последствиям для всей системы советской власти. С позиций сегодняшнего дня, имея за плечами опыт горбачевской «перестройки» и «гласности», мы не можем с ними не согласиться. Другое дело, что идеологи из этой команды полагали, что деструктивные процессы внутри советской политической системы носили не тотальный, а локальный характер, так что их можно ликвидировать раз и навсегда. Этого не получилось.

«События, последовавшие за разоблачением Сталина, явились грозным предупреждением, что калькулированная десталинизация начинает выходить из-под контроля Кремля. Оптимистические расчеты – разрядить путем разоблачения Сталина внутреннюю и внешнюю атмосферу – оказались ошибочными. Отсюда Кремль очутился как бы в заколдованном кругу: полный возврат к Сталину был невозможен уже психологически, а продолжение курса на десталинизацию угрожало серьезными потрясениями самой системы. На Западе придавали термину “десталинизация” то значение, которое ему никогда не придавали люди из Кремля. На Западе под десталинизацией подразумевали постепенный отход от существующей в СССР системы. Руководители КПСС под десталинизацией (этого тер-

---

⁷ Известна фраза А. Ахматовой: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили». *Чуковская*. 1997. Т. 2. С. 190.

мина они, конечно, не употребляют, а говорят о “ликвидации последствий культа личности Сталина”) подразумевали:

1. Развенчание славы и имени Сталина как классика марксизма, чтобы иметь свободу действий как в догмах, так и на практике.

2. Пересмотр практики правления Сталина, чтобы поставить партию над полицией.

3. Создание психологических и политических предпосылок, чтобы приступить к проведению совершенно неизбежных и вынужденных реформ сверху как в экономическом, так и в административном управлениях.

Если у Кремля были планы для серьезных изменений в рамках сложившейся системы, то надо было развенчать Сталина как классика марксизма, что только и создавало необходимую предпосылку для обоснования новых мероприятий⁸.

На XXIV и XXV съездах решили широковещательно расставить точки над *i* в вопросе отношения к Сталину и сталинизму. Поскольку дать маятнику уйти слишком далеко от решений XX съезда за столь короткий период выглядело бы неприличным (слишком сильные колебания линии партии подорвут ее авторитет), придумали половинчатую позицию: культ по-прежнему осуждается, но проблема более не обсуждается (просим прощения за невольный каламбур). Страх перед дальнейшим разоблачением преступлений сталинской эпохи был вызван в немалой степени творчеством ряда советских литераторов. Начинаются серьезные гонения на А. И. Солженицына, изгоняется с поста главного редактора «Нового мира» А. Т. Твардовский. В разделе озвученного Л. И. Брежневым Отчетного доклада XXIV съезду КПСС, посвященном литературе и искусству, было сказано: «Кое-кто пытался свести многообразие сегодняшней советской действительности к проблемам, которые бесповоротно отодвинуты в прошлое в результате работы, проделанной партией по преодолению последствий культа личности. Другая крайность, также имевшая хождение между отдельных литераторов, – это попытки обелить явления прошлого, которые партия подвергла решительной и принципиальной критике...»⁹. На XXV съезде в аналогичном докладе одной строчкой отмечалась роль XX съезда в восстановлении ленинских норм партийной жизни и на этом поставлена точка¹⁰.

В целом позиция КПСС по формированию образа Сталина в период после «оттепели» и до «перестройки» характеризовалась осуждением репрессий сталинского периода, унесших жизни многих невинных граждан и даже верных ленинцев. Часть вины за это возлагалась лично на

---

⁸ Авторханов. 1991. С. 449.

⁹ XXIV съезд... С. 113.

¹⁰ XXV съезд... С. 90.

вождя. Но в некоторых других аспектах (Гражданская и Великая Отечественная войны, военное строительство) ситуация выглядела иначе. По поводу роли Сталина в военном строительстве и в Великой Отечественной войне единства мнений не было даже среди ветеранов войны, в том числе воевавших на командных должностях. Одно из мнений сводилось к тому, что Сталин и страна под его руководством сделали максимум возможного для подготовке к будущей войне с Гитлером (включая тактику заключения мирных соглашений), а потери первых месяцев войны были неизбежны, поскольку объективно не хватило времени для укрепления новой границы, запуска в серию новых вооружений и т.д. Оппоненты этой точки зрения, даже высоко оценивая роль Сталина в Победе в целом, не снимали с него вины за бездействие в условиях вплотную приблизившейся угрозы в июне 1941 г., когда боязнь провокаций со стороны немцев не позволила вовремя развернуть войска к отражению удара. Сталина обвиняли и в уничтожении в предвоенные годы начсостава РККА, когда три четверти среднего командного состава и многие высшие военачальники были расстреляны (в том числе три маршала из пятерых). Данная точка зрения стала официально принятой в советской идеологии тех лет и нашла отражение в учебниках истории.

Однако в силу страха дать волю разоблачителям Сталина на страницах исторических романов и в кадрах кинолент охотно формировали положительный образ Сталина периода Великой Отечественной войны (после первых поражений лета 1941 г.) Для этого имелось немало и объективных причин: активность Сталина на посту Верховного главнокомандующего; сохраняющийся авторитет Верховного в войсках (многие реально шли в бой с лозунгом «За Родину! За Сталина!», хотя сегодня это пытаются порой отрицать); нежелание Сталина эвакуироваться в Куйбышев, когда гитлеровцы стояли под Москвой (некоторые лица из близкого сталинского окружения склонялись к паническому бегству еще в сентябре-октябре 1941-го); высокая оценка роли вождя в Победе в мемуарах крупных военачальников, опубликованных в 1960–70-е гг. Так, маршал Г. К. Жуков, пользовавшийся доверием большинства соотечественников, писал в воспоминаниях буквально следующее:

«И. В. Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и ее союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик, и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками положительно. Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки, которые бывают, как известно, у

каждого. Он их глубоко продумал и не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать»¹¹.

Положительный образ Сталина в этот период был восстановлен и в кинематографе, игравшем тогда огромную роль в формировании исторических представлений масс (например, киноэпопея «Освобождение» Ю. Озерова, сериал «Семнадцать мгновений весны» Т. Лиозновой).

Однако маятник начал обратное движение в сторону невиданного доселе по масштабам разоблачения преступлений советского государства против собственных граждан к середине периода горбачевской «перестройки» (1988–89 гг.). В фокусе широкомасштабной критики оказался и сам Сталин. Соответствующие статьи в «толстых» журналах, в «Огоньке», создание общества «Мемориал», публикации невозможных прежде документов и материалов отмечают этот период доминирующего антисталинизма в культурном поле России. С началом постсоветского периода в истории России данная тенденция шла по восходящей, причем к журнальным публикациям и разоблачающим сталинизм материалам СМИ добавились научные монографии А. Г. Авторханова, Д. А. Волкогонова, Ф. Д. Волкова, М. Я. Геллера и другие.

Ситуация же последних лет все заметней отличается от предыдущего периода от горбачевской «гласности» приблизительно до начала нового тысячелетия. Наиболее последовательно формирование сугубо положительного образа Сталина, абсолютно позитивно проявившего себя на посту партийного и государственного лидера (равно в довоенное, военное и послевоенное время), происходит в среде современных коммунистов, в том числе в рядах КПРФ. Именно современный (правильнее сказать – уже прежде известный и вновь востребованный) образ Сталина как символа державности, порядка и справедливости, а также символа «сильной руки», способной навести должный порядок в государстве – является той главной опорой, на которой держится идеология КПРФ. Теоретический марксизм для большинства членов партии и сочувствующих является «тайной за семью печатями». Практический же социализм в его родном советском варианте оказался несостоятельным. Поэтому нужны новые объединяющие идеи. И на помощь приходит образ Сталина как путь к объединению левых сил и, по мнению коммунистов, к решению едва ли не всех проблем современной России. Кстати, в их рядах до сих пор популярна мысль о том, что советский строй пал жертвой предательства со стороны Горбачева и Ельцина, что вызы-

---

¹¹ Жуков. 2002. Т. 1. С. 338.

вает недоумение, поскольку сами советские идеологи без конца внушали массам мысль об объективной закономерности социализма.

К 140-летию Сталина в декабре 2009 г. КПРФ даже выпустила юбилейную сталинскую медаль, причем в формате официальных государственных наград, – и награждала ею своих наиболее преданных членов. Коммунисты болезненно реагируют на новые факты, бросающие тень на Сталина и его команду. Так, обнародованные по указу Президента РФ в апреле 2010 г. документы «катынского дела» вызвали возмущение членов КПРФ, одни из которых считают, что расстрел поляков был оправдан как месть за погибших в Польше красноармейцев в 1920 г., а другие, подобно внуку Сталина Е. Я. Джугашвили, направившему по этому случаю открытое письмо Президенту РФ, – считают опубликованные в факсимильном виде документы поддельными.

Формирование положительного образа Сталина сегодня характерно также для озабоченных правами этнических русских в России и странах бывшего СССР, а также сохранением культуры великороссов в условиях глобализации и этнических миграций на постсоветском пространстве. Как известно, этнический грузин (хотя некоторые исследователи выдвинули версию об осетинских корнях Сталина) Иосиф Джугашвили высоко оценивал роль русского народа в мировой истории и нередко позиционировал себя как великорусский патриот. Выступая с застольной речью на обеде, данном 2 мая 1933 г. в Большом Кремлевском дворце для участников первомайского парада, Сталин сказал: «Оставляя в стороне вопросы равноправия и самоопределения русские это основная национальность мира, она первая подняла флаг Советов против всего мира. Русская нация – это талантливейшая нация в мире»¹².

Еще один, все увеличивающийся, сегмент современного российского общества, характеризуемый формированием положительного образа Сталина, представлен теми, кто, не доверяя реформам, требует «сильной руки» для наведения порядка в сегодняшней России, для ликвидации тотальной коррупции и продажности представителей власти и правоохранительных органов, явлений преступности, несправедливости, пренебрежения интересами рядовых граждан со стороны государства. К этому присовокупляется недовольство многих граждан распушенностью нравов (засилье порнографии, проституции, наркомании, пьянства и мелкого хулиганства). Для них аскетизм Сталина в быту и наличие контроля за соблюдением норм морали в его время выглядят привлекательно.

---

¹² *Невежин*. 2007. С. 10–11 (сохранена пунктуация публикатора – А. С.).

В ряде бывших республик СССР (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан), по нашим собственным наблюдениям, образ Сталина нередко увязан с удачной национальной (как ее называли тогда) политикой. Недовольные развалом не столько социально-политического устройства СССР, сколько единого государства – Союза республик, граждане разной этнической принадлежности положительно оценивают деятельность Сталина и его команды как созидание большого союзного государства, которое затем пало жертвой коммунистов-перерожденцев.

Современным примером немислимой прежде концепции реабилитации Сталина с антикоммунистических позиций – как национального лидера, уводившего свой народ *прочь от* марксизма и неповинного в репрессиях, вызванных действиями оппозиции, – является работа Александра Елисеева «Правда о 1937 году»¹³. По мнению автора, в 1930-е гг. существовало целых четыре партийные группы («левые консерваторы», «национал-большевики», «социал-демократы» и «левые милитаристы»), которые боролись между собой, что и раскачивало политическую стабильность. Сам Сталин принадлежал к условной группе «национал-большевиков», взявшей курс «на создание мощного Советского государства, которое возродило бы старые державные традиции на новом уровне»¹⁴. Позволим себе пространную цитату из монографии Елисеева, поскольку позиция его, сильно отличаясь от традиционного «коммунистического сталинизма», как нельзя лучше иллюстрирует попытку научного обоснования современного «патриотического неосталинизма»:

«Генералиссимус начинает кампанию по постепенной дискредитации Ленина. Так, в ответе на письмо профессора Е. Разина, специалиста по военной истории, Сталин заявил об отсутствии у Ленина компетенции в военных вопросах. Сказать такое о человеке, руководившем Россией в период Гражданской войны и интервенции, было равносильно тому, чтобы вообще поставить под сомнение его государственную компетенцию. Одновременно наращивалась пропаганда русского национального патриотизма, бичевались “безродные космополиты”, утверждался культ русских царей. В народе упорно ходил слух о том, что Сталин возродит монархию, а себя сделает новым царем. Вряд ли, конечно, он бы пошел на такой шаг, но показателен сам факт наличия подобных настроений. И наконец, была полностью прекращена антирелигиозная пропаганда, и Русская православная церковь стремительно отвоевывала ранее сданные позиции. Процесс перерастания социалистической революции в революцию национальную шел, но шел по-сталински – медленно, осторожно, с уступками парткрлатии, с

---

¹³ Елисеев. 2008.

¹⁴ Там же. С. 96.

использованием затяжных бюрократических маневров и дворцовых интриг. В результате Сталин упустил время – 5 марта он скончался, после чего партийные догматики свернули все сталинские начинания. <...> Будь в распоряжении Сталина собственная политическая сила, придерживающаяся его оригинальных воззрений на социалистическое строительство в СССР, ход исторического развития пошел бы по-другому. В этом случае Сталин смог бы открыто провозгласить свою идейно-политическую платформу и покончить с коммунизмом в стране. Народ его бы поддержал, ведь авторитет у вождя был колоссальный. Но Сталин поостерегся использовать свою сверхпопулярность в целях открытой политической борьбы и перемудрил самого себя. Весьма возможно, что он пытался вызвать свое окружение на бунт. Подавив его, вождь провел бы еще одну большую чистку и создал бы совершенно новую партию. Если это так, то вождь повторил ошибку А. Керенского. Судя по воспоминаниям участников Временного правительства, премьер хотел дожидаться начала большевистского восстания, чтобы получить законный повод к разгрому большевизма. Но выяснилось, что эффективнее действует тот, кто наносит удар первым. Сталин не сумел победить марксизм и партократию. Тем не менее он сумел предотвратить развал страны, который был бы неизбежен в том случае, если бы в 30-е годы победу одержали левые или правые. Под руководством Сталина наша страна создала огромный научно-промышленный потенциал. На нем мы до сих пор и держимся, о чем неплохо было бы почаще вспоминать нынешним руководителям»¹⁵.

В Рунете можно уже обнаружить немало сайтов, материалы которых направлены на политическую реабилитацию Сталина с национально-патриотических позиций, а не с советско-коммунистических.

Проанализируем некоторые статистические данные. Так, по итогам грандиозного проекта «Имя Россия», проведенного телеканалом «Россия», Институтом Российской истории РАН и Фондом «Общественное мнение» в 2008 г., рейтинг Сталина по суммарному (телефонное, смс- и Интернет-) голосованию составил 519071 голос от общего числа проголосовавших 4498840, что позволило ему занять третью строчку в списке 12-ти исторических персон, которым было отдано предпочтение (Имя Россия, сайт). Известна условность принципов выбора ввиду неоднозначных формулировок проекта («символ», «личность, оказавшая наибольшее влияние на судьбу страны»¹⁶), но, так или иначе, популярность Сталина как политической фигуры оказалась высока. Примечательно, что среди жюри из интеллектуалов от науки, искусства, религии, политики (Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, Виктор

---

¹⁵ Там же. С. 343–345.

¹⁶ См.: Святославский. 2010.

Черномырдин, Валентин Варенников, Сергей Капица, Дмитрий Рогозин, Александр Ткачев, Илья Глазунов, Геннадий Зюганов, Юрий Кублановский, Никита Михалков, Сергей Миронов, Андрей Сахаров) Сталин оказался на 10-м месте (Имя Россия, сайт). В рамках того же проекта летом 2008 г. ФОМ было проведено двухэтапное исследование (без интернет- и смс-голосований) с целью выявить 50 лиц, «которые, по мнению россиян, оставили наиболее значительный, причем неважно – положительный или отрицательный – след в истории нашей страны. В ходе каждого этапа по месту жительства было опрошено 6 000 респондентов по выборке, репрезентирующей население Российской Федерации». В результате рейтинг Сталина оказался еще выше – второй, после Петра Великого (База данных ФОМ, сайт).

В исследовании (N = 1600) Центра Общественного мнения Юрия Левады вопрос формулировался так: «Какую роль сыграл И. Сталин в жизни нашей страны?» Результаты отражены в таблице¹⁷:

	2003 март	2008 октябрь	2009 декабрь
Безусловно положительную	18	8	10
Скорее, положительную	35	33	39
Скорее, отрицательную	21	27	23
Безусловно отрицательную	12	10	9
Затруднились ответить	14	21	19

По сумме показателей безоговорочной и небогоговорочной оценок число положительно оценивающих роль Сталина составило соответственно 53% в 2003 г.; 42% в 2008 г. и 49% в 2009 г. Общая отрицательная оценка составила 33% в 2003 г.; 37% в 2008 г. и 32% в 2009 г., т.е. положительный баланс в пользу Сталина стабилен. Такой же вывод можно сделать по результатам опросов ФОМ, проведенных в 2006 г. (База данных ФОМ, сайт). Первый вопрос звучал так: «Если говорить в целом, какую роль, на ваш взгляд, сыграл И. Сталин в истории России – положительную или отрицательную?». В итоге оценили роль Сталина:

- положительно – 47% респондентов;
- отрицательно – 29%;
- затруднились с ответом – 24%.

По второму вопросу: «Как Вам кажется, сегодня И. Сталина, его деятельность чаще приукрашивают, очерняют, или оценивают объективно?», ответы распределились следующим образом:

¹⁷ Общественное мнение – 2009. С. 190.

- приукрашивают – 9%;
- очерняют – 38%;
- оценивают объективно – 29%;
- затрудняюсь ответить – 24%.

В отношении принципов социологических исследований необходимо сделать еще одно уточнение. Слово «демократия» за время его обращения в отечественном общественно-политическом лексиконе, как правило, маркировалось положительно, и многие, мягко говоря, непохожие политические силы писали его на своих знаменах, в том числе ВКП(б) во времена массовых политических репрессий и тоталитаризма. Однако начиная с 1990-х стало все заметнее проявляться отрицательное отношение к демократии как таковой в пределах определенного сегмента общества. Поэтому сделать вывод об отрицательной или положительной оценке роли Сталина в истории России невозможно, исходя, скажем, из анализа результатов анкеты, предложенной Аналитическим центром Юрия Левады в 2006 г. (Левада-центр (сайт)). Вопрос формулировался следующим образом: «Когда политическое устройство в России было, на Ваш взгляд, ближе всего к демократическому?»

После революции 1905 года	0,3
Во времена Александра II	3
В 1905–1916 годах	1
Между февралем и октябрём 1917 года	2
Во времена В. Ленина	1
Во времена И. Сталина	1
Во времена Н. Хрущева	2
Во времена Л. Брежнева	10
Во времена В. Андропова	3
Во времена М. Горбачева	4
Во времена Б. Ельцина	5
Во времена В. Путина	22
Россия никогда не была демократической страной	28
Затруднились ответить	17

1% голосов в пользу того, была ли демократия в России при Сталине не дает точного ответа на вопрос о симпатиях или антипатиях к личности Сталина и оценке его внутренней политики как положитель-

ной или отрицательной. Нельзя не отметить, что разочарование некоторой части россиян в политике Ельцина и «младореформаторов» вообще превратило слово «демократы» в ругательное в этой части общества.

Тем же Левада-центром была предложена специальная анкета, вопрос которой формулировался следующим образом: «Что такое, по Вашему мнению, “демократия”?». Результаты приведены в таблице¹⁸.

Ответы ранжированы по первому замеру

	2000	2001	2004	2005	2006	2007
Свобода слова, печати, вероисповедания	37	39	44	44	40	44
Экономическое процветание страны	33	26	31	32	35	26
Выборность всех высших государственных руководителей	15	14	18	13	12	17
Возможность для каждого делать все, что он хочет	10	10	6	10	7	10
Подчинение меньшинства большинству	6	4	3	4	2	3
Гарантия меньшинствам их прав	5	7	6	6	5	6
Строгая законность	29	23	24	24	26	21
Порядок и стабильность	28	24	29	30	35	30
Анархия и безвластие	6	4	6	5	5	4
Пустая болтовня	10	10	11	9	10	11
Затруднились ответить	8	6	7	6	6	5

Как видим, понимание демократии среди россиян неоднозначно.

Учитывая все возрастающее число людей, называющих себя чадами Русской Православной Церкви (РПЦ), нельзя не обратить внимание на динамику формирования образа Сталина в этой среде. Если в светской среде по мере нарастания негатива в отношении советского строя (начиная с горбачевской «перестройки» и «гласности») в рамках истории СССР все более привлекательным выглядел период «хрущевской оттепели», то в церковной среде он подвергался критике, поскольку именно тогда прокатилась вторая, условно говоря, после периода 1917–1941 гг., волна закрытия и разорения церквей, усиления атеистической пропаганды, притеснений священнослужителей, церковнослужителей и верующих мирян. Напротив, на этом фоне более привлекательным вы-

¹⁸ Общественное мнение – 2007. С. 17.

глядел период сталинского правления с начала Великой Отечественной войны, когда потепление к церкви сменилось «церковным ренессансом с возобновлением патриаршества, открытием ряда прежде закрытых храмов и духовных учебных заведений. Вторая привлекательная черта этого периода для церковных людей, большинство из которых являются приверженцами традиционализма и державности, – обращение Сталина к символике и риторике, связанной с реалиями Древней Руси и Империи, в том числе «реабилитация» с началом войны Александра Невского, Дмитрия Донского, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, возрождение некоторых традиционных знаков и ритуалов.

С другой стороны, начало широкомасштабной кампании по выявлению новых фактов гонений на священно-, церковнослужителей и верующих мирян в 1930-х гг. и их посмертной реабилитации, приведшая к канонизации целого сонма новомучеников и преподобномучеников Российских – сильно била по репутации того же Сталина. Оправдать эти действия властей можно было только с помощью старой идеи о том, что вождь «не знал» всех ужасных подробностей, – идеи, которая сама по себе должна дискредитировать мудрость и всеведение Сталина.

Многие склонны относить потепление вождя к церкви в 1940-е гг. страхом перед германским завоеванием, а также возрастной ностальгией по семинарским временам. Однако высказываются и иные причины.

«Можно назвать четыре причины, по которым Сталин сменил гнев на милость по отношению к церкви (разумеется, не к Церкви вообще, а к “сергианской” ее части, – пишет протоиерей Михаил Ардов. – Во-первых, на оккупированных немцами территориях возобновлялось богослужение почти во всех закрытых и оскверненных большевиками храмах, и нацисты с успехом использовали это в своей пропаганде. Во-вторых, одного лишь “пролетарского интернационализма” для воодушевления русских людей на борьбу с захватчиками оказалось недостаточно, пришлось вспомнить об исконном патриотизме, который исторически был неразрывно связан с православием. Третья причина перемены сталинской политики по отношению к “сергианской” иерархии заключалась в его желании выглядеть респектабельно в глазах западных союзников – американцев и англичан. И, наконец, четвертая, самая существенная причина этой перемены коренится в том, что сами марксисты именуют “диалектикой развития”. По мере того как большевистская диктатура перерождалась в коммунистическую империю, менялся и антураж. На генералах и офицерах засверкали старорежимные погоны, школьники облачились в гимназические фартучки, а на кремлевских приемах появились персоны в белых клобуках...»¹⁹.

---

¹⁹ Ардов. 2006. С. 513–514.

В качестве еще одной причины политической обусловленности сталинского «церковного ренессанса» изредка называют мечту вождя об осуществлении, условно говоря, «византийского проекта», время от времени возникавшего на политическом горизонте России, начиная с «греческого проекта» Екатерины Великой. После победного окончания Второй мировой войны открылась заманчивая возможность выхода к Босфору с установлением протектората СССР над европейскими территориями, в XV в. захваченными турками. Для этого была необходима поддержка восточных патриархов (Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского), а СССР уже снискал репутацию жестокого гонителя православия, поэтому поворот к церковности должен был восстановить авторитет страны в этом вопросе.

Одним из наиболее ярких выразителей идеи апологии Сталина был священник Дмитрий Дудко, при советской власти снискавший известность диссидента и обличителя этой власти, а потом покаявшийся перед КПСС. В последние годы он духовно окормлял газету «Завтра», написал послесловие к книге Михаила Лобанова о Сталине²⁰. Дмитрий Дудко выступал не просто защитником сталинизма, но по его собственному выражению, осуществлял «духовную реабилитацию» Сталина. Он писал:

«Теперь вот настало время реабилитировать Сталина. Впрочем, не его только, но само понятие государственности. Сегодня мы сами воочию можем увидеть, какое преступление есть безгосударственность и какое благо – государственность! Как не кричат, что в советское время много погибло в лагерях, но сколько гибнет сейчас без суда и следствия, безнаказанно, безвестно, ни в какое сравнение не идет та гибель. Весь ограбленный и обманутый народ теперь вздыхает: был бы Сталин, не было бы такой разрухи <...> Нет, господа, перед жестокостью демократии бледнеет всякий деспотизм. Скажите, пожалуйста, когда было больше обездоленных, заключенных, пусть и не в тюрьмы, когда преступность и безнравственность имела такую свободу па улицах и на телевидении, в печати и без печати? Когда еще, в какие времена, весь народ, за исключением немногих, сидел на голодном пайке? Когда и какие правители с таким цинизмом, как теперь, разрушали собственную экономику в угоду более сильному соседу? Но как все это, что я говорю, сообразовать с христианскими понятиями, спросят у меня? Христианство, что ли, атеизмом поддерживается? Ведь при сталинском деспотизме все было опутано атеизмом. Атеизм был везде и всюду. Но, видимо, не случайно философ Н. Бердяев говорил: атеизм – это дверь к Богу с черного хода И мы сейчас видим, как многие атеисты стали по-настоящему верующими. Я никогда не забуду, как один высокопоставленный атеист-коммунист мне сказал, что, хотя он и коммунист-атеист, но воспитан на православной традиции. Да, как ни покажется странным, но в русском

---

²⁰ Лобанов. 2008.

атеизме-социализме есть и православная традиция, поэтому коммунистическое движение в России вписывается в русскую историю. Это часть нашей истории, которой не вычеркнуть. А вот будет ли сегодняшняя демократия частью нашей истории, хотя бы потому, что она, не посоветовавшись с Западом, ничего не предпринимает? Это чуждое явление для России!»²¹.

Рассуждениям о Дмитрия Дудко присущ наивный дуализм мышления, когда нам предлагают выбирать из двух позиций: репрессии 1930-х или современное беззаконие. Это характерно не только для приведенного отрывка, но составляет сущность позиции о Дмитрия в целом. Третьего как бы и не дано. Мы обращаем внимание на такую особенность, поскольку она чрезвычайно важна для понимания менталитета обывателя, на ней разные политические силы успешно играют при обработке электората. Особенно ошутимо это происходило в 1990-е гг., когда над электоральным полем висели только два жупела: сталинские лагеря или бандитский капитализм ельцинской команды.

Как видим, сложившийся к настоящему времени спектр мнений о Сталине и сталинизме, представленный в церковной среде, оказывается достаточно широк. На одном полюсе существует полная апология Сталина и его богоугодной якобы политики. На другом резкое осуждение его как гонителя православия, который в этом отношении ничем не лучше Ленина и Троцкого.

Общий же вывод по поводу ошутимого возрастания симпатий к Сталину в наше время состоит в том, что вся эта ситуация как нельзя лучше иллюстрирует разрыв между конкретной исторической личностью и ее отражением в коллективной памяти. Действительно, Сталин при жизни обладал немалой харизмой, сущность ее во многом состояла в том, что он умел соответствовать ожиданиям народа, у которого отняли царя и Бога, но который при этом не научился жить самостоятельно. «Иосиф Виссарионович был великим ловцом человек – увы, во многих смыслах слова, но, в частности – и душ человеческих. Умел нравиться, покорять, завоевывать любовь и доверие»²². Культ поддерживался вождем и формировался партией настолько, насколько он был необходим народу (поэтому в некоторых странах, народы которых обладают схожими специфическими чертами «восточной» ментальности – Китай, Корея, Албания, Туркменистан – происходило то же самое). Эта ментальность не удовлетворяется наличием просто сильного политического лидера и авторитетного главы государства, – ей нужен некий *pater*

---

²¹ Библиотека думающего о России (сайт).

²² Турков. 2010. С. 67.

patriae – мудрый, непогрешимый, стопроцентно надежный отец нации, полубог, к которому можно прислониться и которому так приятно служить и поклоняться. От него можно принять и наказания, поскольку все его действия априорно оправданы. Сохранился рассказ о том, как два известных советских писателя застыли в восхищении перед плакатом с изображением «вождя народов» и рассуждали на тему о том, какое счастье быть современниками этого человека с внешностью гордого орла. Примечателен тот факт, что литераторы, современники Сталина, созерцают не живого вождя, маленького человека с прокуренными усами и изрытым оспинами лицом, а портретное изображение, написанное по специальным канонам, предназначенным удовлетворять те самые специфические потребности народа и партии.

Если сегодня найти такую идеальную фигуру в реальности невозможно, значит, ее можно создать, пользуясь наиболее подходящим материалом. Этот материал удобно взять в реальной истории, поскольку за выдуманном героем из фантастического романа никто не пойдет. К счастью, мы не можем сказать, что общественное мнение современной России как две капли воды похоже на коллективную ментальность сталинского Союза или маоистского Китая, однако, проводимые социологические исследования и среди молодежи, и среди старших поколений показывают, что притягательность образа Сталина находится в определенной зависимости от ощущений нестабильности и социальной несправедливости в современном российском обществе. Могут возразить по поводу отмеченной нами особенности российского менталитета. Но мы далеки от мысли, что готовность к кумиротворчеству и склонность к добровольному рабству характеризует всех и вся. Другая часть общества всегда сопротивлялась и сопротивляется этому. Как здесь не вспомнить Н. А. Бердяева, отмечавшего, что «для русских характерно сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный»²³.

Ежедневные сообщения в СМИ о безнаказанности преступников, события в станице Куцевской, в Гусе-Хрустальном, убийство спарта-

---

²³ Бердяев. 1990. С. 15.

ковского болельщика в Москве, повлекшее за собой массовые столкновения, и другие, – предупреждают о том, что популярность Сталина в массах будет только возрастать, несмотря на бодрые заявления руководителей разных уровней о мерах по наведению порядка. Следователь Следственного комитета РФ, попавший в эпицентр скандала, связанного с убийством 6.12.2010 г. в Москве болельщика Егора Свиридова, в интервью газете «Московский комсомолец» объяснил бездействие правоохранительных органов тем, «что арестовать этих людей [участников драки – А. С.] непонятно за что мы не могли, это незаконно. Может, для 37-го года это нормально, а для правового государства – нет»²⁴. Так из рук официального лица, призванного охранять безопасность граждан, обыватель получает знакомое меню из двух блюд: либо беззаконие, либо пресловутый 37-й год. Третьего не дано. Стоит ли удивляться, если на фоне бессилия властей в борьбе с преступностью симпатии многих качнутся к порядкам 1937-го года.

В интервью по итогам уходящего 2010 года директор Левада-центра Лев Гудков отметил, что пока еще «у руководства страны есть некоторый ресурс доверия населения, который состоит из надежды россиян на то, что при нынешней власти хуже не будет, и привычки терпеть. Терпения россиян, по оценкам специалистов, хватит на полтора года при резком спаде экономической ситуации (чего, по всей вероятности, не ожидается) и на три года при постепенном ухудшении. Только после этого люди начнут всерьез выказывать свое недовольство»²⁵.

Думается, что не столько новые факты биографии реального Сталина, которые могут быть преданы гласности, а исчерпание кредита доверия к нынешней власти, – о чем говорит Л. Гудков, будет способствовать все более заметному формированию положительного образа Сталина в сознании масс.

БИБЛИОГРАФИЯ

- XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта – 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1971.
- XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля – 5 марта 1976 года. Стенографический отчет. В 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1976.
- Авторханов А. Г. Технология власти. М.: СП «Слово»; «Новый мир», 1991.
- Ардов Михаил (протоиерей). Все к лучшему... Воспоминания. Проза. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2006.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: «Наука», 1990.

²⁴ Не считаю нужным оправдываться. С. 7.

²⁵ Интервью директора Левада-центра Льва Гудкова.

- Библиотека думающего о России. URL: http://www.patriotica.ru/history/dudko_stalin.html (Время доступа: 25.12.2010).
- Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. М. «Спектр», 1992.
- Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет. В 2-х кн. М.: «Новости», 1992.
- Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МиК, 1994.
- Елисеев А. В. Правда о 1937 году: Кто развязал «большой террор». М.: «Язуз», «Эксмо», 2008.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2-х тт. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Имя Россия. М., 2008. URL: <http://www.nameofrussia.ru/> (Время доступа: 21.12.2010).
- Интервью директора Левада-центра Льва Гудкова журналу «Огонек» по итогам изучения общественного мнения в истекающем 2010 г. // Журнал «Огонёк». № 50 (5159) от 20.12.2010. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1559378> (Время доступа: 25.12.2010).
- Лакишин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное (1953–1964). М.: «Книжная палата», 1991.
- Левада-центр. М., 2006. URL: <http://www.levada.ru/om2006.html> (Время доступа: 24.12.2010).
- Лобанов Михаил. Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М.: «Алгоритм», 2008.
- Не считаю нужным оправдываться // Московский Комсомолец. 28 декабря 2010 г.
- Невежин В. А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М.: «Язуз», «Эксмо», 2007.
- Общественное мнение – 2007. М.: Левада-центр, 2007.
- Общественное мнение – 2009. Ежегодник. М.: Левада-центр, 2009.
- Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11-ти тт. / Сост. и комм.: Е. Б. Пастернак, Е. В. Пастернак. М.: Слово/Slovo, 2003–2005.
- Святославский А. В. Культура увековечения и проблема коллективной памяти в современной России: На материалах социологических исследований в московском регионе // Преподаватель XXI век. 2010. № 3.
- Сталин И. В. Сочинения. Т. 14–16. М.: «Писатель», 1997.
- Турков А. М. Твардовский М.: «Молодая гвардия», 2010.
- Успенский Б. А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: «Азбука», 2002. С. 9–76.
- Фейхтвангер Лион. Москва 1937. М.: «Захаров», 2001.
- Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. В 3-х тт. М.: «Книга», «Согласие», 1997.
- Hutton Patrick H. The Memory Phenomenon as a Never-Ending Story // History and Theory. № 47 (December 2008). P. 584–596.
- Святославский Алексей Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета; ale1906@yandex.ru

Е. Г. ПУТИЛОВА

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР

В статье описывается история возникновения общественно-политического движения по защите прав и увековечению памяти жертв политических репрессий в России. Особенности становления этого движения автор рассматривает на примере историко-просветительского общества «Мемориал». Основными источниками данного исследования являются материалы интервью с членами «Мемориала», а также неопубликованные документы из Архива группы по работе с регионами Международного общества «Мемориал» г. Москвы.

Ключевые слова: история, репрессии, увековечение памяти жертв репрессий.

Политическая ситуация в СССР первой половины 1980-х гг. не предвещала того, чему суждено было произойти уже к концу десятилетия. Сталина совершенно открыто почитали в Грузии и почти неприкрыто – в коренной России; «верных сталинцев» типа Молотова не только полностью реабилитировали в партии, но и вновь окружали подчеркнутым вниманием; не прекращались (хотя и скрывались) репрессии против «инакомыслящих». И, тем не менее, перемены были неизбежны.

В 1985 год страна вошла в состоянии глубокого системного кризиса: в экономической, социально-политической, духовной сферах, а особенно остро – в сфере власти и управления¹. По словам М. С. Горбачева, (на совещании с руководителями СМИ в 1986 г.), «сложившаяся негативная ситуация, жизнь, требовали решений, причем, во многих случаях нестандартных»². Таким «нестандартным» решением насущных проблем, становится новый политический курс – «перестройка», призванный «сохранять атмосферу гласности, открытости и правды»³.

Однако, «гласность» почти мгновенно «вышла из дозволенных берегов и достигла масштабов свободного доступа к информации»⁴, а в

---

¹ Власть и оппозиция. 1995. С. 277.

² Стенограмма совещания (РГАНИ. Ф. 9. Оп. 5. Д. 43. Л. 4).

³ Там же. Л. 22.

⁴ Афанасьев. 2001. С. 305.

сознании советских граждан стал происходить необратимый процесс переоценки многих исторических событий, раскрытие «белых пятен», которые искажались подцензурной официальной наукой»⁵. В первую очередь это коснулось такой запретной ранее темы, как история сталинских репрессий, за которой, очень быстро рассмотрели нечто более существенное – изначальную преступность всего советского режима. Со страниц журналов на страну хлынул поток публикаций, рисующих картину произвола и бесправия, царивших в сравнительно недавнем прошлом. Так, в конце 1986 г. в журнале «Знамя» вышло «Новое назначение» Бека, где «упоминалось о Сталине и об обстановке того времени»⁶. В начале 1987 года появляется «Зубр» Гранина – роман о Тимофееве-Ресовском, где глухо, но все-таки говорится о том, что он работал в условиях заключения в Миассе Челябинской области⁷. Помимо выхода в свет подобных «откровенных» работ, стала наблюдаться и активность общественности в рассмотрении вопросов истории репрессий.

Одним из самых ярких проявлений общественного интереса к теме тоталитарного прошлого было проведение в 1987 г., в преддверии 70-летия Октября, серии вечеров («1917–1927», «1927–1937», «1937–1947», «1947–1957»), каждый из которых посвящался обсуждению одного из «славных десятилетий». Для этого, 1–2 раза в месяц Н. Эйдельман собирал в малом зале Центрального Дворца Литературы (г. Москва) своих знакомых историков и писателей⁸. На вечерах, историки (например, Ю. С. Борисов, В. С. Лельчук), выступали с докладами о культе личности и его последствиях, о Сталине, проблемах индустриализации и многом другом, – а ведь эту тему около 30 лет не вспоминали.

Наряду с отдельными исследователями – «неформалами», пытающимися самостоятельно разобраться в «белых пятнах» истории, в 1986–1987 гг. появляются и общественные организации, стремившиеся на основе открывшихся архивных материалов, изучить историю политических репрессий в СССР. Так, в 1986 г. на базе Центрального экономико-математического института, действовал Демократический клуб «Перестройка». Здесь проходили встречи «неформалов», среди которых были: Д. Юрасов, Г. Пельман, Д. Леонов, В. Прибыловский, С. Харламов, Ю. Скубко и многие другие⁹. В 1986 г. Д. Леонов, Ю. Самодуров,

---

⁵ *Янтемир*. 2008. С. 3.

⁶ Интервью Е. Г. Путиловой с Д. Г. Юрасовым.

⁷ История одного неуживчивого архивариуса...

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Д. Юрасов, Ю. Скубко, В. Кузин начали работать над проектом «Памятник» в рамках инициативной группы «За увековечение памяти о жертвах беззаконий и репрессий в прошлом нашей страны»¹⁰ (в дальнейшем переименована в «Мемориал»), с задачей «подготовить открытие и работу в г. Москва мемориала-памятника жертвам нарушений социалистической законности, репрессированным в 1918–1953 годах». Кроме этого, «Памятник» ставил своей целью создать хранилище списков реабилитированных лиц с текстами их реабилитационных приговоров, текстами несправедливых обвинительных приговоров и краткими биографическими сведениями о реабилитированных¹¹. Конечно, эта идея была привлекательной, но оставались неясности. Было желание создать памятник лишь реабилитированным жертвам репрессий. А что делать с нереабилитированными? Этот вопрос завис в воздухе.

В 1987 г. Ю. Самодуровым был подготовлен Проект программы и задач Инициативной группы «За увековечение памяти о жертвах беззаконий и репрессий в прошлом нашей страны». Согласно ему, внутри инициативной группы должен был существовать «Общественный Комитет по увековечению памяти жертв репрессий, который занимался вопросами управления и ответственности за строительство мемориала»¹². Между тем, среди основателей инициативной группы «За увековечение памяти жертв репрессий» (в некоторых источниках, эта группа известна под названием «Памятник»; похоже, по названию одного из проектов группы, описанного выше), стали возникать разногласия по поводу установки памятника-мемориала. Так, В. Игрунов (ныне – депутат Государственной Думы РФ, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками) высказывал свое удивление: «...как, еще есть сегодня люди, которые собираются ставить памятник жертвам сталинских репрессий! Но зачем это, ведь у нас позади история, что такое памятник?»¹³. В. В. Игрунов являлся автором проектов-обращений, таких как «Мемориальный комплекс» и «Памятник». Причем, оба они были неким противостоянием проектам Ю. В. Самодурова, упомянутых выше.

Под «Мемориальным комплексом» Игрунов понимал создание

---

¹⁰ О «Мемориале»...

¹¹ Задачи, программа и устав работы Оргкомитета по реализации народного проекта «Памятник»...

¹² Проект Программы и задач работы инициативной группы «За увековечение памяти о жертвах беззаконий и репрессий в прошлом нашей страны»...

¹³ Ранняя история «Мемориала»...

центра сопротивления насилию, и в его состав должны были войти различные храмовые комплексы, научно-исследовательский институт, конференц-зал, – все это, конечно, разительно отличалось от предложения Самодурова установить лишь памятник жертвам репрессий¹⁴.

После ознакомления с этим проектом, члены инициативной группы приняли решение его переделать. Тогда же В. Игруновым было составлено новое обращение под названием «Памятник». Однако, кроме названия (так же назывался проект Самодурова), между этими проектами вновь не было ничего общего. А все попытки Игрунова убедить Самодурова и остальных членов инициативной группы в том, что «памятник это слишком узко» закончились неудачей.

Тем не менее, группа «Памятник» становилась все более популярной в обществе, и вскоре ее переименовали в «Мемориал». Вообще, история с названием «Мемориал» немного запутана. Дело в том, что в августе 1987 г. состоялся первый Всесоюзный слет неформалов – «Общественная инициатива Перестройка», на который мемориальцы пришли под названием группа «Памятник». В ходе съезда, они переименовались в группу «За увековечение памяти о жертвах репрессий». Далее, по воспоминаниям Ю. Скубко, «примерно с сентября, группа стала ставить в скобках “Мемориал”. А в концепции, когда ее расшифровывали, ставили “мемориальный комплекс”, включающий памятник, исследовательский центр, музей, издательство, архив и так далее»¹⁵.

К осени 1987 г. участники группы «Мемориал» решили заручиться поддержкой общественности в деле создания мемориального комплекса и превратили это в публичную демонстрацию. Так, 14 ноября 1987 г. на улицы Москвы были выведены первые пикеты по сбору подписей за установку памятника жертвам политических репрессий¹⁶.

В июле-августе 1988 г. состоялись выборы Общественного комитета «Мемориала». Тогда активисты движения вышли на улицы и площади больших городов и провели опрос населения: кого из общественных деятелей, ученых, писателей хотели бы видеть в составе такого комитета. Заранее же было решено, что в состав комитета из 15 человек будет предложено войти людям, набравшим наибольшее число голосов.

25 августа того же года, в Москве в Доме архитекторов состоялось собрание, на котором было объявлено о создании общества «Мемориал» и оглашен список его организаций– учредителей: союзы архитекто-

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ История «Мемориала»...

¹⁶ Кто мы...

ров, кинематографистов, театральных деятелей, художников, дизайнеров, «Литературная газета» и журнал «Огонек». Тогда же был объявлен Общественный совет «Мемориала», в который вошли А. Адамович, Ю. Афанасьев, Г. Бакланов, В. Быков, Е. Евтушенко, Б. Ельцин, Ю. Карякин, В. Коротич, Д. Лихачев, Р. Медведев, Б. Окуджава. А. Рыбаков, М. Ульянов, Л. Разгон, М. Шатров. Председателем совета был избран А. Д. Сахаров¹⁷. Сразу после собрания, Инициативная группа (Л. Пономарев – сотрудник института теоретической и прикладной физики АН СССР; Ю. Самодуров – преподаватель Московского геологоразведочного института; Я. Этингер – научный сотрудник Института Африки АН СССР; Е. Жемкова – аспирантка Всесоюзного заочного института пищевой промышленности) начала подготовку к проведению учредительной конференции, назначив ее на 29–30 октября 1988 г. без согласования с организациями – учредителями. Они узнали об этом 12 октября. С руководителями организаций-учредителей была принята договоренность, что они примут участие в проведении намеченного собрания, но не допустят, чтобы оно стало учредительной конференцией, чего добивалась значительная часть инициативной группы. Это условие после бурной дискуссии, было принято членами общественного совета «Мемориала» и инициативной группой.

29–30 октября 1988 г. в Центральном доме кинематографистов состоялось подготовительное совещание по созыву Учредительной конференции Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал». Приглашения направляла Инициативная группа. В качестве участников совещания зарегистрировались 220 человек из Москвы и 118 представителей из 58 городов страны, где существовали группы содействия обществу «Мемориал». Совещание открыл исполняющий обязанности первого секретаря Правления Союза кинематографистов СССР А. Смирнов, призвавший ответственно обсудить задачи будущей организации, главная из которых – создание памятника жертвам политических репрессий, имевших место в годы культа личности. Здесь же было заслушано сообщение секретаря Правления Союза архитекторов СССР В. Глазычева о подготовительной работе к проведению Всесоюзного конкурса на лучший проект памятника жертвам репрессий¹⁸.

В ходе совещания предпринимались попытки провести голосование за придание ему статуса Учредительной конференции, которые удалось нейтрализовать благодаря выступлениям представителей орга-

---

¹⁷ Реабилитация: как это было. 2004. С. 456.

¹⁸ Там же. С. 456.

низаций-учредителей. В результате было принято решение о созыве учредительной конференции 17–18 декабря 1988 г. и о публикации в печати для обсуждения (за месяц до конференции) проекта Устава Общества¹⁹. И уже в январе 1989 г., в Доме культуры Московского авиационного института состоялась учредительная конференция, и общество «Мемориал» начало свое официальное существование²⁰.

Однако, вряд ли можно было назвать эту работу официальной в полном смысле слова, так как Общество даже на период октября 1989 г. так и не получило регистрацию. Поэтому, на I Пленуме Правления Всесоюзного общества «Мемориал», 14–15 октября 1989 г., было принято решение, вместе с текстами обращений в Верховный Совет СССР и Совет Министров СССР «О статусе необоснованно репрессированных граждан, пенсиях и льготах» и «О пересмотре судебных дел граждан, осужденных в 50–80-е годы по политическим мотивам и за религиозные убеждения», написать обращение Председателю Верховного Совета СССР М. С. Горбачеву «О регистрации общества «Мемориал»²¹.

Затягивание регистрации, конечно, затрудняло деятельность отделений и обществ «Мемориал» на местах и в центре (на период октября 1989 г. отделения «Мемориала» действовали в 187 городах). Тем более что «Мемориал»: «...создавал памятник жертвам политических репрессий; оказывал всестороннюю помощь оставшимся в живых узникам сталинских лагерей и тюрем; занимался борьбой за реабилитацию всех осужденных по политическим и религиозным мотивам; сбором документов, воспоминаний бывших репрессированных»²².

Тем не менее, даже без официальной регистрации, работа «Мемориала» в деле увековечения памяти жертв политических репрессий проходила достаточно активно. Так, если первоначально, мемориальцы ставили своей целью собрать подписи за создание мемориального комплекса, то к 1988 г. внутри движения стали вызревать совсем новые тенденции. «Мемориал» стал задаваться вопросом: «а точно ли наша роль только в том, чтобы добиться от правительства построить мемориальный комплекс жертвам политических репрессий?»²³. В связи с этим, еще весной 1988 г. в «Мемориале» возникло намерение самим заняться

---

¹⁹ Там же. С. 457.

²⁰ Кто мы...

²¹ Постановление I Пленума Правления Всесоюзного Добровольного историко-просветительского общества «Мемориал» (НТГИА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 13. Л. 65).

²² О регистрации общества «Мемориал». Там же. Л. 68.

²³ Кто мы...

восстановлением прошлого и увековечением памяти жертв репрессий. Все больше мемориальцев приходило к осознанию того, что главной задачей будущего «Мемориала» является – самостоятельно, независимо от государства, заниматься восстановлением исторической памяти народа. Предполагалось собрать собственный архив, музей, библиотеку, а также организовывать документальные и художественные выставки, снимать фильмы, издавать книги, устраивать вечера, – в общем, делать все, чтобы собранная «Мемориалом» информация не осталась мертвым грузом, чтобы память о терроре стала частью общественного сознания.

Однако, если мы обратимся к материалам воспоминаний членов «Мемориала», то увидим, что, пути достижения такой единой цели как восстановление исторической справедливости, были очень разными. В «Мемориале» находились представители двух течений: умеренные и «радикалы». Умеренные действовали лояльно, вели переговоры с властями, ждали и терпели; «радикалы» выступали за то, чтобы оказывать давление на власть и выходить явочным порядком, реализовывать признанные международными пактами права человека.

Так, Ю. Скубко, например, относил себя ко второму течению: «...я считал, что действовать надо без всяких обязательных согласований и разрешений, а только на том основании, что это основные права человека и мы их вправе осуществлять и должны показывать пример гражданского мужества. Мы должны выходить на митинги, на площади и публиковать любую, доступную нам по техническим возможностям, литературу, связанную с нашей деятельностью...»²⁴. К числу «радикалов» также можно отнести В. Игрунова, В. Кузина, В. Ловицкого, О. Орлова, А. Токарева, С. Б. Шеболтаева. Кстати, именно из среды «радикалов» сформировалась первая оппозиционная партия «Демократический союз» (1988 г.), и некоторое время члены этой партии параллельно являлись и членами «радикального крыла» «Мемориала».

Сказать о том, какое из двух «течений» сыграло наиболее важную роль в становлении «Мемориала» очень трудно. И энтузиазм бесстрашных «радикалов», выступавших главными инициаторами митингов и демонстраций в защиту прав и свобод граждан СССР, и терпеливые переговоры «умеренных», добившихся легализации деятельности «Мемориала», – все это являлось составными частями одного процесса – процесса борьбы за увековечение памяти жертв политических репрессий, за восстановление исторического прошлого нашей страны.

Стремление принять непосредственное участие в этом процессе,

---

²⁴ История «Мемориала»: интервью Б. И. Беленкина с Ю. Скубко.

стимулировало создание отделений «Мемориала» в разных регионах страны. Истории создания региональных «Мемориалов» в целом схожи, но можно проследить и уникальные черты. Например, Братский «Мемориал» был известен как организатор различных публичных мероприятий по увековечению памяти жертв репрессий. Так, здесь было решено проводить ежедневную «прямую линию» для жителей города, чтобы они могли получить ответы на любые вопросы, касающиеся деятельности «Мемориала» или передать какую-либо информацию; проводились встречи в учебных заведениях, поликлиниках, общежитиях, во Дворцах культуры; происходил сбор воспоминаний, документов, фотографий для создания архива и музея репрессированных; проводились благотворительные мероприятия, выставки «Творчество в лагерях и ссылках», «Судьбы узников ГУЛАГа», «И свет, и тень»; проходил показ кинофильмов «А в России опять окаянные дни», «Сибирь. Съёмки против света», «Человек-легенда» и другие.

Особенностью становления общества «Мемориал» в Сыктывкаре можно считать то, что местные городские власти поддерживали его деятельность: разрешали проводить демонстрации, концерты и другие мероприятия, направленные против насилия и тоталитаризма. Известен казус, произошедший с председателем Сыктывкарского «Мемориала» М. Рогачевым (в 1990 г. он был заместителем председателя общества «Мемориал»): «...мы получили разрешение от мэра провести демонстрацию 7 ноября 1990 г. от памятника Ленину до здания МВД (НКВД). Сделали самодельные плакаты из того, что было под рукой... Незадолго до начала демонстрации Революту Ивановичу (Р. И. Пименов – председатель Сыктывкарского «Мемориала») позвонили из МВД и попросили к ним зайти. Он отправил вместо себя – меня, как своего заместителя и организатора этого мероприятия. Мы были уверены: все! Нас прикроют!.. Каково же было мое удивление, когда в МВД сказали: “Знаете, 7 ноября – рабочий день, и нашим сотрудникам неудобно будет пробираться к зданию МВД через толпу демонстрантов. Давайте мы организуем вам трибуну неподалеку на площади, и всем будет удобно”...»²⁵. Таким образом, «Мемориалу» не только не запретили провести демонстрацию, но и помогли ее организовать.

Вообще, Сыктывкарский «Мемориал» терпел материальные трудности вплоть до 1991 г. После принятия Закона «О реабилитации», «Мемориал» приступил к реализации реабилитационно-поискового направления своей работы. Но, для этого необходимо было иметь, по

---

²⁵ Интервью Е. Г. Путиловой с М. Б. Рогачевым.

крайней мере, общественную приемную, где принимали бы заявления по реабилитации. «Мемориал» же даже своего помещения не имел. Поэтому, эту приемную мэрия разрешила «приютить» в своем здании. Под приемную выделили две комнаты, а заявления принимались во внеурочное время (с 17 до 19 часов). С этого же 1991 г. администрация города стала оплачивать съемные помещения «Мемориала»²⁶. Эти комнаты, в частности, использовались для проведения различных торжественных мероприятий, концертов и праздников для пожилых людей. Проводить же более расширенную благотворительную работу «Мемориал» не мог в силу недостатка финансирования.

Главными задачами Норильского «Мемориала» (образован 24 ноября 1989 г.) стали восстановление истории Норильлага и увековечение памяти погибших. Правление возглавила Л. Н. Печерская, директор музея истории освоения и развития Норильского промышленного района.

Норильский «Мемориал» занимался восстановлением забытых имен, созданием памятников, просветительством и благотворительностью. В феврале 1991 г. в Норильске было создано региональное общество «Защита жертв сталинских репрессий». В его состав вошли 61 чел. из числа жителей города, несправедливо осужденных в 30–50-е гг. Возглавил объединение М. П. Рубеко. В Уставе общества были сформулированы задачи политической реабилитации и социальной защиты.

Нельзя не отметить и уникальность становления общества «Мемориал» в Нижнем Тагиле. Первой ступенью к его созданию было общество «Молодые историки», возникшее по инициативе преподавателя филиала Уральского политехнического института А. А. Капустина. В него вошли преподаватели и студенты Нижнетагильского государственного педагогического института (ныне НТГСПА), работники городского архива (И. В. Злобина) и краеведческого музея (А. Х. Хасанова)²⁷. Обществом была создана программа «Реабилитация». Руководитель программы В. М. Кириллов дал согласие на объединение с Инициативной группой по реабилитации жертв политических репрессий при музее НТМК. Руководителем группы был А. Б. Волошин, впоследствии ставший одним из наиболее активных сопредседателей «Мемориала».

Красноярский «Мемориал», практически сразу после возникновения, начал добиваться восстановления прав бывших репрессированных. Совместно с Центральным райкомом КПСС, красноярские мемориальцы «подали в крайком партии конкретные предложения: распростра-

---

²⁶ Там же.

²⁷ Жертвы репрессий. Нижний Тагил 1920–80-е годы. 1999. С. 7.

нить на бывших репрессированных льготы, аналогичные льготам участников войны, выделить помещение для работы “Мемориала”, открыть рубрику “Мемориал” в краевых газетах и опубликовать списки репрессированных в Красноярском крае»²⁸. Кроме этого, при «Мемориале» было создано общество репрессированных – Красноярское объединение лиц, пострадавших от необоснованных репрессий. Его деятельность заключалась в «обеспечении посильной помощи бывшим репрессированным и членам их семей, содействии полной и гласной реабилитации, увековечении памяти жертв необоснованных репрессий»²⁹.

Не менее активно защитой прав репрессированных занимались Воронежский и Воркутинский «Мемориалы». Причем, Воркутинскому «Мемориалу» удалось «пробиться» в городской совет народных депутатов и напрямую участвовать в разработке решений о наделении льготами реабилитированных жертв репрессий. Результатом этого стало принятое в октябре 1990 г. Советом народных депутатов г. Воркуты решение об установке для реабилитированных, бывших узников ГУЛАГа и их семей ряда льгот и преимуществ на территории Воркуты. Среди этих льгот были: «право пользоваться вне очереди медицинской помощью по месту жительства или в ведомственных поликлиниках; право на бесплатный проезд в городском транспорте; обеспечение жилой площадью в первоочередном порядке; скидка в размере 50% для приобретения лекарств; право на услуги службы быта и торговли наравне с ветеранами Великой Отечественной войны; право на ежемесячное пособие в размере, установленном Воркутинским горисполкомом; скидка в размере 50% с установленной платы за жилую площадь, отопление, водопровод, канализацию, газ и электроэнергию; право на компенсацию за путевку в санаторий, дом отдыха, профилакторий; первоочередное право в обеспечении работой и улучшение жилищных условий»³⁰.

В программе Ленинградского отделения общества «Мемориал» подчеркивалось, что «каждый невинно пострадавший должен быть реабилитирован, каждая человеческая судьба – узнана, каждое обличительное свидетельство былых преступлений – сохранено и доступно для изучения, память о трагическом прошлом нашей страны – восстановлена во всей полноте»³¹. В соответствии с этим, задачи общества «Мемо-

---

²⁸ *Бабий*. «Мемориал»: год спустя...

²⁹ Устав Красноярского объединения...

³⁰ Решение Воркутинского городского совета народных депутатов «О льготах и преимуществах реабилитированным жертвам репрессий».

³¹ Программа Ленинградского отделения общества «Мемориал».

риал» определяли и основные направления его деятельности: объединенные общественные усилия по сохранению памяти о жертвах репрессий; увековечение памяти о миллионах погибших соотечественников; обеспечение необходимыми средствами установки памятника и мемориальных досок, создания и деятельности пропагандистского центра и оказания помощи репрессированным; оказание помощи лицам, пережившим репрессию; восстановление исторической справедливости; искоренение в сегодняшней жизни пережитков сталинизма³².

Общество «Мемориал» в Комсомольске-на-Амуре было создано при городском отделении Совета содействия Советскому Фонду культуры. При этом общество называло себя Комитетом «Мемориал», и основной своей задачей считало «восстановление неизвестных страниц истории города»³³. Уникальным моментом в его работе был «индивидуальный» подход в оказании помощи репрессированным: все члены Комитета взяли шефство над конкретными людьми³⁴.

По словам А. Бабя, председателя Красноярского общества «Мемориал», его история началась со статьи в «Литературной газете» об установке памятника жертвам репрессий, после чего мемориальцы стали собирать и публиковать сведения о бывших репрессированных³⁵.

В Марийской республике, вопрос о создании общества «Мемориал» встал после появления в печати и на телевидении информации о «Куропатах» – местности в окрестностях Минска, где энтузиасты обнаружили место захоронения жертв расстрелов конца 1930-х годов. И везде, в том числе в Марийской республике, многие стали задаваться вопросами: а как тогда дело обстояло у нас? Какими были наши «белые» пятна?³⁶ В начале мая 1988 г. в газете «Марийская правда» появилось краткое интервью К. Н. Санукова (сейчас – д.и.н., Почетный председатель Марийской организации общества «Мемориал»), в котором приводились некоторые сведения о репрессиях в республике, а в августе газета опубликовала большой очерк-воспоминание В. М. Янтемира «Как это было»³⁷. По-существу, эту публикацию можно считать началом раскрытия темы репрессий на местном марийском материале. Общественность все более настойчиво стала добиваться того, чтобы были найдены

---

³² Там же.

³³ Кузьмина. 2009. С. 8.

³⁴ Там же. С. 11.

³⁵ Интервью Е. Г. Путиловой с А. А. Бабий.

³⁶ Янтемир. 2008. С. 3.

³⁷ Там же.

места массовых захоронений жертв репрессий. В начавшейся работе приняли участие активисты Марийских отделений: Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры, Всесоюзного Фонда культуры, работники республиканского краеведческого музея³⁸.

Как и по всей стране, вопрос о восстановлении исторической справедливости, правды о репрессиях занял заметное место в общественно-политической жизни республики. Когда в Москве состоялся Учредительный съезд общества «Мемориал», в Марийской республике появилась группа энтузиастов, состоявшая в основном из детей репрессированных, которая приступила к созданию «Мемориала»³⁹, а в марте 1990 г. состоялась Учредительная конференция Марийского «Мемориала», на которой были избраны председатель организации и его заместитель: К. Н. Сануков и В. М. Янтемир соответственно.

Это лишь немногие примеры того, как были образованы региональные «Мемориалы». Изучив воспоминания некоторых членов движения, проведя интервьюирование, мы приходим к выводу, что у каждого из них были свои личные причины вступления в «Мемориал».

Так, М. Золотухин до вступления в Общество уже имел некоторый опыт участия в общественно-политических организациях (был членом независимого общественно-политического комитета «Возрождение», возникшего на полгода раньше, чем «Мемориал»; а также являлся одним из основателей в начале 1988 г. в г. Нижнем Тагиле «зеленого» движения). Первоначальной причиной его вступления была потребность в поддержке идеи создания «Мемориала». Затем, он узнал о факте ареста (по статье 58-10 «антисоветская агитация») и расстрела в 1940 г. его деда. Он решил остаться в «Мемориале» и постараться добиться реабилитации деда, пусть хотя бы и посмертно⁴⁰.

Л. Халтурину привела в «Мемориал» «дорога любви и уважения к людям, незаконно пострадавшим от произвола прежних режимов»⁴¹. Она была почетным членом партии. Вступила в «Мемориал», когда шел процесс о реабилитации диссидента, экономиста В. Ф. Морозова, и не отказалась от того, чтобы вступить в ряды мемориальцев, когда узнала, что «народу здесь не хватает». По ее словам, ее поразило в общении с бывшими репрессированными то, что «люди не ожесточились от пере-

---

³⁸ Там же. С. 4.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Золотухин. Воспоминания.

⁴¹ Интервью Е. Г. Стумбрис (Путиловой) с Л. А. Халтуриной.

житого ими, а наоборот, от них исходило много тепла и сердечности»⁴².

Б. Беленкин (в настоящее время – заведующий библиотекой Международного общества «Мемориал», Москва) вступил в «Мемориал» в конце 1988 г. Как говорит Борис Исаевич, «первоначально, «Мемориал» не вызвал у него особого энтузиазма»⁴³. Но, вскоре понял, что здесь работают очень достойные люди. Никто из его родных репрессирован не был. Однако, в частном порядке, он занимался темой репрессий, в контексте темы исторического прошлого СССР; изучал биографии известных общественных деятелей СССР, и в целом, круг его знакомых был «околодиссидентским». Наверное, поэтому, когда Арсений Борисович Рогинский (председатель Международного общества «Мемориал») «привел его в «Мемориал», Борис Исаевич быстро «влился» в движение за увековечение памяти жертв политических репрессий.

Л. Щербакова (координатор группы по работе с регионами в Международном «Мемориале», Москва) пришла в «Мемориал» в сентябре 1988 г. В свое время она много читала по теме репрессий (в том числе и Солженицына), поэтому, по словам самой Людмилы Александровны, она «пришла в «Мемориал», поскольку это была именно та демократическая организация, которая занималась репрессиями»⁴⁴.

С. Ковалев (бывший сопредседатель, а затем председатель Российского «Мемориала», депутат Государственной Думы РФ, Уполномоченный по правам человека РФ) «не был в числе инициаторов «Мемориала», хотя был в курсе всех его мероприятий, способствовал им»⁴⁵. По его словам, «Мемориал» – именно та организация, которая чаще всего совпадает с моими представлениями о том, что делать и чего желать в порядке гражданской ответственности. Это та общественная организация, которая, как мне представляется, наиболее упорно и квалифицированно работает как в области исторических исследований, так и в области правозащиты»⁴⁶.

Я. Рачинский (сопредседатель Московского «Мемориала», член правления Международного «Мемориала», член Совета Научно-исследовательского центра «Мемориал», член Совета и председатель Совета Правозащитного центра) пришел в «Мемориал» в 1988 г., на следующий же день после того, как услышал телепередачу по теме ре-

---

⁴² Там же.

⁴³ Интервью Е. Г. Путиловой с Б. И. Беленкиным.

⁴⁴ Интервью Е. Г. Путиловой с Л. А. Щербаковой.

⁴⁵ Интервью Е. Г. Путиловой с С. А. Ковалевым.

⁴⁶ Там же.

прессий, в которой сообщался адрес Общества⁴⁷. К главному из мотивов своего прихода в «Мемориал», Ян Збигневич отнес наличие в его семье репрессированных, как среди родственников (и дед, и бабушкин брат были расстреляны), так и среди близких друзей⁴⁸.

В. Битюцкий стал не только активным членом движения «Мемориал», он сам организовал Общество в г. Воронеже. Вячеслав Ильич вспоминает: «...2 августа 1988 года, пойдя в отпуск, я приехал в Москву (через прессу знал, что здесь идет мемориальское движение). Его задачи мне были ясны: борьба за создание памятника жертвам репрессий. Я записался на Учредительную конференцию “Мемориала”»⁴⁹.

Конечно, по перечисленным ответам членов «Мемориала» на вопрос почему они вступили в это общество, нельзя категорично сказать, что все причины крылись лишь в личном отношении к движению за увековечение памяти жертв политических репрессий. Не стоит забывать о «перестроечной» обстановке второй половины 1980-х гг. и изменениях в сознании людей. Вдруг открывшаяся правда о сталинском терроре приводила к состоянию растерянности в обществе и появлению людей, задумывающихся о дальнейшей судьбе страны. По результатам интервью видно, что желание изменить положение в обществе к лучшему появлялось не только у людей, активно участвовавших в политической жизни страны, но и у тех, кто вообще не интересовался политикой.

Таким образом, в связи с провозглашением курса на демократизацию, проведением политики «перестройки», во второй половине 1980-х гг. в СССР стали складываться благоприятные условия для появления движения за увековечение памяти жертв политических репрессий. Появление такого движения было связано с тем, что именно в это время, в результате разработки законодательной базы по вопросу реабилитации жертв политических репрессий, государство официально признало сам факт существования в СССР невинно осужденных, факт репрессий.

На примере становления историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» (как Международного, так и региональных отделений), мы рассмотрели особенности возникновения движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России.

Начав в 1986–1987 гг. с разработки проектов мемориального комплекса в память жертв тоталитарного прошлого, уже в 1988–1989 гг.

⁴⁷ Интервью Е. Г. Путиловой с Я. З. Рачинским.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Интервью Е. Г. Путиловой с В. И. Битюцким.

«Мемориал» занялся решением более ширококомасштабных проблем: разработкой проектов Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», а также реализацией программ по увековечению памяти жертв политических репрессий. «Мемориал» стал своего рода посредником между обществом и государством в решении столь значимой проблемы как определение положения бывших политических заключенных в жизни страны. Защищая права бывших репрессированных, оказывая жертвам репрессий консультативную помощь в вопросах получения компенсационных выплат, помогая государству реализовывать на практике законодательные акты по реабилитации жертв репрессий, «Мемориал» привнес в общественно-политическую жизнь страны очень важный положительный опыт независимой культурной и гражданской инициативы, опыт отстаивания прав человека и общественной свободы. Может быть, именно поэтому к концу 1980-х гг. движение «Мемориал» приняло массовый характер, и затронуло интересы тысяч людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афанасьев Ю. Н.* Опасная Россия: традиции самовластья сегодня. М.: РГГУ, 2001. 432 с.
- Бабий А.* «Мемориал»: год спустя // Архив группы по работе с регионами Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал». г. Москва. Папка № 2 // Красноярский комсомолец. 7 сентября 1989 г.
- Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. – М.: РОС-СПЭН, 1995. 400 с.
- Жертвы репрессий. Нижний Тагил 1920–80-е годы / В. М. Кириллов. Екатеринбург. 1999. 442 с.
- Задачи, программа и устав работы Оргкомитета по реализации народного проекта «Памятник». 1987 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.igrunov.ru> (время доступа – август, 2009)
- Золотухин М. В.* Воспоминания // Архив лаборатории «Историческая информатика» Социально-гуманитарного института Нижнетагильской социально-педагогической академии г. Нижний Тагил.
- Интервью Е. Г. Путиловой с Д. Г. Юрасовым Запись 2009 г. // Архив автора.
- Интервью Е. Г. Путиловой с М. Б. Рогачевым Запись 2007 года // Архив автора.
- Интервью Е. Г. Стумбрис (Путиловой) с Л. А. Халтуриной Запись 2006 года // Архив автора.
- Интервью Е. Г. Путиловой с Б. И. Беленкиным Запись 2007 года // Архив автора.
- Интервью Е. Г. Путиловой с Л. А. Щербаковой Запись 2007 года // Архив автора.
- Интервью Е. Г. Путиловой с С. А. Ковалевым Запись 2009 года // Архив автора.
- Интервью Е. Г. Путиловой с Я. З. Рачинским запись 2009 года // Архив автора.
- Интервью Е. Г. Путиловой с В. И. Битюцким Запись 2007 года // Архив автора.
- История одного неуживчивого архивариуса: беседа Алексея Пятковского с Дмитри-

- ем Юрасовым. Запись 2006 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.igrunov.ru> (время доступа – август, 2009).
- Кто мы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.memo.ru> (время доступа – август, 2009).
- Кузьмина М. А.* Свет и тени «Мемориала». Комсомольск-на-Амуре. 2009. 194 с.
- О регистрации общества «Мемориал» // НТГИА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 13. Л. 68.
- Проект Программы и задач работы инициативной группы «За увековечение памяти о жертвах беззаконий и репрессий в прошлом нашей страны» от 6.09.87 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.igrunov.ru> (время доступа – август, 2009).
- Постановление I Пленума Правления Всесоюзного Добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». Москва. 14–15 октября 1989 г. // НТГИА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 13. Л. 65.
- Программа Ленинградского отделения общества «Мемориал» // Архив группы по работе с регионами Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал». г. Москва. Папка № 8.
- Решение Воркутинского городского совета народных депутатов «О льготах и преимуществах реабилитированным жертвам репрессий 20-50-х годов» // Архив группы по работе с регионами Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал». г. Москва. Папка № 7.
- Ранняя история «Мемориала» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.igrunov.ru> (время доступа – август, 2009).
- Реабилитация: как это было. Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг., и другие материалы. Том III. Середина 80-х годов – 1991. М., 2004. 720 с.
- Стенограмма совещания, состоявшегося 14 марта 1986 года с руководителями СМИ и пропаганды // РГАНИ. Ф. 9. Оп. 5. Д. 43. Л. 4.
- Устав Красноярского объединения лиц, пострадавших от необоснованных репрессий // Архив группы по работе с регионами Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал». г. Москва. Папка № 2.
- Янтемир В. М.* Мендурская дорога: историческая хроника. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008. 100 с.

Путилова Елена Геннадьевна, старший преподаватель кафедры документо-ведения и права социально-экономического факультета Социально-гуманитарного института Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии; putilova-elena@mail.ru

А. И. БОРОЗНЯК

«Я ХОЧУ ЗНАТЬ ВСЮ ПРАВДУ»
ДИСКУССИИ В ФРГ ВОКРУГ ВЫСТАВКИ
«ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЕРМАХТА»*

Задача статьи – рассмотрение важнейшего этапа (Мюнхен, 15 февраля – 6 апреля 1997 г.) в истории выставки о преступлениях вермахта, сыгравшей значительную роль в эволюции исторической памяти современной Германии. Используются материалы баварской и общегерманской прессы, материалы городского собрания депутатов Мюнхена, записи в книгах отзывов.

Ключевые слова: вермахт, военные преступления, общественное сознание ФРГ.

С марта 1995 до ноября 1999 г. в тридцати двух городах Федеративной Республики Германии действовала передвижная документальная экспозиция о преступлениях вермахта, подготовленная Гамбургским институтом социальных исследований. Идеология и пропаганда экспозиции неразрывно связана с деятельностью директора института профессора Яна Филиппа Реемтсмы, получившего миллионное наследство, – человека независимых суждений. Институт был основан в 1984 г. как частный научный центр. Он располагает первоклассной библиотекой, архивом, издательством, выпускает собственный журнал, серии книг и брошюр. Задача Института состоит в исследовании феномена современной цивилизации методами синтеза современных наук: социологии, политологии, истории, культурологии. Душой выставки, ее непосредственным организатором был публицист Ханнес Геер, сторонник левых убеждений, активный участник студенческих выступлений 1968 г.

Для историков и общественного мнения обращение к криминальной роли вермахта играет особую роль. Парадоксальный аспект ожесточенных дебатов вокруг выставки состоит в следующем: базовые факты, которые легли в основу экспозиции, были известны и опубликованы в трудах немецких историков, но нежелательные реалии просто не воспринимались общественным мнением. Очевидно, дело было не в уровне исторических изысканий, но в уровне исторического сознания германского общества, в неготовности общественного мнения ФРГ воспринять полную правду о роли вооруженных сил в фашистских преступлениях.

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09–01–00138а.

Для реализации проекта был сформирован международный коллектив ученых – 29 авторов из 6 стран (ФРГ, Великобритании, США, Израиля, Австрии, Латвии; увы, для участия в проекте не были привлечены российские историки). Исследователи опирались на принципиально новую источниковую базу: документы были извлечены из фондов государственного военного архива ФРГ во Фрайбурге, часть материалов обнаружена Х. Геером и его коллегами в архивах Москвы, Подольска, Минска, Риги и других городов бывшего СССР. Без новых отношений между Германией и Россией, без перехода наших архивохранилищ (хотя бы частично) к режиму открытости был бы невозможен нынешний высокий уровень исследований немецких ученых об агрессии «третьего рейха» против СССР. Сотрудниками института были найдены новые ракурсы в освещении нацистского оккупационного режима на советской территории. Они использовали кинематографический прием, выхватывая из кровавой истории «нового порядка» отдельные «кадры»: варварские деяния 6-й германской армии на ее пути от западной границы Украины до Сталинграда; охота за людьми с целью их угона в Германию; так называемые «антипартизанские акции» в Белоруссии.

Прежние разоблачения, касавшиеся преступной роли промышленников, финансистов, дипломатов, юристов и других представителей немецкой элиты в 1933–1945 гг., относились к ограниченному числу лиц и профессиональных групп. Должно было пройти полвека, чтобы германское общество начало воспринимать обвинения, относящиеся к военнослужащим вермахта. Через ряды нацистских вооруженных сил прошли 18–19 миллионов немцев, и вопрос об их соучастии в преступлениях затрагивал практически каждую семью. Речь шла о преступлениях отцов и дедов большинства граждан ФРГ. На страницах немецких газет и журналов шла непрерывная дискуссия о гитлеровском тоталитарном режиме и его злодеяниях. Дебаты о «войне на Востоке», оказавшись в эпицентре напряженных поисков новой национальной идентичности, стали фактом германской историографии и немецкого исторического сознания.

Организаторы выставки «Война на уничтожение» шли на риск, понимая, что их проект «вскрывает старые раны и старые могилы». Они хорошо знали, что «при обсуждении темы “вермахт и преступления” немедленно вспыхнет пламя спора»¹. Исследователи предполагали, что результаты их работы станут предметом жестких дискуссий и в историческом цехе, и в обществе, поскольку правда о преступных деяниях вермахта в оккупированных районах СССР прямо связана с категориями национальной ответственности и национальной вины.

---

¹ Badische Zeitung. 11.III.1997.

...В центре выставочного зала – крупный макет Железного креста – военного ордена, ставшего традиционным символом прусской, а затем и германской армии. На четырех оконечностях креста фотографии и документы. Заметные уже от входа надписи: «Преступления как повседневность», «Преступные приказы верховного командования», «Преступные приказы армейских и дивизионных командиров», «Язык насилия». И фотографии, сотни неотретушированных любительских снимков, сделанных немецкими солдатами или офицерами «на память». Сюжеты одни и те же: телеги с останками советских пленных, рвы с телами расстрелянных, горящие русские деревни, массовые казни на городских площадях, эшафоты, окруженные солдатами – и напуганными, и ухмыляющимися, палачи и их добровольные помощники, самодовольно позирующие на фоне трупов...

Проект Института социальных исследований смог, отметил Норберт Фрай, «сдвинуть с места процесс рефлексии, касающейся легенды о чистом вермахте», что «вплоть до настоящего времени не удавалось сделать научным исследованиям». Для этого потребовались «известные формы драматизации, если хотите, и некоторого огрубления материала». Вновь, подчеркнул ученый, «импульсы для широких публичных дискуссий, как правило, исходили не от исторической науки»².

Общее число посетителей выставки составило около 860 тысяч. Но в поле ее воздействия оказалось втянуто значительно больше граждан ФРГ: необходимо учесть многочисленные лекции, телепередачи, встречи с политическими деятелями и учеными, дебаты в бундестаге и региональных парламентах, в местных собраниях депутатов. Издано более двух десятков книг, посвященных дискуссиям вокруг экспозиции³.

Задача данной статьи – рассмотрение важнейшего этапа в истории выставки о преступлениях вермахта: ее пребывания в Мюнхене с 15 февраля по 6 апреля 1997 г. Но почему именно в Мюнхене? Потому, что показ выставки в баварской столице стал кульминацией, переломным моментом в общественной дискуссии о преступлениях вермахта. Потому, что дебаты приняли ярко выраженный политический характер. Потому, что интерес к экспозиции необычайно возрос. До Мюнхена выставка в течение 23-х месяцев демонстрировалась в 16-ти городах, ее посетили 130 тысяч человек, в том числе в Гамбурге – 7 тысяч, в Штутгарте – 10 тысяч. В течение шести недель в выставочных залах мюнхен-

---

² Die Zeit. 22.01.2004.

³ Die Wehrmachtausstellung...; Krieg ist ein Gesellschaftszustand...; Die Ausstellung und ihre Folgen...; Die Wehrmacht...; Der Vernichtungskrieg im Osten...; Der Krieg in der Nachkriegszeit...; Zeitgeschichte als Streitgeschichte...; Verbrechen der Wehrmacht...

ской Новой ратуши побывало около 90 тысяч человек. В ежедневной и еженедельной прессе ФРГ об указанной экспозиции было опубликовано 985 статей. Для сравнения: о пребывании выставки в Гамбурге и Эрфурте число печатных откликов составило, соответственно, 98 и 39⁴.

До Мюнхена, отмечал Михаэль Йейсман, выставка вызывала протесты, но «она не была национальной темой»⁵. Стало очевидным то, о чем писал Ганс-Ульрих Тамер: «Выставка вошла в пространство, где недостает аргументации академического характера, где история выступает в качестве политического аргумента, где критика является преимущественно инструментом политики»⁶.

Нами изучены официальные документы городского собрания депутатов Мюнхена; обширная коллекция откликов прессы, отражающих подготовку и проведение экспозиции; записи в книгах отзывов выставки, сохраненные сотрудниками управления культуры баварской столицы. Мюнхенский период экспозиции «Преступления вермахта» стал основой документального фильма «Неизвестный солдат», выпущенного на экран в 2006 г. выдающимся немецким режиссером Михаэлем Верховеном⁷. Автор фильма демонстрирует некоторые шокирующие публику фрагменты документальной выставки, фокусируя внимание зрителей на высказываниях ветеранов вермахта и обычных немецких граждан. Режиссер предоставляет слово выдающимся немецким ученым и публицистам Гансу Моммзену, Вольфгангу Випперману, Ральфу Джордано, Яну Филиппу Реемтсме, Ханнесу Гееру, Ульрике Юрайт. В документальный фильм также были включены драматические эпизоды демонстраций протеста против выставки. Выбирая название для фильма, Верховен использовал игру слов. Для большинства народов мира словосочетание «неизвестный солдат» вызывает ассоциации с патриотическим подвигом, но в случае с немцами такое название указывает на те неизвестные преступления, которые были совершены солдатами вермахта. Не меньшее значение имеет подзаголовок фильма: «Чем ты занимался во время войны?». Это – вопрос, обращенный к участникам военных действий от имени молодого и среднего поколений и являющийся призывом к осознанию общенациональной ответственности.

---

⁴ Grittmann, Pater. 2000. S. 343.

⁵ Jeismann. 2003. S. 232.

⁶ Thamer. 2003. S. 171.

⁷ Der unbekannte Soldat...

* * *

Каждый, кто хоть раз посетил Мюнхен, непременно побывал на площади Мариенплац, где расположена построенная в XV в. готическая Старая ратуша. Рядом – Новая ратуша, возведенная в конце XIX–начале XX века. На башне часы, бой которых ежедневно привлекает тысячи туристов. Под циферблатом – фигуры, напоминающие о жертвах средневековой эпидемии черной оспы в Мюнхене. Здесь 25 февраля 1997 г. начала работу выставка «Преступления вермахта». Но этому предшествовали немаловажные события.

11 декабря 1996 г. было создано пленарное заседание городского собрания депутатов, на котором решался вопрос о приглашении выставки в Мюнхен⁸. Прения начались с того, что представители ультраправых («республиканцы» и «союз свободных граждан») решительно выступили против экспозиции. Выставка была названа «антиисторичной», основанной на «советском пропагандистском материале», огульно обвиняющей всех военнослужащих в военных преступлениях и представляющей прямую опасность для расквартированных в Баварии частей бундесвера. На вооружение были взяты слова канцлера Конрада Аденауэра (апрель 1951 г.), проникнутые духом холодной войны и стремлением к скорейшей ремилитаризации Западной Германии: «Число тех, кто действительно виновен, настолько невелико, что это не может нанести ущерба бывшему германскому вермахту»⁹. Надо-де говорить не о преступлениях нацистской армии, но о «величии и трагедии вермахта», а организаторов выставки привлечь к суду. Представитель Христианско-социального союза Ганс Подиук фактически полностью присоединился к аргументации ультраправых: «Цель выставки состоит в том, чтобы представить каждого солдата как уголовного и убийцу». Немалое место в речи Подиука заняли личные нападки на Реемтсму и Геера.

По убеждению социал-демократа Дитмара Кеезе, немецкие солдаты «на фронтах Второй мировой войны не защищали родину и семью, но поддерживали преступления нацистских властителей». Поэтому необходимо постоянно настаивать на этой мысли, чтобы «как можно больше простых людей, не только историков, извлекли бы уроки из непреложных исторических истин». Сабина Шампай (Партия зеленых) напомнила депутатам, что «на основании приказов вермахта на Востоке было уничтожено 1,5 миллиона евреев, 5 миллионов мирных жителей и

---

⁸ Стенографический отчет о заседании городского собрания депутатов см.: *Vilanz einer Ausstellung...* S. 5–100.

⁹ Frei. 1996. S. 77.

3 миллиона советских военнопленных». Противники выставки стремятся «навести глянец на вермахт», ведут «пропаганду милитаризма» и наносят прямой ущерб имиджу города Мюнхена. Гейдрун Каспар, представлявшая в городском парламенте партию свободных демократов, сожалела о том, «в сколь небольшой степени немцы извлекли уроки из прошлого». Поэтому экспозиция призвана «расширить представления об истории». Каспар выразила уверенность, что мюнхенские школьники будут активно посещать выставку.

Не найдя поддержки в городском парламенте, фракция ХСС вместе с ультраправыми ближе к полночи покинула зал ратуши. Впрочем, среди депутатов от ХСС нашелся все же политик, несогласный с позицией партийного руководства, – Франц Форхгеймер. Он так обосновал свою позицию: «Это была война на уничтожение, прежде всего на территории Советского Союза. Было бы неверно не видеть и не слышать то, что является правдой»¹⁰.

Решение городского собрания депутатов, принятое голосами фракций СДПГ, СвДП и Партии зеленых, гласило: «Выставка “Преступления вермахта”, которая была представлена во многих городах, вносит ясность в самую мрачную главу военной истории. Общественность Мюнхена должна получить возможность получить соответствующую информацию и составить о ней собственное мнение». Таким образом, экспозиция получила официальный статус. Местом ее проведения была утверждена Новая ратуша, а местом торжественного открытия выставки – auditorium maximum Мюнхенского университета имени Людвига и Максимилиана. «Süddeutsche Zeitung» возлагала на выставку большие надежды: «Речь идет о вине и отторжении вины, о героическом мифе, возникшем по ходу массовых убийств. Следует показать, что немцы, к какому политическому лагерю они ни принадлежат, добились хотя бы минимального консенсуса по вопросу о том, что произошло и какие уроки следует извлечь из этого прошлого»¹¹.

Но борьба вокруг экспозиции только начиналась. Петер Гаувайлер, руководитель городской организации Христианско-социального союза, потребовал прекратить «диффамацию мужественных солдат вермахта». Выставка именовалась при этом «неприемлемой», «клеветнической», «направленной против немецкого народа». Гаувайлер разослал жителям Мюнхена и окрестностей около 300 тысяч (!) стандартных писем, предлагавших бойкотировать выставку (что означало, напротив, ее бесплат-

¹⁰ Nürnberger Nachrichten. 19.II.1997.

¹¹ Süddeutsche Zeitung. 27.I.1997.

ную рекламу). Он подал в суд на Гера и его сотрудников, и дело было прекращено только летом 1997 г. Социал-демократическая фракция городского собрания указала в связи с этим на «неуместную праворадикальную тональность» христианско-социального политика, который «перешел границы политического и морального приличия»¹².

Газета «Bayernkurier», выражавшая позицию ХСС, назвала выставку «тенденциозной левой затеей» и «демагогической инсценировкой», обвинив ее инициаторов в попытках «оскорбить честь миллионов немцев» и начать «поход с целью уничтожения немецкого народа». Нюрнбергский процесс против главных военных преступников был при этом назван «карательной акцией против Германии»¹³. «Frankfurter Allgemeine Zeitung» писала, что авторы экспозиции – при помощи «многочисленных преувеличений и искажений» – ставят своей целью доказательство тезиса о «монопольной вине» солдат, «всего лишь выполнявших свой долг»¹⁴. Баварское министерство культуры «не рекомендовало» учителям истории использовать на уроках материалы экспозиции¹⁵. Военнослужащим бундесвера было запрещено появляться на выставке в униформе¹⁶. Был опубликован призыв нескольких «традиционных союзов» бывших военнослужащих вермахта (в том числе объединения бывших горных стрелков) «восстать против выставки», «бойкотировать выставку», которая «стремится оклеветать мужественных солдат». Ее документы были стандартно названы «односторонними, недифференцированными, стремящимися нанести удар по достоинству нации»¹⁷.

В прессе продолжалась полемика. Популярная мюнхенская «Abendzeitung» писала: «Без германского вермахта не было бы Освенцима, Лидице и Орадура. Пока держался фронт, эсэсовские палачи могли зверствовать в тылу. Без германского вермахта не было бы 58 миллионов убитых. Военнослужащие вермахта грабили, убивали на этой грязной войне. Таковы исторические факты. Но в стране палачей и их пособников, в стране, где во времена фашизма многие молчали, трудно говорить о страшной правде – даже 50 лет спустя»¹⁸.

---

¹² Süddeutsche Zeitung. 19.II.1997.

¹³ Bayernkurier. 22.II.1997.

¹⁴ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 26.II.1997.

¹⁵ Süddeutsche Zeitung. 25.II.1997.

¹⁶ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 31.I.1997.

¹⁷ Münchner Merkur. 25.II.1997. См. также: *Latzel K.* Soldatenverbände gegen die Ausstellung «Vernichtungskrieg» – der Lange Schatten des letzten Wehrmachtberichts // *Der Krieg in der Nachkriegszeit.* 2000.

¹⁸ Abendzeitung München. 13.II.1997.

24 февраля состоялось официальное открытие выставки. Университетский зал был переполнен. Обербургомистр Мюнхена социал-демократ Кристиан Уде нашел нужные слова: «Когда 22 июня 1941 г. началась агрессия против Советского Союза, это не было “превентивным ударом” против “еврейского большевизма”. Не было и речи о том, чтобы там, за тысячи километров от границ Германии, осуществлялась защита родины или свободы немецких женщин и детей. Вермахт вел захватническую войну за “завоевание жизненного пространства”, войну на уничтожение “красных недочеловеков”. Так приказывал Гитлер, не встретивший никакой критики или сопротивления со стороны верховного командования вермахта»¹⁹.

Речь Яна Филиппа Реемтсмы была выступлением квалифицированного ученого-историка, приверженца исторической справедливости: «Война германского вермахта “на Востоке” не была войной одной армии против другой армии. Это была война против народа, одну часть которого – евреев – следовало уничтожить, а другую поработить. Преступления не были здесь каким-то исключением, именно они являлись лицом этой войны». И далее: самое главное и самое обидное для большинства немцев: «Преступления вермахта были по определению потенциальными преступлениями каждого солдата, преступлениями мужей, отцов, братьев и дедов». Реемтсма перебрал смысловый мост между прошлым и настоящим: «Война – это состояние общества. Выставка показывает германское общество таким, каким он было 50 лет назад. Реакция на выставку отражает состояние нашего общества»²⁰.

Какой же была эта реакция? Начиная с 25 февраля, на Мариенплац с утра до вечера выстраивались очереди. Поступали заявки на экскурсии для школьных классов. Приходили солдаты и офицеры бундесвера в форме и в гражданской одежде. Люди ждали часами. Не так уж неправ был журналист одной из региональных газет, утверждавший, что значительная часть успеха выставки была достигнута «благодаря высказываниям Гаувайлера, благодаря акциям мюнхенской организации ХСС»²¹.

«Совершенно незнакомые друг с другом представители различных поколений, – отмечала “Süddeutsche Zeitung”, – вступают в общий разговор. Такого здесь еще не было»²². Живую зарисовку происходившего перед входом в ратушу оставила американская журналистка: «Каждый раз, когда приподымается крышка над котлом германской истории, стра-

¹⁹ Krieg ist ein Gesellschaftszustand. 1998. S. 127.

²⁰ Reemtsma. 2000. S. 382, 383, 390.

²¹ Donaukurier. 26.II.1997.

²² Süddeutsche Zeitung. 27.III.1997.

сти бьют ключом. Но иногда вода выходит за края котла. В толпе спорящих перед ратушей разъяренные люди 65 лет и старше – они были участниками войны. Я подошла к группе этих людей и попросила каждого в отдельности сказать, почему они выступают против выставки. Один из них посмотрел на меня, помолчал, и вдруг его прорвало. Это не была полемика с выставкой, но – истории об их отцах и братьях, о тяготах войны, о них самих. Истории, которые они давно уже хотели выплеснуть из себя»²³.

В субботу, 1 марта, баварская столица стала полем политического противостояния. В этот день была проведена общегерманская демонстрация неонацистов, протестовавших против выставки. Со всех концов ФРГ на полусотне автобусов с черными знаменами и плакатами прибыли скинхеды и им подобные. Их было более 5 тысяч, в 16 часов они собрались на Якобплац и начали движение к Новой ратуше. Однако на Мариенплац, защищая выставку, собралось около 8 тысяч ее сторонников, принадлежавших к разным политическим лагерям – от либералов до коммунистов. Прямое противостояние стало неизбежным. «Казалось, еще пять минут, и гражданская война с ее уличными сражениями была бы неизбежной»²⁴. Но полицейские (их было 2 тысячи), действуя умело и грамотно, остановили неонацистов на Хохбрюккенштрассе в полусотне метров от Мариенплац. 136 человек было задержано, скинхеды были оттеснены, обысканы, рассажены в автобусы и отправлены по домам²⁵.

Свидетели и участники событий этого бурного дня расценили их как безусловную победу в деле извлечения уроков из коричневого прошлого. Одна из сотрудниц городского управления культуры констатировала: «Мюнхен стал другим»²⁶. Но не только на площадях – в залах выставки, в умах и сердцах тысяч простых людей, происходили невидимые изменения, долговременные результаты которых сказываются и сегодня.

Объективным показателем сдвигов в общественном мнении служат записи в книгах отзывов, сделанные сразу после посещения экспозиции. Записи короткие, в одну строку, и пространные, подписанные и анонимные, рядом рука школьника и рука старика. Неостывшие страсти, продолжение споров, кипевших в зале. Моментальные снимки исторического сознания в его многообразии, противоречиях, в его движении. Человеческие документы, зримо свидетельствующие о предельной сложности процессов преодоления прошлого. Книги отзывов стали, ес-

²³ The Wall Street Journal Europe. 7.III.1997.

²⁴ Süddeutsche Zeitung. 3.III.1997.

²⁵ Abendzeitung München. 3.III.1997.

²⁶ Greiner. 1999. S. 40.

ли говорить словами Бориса Пастернака, «кубическим куском горячей, дымящейся совести»²⁷. Здесь были представлены все поколения, социальные слои и политические течения послевоенной Германии: от крупных чиновников до рабочих, от бывших активистов нацистской партии до освобожденных из концлагерей противников режима²⁸.

Большее половины записей принадлежало ветеранам вермахта, условно назовем их представителями «первого поколения» (годы рождения 1914–1926). Преобладали (и они сразу бросаются в глаза) тексты, проникнутые резким неприятием увиденного в выставочном зале: «Все это ложь, ничего такого не было»; «Через полвека после окончания войны организован крестовый поход против германского вермахта. Позор!»; «Выставку надо запретить!»; «Я никогда еще не видел такой неуравновешенной, грязной, леворадикальной выставки»; «Вы обвиняете весь народ, обвиняете всех немцев в преступлениях»; «Надо организовать выставку о том, какие страдания приносили немецкому гражданскому населению бомбардировки англичан и американцев»; «Я стыжусь того, в каком виде предстают на выставке солдаты бывшего вермахта. Прошлое надо оставить в покое».

Но рядом другая запись: «Мне стыдно, что есть люди с таким образом мыслей. Они просто страшатся диалога с прошлым. Если мы забудем обо всем, если мы оставим прошлое в покое, оно может повториться». Нередко участники войны выступали – поверх барьеров! – в поддержку правды, о которой говорила выставка: «Все здесь правильно» (подписано: «год рождения 1918»); «Я был солдатом на той страшной войне и могу только сказать спасибо за выставку. Надеюсь, молодые люди поймут, к каким преступлениям ведут расовая ненависть и вытекавшие из нее идеология и война»; «Я был там – и в наступлении, и в обороне: Одесса, Кавказ. Выставка очень хороша»; «Все показано правильно»; «Бывают в жизни такие минуты, когда остаешься один на один с прошлым. Нет слов!»; «Представь себе: тебе 17 лет, тебя отправили на фронт, и ты должен стрелять в противника. Но если ты откажешься, тебя ждет смерть. Я спрашиваю тебя, что бы ты делал на моем месте?»; «Подумайте над тем, что здесь написано»; «Пожалуйста, издайте часть этих записей как исторический источник». И записи, за которыми стоят бессонные ночи и муки совести: «Я воевал в 1939–1941 гг. 17 октября 1941 г. я отказался расстре-

---

²⁷ Пастернак. 1991. С. 367.

²⁸ Все записи в книге отзывов приводятся по: Bilanz einer Ausstellung... S. 207–249. Анализ эволюции исторического сознания трех послевоенных немецких поколений см.: Kohlstruck. 1997.

лять пленного советского комиссара. Я не преступник!»; «Нет, мой муж не был убийцей!». Трагическое несовпадение восприятия войны...

Зрители фильма «Неизвестный солдат» спрашивали Михаэля Верховена, встречал ли он в процессе работы хотя бы упоминания о тех, кто не выполнил приказ об убийстве мирных жителей, Верховен ответил, что слышал о таких, но среди ветеранов войны их не встречал. Один – лишь один – сказал режиссеру, что ему стыдно за своё прошлое, за участие в убийствах евреев. Это есть на экране. Он рассказал, как был поражен, увидев совершенно бесчеловечное обращение немцев с советскими военнопленными.

Через сотни записей в книге отзывов проступают четкие контуры драмы мужчин и женщин «второго поколения» (годы рождения 1941–1948): они не застали времена нацизма или были детьми в год окончания войны. Однако проблема вины и ответственности, соединенная с проблемой отношения отцов и детей, отдавалась тревогой и болью: «Я боюсь узнать на фотографии своего отца»; «Я все время боялась найти на снимках лицо моего отца»; «Для меня всегда было проблемой то, что мой отец был на войне. Стал добровольцем в 17 лет, служил в СС, потом 5 лет русского плена. Для меня он всегда был любимым отцом. Но что творилось там? Он говорил мне, что не участвовал в расстрелах евреев. Но что было в Харькове? С ним уже не поговоришь, он умер, когда ему было 60. Он был сломленным человеком: жертвой или преступником?». Ответ был невозможен. Оставалось только сожалеть об отсутствии диалога между поколениями: «Надо было задавать больше вопросов нашим отцам»; «Тот, кто молчит, виновен. Деды и отцы, говорите, хотя бы теперь, пока еще не поздно, пока все это не забылось»; «Все это нельзя описать словами»; «Я не смог досмотреть до конца, я должен был уйти. Достаточно...»; «На каком же зыбком льду мы находимся!».

Слова дочери бывшего узника концлагеря: «Выставка должна стать предупреждением для будущего. Никогда, никогда больше!». Многократно повторенная решимость извлечь уроки из трагедии “третьего рейха”: «Ужасно. Теперь я знаю, почему многие люди против выставки. Я надеюсь, что все это никогда не повторится»; «Я думаю, что и пять десятилетий спустя не извлечены уроки из периода национал-социализма и что эта тема остается конфликтной сегодня». Вывод Ханнеса Геера – от имени «второго» поколения: «Неверно и опасно утверждать, что война на уничтожение является проблемой наших дедов и отцов. Это – наша проблема»²⁹.

---

²⁹ Die Wehrmachtausstellung. Dokumentation einer Kontroverse. 19997. S. 91.

Представители «третьего» и «четвертого» поколений «дети экономического чуда», родившиеся в Федеративной Республике и не знавшие войны и лишений... Способны ли они воспринять мучения других людей – русских, евреев, немцев? О такой способности свидетельствуют многие и многие записи: «Я хочу знать всю правду. Для меня важны причины событий. Спасибо за выставку»; «Спасибо! Эта выставка дала мне больше, чем 5 лет обучения в школе»; «Мне 19 лет. Как член ХСС, я дистанцируюсь от высказываний г-на Гаувайлера»; «Я родился в 1956-м, но мне стыдно»; «Все представляется ужасным, но хорошо, что это показано. Потому, что многие люди пробуждаются»; «Выставку должен видеть каждый. Каждый!»; «Все, кто оправдывает эти преступления, завтра может совершить их снова. В будущем я буду еще решительнее выступать против таких оправданий»; «Не думаю, что мы лучше наших предшественников. Но мы можем меняться к лучшему. Учитесь у прошлого»; «Наши ноги в крови прошлого, но в наших руках будущее».

Многих мучили сомнения: «А что мы бы делали? Не участвовали бы? Сказали бы “хватит!”? Я надеюсь на это!»; «Как офицер бундесвера, я снова спрашиваю себя: исполнял бы я такие приказы?»; «Как поступили бы мы на месте солдат вермахта? Отказались бы мы выполнять приказы?»; «Но как придти в себя? Как оправдаться? У меня нет слов». Об этом размышления прозорливой Х. Арендт: «Косвенная ответственность за поступки, которые мы не совершали, готовность принять на себя деяния, в которых нет никакой нашей вины. Такова цена, которую мы платим за то, что в течение всей жизни мы не одни, но рядом с другими»³⁰.

Сознание молодых немцев оставалось противоречивым: «Я считаю, прошлое надо оставить в покое и смотреть в будущее. Ведь мы живем теперь, а не в 1941-м. Почему мы должны стыдиться того, что произошло за десятилетия до того, как мы родились?». На той же странице: «Спасибо за выставку. Она очень важна для нас, для молодежи. Извлекать уроки из прошлого и тогда, когда мы не виновны». Слова, написанные школьником, неустоявшимся почерком: «Выставка не дала мне ничего». И ниже: «Тот, кого выставка ничему не научила, просто дурак».

Многие благодарные посетители прямо обращались к сотрудникам института социальных исследований: «Прекрасно, что, хоть и поздно, но вы обрели мужество, необходимое для организации выставки. Лучше поздно, чем никогда»; «Спасибо всем, кто помог все это организовать»; «Как хорошо, что вы решились на эту экспозицию. Должны ли мы благодарить вас?»; «Выставка распахнула двери. Наконец-то об этом гово-

---

³⁰ Цит. по: Greiner. 1999. S. 41.

рят среди всех слоев населения»; «Я надеюсь, что выставка перевернет нутро многим людям, и в их глазах выступят следы ужаса и стыда»; «Из этой правды нужно извлекать уроки – для того, чтобы не оказаться там, где мы уже были»; «Выставка должна стать предостережением для будущих поколений». Под впечатлением увиденного и прочувствованного немало людей делилось своими суждениями об извлеченных ими уроках на будущее: «Мы должны гордиться: наконец-то, мы смогли приступить к тому, чтобы по-настоящему начать извлекать уроки из прошлого»; «Об этом нельзя забывать никогда»; «Тот, кто называет выставку односторонней, тот хром на одну ногу. На правую». Через каждые несколько страниц книги отзывов – вопросы, обращенные к себе и своим согражданам: «Нельзя уйти от постыдного прошлого. Нередко правда бывает жестокой, ужасной и несправедливой. И поэтому ее нужно игнорировать и отказаться от полемики?»; «Что мы должны делать для того, чтобы прошлое не повторилось? Как воспитывать молодежь?». Вопросы, ставшие прямым продолжением споров, вопросы, оставшиеся без ответа...

Аналогичные мысли и чувства были выражены в письмах, адресованных организаторам выставки. Перед нами послание одной из жительниц Баварии: «Когда я посетила выставку в Мюнхене, на одной из фотографий я узнала своего отца. После того, как дома я просмотрела другие военные снимки отца, я еще раз пришла на выставку, взяв с собой лупу. Теперь я убеждена, что это он, на фотографии у виселицы в Велиже, близ Смоленска... Вы, конечно же, можете представить, каково было дочери, которая сделала такое открытие. Это очень тяжело. Поэтому я хочу попытаться точно узнать, точно ли изображен на снимке мой отец... Я была бы Вам очень благодарна, если Вы сообщили мне точную информацию об этом снимке»³¹.

Та же большая память в письмах ветеранов германской армии: «Как бывший солдат, который был насильственно призван в вермахт, я мог бы рекомендовать каждому гражданину осмотреть эту выставку. Я могу поручиться, что действительность была еще ужаснее, чем это показано на выставке»; «Солдаты вермахта в той же мере, что я, совиновны в совершенных злодеяниях». Тяжкие мысли дочери бывшего солдата: «Я все еще во власти ужасных снимков, и я просто не могу представить, как люди способны совершать такие преступления... Теперь я понимаю, почему моего отца до конца его дней мучили кошмары». Письма представителей молодого поколения: «Один мой дед был в Сталинграде,

---

³¹ Heer. 1999. S. 295.

другой был голландцем по национальности, и немецкие солдаты отобрали у него его имущество. Я, таким образом, одновременно и внук преступника, и внук жертвы. Фотографии на выставке правдивы. Виселицы, выстрелы в висок, расстрелы...»; «Как бы действовал я, как бы действовали Вы? Этого никто не знает... Большое спасибо за действительно удавшуюся выставку. теперь можно ближе познакомиться с событиями Второй мировой войны. Здесь играют роль факты, а не эмоции». Послание, в котором запечатлелась неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего: «Некоторые думают, что еще не пришло время обо всем говорить открыто. Но наш современный опыт требует быть бдительными. Злые духи – это не только прошлое»³².

Перед нами пространство боли, поиска и сомнений. Человеческие документы, подобные, по словам мюнхенского журналиста Хериберта Прантля, «увеличительному стеклом, при помощи которого можно разглядеть, в каком состоянии находится германское общество»³³. Как предвидел Клаус Науман, один из инициаторов создания выставки, она стала «психограммой коллективной интерпретации прошлого», помогла понять факторы, приведшие к стабильности «мифа о неполитическом вермахте», к формированию в западногерманском обществе устойчивой «шкалы стереотипов» – «от утверждений о бессилии вермахта и превращении его в жертву режима до трактовки его действий как “оборонительной битвы” на Востоке»³⁴.

Дискуссии, проходившие в баварской столице, стали событием общегерманской значимости. 13 марта и 24 апреля 1997 г. в бундестаге ФРГ по инициативе фракции ХДС/ХСС проходили дебаты, посвященные экспозиции «Война на уничтожение». Известный лидер ХДС Альфред Дрегер призывал открыть фронт против организаторов выставки, которые, по его утверждениям, «говорят неправду», «занимаются подстрекательством и клеветой». Однако Дрегер встретил отпор со стороны депутатов других фракций. Граф Отто Ламбсдорф (Свободная демократическая партия) признал, хотя и не без оговорок: «Выставка необходима, и хорошо, что она существует».

Социал-демократ Отто Шили отметил, что дебаты о выставке представляют лишь «часть процесса извлечения уроков из истории, процесса, который будут продолжаться и в течение следующих десятилетий». Говоря о критиках экспозиции, депутат указал на их «нежелание

---

³² Тексты писем приводятся по: *Bilanz einer Ausstellung...* S. 251–267; См. также: *Vorr.* 1999. S. 203–204.

³³ *Wehrmachtsverbrechen...* S. 233.

³⁴ *Naumann.* 1992. Н. 5. S. 130–136.

или неспособность воспринять историческую правду о злодеяниях нацистской диктатуры». Фраймут Дуве, коллега Шили по фракции СДПГ, констатировал: «Эта война не отпускает никого из нас: и тех, кто воевал или был тогда ребенком, и тех, кто родился уже после войны».

Совершенно необычным для практики парламентских дебатов было то, что представители всех фракций – от христианских демократов до членов Партии демократического социализма – говорили о своих судьбах, о своих семейных историях, о личном восприятии экспозиции. Стало ясно, что документы и выводы выставки касаются каждого немца, каких бы политических взглядов он ни придерживался. Депутат Вальтер Кольбов (СДПГ) указал: «Выставка – это не обвинительный приговор, это основание для того, чтобы мы сами извлекали уроки из собственной истории». Настрой прений оказался таким, что приглашенный на заседание бундестага министр обороны Фолькер Рюэ (ХДС) счел должным недвусмысленно заявить: «Вермахт был армией диктатуры, инструментом Гитлера для проведения преступной, агрессивной войны». Да и Дреггер в конце обсуждения заметно смягчил тон и вынужден был выразить готовность идти на компромиссы³⁵.

Но иллюзия общего согласия с главной идеей выставки просуществовала недолго. В октябре 1999 г. журналы «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» (орган Института современной истории) и «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht» (орган Союза германских историков) одновременно напечатали сообщения Б. Музяля (Польша) и К. Унгвари (Венгрия). В обеих публикациях достаточно убедительно отвергалась атрибуция нескольких представленных на выставке фотодокументов. Утверждения Музяля и Унгвари коснулись незначительного числа экспонированных фотографий (20 из 1 433, то есть 1,39 % видеоряда). Немецкая пресса разных направлений и прежде – справедливо или несправедливо – указывала на определенные неточности в деталях экспозиции «Война на уничтожение». Ошибки время от времени исправлялись: проблематичные снимки изымались, менялись подписи под документами. Но на сей раз все обстояло иначе. Началась хорошо скоординированная (и наверняка хорошо оплаченная) атака против основной концепции выставки. Не успела высохнуть типографская краска на страницах малотиражных, предназначенных для специалистов журналов, как консервативные газеты и еженедельники выступили (под аршинными заголовками на первых полосах!) с сенсационными утверждениями о сознательных фальсификациях прошлого, будто бы

---

³⁵ Стенограмму дебатов см.: Die Wehrmachtsausstellung... S. 170–219.

предпринятых сотрудниками Института социальных исследований, о преднамеренном очернении рядовых солдат вермахта. Группа депутатов бундстага от Христианско-социального союза обратилась к министру иностранных дел ФРГ с требованием не допустить запланированного показа выставки в США, дабы «всеми средствами» воспрепятствовать распространению за границей тенденциозного «образа Германии»³⁶.

Спор, таким образом, вышел за рамки обсуждения проблемы аутентичности отдельных фрагментов экспозиции. За критикой видеоряда скрывалось намерение переписать историю войны и, если не уйти от ответственности за преступления режима, то, во всяком случае, преуменьшить степень этой ответственности. По мнению американского историка Омера Бартова, атака против выставки стала выражением активности «новой разновидности немецкого национализма, представленного не только в рядах консерваторов, но и среди либералов и людей, принадлежащих к левому политическому спектру». В ФРГ, полагал ученый, «вновь начинает действовать машина самооправдания», а сторонники (хотя бы частичной) реабилитации вермахта стремятся «придать новый глянец аргументам, взятым напрокат из арсенала 1950-х годов»³⁷.

4 ноября 1999 г. на созванной в Гамбурге пресс-конференции профессор Реемтсма объявил о временном прекращении работы выставки. Ее руководители предпочли закрыть экспозицию, нежели выслушивать упреки в фальсификации исторических источников. «Критика выставки, – констатировал директор Института социальных исследований, – не затрагивает ее концепции, однако (если оставить экспозицию без изменений) возникнет опасность того, что под сомнением окажутся ее основные установки. Необходимо восстановить поколебленное доверие»³⁸. Реемтсма выражал надежду, что в течение трех месяцев будет подготовлена новая экспозиция, которая по-прежнему «вовсе не будет нравиться всем критикам и станет предметом новых дискуссий»³⁹. По поручению Института социальных исследований в течение двух лет (но не трех месяцев) над новой версией экспозиции работала группа авторитетных ученых. Координатором проекта стала Ульрика Юрайт, имевшая значительный опыт выставочной деятельности в антифашистских мемориальных центрах.

Торжественное открытие обновленной документальной выставки состоялось 28 ноября 2001 г. в германской столице, в зале театра Бер-

---

³⁶ Die Welt. 4.XI.1999.

³⁷ Die Welt. 3.XII.1999.

³⁸ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 6.XI.1999.

³⁹ Die Welt. 6.XI.1999.

тольта Брехта «Берлинский ансамбль», что свидетельствовало об органической взаимосвязи нового проекта с антимилитаристскими традициями. Вступительную речь произнес Ганс Моммзен, который отметил, что экспозиция лишена агитационного характера, основана на достижениях современной науки, на введении в оборот новых источников. Неопровержимые факты о злодеяниях вермахта на оккупированных территориях СССР приобретают, подчеркнул Моммзен, особую значимость в современной международной обстановке. Выставка в ее новой версии действовала с ноября 2001 г. по март 2004 г. и была показана в 11 немецких городах. Экспозицию посетили более 400 тысяч человек.

Выдающийся писатель и правовед Бернхард Шлинк убежден: «Обращение к прошлому – независимо от того, насколько большую или малую роль оно играло и продолжает играть в нашей работе, – сделалось составной частью нашего самоощущения, наших внешних проявлений»⁴⁰. Немцы вновь оказались лицом к лицу с нежелательными и как будто давным-давно решенными «проклятыми» вопросами – о национальной вине и национальной ответственности за чудовищные деяния гитлеровцев. Выставка стала неотъемлемой частью духовной жизни ФРГ конца XX и начала XXI века.

Решающий прогресс в деле осмысления наследия «третьего рейха» был достигнут в пограничной зоне между историческим знанием и общественным сознанием. Именно в этом пространстве разворачивались дискуссии, далеко выходявшие за стены академического и университетского цехов, будоражившие общество, прямо влиявшие на направленность и характер исторических исследований, на их новую оптику.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. М.,: Художественная литература, 1991.
- Abendzeitung München. 13.II.1997; 3.III.1997.
- Badische Zeitung. 11.III.1997.
- Bayernkurier. 22.II.1997.
- Besucher einer Ausstellung. Die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» in Interview und Gespräch. Hamburg: Hamburger Edition, 1998.
- Bilanz einer Ausstellung. Dokumentation der Kontroverse um die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». München: Knaur, 1998.
- Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik. Opladen: Budrich + Leske, 2000.
- Der unbekannte Soldat. Was hast du im Krieg gemacht? Ein Film von Michael Verhoven. Eine Sentana Film Produktion. 2006.

---

⁴⁰ Schlink. 2001. S. 82.

- Der Vernichtungskrieg im Osten – Verbrechen der Wehrmacht in der Sowjetunion aus Sicht russischer Historiker. Kassel: Kassel University Press, 1999.
- Die Ausstellung und ihre Folgen. Zur Rezeption der Ausstellung Vernichtungskrieg. Verbrechen «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». Hamburg: Hamburger Edition, 1999.
- Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München: Oldenbourg, 1999.
- Die Wehrmachtsausstellung. Dokumentation einer Kontroverse. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1997.
- Die Welt. 3.XII.1999; 4.XI.1999; 6.XI.1999.
- Die Zeit. 22.01.2004.
- Donaukurier. 26.II.1997.
- Frankfurter Allgemeine Zeitung. 31.I.1997; 26.II.1997; 6.XI.1999.
- Frei N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München: Beck, 1996.
- Heer H. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront Hamburg: Hamburger Edition, 1999.
- Jeismann M. Einführung in die neue Weltbrutalität. Zweimal «Verbrechen der Wehrmacht»: von der alten zur neuen Bundesrepublik // Zeitgeschichte als Streitgeschichte.
- Kohlstruck M. Zwischen Erinnerung und Geschichte. Der Nationalsozialismus und die jungen Deutschen. Berlin: Metropol, 1997.
- Krieg ist ein Gesellschaftszustand. Reden zur Eröffnung der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». Hamburg: Hamburger Edition, 1998.
- Krieg ist ein Gesellschaftszustand. Reden zur Eröffnung der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». Hamburg: Hamburger Edition, 1998.
- Latzel K. Soldatenverbände gegen die Ausstellung «Vernichtungskrieg» – der Lange Schatten des letzten Wehrmachtsberichts // Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik. Opladen: Budrich + Leske, 2000.
- Münchner Merkur. 25.II.1997.
- Naumann K. Wehrmacht und NS-Verbrechen // Mittelweg 36. 1992. H. 5.
- Nürnberger Nachrichten. 19.II.1997.
- Reemtsma J. Ph. Mord am Strand. Allianzen von Zivilisation und Barbarei. Berlin: Siedler, 2000.
- Shlink B. Auf dem Eis. Von der Notwendigkeit und der Gefahr der Beschäftigung mit dem Dritten Reich und dem Holocaust // Der Spiegel. 2001.
- Süddeutsche Zeitung. 27.I.1997; 19.II.1997; 25.II.1997; 3.III.1997; 27.III.1997.
- The Wall Street Journal Europe. 7.III.1997.
- Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte. München: Beck, 2005.
- Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1999.
- Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen nach 1945. München: Beck, 2003.

Борозняк Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета; bor-33@mail.ru

О. Н. МУХИН

ПЁТР ВЕЛИКИЙ VS. ИВАН ГРОЗНЫЙ

ЛИЧНОСТЬ ПРАВИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИФИКИ РОССИЙСКИХ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

Цель статьи – выявить факторы корреляции модернизационных преобразований в России раннего нового времени и особенностей становления психосоциальной идентичности монархов-реформаторов путем сопоставления личностей Ивана Грозного и Петра I с учетом соответствующих социокультурных контекстов. Сравнительно-исторический анализ позволяет определить причины большей результативности деятельности первого российского императора, а также выявить корни типичных проблем российской модернизации, свойственных ей вплоть до наших дней.

Ключевые слова: *Россия, модернизация, царская власть, идентичность, сравнительный анализ.*

Сравнение Петра I и Ивана Грозного имеет более чем трехсотлетнюю традицию и восходит к самому Петру, который считал себя во многом продолжателем дела своего грозного предшественника. Прежде всего, это касалось завоевательной политики, в которой действительно прослеживается явственная преемственность: начав с удара по «агарянам», оба затем боролись за возвращение «отчин и дедин» в Прибалтике¹. Для Петра Иван был образцом самодержавной власти, а также начинателем избранного им внешнеполитического курса². Историки же, прежде всего, обращают внимание на схожесть в стиле правления и чертах характера двух монархов. Я. Н. Любарский указывает на сходство обстоятельств биографий Ивана и Петра, которые приводили к схожим особенностям поведения: оба рано осиротели, еще детьми получили царское достоинство, испытали превратности придворных междоусобиц, были свидетелями кровавых событий, рано повзрослели и получили единодержавную власть. В результате обоим были свойст-

---

¹ Характерно, что во втором Азовском походе 1696 года русское войско сопровождала святыня, которую брал Иван Грозный в Казанский поход – полковое знамя с изображением лика Спасителя. *Богословский*. 2005. С. 276.

² *Погосян*. 2001. С. 48.

венны пьянство, жестокость, переменчивость, эксцентричность поведения в виде традиции ритуалов перевернутых отношений³.

А. М. Панченко и Б. А. Успенский также подчеркивают ряд сходных черт в правлении Ивана и Петра: раскол общества на две культуры, маркированные внешними признаками (прежде всего различиями в одежде), ярко выраженный игровой характер эпохи, разрыв с традициями. Авторы замечают, что «оба государя не удовлетворены культурным статусом и хотят его изменить»⁴.

Если схожесть черт этих двух «первых монархов» (определение Панченко и Успенского) легко демонстрируется уже одним перечислением, то различия и их причины для исследователей не столь очевидны. Достаточно заметить, что сходные обстоятельства в детстве пережил и Людовик XIV, которого, однако, никто не причисляет к сонму знаменитых тиранов. Отсюда возникает необходимость сопоставления обстоятельств конкретных life-history правителей с макроуровневыми концептами, такими как цивилизационный подход и теория модернизации.

Известно, что России свойственен эндогенный тип модернизации, характеризующийся, помимо прочего, жестко вертикальной (сверху вниз) направленностью преобразований, когда главным инициатором реформ является правитель и его ближайшее окружение. Большая часть населения страны при этом является либо пассивными созерцателями, либо полигоном или даже жертвами модернизационных процессов. Отсюда большинство периодов радикальных реформ связаны в нашей исторической памяти с образом жестоких, авторитарных правителей (Иван Грозный, Пётр I, Сталин). Однако обращение к анализу личности и обстоятельств правления этих исторических персонажей позволяет скорректировать обобщенные характеристики.

Несмотря на схожесть фигур Ивана и Петра есть существенное различие между ними: при всех издержках деятельность Петра оказалась позитивной и результативной, он оставил после себя могущественную державу, тогда как последствия правления Ивана в целом негативны и разрушительны, во многом именно они привели страну на грань катастрофы Смутного времени. В чем же причины такого различия? Не отражает ли специфика идентичностей этих двух монархов своеобразие разных этапов российских процессов модернизации?⁵

---

³ Любарский. 1989. С. 56–65.

⁴ Панченко. 1983. С. 55–60.

⁵ В постановке вопроса я отталкиваюсь от выдвинутой и аргументированной И. Ю. Николаевой гипотезы о коррелируемости процессов деформации социально-

Одна из основных черт, сближающих в глазах как историков, так и обывателей фигуры Ивана Грозного и Петра I – это крайняя жестокость их как в личностном плане, так и в управлении государством. Сам Пётр знал об этом образе своем и Ивана. И. И. Голиков приводит слова, сказанные Петром в 1722 г. герцогу Голштинскому об Иване Грозном: «Сей государь есть мой предшественник и образец; я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел еще в том столь далеко, как он. Глупцы только, коим не известны обстоятельства его времени, свойства его народа и великия его заслуги, называют его мучителем»⁶. В том же духе высказывался Пётр и о себе: «Знаю я, что меня называют жестоким и мучителем, однако, по счастью, те только чужестранцы, кои ничего не знают об обстоятельствах, в коих я сначала многие годы находился, и сколь многие из моих подданных препятствовали мне ужаснейшим образом в наилучших моих намерениях для отечества, и принудили меня поступить с ними со всякою строгостию, но не жестоко, а менее еще мучительно»⁷.

Попытка Петра откреститься от столь неприятных обвинений вполне понятна, ведь и Иван посвятил подобным оправданиям значительную часть своего литературного наследия. В пользу этих обвинений говорит масса фактов: опричный террор Ивана, «утро стрелецкой казни» и жертвы строительства Санкт-Петербурга Петра, уничтожение ими собственных сыновей. Такая стилистика поведения объясняется как особенностями формирования их идентичности, так и политическими и социальными традициями Российского государства.

Корень негативных черт личности обоих правителей лежит в их детстве. Важнейшую деформирующую роль в становлении идентичности Ивана и Петра сыграли стрессы, полученные в раннем возрасте в ходе притеснений со стороны правящей элиты и бунтов, сопровождавшихся истреблением их родственников и представителей ближайшего окружения. В 1547 г. московские «черные люди» ворвались в Кремль, выволокли дядю царя, князя Юрия Васильевича Глинского, из Успенского собора и забили камнями. Труп его вытащили из Кремля и бросили перед Торгом, «иде же казнят» (так обращались с трупами казненных за измены по приговору «мира»). Несколько дней Москва находилась во власти восставших, которые разграбили дворы Глинских, перебили

психологической идентичности Ивана Грозного и срыва наметившихся процессов Перехода в России XVI века. См. об этом: *Николаева*. 2005. С. 143–243.

⁶ Пётр Великий в его изречениях... 1991. С. 17.

⁷ Там же. С. 19.

большое число их вооруженных слуг. Иван в это время, после страшного пожара, почти уничтожившего Москву, жил в подмосковной резиденции Воробьево. Вскоре восставшие явились и туда с требованием выдать им другого царского дядю, Михаила Глинского, и бабу княгиню Анну, которые, по их убеждению, прятались у царя⁸. Именно их народ считал повинными в пожаре. Эта встреча с вооруженным народом произвела очень сильное впечатление на царя. В речи на Стоглавом соборе в 1551 г., вспоминая о событиях 1547 г., царь говорил: «И от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моа»⁹.

Переживания Петра были еще страшнее, так как он сам присутствовал при кровавых сценах, разыгравшихся в Кремле в 1682 г. (к тому же на тот момент он был значительно младше Ивана – ему было десять лет, тогда как Ивану в 1647 г. было шестнадцать). Вот лишь один эпизод, описанный очевидцем и сыном одной из главных жертв стрелецкого неистовства Андреем Артамоновичем Матвеевым:

«От дворцовой стороны, из сеней Грановитой палаты, ворвались других полков стрельцы, с свирепым стремлением и с тиранским нападением, бесстыдно оторвав его, Матвеева (Артамона Сергеевича, бывшего “канцлером” в последние годы царствования Алексея Михайловича. – *О. М.*), от рук их царских величеств, похитили, и хотя милосердо ее величество государыня царица его не хотела отдать, но невозможно было. И в тот час из бояр князь Михаил Алегукович Черкасский зело великодушное и высокой памяти достойное дело учинил, оставя смертный час, из рук их отнял его, упав на него. И тою верноискреннею христианства целостию сам избавитель наш Господь Иисус Христос своим божественным похвали словом тако: “Несть паче той любви, иже положит душу свою за други своя”. И те неукротимые и человеческой крови исполненные руки, радостно и сладостно желательные его, боярина Матвеева, ни в чем им неповинного, изпод него, боярина князя Черкасского, вырвав, разодрали на нем, помянутом князе, платье, и потом бросили с Красного крыльца на площадь против Благовещенского собора, и с таким своим тиранством варварскими бердышами все его тело рассекли и разрубили так, что ни один член целым не нашелся <...>. В тот же самый час те изменники, львовым образом безобразно воссвирепевшие и осквернившиеся невинных оных страдальцев бояр кровию, закричали во многие свои голоса, что “пришла уже самая пора, кто нам надобен, разбирать”. И склоня копыя пред собой, побежали все с неистовым своим бунтовством в царские палаты искать якобы еще других изменников»¹⁰.

⁸ Скрынников. 1980. С. 28–29.

⁹ Слова царя Ивана IV Васильевича... 2005. С. 121.

¹⁰ Матвеев. Записки. С. 377–378.

В результате детских стрессов и Иван, и Пётр получили негативным образом сказывающееся на формировании идентичности качество, обозначаемое в психоанализе как «базисное недоверие»¹¹. Однако следует учесть и более широкий социально-психологический контекст. Русскому обществу как в XVI, так и в XVII в. был свойственен авторитарный социальный характер (терминология Э. Фромма), подразумевающий господство садо-мазохистских черт, которые, в свою очередь, подразумевают стремление подчиняться и подчинять, тесно связанные друг с другом и порождающие повышенный уровень страха и неуверенности в обществе, или, по определению другого автора, К. Хорни, невротизма. Причем именно периоды кануна правления как Ивана, так и Петра, то есть первая половина XVI и вторая половина XVII в., характеризуются активными идейными исканиями и спорами, приводившими к обострению невротизма. Если в первом случае это дискуссии нестяжателей и иосифлян, а также расцвет различных ересей, то во втором – церковный раскол и нарастание европеизаторских тенденций, из-за чего как в среде простого народа, так и правящей элиты возникают панические настроения, принимавшие формы апокалиптических ожиданий¹².

Все это не могло не сказаться на психике и характере выросших в этих обстоятельствах монархов, которые (и оба осознавали это) к тому же несли ответственность за своих подданных перед Богом. Однако можно утверждать, что для Ивана все сложилось гораздо хуже, так как его базисное недоверие приобрело характер базальной тревожности¹³, проявления которой, по крайней мере в столь явной форме, у Петра не обнаруживается. Более того, в силу большей близости исторической архаики структура идентичности Ивана Грозного оказалась податлива тем явлениям, которые связаны с деформацией этико-нравственного

---

¹¹ Отсутствие базисного доверия к миру с самых ранних стадий формирования идентичности лишает ее важной подпитки психологической уверенности в себе на последующих стадиях жизненного цикла. Оно закладывает основания для базисно тревожной структуры идентичности, если условия дальнейшей социализации не компенсируют дефектов этой стадии. Такой тип социализации, как правило, сопряжен с повышенным невротичным складом со всеми сопутствующими ему чертами. Подробнее см.: Хорни. 2002; Эриксон. 1996.

¹² За кадром этих явлений отчетливо проступают контуры активизации того уклада, который является мотором всех этапов модернизации, – развитие товарно-денежных отношений вкупе с новыми практиками экономического хозяйствования.

¹³ Базальная тревожность – несоразмерная реакция на воображаемую опасность – может сопровождаться в качестве своеобразной защитной реакции агрессией в отношении других, как правило, ситуативно более слабых лиц. См.: Хорни. Указ. соч. С. 31–34.

кода сознания и поведения личности¹⁴. (Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и особенности врожденного темперамента двух монархов, на разность которых обращал внимание еще К. Ярош¹⁵).

Отсюда и различия, которые можно выявить в проявлениях жестокости обоих монархов. Для Ивана истребление людей часто становилось самоцелью, от его руки пало множество людей, его садистские выходки маркировали базальную тревожность, которую он не в силах был преодолеть в течение всей жизни. Пётр же применял жесткие меры лишь вследствие действительных, доказанных проступков. Безусловно, отклонением в поведении Петра на фоне «нормального» поведения как русских, так и европейских правителей было его непосредственное участие в пытках и, может быть, казнях (хотя этот факт твердо не доказан). Самый яркий пример – следствие после стрелецкого бунта 1698 г. Если обратиться для сравнения к Франции того же времени, то мы увидим вполне характерную разницу с поведением как Ивана Грозного, так и Петра. Безусловно, бунты и мятежи подавлялись Людовиком XIV достаточно жестко: война Люстюкрю (бунт в Булонне) в 1662 г. закончилась ссылкой на галеры 400 человек и дюжиной повешенных и колесованных; после восстания в Шалоссе под предводительством Одижо в 1663–1665 гг. многие казнены, несколько десятков сосланы на галеры. Но показательным является то, что казнили только зачинщиков и схваченных с оружием, всех, кто хотел отойти от восстания амнистировали, и репрессии не затягивались¹⁶. И уж точно мы не найдем примеров собственноручных пыток и убийств, учиненных Людовиком¹⁷.

Весьма показательной является и история с сыноубийством. Известно, что оба царя стали виновниками смерти своих старших сыновей, однако Иван Грозный убил сына Ивана собственными руками в приступе гнева, Петр же осудил царевича Алексея через официальные процедуры. Причем и основания у Петра были вполне рациональными. Дело

---

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Николаева*. 2005. С. 143–214.

¹⁵ *Ярош*. 1898.

¹⁶ *Блюш*. 1998. С. 237–238.

¹⁷ А вот насчет многотысячных жертв эпопеи строительства Петербурга можно отметить, что совершенно аналогичное пренебрежение жизнями простых подданных демонстрировал и правитель «цивилизованной» Франции, блестящий Король-Солнце, в ходе постройки Версаля. В данном случае речь скорее идет не о жестокости как планомерном применении немотивированной силы в отношении подвластного, безответного населения, но о безразличии к судьбе простых исполнителей монаршей воли.

не только в том, что он не любил отпрыска от первой нежеланной супруги и хотел освободить место для недавно родившегося сына его и Екатерины. Бежавший за границу Алексей представлял реальную угрозу государству: существуют свидетельства о том, что при австрийском и шведском дворах обсуждалась возможность использования царевича против его отца и Российского государства в целом¹⁸. Любой другой на месте Алексея в аналогичной ситуации непременно был бы осужден на смерть, так что Пётр здесь продемонстрировал верность прокламируемым им принципам служения Отечеству, что было подчеркнуто и самой процедурой – Алексей был осужден не царским указом, но решением всех высших чинов государства.

Однако если мы обратимся к сходным примерам в современной Петру Европе, то увидим, что там подобные ситуации могли разрешаться иначе. Сын прусского короля Фридриха Вильгельма II, будущий Фридрих Великий, не выдержав жесткого обращения отца, бежал вместе со своим другом фон Катте. Их изловили и заключили в тюрьму. История закончилась трагически, но совсем иначе, нежели в случае царевича Алексея: фон Катте был казнен на глазах Фридриха, однако для самого наследника все обошлось лишь этим эмоциональным стрессом.

Указанные особенности наглядно проявлялись в смеховой сфере. Придворная обстановка при Иване и Петре была насыщена проявлениями перевернутых отношений, характеризуюсь прорывом смеховой стихии. Оба царя прославились грубостью своих выходов в отношении окружающих, невзирая на статус объекта насмешки. Иван, например, «для услады своей души» приказывал зашить в шкуру медведя кого-нибудь из знатных людей и выпускал на него собак. Те разрывали его на глазах Грозного и его сыновей, «которые страстно наслаждаются такими зрелищами»¹⁹. За его столом звучали остроты и шутки низкого сорта, причем «чем грязнее и бесстыднее ведет себя кто-нибудь за столом тирана, тем является он ему за это более угодным и приятным»²⁰.

О подобных же жестоких шутках молодого Петра, часто происходивших в рамках святочных увеселений, сообщает Б. И. Куракин: «И в тех святках, что происходило — то великою книгою не описать, и напишем, что знатнаго. А именно: от того начала ругательство началось знатным персонам и великим домом, а особливо княжеским домом многим и старых бояр. Людей толстых протаскивали сквозь стула (стулья),

---

¹⁸ См.: Бушкович. 2008. С. 368–370.

¹⁹ Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 39.

²⁰ Цит. по: Николаева. 2004. С. 130.

где невозможно стать. На многих платье (раз)дирали и оставляли нагишем, иных гузном яицы на лохани разбивали. Иным свечи в (задний) проход забивали; иных на лед гузном сажали; иных в (задний) проход (кузнечным) мехом надували, от чего один Мясной, думной дворянин, умер. Иным многия другая ругательства чинили. И сия потеха святков так происходила трудная, что многие к тем дням приуговотвливались, как бы к смерти»²¹.

Особенно ярким проявлением смеховой стихии при дворах обоих правителей были ритуально-простроенные пародийно-кошунственные обряды. И Иван, и Пётр на протяжении всей жизни устраивали «бесовские игрища», сопровождавшиеся обильными возлияниями. Князь Курбский, критикуя поведение и окружение Ивана IV после разгона Избранной рады, приводит и такое описание:

«Часто пиры начинают устраивать со многим пьянством, а от этого всякие грехи случаются. И что еще к этому добавляют? Чаши огромные, воистину, дьяволу посвященные. А чаши те такие: наполняют их сильно хмельным питьем и предлагают первым царю выпить, а потом всем пирующим с ним, и если этими чашами вусмерть, или, лучше сказать, до неистовства не упьются, то они другие и третьи чаши добавляют, а не желающих их пить и такие беззакония творить заставляют с большой настойчивостью и царю доносят: “Вот, говорят, этот и этот, и имя называют, не хочет на твоём пиру весел быть, видно, тебя и нас осуждает, и насмехается над нами как над пьяницами, лицемерно праведность свою выставляя. И значит, они – твои недоброхоты, раз тебе не следуют и тебя не слушают, видать, еще Сильвестров или Алексеев дух, то есть обычай, не вышел из них!” И иными, кроме этих, многими словами бесовскими множество мужей трезвых и воздержанных, добродетельных в жизни и нравах, поносят и срамят, выливая на них чаши те проклятые, которые не захотели они выпить, а часто и не могли, и к тому же смертью и различными муками им угрожают, а немного позже многих из-за этого и погубили»²².

В том же духе любил «развлекаться» и Пётр. В записках иностранных наблюдателей неоднократно встречаются описания празднеств, на которых гостей поили фактически насильно, не отпуская домой. Например, Ф.-В. Берхгольц сообщает, как однажды в 1721 г. Пётр в ходе маскарада заставил «собраться в здании Сената всем маскарам, которые почему-либо не явились туда в прошедшее воскресенье, чтобы исполнить не исполненное ими, т. е. выпить столько же, сколько выпили другие. Для этого были назначены два особых маршала – обер-полицеймейстер и денщик Татищев, которым было

²¹ Куракин. Гистория о царевне Софье и Петре. С. 325.

²² Курбский. Из «Истории о великом князе московском». С. 350.

поручено смотреть, чтобы ни один из гостей, кто бы он ни был, не возвратился домой трезвым, о чем эти господа, говорят, и позаботились как нельзя лучше. Рассказывают, что там было до тридцати дам, которые потом не могли стоять более на ногах и в этом виде отосланы были домой. Многим из них это удовольствие не обошлось без головной боли и других неприятностей. Приказание императора было так строго, что ни одна дама не осмелилась остаться дома»²³.

Если для контраста обратиться к современным Петру западным обществам, то мы увидим существенные отличия. Тот же Берхгольц описывает существовавшую при дворе герцога Карла-Фридриха Голштинского, его государя, так называемую тост-коллегию, собрание избранных с особым уставом, главное назначение которого – веселое времяпровождение²⁴. Но это собрание отличалось все-таки меньшими масштабами возлияний, а, главное, их добровольностью, ведь здесь даже сам герцог должен был подчиняться условиям, за исполнением которых следил очередной хозяин коллегии, и вынужден бывал уйти против своего желания домой²⁵. Еще большей «цивилизованностью» отличались развлечения Людовика XIV. Он любил уезжать в загородный дворец Марли, приглашал с собой 50–60 персон, тщательно отобранных. Присутствовали члены королевской семьи, постоянные гости, офисье королевского дома, высшие должностные лица. Считалось, что здесь, на отдыхе, церемониал отменялся, и царила непосредственная атмосфера. Однако исследователь биографии Людовика Ф. Блюш отмечает, что это не так: развлечения французской элиты носили явственный отпечаток всей придворной жизни, проникнутой духом ритуала и иерархии²⁶.

Но в поведении Ивана и Петра в «партикулярной» обстановке есть и явственные отличия. Достаточно привести конкретные примеры. Однажды Иван заколол ножом князя Гвоздева, славившегося непристойными застольными шутками, за особо грязные остроты. Он же приказал «резать язык» одному из своих приближенных, Афанасию Бутурлину, за «невежливое слово»²⁷. Совсем иначе вел себя Пётр. Однажды флотский лейтенант Мишуков, будучи в подпитии, спросил его со слезами: «На кого ты нас покинешь? Как на кого? У меня есть наследник – царевич», – ответил царь. На что Мишуков возразил: «Ох, да ведь он глуп,

---

²³ Берхгольц. Дневник... С. 237.

²⁴ Там же. С. 120.

²⁵ Там же. С. 163.

²⁶ Блюш. Указ. соч. С. 445–447.

²⁷ Николаева. 2004. С. 130.

все расстроит». Тогда Пётр тихо произнес, стукнув его по лбу: «Дурак, этого при всех не говорят!»²⁸. На этом разговор и окончился.

Еще более наглядное свидетельство о довольно успешных попытках Петра обуздать свой вспыльчивый нрав и ввести его в рамки «цивилизованности» приводит датский посланник Юст Юль. Во время одного из празднований на царской яхте «Лизетта» случился инцидент, немыслимый при дворе Грозного. Не будучи в состоянии продолжать пьянствовать, Юль хотел покинуть яхту, однако был остановлен офицерами, велевшими ему от имени царя вернуться. Юль стал отказываться, его пытались вернуть силой, тогда он выхватил шпагу. Тут появился Пётр в сильном опьянении и пригрозил посланнику пожаловаться его государю. Как отмечает сам Юль, «всердцах, пьяный, я со своей стороны ответил ему тоже не особенно мягко, – (что) имею гораздо более оснований сетовать на тех, которые таким образом хотят действовать относительно меня насилем»²⁹. В конце концов, Пётр «в гневе» забрал у Юля шпагу и велел его отпустить. На следующее утро царь пригласил Юля к себе и сказал следующее: «Камрат, ...ото (всего) сердца прошаю вам то, в чем вы, быть может, предо мною виноваты, но и вы должны простить меня, если я в чем-либо провинился пред вами, и более про то не вспоминать». Юль добавляет: «Обращался он ко мне совсем как к равному. И таким образом этот неприятный инцидент был вполне улажен, а затем мы снова принялись весело пить»³⁰.

Как можно объяснить эти особенности поведения правителей?

Оба монарха оказались на престоле в раннем возрасте (Иван в три года, Пётр в десять лет), потеряв отцов. Однако Иван в восемь лет, после смерти матери – Елены Глинской – остался круглым сиротой, тогда как мать Петра Наталья Кирилловна умерла, когда ему было двадцать два года, то есть в прямом смысле сиротой в детстве он не был, получив прививку материнского тепла и, пусть урывками, воспитания.

Далее, обычно принято считать, что роковую роль в отсутствии воспитания и девиантном поведении Петра сыграло удаление из Кремля. Одновременно историки подчеркивают, что пребывание в Преображенском заложило основы разносторонней и раскрепощенной личности Петра. И то, и другое одинаково верно. Конечно, Пётр не стал «правильным» русским царем, таким, какими были его дед, отец и старший брат. Однако если сопоставить обстоятельства его детства с аналогич-

---

²⁸ Ключевский. 1990. С. 206.

²⁹ Юль. Записки датского посланника в России при Петре Великом. С. 170.

³⁰ Там же. С. 171.

ным периодом в жизни Ивана IV, то можно утверждать, что эта «ссылка» в Преображенское стала для Петра спасением. Оказавшись на свободе в загородных царских резиденциях, он не только был лишен доступа к реальной власти, но и оказался вдали от стрессогенной придворной обстановки, где было много врагов или недоброжелателей.

Иван же в раннем возрасте оказался в чуждом окружении, испытывая унижения и оскорбления со стороны бояр, о чем помнил всю жизнь и, в частности, упоминал в письмах к Курбскому. Например, он пишет, что его вместе с младшим братом Юрием плохо кормили и одевали, «ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле, и не так, как обычно поступают дети»³¹ (курсив мой. – О. М.). Именно этот сверхконтроль не должен был позволить развиваться у Ивана положительным качествам начальных стадий жизни – автономии, инициативы, трудолюбия, вместо этого приведя к развитым сомнениям в собственной значимости, стыду, чувству неполноценности³².

Еще одно важное отличие состоит в том, что Иван, будучи законным наследником престола, гораздо болезненнее переживал отстранение от власти, чувствуя униженность своего положения. Пётр же долгие годы был лишь самым младшим мужским представителем царского рода, и, даже получив царский титул в десятилетнем возрасте, совершенно не проявлял интереса к этой стороне жизни, во многом благодаря широким возможностям приложения энергии (благо до двадцати четырех лет он официально оставался всего лишь младшим соправителем брата Ивана, исправно исполнявшего все официальные придворные церемонии). Отличительные черты двух царей родились во многом именно из обстоятельств их детства: Пётр на всю жизнь стал практиком, предпочитающим физический труд и открытое общение, тогда как Иван был болезненно склонен к раздумьям. Ключевский пишет об Иване: «В 17–20 лет, при выходе из детства, он уже поражал окружающих непомерным количеством пережитых впечатлений и передуманных мыслей, до которых его предки не додумались и в зрелом возрасте»³³. Чуть в более позднем возрасте Пётр производил на наблюдателей не меньшее впечатление своими практическими навыками, будучи знатоком полутора десятков ремесел.

Отсюда и различия в отношении к власти. «Иван рано и много, раньше и больше, чем следовало, стал думать своей тревожной мыслью

---

³¹ Первое послание Ивана Грозного А. Курбскому. С. 143.

³² См.: Эрикссон. 2000.

³³ Ключевский. 1990. С. 97.

о том, что он государь московский и всея Руси»³⁴. С одной стороны, никто не отрицал его права на престол, он был окружен внешними ритуализированными почестями, с другой стороны, он постоянно сталкивался с пренебрежением и неуважением как по отношению к себе лично, так и к памяти покойного отца. Но главным обстоятельством стала невозможность до поры до времени каким бы то ни было образом изменить ситуацию. Отсюда столь болезненное и противоречивое отношение к собственным властным полномочиям в зрелом возрасте. Иван, судя по его поведению, особенно в годы опричнины, как показала И. Ю. Николаева, постоянно метался между чувством страха перед Богом и чувством вседозволенности по отношению к подданным³⁵.

Пётр также вынес двойственное впечатление о царской власти из детства. Еще в десятилетнем возрасте он прошел обряд царской инициации, но тут же, в ходе бунта, осознал всю опасность этого статуса. Однако далее он не имел особых оснований переживать по поводу утраты своего царственного положения, которого в детстве так и не вкусил. Всю свою энергию он направил в те сферы жизни, которые никак не соответствовали царскому положению (кораблестроение, потешные сражения, приобретение навыков в различных ремеслах). Отсюда вышло его представление о пути укрепления своей власти – практическом усилении самодержавия и управляемого им государства. И основания своей власти он искал не в досужих размышлениях, но в собственной практической деятельности и в идее служения отечеству. Пётр в значительной мере смягчает противоречие, обуревавшее Ивана, между рабским положением по отношению к Богу и господским к подданным, найдя в идеологии его времени указанную идею, требовавшую максимальной отдачи в практических действиях, но не столь морально-обременительной уже в силу своей светскости.

Эту разницу можно наглядно объяснить с помощью теории установки³⁶. И Иван, и Пётр оказались в ситуации кризиса идентичности, причем не только личной, но и социальной (откуда их стремление к реформированию государства и общества), то есть реальные окружающие условия приходили в несоответствие с единой нефиксированной установкой, важными составными частями которой являлись идеи мессианской избранности, могущества православного Русского царства и неограниченности монаршей власти. И если Пётр

---

³⁴ Там же. С. 100.

³⁵ См.: Николаева. 2005. С. 143–214.

³⁶ См.: Узнадзе. 2001.

имел возможность достаточно свободной выработки новых фиксированных установок в рамках своей практической деятельности, то Иван так и оставался в плену несоответствий. Из-за меньшей свободы действий психика Грозного жестче «застревала» на тех установках, которые все же вырабатывались ею в ходе житейского и политического опыта, лишая его идентичность способности гибко реагировать на существующие социокультурные обстоятельства. Одной из таких базовых установок стала идея избранности Богом, родившаяся в результате взятия Иваном Казани. Именно через призму этой идеи в дальнейшем, даже когда прекратились позитивные сигналы, он будет рассматривать все события своего царствования.

В силу невротического склада личности Иван в ситуациях неудач впадал в депрессию и неистовство, обрушивая непропорциональный вине гнев на окружающих – его базовое недоверие не было завуалировано и смягчено на других стадиях становления идентичности. Это отчетливо видно в самом феномене опричнины, которая во многом стала реакцией на неудачи в Ливонской войне³⁷. Пётр же, благодаря накопленным на детских стадиях позитивным качествам, был способен рационально просчитывать причины неудач уже с юного возраста (пример – первый Азовский поход), и хотя отсылался к воле Божьей и при победах, и при поражениях, но четко осознавал и степень своего участия (так было и после Нарвы, и после Прута). Срывов после политических неудач не обнаруживается. Все это имело место благодаря выработанному в детстве чувству инициативы, умения полагаться на свои силы, видеть результаты своего труда. Скорее срывы его связаны с личной сферой, с предательством, неверностью или непониманием его замыслов, что связано с базовым недоверием, но смягчено другими позитивными качествами.

---

³⁷ Характерный пример: подчеркивая свои достоинства в качестве кандидата на польский престол, Иван, знавший, что за рубежом имеет образ вспыльчивого и злого правителя, нашел выход – обвинил своих воевод в предательстве, приведшем к сожжению Москвы Девлет-Гиреем: «Если бы в Москве было не более тысячи людей для обороны, и тогда бы она могла оборониться. Но если большие люди не хотели оборониться, то как могли меньшие. Москву сожгли, а мне знать не дли. Посуди же, какова измена моих людей, и потому, если кто и был казнен, то за свою вину» (*Костомаров*. 1989). Ср. письмо Петра Б. П. Шереметеву после поражения, понесенного тем у Мур-Мызы в 1705 г.: «<...> таже не извольте о бывшем нещастии печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу), но забывать и паче людей ободривать» (*Павленко*. 1994. С. 186). То есть Иван склонен перекладывать свои промахи на подданных, тогда как Петр вполне терпимо относился к действительным неудачам своих подчиненных.

Конечно, так же как и Иван, Пётр постоянно искал внешнего оправдания своим действиям, что свидетельствовало о неуверенности. Он очень цепко рационализировал свои действия, искал им постоянное оправдание, на котором едва ли не всегда «застревал». Это видно и в практике начинать все указы с объяснения («понеже...» и т.д.), и в просуществовавшей на протяжении всей Северной войны версии самого Петра по поводу ее причин – оскорбления, якобы нанесенного ему губернатором Риги во время Великого посольства (эта причина, вернее, конечно же, повод, была высказана при объявлении войны и затем неоднократно вспоминалась в различных обстоятельствах³⁸), и в той навязчивой радости, которую испытывал Петр по поводу захвата «изменника Якушки», Якова Янсена, предательству которого в числе других причин Пётр приписывал провал первого Азовского похода. Разница состояла в том, что действия Петра, нуждавшиеся в оправдании, все-таки носили более продуктивный характер. Иван базировал свою идентичность на образе «карающего меча» божьего, земного последователя архангела Михаила³⁹, тогда как Пётр – на образе учителя и «отца отечества», хотя и в его идентичности присутствовала жесткая, насильственная составляющая, но более рационализированная и целенаправленная.

Показательны в этом плане отношения обоих царей с религией. В отличие от Ивана, Пётр не проявлял болезненной религиозности и, будучи глубоко верующим человеком, пренебрегал большей частью традиционных церковных обрядов, в частности, редко в зрелом возрасте ездил в паломничества по монастырям, что часто проделывал Грозный, замаливая грехи. Пётр также не был свободен от сомнений в своих действиях, но вел себя в этом отношении скорее в протестантской парадигме (хорошо известна его симпатия к протестантизму) – укреплял веру в себя успешной практической деятельностью. Да, Пётр, как и Иван, все свои действия соотносил с Божьей волей, однако его вера выполняла, как это и положено «в норме» для человека традиционного общества, компенсаторную функцию, помогая снять напряжение индивидуальной ответственности, тогда как для Ивана в его глубоко невротическом состоянии она оборачивалась другой (не менее важной) своей стороной. Средневековое сознание все свои страхи обычно облекало в религиозную форму. На современном этапе роль «родителя» (по терминологии

---

³⁸ В 1719 г., посылая войска разорять Швецию, Пётр издал манифест, в котором подчеркивал, что главная причина войны – оскорбление, нанесенное ему в Риге графом Дальбергом (Костомаров. 1995. С. 405).

³⁹ См. об этом: *Панченко*. Указ. соч. С. 69–72.

Э. Берна⁴⁰) в человеческой психике часто играют такие светские установления, как законодательство и карательные органы, в традиционном же обществе основным источником прессинга являлся Бог.

И все-таки и Иван, и Пётр – фигуры гораздо более авторитарного порядка, нежели, тот же Людовик XIV, чьи обстоятельства социализации также были крайне неблагоприятными. Это выводит нас на необходимость обращения к сравнению социокультурных контекстов.

Иван IV взшел на престол на волне успехов государственного строительства. При его деде Иване III и отце Василии III окончательно формируется централизованное государство и укрепляется власть «государя всея Руси» (так впервые наименовал себя Иван III). Но тенденции самодержавства имели корни в более ранних временах. А. Янов утверждает, что вплоть до времени Ивана III (включительно) Россия была типичным европейским государством, и лишь Иван Грозный заставил ее свернуть с «благополучного» пути⁴¹. Однако еще А.А. Зимин убедительно показал, что успешный исход Феодалной войны для Василия II означал победу крепостнического и авторитарного варианта развития Руси: «Итак, слепой, немудрящий правитель вернул свой престол. Его противники повергнуты были во прах. Единство земель вокруг Москвы было восстановлено. Но какой ценой? “Гнездо Калиты” было ликвидировано. На смену “гнезду Калиты” пришла семья великого князя, а там был уже лишь шаг и до одного самодержца типа Ивана IV Васильевича. Появилось и столь редкое в предшествующее время средство борьбы с непослушниками – массовые казни. Они стали заключительным аккордом правления Василия II. Московские казни дворян, пытавшихся освободить серпуховского князя, были устрашающими»⁴². И ведь сам Иван III недаром был прозван Грозным, достаточно вспомнить его новгородские походы, предшествовавшие страшному погрому Новгорода его внуком. Представляется, что вся московская властная традиция начиная с Ивана Калиты имела весьма явную авторитарную направленность, хотя первые ростки этой тенденции историки видят еще в правлении Андрея Боголюбского, первого русского правителя, называемого самовластцем. Таким образом, Иван IV получил в наследство жесткий формат отношений правителя и народа, что и сделало возможным все крайности его правления, спровоцированные его личностными проблемами. Показателен начальный эпизод oprичнины – знаменитый отъезд царя в Александрову слободу и последующие пере-

⁴⁰ См.: Берн. 2001.

⁴¹ См.: Янов. 2001.

⁴² Зимин. 1991. С. 210.

говоры с москвичами о возвращении. Горожане и не пытались противиться требованию Иваном, как бы мы сейчас сказали, чрезвычайных полномочий именно потому, что авторитарный стиль правления давно стал частью единой нефиксированной установки русского народа⁴³.

Однако напряженность ситуации придавало и то, что, утверждение концепций самодержавия в умах русских правителей и все более широкое их распространение среди подданных (достаточно вспомнить Ивана Пересветова и Вассиана Топоркова) сочеталось с прочно укоренившимися аристократическими традициями среди княжат и крупных боярских родов. Именно это столкновение противоречивых тенденций во многом провоцировало конфликты времен правления Ивана IV.

Несколько иная ситуация сложилась в XVII в., который, по сравнению с XV и XVI вв., хотя и считается в литературе временем зарождения абсолютизма, на самом деле характерен ослаблением позиций самодержавия как следствием «московского разорения» начала века. Династия Романовых не могла похвастаться древностью, к тому же являясь избранной, а не «природной» (вспомним, что именно в этом упрекал Иван Грозный некоторых своих заграничных «коллег», подчеркивая собственное превосходство⁴⁴). Нельзя отрицать, что к концу века авторитет царской власти значительно укрепился, прежде всего, благодаря Алексею Михайловичу, однако в целом в этот период в России складывается ситуация, отдаленно напоминающая западноевропейскую, – правитель был вынужден более гибко выстраивать свои отношения с подданными. Правда, цивилизационная специфика оказалась все же сильнее – в Русском государстве не было нескольких по-разному социально-ориентированных центров силы, как в Европе с ее глубокими традициями сильной знати, церкви и бюргерской самостоятельности. Замечательный пример – городские восстания середины XVII в., резко обозначившие противоречия между интересами городских слоев и царской власти, предпочитавшей опираться на феодальную верхушку. Отличительной чертой русского самодержавия от европейского абсолютизма и является, как кажется, его зависимость от одной единственной силы – феодалов, в чьих интересах и проводилась его политика в тече-

---

⁴³ На это указывал еще Н. И. Костомаров: «Царь Иван рубил головы, топил, жег огнем своих ближних слуг: народ не роптал, не заявлял ужаса и неудовольствия при виде множества казней, совершаемых часто всенародно. <...> Причину безучастия народа скорее следует искать в общем качестве масс, привыкших к повиновению» (*Костомаров*. 1989. С. 51–52).

⁴⁴ См., напр.: Послание Ивана IV польскому королю Стефану Баторию 1579 года. С. 248–251.

ние всех предыдущих и последующих столетий (если заглянуть в будущее – это один из корней победы социалистического пути, который некоторые исследователи называют традиционалистским, над буржуазным в 1917 г.). Действительно, и Алексей Михайлович, и Фёдор Алексеевич, и даже сам Пётр I (как хорошо показал П. Бушкович⁴⁵) вынуждены были учитывать расстановку сил в среде аристократии и могли лавировать, но лишь между ее различными группировками, не представлявшими по-настоящему альтернативных путей развития для страны, но лишь свое видение продолжения единого магистрального направления – огосударствления и крепостничества.

Так или иначе, но, повторю, монархи XVII в., будучи настоящими самодержцами, проявлявшими беспардонность и авторитарные замашки в отношении со своими подданными, не позволяли себе того, что вытворял Иван Грозный. Это относится и к Петру. То есть сама степень напряжения между самосознанием его как правителя, и аристократией была, по сравнению с эпохой Ивана, снижена. К тому же следует учитывать влияние на политическое поведение Петра его сознательной ориентации на западные ценности.

Однако в течение XVII века очевидна тенденция к новому усилению авторитарности власти. Если сравнить стиль поведения Петра с его непосредственными предшественниками – отцом Алексеем и братом Фёдором, то он более резкий и жесткий. Это было связано с сопротивлением традиционных структур преобразованиям, порождавшим ситуацию, когда преодолеть это сопротивление можно было, только сломив его волевыми усилиями. Характерным свидетельством «переходности» является поведение Алексея Михайловича в деле боярыни Морозовой. Он был вынужден месяцами «увещевать» послушницу и приверженку старого благочестия. П.В. Седов наглядно обрисовывает сложность ситуации: Алексей Михайлович не мог осудить строптивую боярыню без согласия Думы, но и Дума могла позволить себе лишь пассивное молчаливое сопротивление. Исследователь приводит выдержку из «Повести о боярыне Морозовой»: «Нача с боярыи своими совет творити о ней, что ей хоцет сотворити. И бысть в Верху не едино сидение об ней, думающе, како ю сокрушат. И бояре убо вси, видяще неправедную ярость и на неповинную кровь составу злый, не прилагаяхся к совету – но точно возразити злаго не могуще, страха ради молчаху»⁴⁶. Пример очень яркий. Такое проявление нерешительности со стороны государя явст-

---

⁴⁵ Бушкович. Указ. соч.

⁴⁶ Цит. по: Седов. 2008. С. 165.

венно отлично от способов решения подобных конфликтов не только его сыном Петром, но и их предком Иваном IV, хотя и здесь звучит характерное для взаимоотношений русского царя и его подданных слово – страх. К тому же закончилась эта история вполне в духе Ивана Грозного: так и не добившись покорности от Морозовой и ее «подельщиц», царь дал тайный приказ уморить их голодом в заключении. Как комментирует это П. В. Седов, «бессилие власти часто порождает жестокость ее действий». И все же «вспышки царского гнева было достаточно, чтобы погубить нескольких придворных, но пойти на конфликт со всем своим окружением Алексей Михайлович не осмелился, и он несколько раз был вынужден идти на компромисс»⁴⁷.

Есть еще яркие свидетельства некоего «среднего» варианта поведения Алексея Михайловича. Сохранились его письма к провинившимся боярам, в которых он упрекает и критикует их за те или иные проступки, однако тут же звучат утешения. Например, царь писал к боярину князю Г. С. Куракину, отказавшемуся выполнить царский указ: «Почто вознесся? Что ж возношение его?» Однако заканчивается письмо следующими словами: «И то все писано к нему, боярину, хотя добра святой и восточной церкви и чтобы дело Божие и его государево совершалось в добром полководстве, а его боярина, жалую и хотя ему чести и жалея его старости»⁴⁸ (ср. стиль письма Петра к Шереметеву, процитированного выше). При этом хорошо известны «невинные» развлечения Алексея Михайловича, любившего купать в пруду опоздавших на прием придворных. Он мог и матерно обругать кого-либо из бояр или даже патриарха, или оттащить за бороду не угодившего ему царедворца⁴⁹.

И все же Алексей Михайлович жил в обстановке большей зависимости от окружения и получил «нормальное» воспитание, а потому был вынужден лавировать, как западноевропейские монархи. Пётр же, из традиционного воспитания выключенный, но хорошо усвоивший представления о превосходстве царской власти (в отношении церкви его проявляли и Алексей Михайлович, и Фёдор Алексеевич) без понимания ее границ, но видевший в детстве возможность этих границ, подавляет все сословия. Следующие за ним монархи будут вынуждены вернуться к уступкам дворянству – в этом характерное отличие самодержавия от

---

⁴⁷ Там же. С. 173. Между прочим, и Пётр, расправляясь с отдельными аристократами (например, сибирским губернатором князем Матвеем Гагариным), также не посмел устроить тотального террора, подобного опричному, даже когда открыл огромные масштабы злоупотреблений в среде своих сподвижников в 1717 г..

⁴⁸ Седов. Указ соч. С. 20.

⁴⁹ Примеры см.: *Ключевский*. 1990. С. 111–113.

абсолютизма: как это ни парадоксально, оно более связано со старой феодальной элитой, так как само мешает вырваться альтернативным общественным силам, а потому попадает в зависимость от одной опоры – дворянства, от чего западные монархи уходят в период Перехода.

Вынужденный реагировать на расстановку сил в рядах элиты, Пётр болезненно относился к подобным ограничениям своей власти, что выражалось не в такой страшной форме, как опричнина, но в смеховой и игровой сфере, которая выполняла компенсаторные функции, не мешая практической деятельности. У Ивана же эта сфера часто превалировала, порождая срывы, которых не было у Петра (не считая отдельных приступов гнева, не превращавшихся в тотальную систему поведения).

Жесткость действий Ивана и Петра объясняется одной общей чертой их реформаторских действий, иллюстрирующей специфику модернизационных процессов (ее легко обнаружить и в реформах восточных правителей XIX в., например, Турции и Китая) – их деятельность не имела той широкой социальной базы, которой обладали монархи Запада эпохи Перехода. Мы не увидим, в чью пользу проводились эти реформы, именно в силу догоняющего характера российской модернизации, так как здесь не существовало зрелых общественных сил, могущих потребовать грамотных результатов. Реформы проводились в интересах государства как надличностной силы, скажем, для общей пользы (хотя нельзя сбрасывать со счетов личностно-властных и других мотивов, которыми руководствовались конкретные реформаторы). Лишь небольшая часть элиты имела представление о целях и программе реформ, более того, лишь эта группка во главе с правителем понимала, что эти реформы нужны. Эти обстоятельства и порождали агрессивный, насильственный характер преобразований.

Следует отметить и тот очевидный факт, что во всех странах радикальные перемены требовали решительных, часто жестких действий. Слишком живуч миф, с удовольствием поддерживаемый российской элитой, о плавном, «безгрешном» процессе западного типа модернизации. На самом деле его эндогенный характер определял лишь его относительную органичность и поступательность, но никак не мягкость и бескровность. Ибо западная модернизация проводилась с помощью экспроприации народных масс (вовсе не Сталин изобретатель идеи индустриализации за счет крестьянства), кровавого законодательства, чудовищного ограбления неевропейских стран, идеологической базой

которого был расизм (не Гитлер первым изобрел расовую теорию господства) и, наконец, страшных эксцессов революции⁵⁰.

Итак, сравнительный анализ личностей двух видных зачинателей российской модернизации демонстрирует следующее. В их личном и политическом поведении явственно проявляются сходные черты (прежде всего, жестокость, отсутствие стремления считаться с жертвами и мнением окружающих, низкий уровень «цивилизованности») порожденные тремя рядами обстоятельств. Во-первых, это проблемы их социализации, становления идентичности. Во-вторых – особенности российского властного кода, характеризуемого авторитарными чертами и строго вертикальными отношениями монарха и подданных. И, в-третьих, это легко прослеживаемая в типологическом разрезе специфика начальных этапов модернизации в большинстве стран, как Запада, так и Востока, повсеместно связанных с силовыми действиями, необходимыми для преодоления своего рода «барьера традиционности».

Однако, как было показано выше, между Иваном Грозным и Петром I можно обнаружить и существенные различия. По сравнению со своим царственным предшественником, Пётр предстает как человек, способный к обузданию своих эмоциональных импульсов, умеющий более уверенно преодолевать жизненные кризисы, и, в качестве правителя, добиваться более прочных результатов преобразовательной деятельности. Эти отличия объясняются двумя группами факторов. Во-первых, обстоятельства детства Ивана не дали ему возможности приобрести устойчивые установки конструктивной активности, оставив его в плену невротической неуверенности, порождавшей постоянные психологические срывы, чреватые проблемами не только личностного, но и общегосударственного масштаба. Пётр же с детства получил «вкус» к созидательной деятельности, в которой и черпал позитивную энергию. А во-вторых, ко времени воцарения Петра Россия прошла несколько далее по пути оцивизовывания (в терминологии Н. Элиаса), что проявлялось в более сбалансированных отношениях между монархом и политической элитой, сложившихся на протяжении XVII столетия, когда первый был вынужден учитывать интересы второй и искать по возможности компромиссных решений. Это во многом и объясняет более успешный формат петровской преобразовательной политики, доказанный живучестью многих ее результатов.

---

⁵⁰ Из дискурса сегодняшней политической и, что еще печальнее, ученой элиты, вытекает ощущение, что революционный, уродливый по своей сути, путь был свойственен лишь нашей стране, тогда как на самом деле Россия – пожалуй, единственная страна мира, стыдящаяся своего революционного прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Пер. с англ. под ред. Н. Бурьгиной, Р. Кучкаровой. СПб.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.
- Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721—1725. Ч. 1 // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. 2000. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв.). С. 105—502.
- Блюш Ф.* Людовик XIV / Пер. с фр. Л. Д. Тарасенковой, О. Д. Тарасенкова / Науч. ред. В. Н. Малов. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
- Богословский М. М.* Петр Великий: материалы для биографии: В 6 т. Т. I. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697 / Отв. ред. С. О. Шмидт; подгот. текста А. В. Мельникова. М.: Наука, 2005. 535 с.
- Бушкович П.* Пётр Великий: Борьба за власть (1671—1725) / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой / Под ред. Д. М. Буланина. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2008. 544 с.
- Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
- Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. 624 с.
- Костомаров Н. И.* Личность Ивана Васильевича Грозного // *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. В двух книгах. Книга первая. М.: Книга, 1989. 239 с. (Историко-литературный архив).
- Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2-х книгах. Книга 2. Выпуски пятый, шестой, седьмой. М.: Сварог, 1995. 816 с.
- Куракин Б. И.* Гистория о царевне Софье и Петре // *Богданов А. П.* Царевна Софья и Петр. Драма Софии. М.: Вече, 2008. С. 266—332.
- Курбский А. М.* Из «Истории о великом князе московском» // Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... / Изд. подг. С. В. Перевезенцев. М.: Русский мир, 2005. (Русский мир в лицах). С. 340—352.
- Любарский Я. Н.* Царь-мим (к проблеме образа византийского императора Михаила III) // Византия и Русь. М.: Наука, 1989. С. 56—65.
- Матвеев А. А.* Записки // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова 1997. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв.). С. 359—414.
- Николаева И. Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 302 с.
- Николаева И. Ю., Карагодина С. В.* Природа смеха и природа власти Ивана Грозного и Козимо Медичи: сравнительный анализ в контексте раннеевропейских процессов Перехода // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 119—145.

- Павленко Н. И.* Пётр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Панченко А. М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Пётр Великий: концепции первого монарха // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. Т. 37. С. 55–60.
- Первое послание Ивана Грозного А. Курбскому // Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... / Изд. подг. С. В. Перевезенцев. М.: Русский мир, 2005. (Русский мир в лицах). С. 326–328.
- Пётр Великий в его изречениях. М.: Художественная литература, 1991. 127 с.
- Погосян Е. А.* Пётр I – архитектор российской истории. (Серия «Территория культуры»). СПб.: Искусство-СПб, 2001. 424 с.
- Послание Ивана IV польскому королю Стефану Баторию 1579 года // Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... / Изд. подг. С. В. Перевезенцев. М.: Русский мир, 2005. (Русский мир в лицах). С. 248–251.
- Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. 2-е изд., испр. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2008. 604 с.
- Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М.: Наука, 1980. 247 с. (Серия «История нашей Родины»).
- Слова царя Ивана IV Васильевича на Стоглавом соборе 1551 года // Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... / Изд. подг. С. В. Перевезенцев. М.: Русский мир, 2005. (Русский мир в лицах). С. 115–125.
- Узнадзе Д. Н.* Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
- Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / Пер. с англ. Г. В. Бурменской. М: Прогресс, 2000. 478 с.
- Шлихтинг А. С.* Новое известие о России времени Ивана Грозного / Пер. А. И. Малеина. Л.: Наука, 1934. 63 с.
- Эриксон Э.* Детство и общество / Пер. и науч. ред. А. А. Алексеева. СПб.: «Речь», 2000. 416 с.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ., общая ред. и предисловие А. В. Толстых. М.: Флинта; Московский психолого-социальный ин-т; Прогресс, 2006. 352 с.
- Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). С. 9–396.
- Янов А.* Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.
- Ярош К.* Психологическая параллель. Иоанн Грозный и Петр Великий. Харьков: б. и. 1898. 56 с.

Мухин Олег Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; himan1@rambler.ru

А. В. ХРЯКОВ

ГЕРМАН ГЕЙМПЕЛЬ

НЕТИПИЧНАЯ БИОГРАФИЯ НЕМЕЦКОГО ИСТОРИКА

Статья посвящена жизни и творчеству крупнейшего немецкого медиевиста Г. Геймпеля (1901–1988). Приняв с воодушевлением приход к власти в Германии нацистов, он посвятил свое творчество изучению истории средневекового рейха, рассматривая его как прообраз для нацистского «третьего рейха». После окончания Второй мировой войны Геймпель стал единственным историком, который признал ошибочность немецкого пути и собственного поведения.

Ключевые слова: *Г. Геймпель, медиевистика, рейх, немецкая историческая наука, средние века, биография.*

Согласно П. Бурдые, одна из главных опасностей при написании любого жизнеописания – так называемая «биографическая иллюзия», когда биография конкретного человека представляется, прежде всего, в диахроническом отношении, линейно, как некий вектор, направленный на достижение жизненной цели, строго определенного смысла существования. И задачей исследователя в таком случае является определение этой «глобальной интенции», разворачивающейся на протяжении всей жизни героя биографического повествования, стремящегося к осуществлению своего предназначения¹. Изучаемый персонаж в таком случае на всех этапах и всех этажах своего существования остается неизменным, равным самому себе, и самое главное – своей сверхзадаче.

Очевидно, что такая установка на детерминированность человеческого поведения стремится к своему воплощению особым образом, делая биографию человека «осмысленной», понятной на уровне здравого смысла, вследствие чего складывается ложное впечатление, что других вариантов прожитой жизни нет и быть не могло, как не может быть и разных трактовок этой самой жизни, тем более что, как это ни печально, все биографии заканчиваются констатацией неизбежного. Но если мы изменим ракурс нашего исследования, обратившись к началу процесса, мы обнаружим, что «в каждой исторической ситуации имеется некоторый спектр возможных вариантов поведения, актуализирующихся в зависимости от многочисленных и разнообразных условий и факторов, которые выступают на поверхности событий как случайности <...> Из

---

¹ Бурдые. 2002. С. 75–84.

ряда возможных альтернативных линий человек должен сделать выбор – действие же (или бездействие – пассивное действие) превращает потенциальное множество в реальное единство»².

История Германии в XX в., как никакая другая в Западной Европе, была наполнена подобными «точками бифуркации». 1918–1933–1945–1949–1990 – это вехи истории немецкого государства, выступившие цезурами не только в социально-политической жизни общества, но, прежде всего, в жизни конкретных людей, оказавшихся перед серьезным выбором, который был зачастую не просто сложным, а совершенно неподъемным, затрагивая самые интимные чувства и определяя отношения не только с близкими людьми, но и собственной совестью. Именно поведение людей науки было предметом, разгоревшегося в 1990-е оды в Германии нового «спора историков», который стал не столько дискуссией о прошлом, сколько полемикой о настоящем самой исторической профессии, о ее самосознании и профессиональной этике.

Толчком для нового спора историков послужили архивные находки начала 1990-х годов, вскрывшие «опасные связи» науки и политики, которые так или иначе уже были очевидны в трудах многих представителей западногерманской историографии. Чаще всего в ходе современного спора звучат фамилии таких историков как В. Конце, Т. Шидер, Г. Аубин, К. Эрдман, О. Бруннер. Их профессиональное становление пришлось на время Веймарской республики, первые научные достижения связаны с нацистским этапом немецкой истории, но в полной мере научно-организационный талант этих историков проявился в послевоенной Германии, что нашло отражение во всеобщем признании их заслуг как «отцов-основателей» современной немецкой историографии.

Одним из таких «академических магнитов», притягивающих в последнее время к себе все больше внимания, является выдающийся медиевист Герман Геймпель (1901–1988). Он стал признанным ученым еще до Второй мировой войны, но его подлинный талант организатора науки раскрылся лишь в Федеративной республике. Будучи профессором кафедры средневековой истории Геттингенского университета и одновременно ректором этого учебного заведения, Геймпель в 1953 г. стал Президентом западногерманской Конференции ректоров. С 1956 по 1971 гг. он возглавлял Институт истории им. Макса Планка (Max-Planck Institut für Geschichte) в Геттингене, в 1956–1957 гг. его рассматривали в качестве возможного премьера Т. Хойса на посту главы государства – Федерального президента Германии.

---

² Ретина. 1999. С. 97.

Современный интерес к фигуре Г. Геймпеля вызывают, прежде всего, два обстоятельства, неразрывно связанные с интересующей нас проблемой взаимоотношения немецких историков и государства в годы нацистской диктатуры и соотношения «памяти» и «забвения» в профессиональном дискурсе послевоенных историков. Став признанным специалистом по немецкой средневековой истории еще до прихода Гитлера к власти, Геймпель с радостью воспринял нацистскую «национальную революцию», поставив ей на службу свой талант ученого и преподавателя. Но, в отличие от большинства своих коллег по цеху, геттингенский профессор после войны назвал свое поведение недостойным, став фактически единственным историком открыто заявившим о виновности и ответственности немцев за фашистские злодеяния и призвавшим немецкое общество «преодолеть непреодоленное прошлое»³.

Второе обстоятельство связано с недоступностью материалов личного архива ученого. По распоряжению одного из его учеников – историка Г. Бокманна, архив Геймпеля в университетской библиотеке Геттингена закрыт для пользования на 30 лет после смерти историка, то есть вплоть до декабря 2018 г.⁴. Это чрезвычайно сужает источниковую базу и делает практически невозможным полноценное биографическое исследование. В отличие от большинства историков XX в., которым посвящены серьезные аналитические работы, творчество Геймпеля так и не стало предметом всестороннего анализа.

Сегодня вокруг персоны немецкого историка сложилась весьма непростая ситуация фактически, расколовшая немецкое историческое сообщество на два лагеря, где с одной стороны представлены ученики Геймпеля, формирующие идеальный образ своего учителя⁵, а с другой – их оппоненты, настаивающие на негативной оценке его поведения⁶. Но если первые обращают внимание, прежде всего, на послевоенную деятельность геттингенского профессора, обходя молчанием его сотрудничество с нацистскими властями (и прежде всего работу в Страсбургском университете), то вторые, напротив, принижая значимость послевоенного раскаяния Геймпеля, актуализируют нацистский этап его творчества. Но подобного рода подходы ведут к формированию абсолютно манихейского черно-белого образа историка. Характеристика его жизни

---

³ Борозняк. 1999. С. 36.

⁴ См. информацию на официальном сайте университетской библиотеки Геттингена: <http://www.sub.uni-goettingen.de>

⁵ Fleckenstein. 1989; Boockmann. 1990; Schulin. 1998.

⁶ Sommer. 2004; Matthiesen. 1998.

и творчества получается монохромной, лишенной массы переходных оттенков, теряется ситуация выбора, перед которым это поколение историков Германии оказывалось, пожалуй, так часто, как ни одно другое.

Жизнь историков Германии XX в. не укладывается в каноны традиционных биографий, изображающих жизнь ученого как смиренное выполнение высшей миссии – поиска истины. Существовало множество вариантов научного поведения историков в условиях «катастрофического» XX века, в зависимости от сочетания различных факторов, как собственно научных, так и имеющих к историографии опосредованное отношение. Это и фактор происхождения, выразившийся в социальном статусе, поколенческих и конфессиональных пристрастиях, отношение к определенной научной школе, а также особое понимание целей и задач исторической науки, ее роли и роли историка в жизни общества, все это делает невозможным однозначную оценку поведения Геймпеля, а его биографию нетипичной и потому необычайно интересной.

Немецкий историк родился 19 сентября 1901 г. в Мюнхене, в семье инженера-железнодорожника⁷. Начальное и среднее образование он получил в «Терезиен-гимназии», одной из лучших школ города, ориентировавшейся на изучение гуманитарных дисциплин, древних и иностранных языков. Однокашником и другом детства будущего историка был Альбрехт Хаусхофер (1903–1945), сын небезызвестного геополитика Карла Хаусхофера, сыгравшего значительную роль в становлении идеологической доктрины нацизма⁸. В силу возраста Геймпель не принимал участия в Первой мировой войне, которая стала своеобразной границей между тремя поколениями немецких историков, определявших развитие национальной историографии на протяжении в XX в. Поколение историков, родившихся в начале века (Г. Геймпель, Г. Франц, Т. Шидер, В. Конце и др.) застало войну в юном возрасте. Их менталитет был сформирован не столько бравурным началом войны, сколько осознанием поражения в ней. В воспоминаниях Геймпель характеризует отношение общества к тем, кто, как он, избежал военной службы:

Больше всего были ненавидимы и презираемы “восемнадцатилетние”. Достаточно было в трамвае только натолкнуться на кого-нибудь по ошибке и сразу же, накопленная за четыре военных года злорада обрушивалась на восемнадцатилетних <...> Да, восемнадцатилетние. Они, поскольку не умерли от гриппа,

---

⁷ Свое детство и юность Геймпель описал в автобиографическом романе «Скрипка ½», опубликованном в 1949 г. Здесь использовано издание: *Heimpel*. 1965.

⁸ За участие в покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. А. Хаусхофер был арестован и в апреле 1945 г. расстрелян. В тюрьме он написал «Моабитские сонеты». После войны Геймпель посвятил другу детства «Слова памяти». *Heimpel*. 1995. S. 135–143.

были виноваты абсолютно во всем. Или они были молоды, и потому ни в чем не участвовали, или они были нахальными, так как их отцы были на фронте, и потому необходимо им теперь надрать уши. Или они шатались по казармам, творя революцию, и из-за них проиграли войну. Или (напротив) они были молодыми офицерами и продолжателями войны <...> В любом случае они были виноваты. Некоторые говорили также: “семнадцатилетние”! Они были, конечно, так же плохи, отрастили себе волосы ниже ушей. «Армии им не хватает» означало это тогда, особенно в деревне⁹.

Они не испытали фронтовых переживаний, их личностное становление проходило в добровольческих полувоенных формированиях, возникших в послевоенной Германии, как грибы после дождя. В многочисленных правых организациях, группах, кружках молодые люди того времени проходили социализацию, на что до недавнего времени практически не обращали внимания¹⁰. Эта молодежь была убеждена, что улучшение их жизненных перспектив связано с ревизией Версальского договора и возрождением былой мощи немецкого государства. Пережив войну в детском и юношеском возрасте, не испытав еще в полной мере жизненных невзгод, они не успели растратить романтической пылкости чувств. От старших поколений они отличались отсутствием даже малейшего намека на шпенглеровский пессимизм и благородным стремлением к действию. Но наряду с этими лучшими качествами в них присутствовали максимализм, скоропалительность суждений, нетерпимость к оппонентам, и именно эти качества стали наиболее востребованными в послевоенной Германии¹¹.

Молодой Г. Геймпель не остался в стороне от волны националистического угара, захлестнувшей всю страну, и прежде всего молодежь. В четырнадцать лет он стал членом «Баварского общества обороны»¹², а чуть позже вступил в «Юношеский штурмовой отряд»¹³. Уже после окончания войны, будущий историк вступает в «Баварский добровольческий корпус» (фрайкор) под командованием Эппа, с которым принимает участие весной 1920 г. в борьбе против «красных» в Рурской области¹⁴. Очевидно, именно эта контрреволюционная деятельность в рядах фрайкора, а также знакомство с семейством Хаусхоферов привели его 8 ноября 1923 г. в печально известную мюнхенскую пивную «Бюр-

⁹ *Heimpel*. 1965. S. 289.

¹⁰ *Mommsen*. 1989. S. 101, 226.

¹¹ *Schulin*. 1997. S. 165–188.

¹² *Heimpel*. 1965. S. 209.

¹³ *Ibid.* S. 259.

¹⁴ *Heimpel*. 1965. S. 284–285.

гербройкеллер», где во время выступления консервативного лидера Баварии Густава фон Кара начался «пивной путч» А. Гитлера.

События того вечера, а также следующего дня историк описал много позже в одном небольшом произведении «Сон в ноябре», которое должно было стать заключительной главой его воспоминаний о мюнхенском периоде собственной юности, но вышло в свет спустя десятилетия отдельным изданием¹⁵. Конечно воспоминания Геймпеля мало что дают для реконструкции событий самого «пивного путча», да и не в этом их ценность и предназначение. Ход гитлеровского путча исследован достаточно подробно на основе свидетельских показаний самих участников и невольных свидетелей этого спектакля, собранных специально для судебного разбирательства 1924 года. Образ горящей библиотеки где присутствуют не только охваченные огнем книги, но и дорогие историку люди, его друзья и учителя, стал метафорой рушащегося привычного мира молодого человека и первой попыткой уже признанного историка оценить значение этого события для собственной судьбы.

Историческое образование Геймпель получил в Мюнхене и Фрайбурге с 1920 по 1924 гг., где его учителями были известные специалисты по средневековой истории Германии Зигмунд Гелльман (1872–1942) и Георг фон Белов (1858–1927). В 1924 г. он защитил первую диссертацию под руководством фон Белова «Ремесло города Регенсбурга в эпоху средневековья», опубликованную чуть позже в «Ежеквартальнике социальной и хозяйственной истории»¹⁶. С 1924 по 1927 гг. молодой историк работал научным ассистентом на философском факультете Фрайбургского университета и для подготовки докторской диссертации прожил четыре года в качестве сотрудника и «сына в доме»¹⁷ известного историка церкви, профессора Генриха Финка (1855–1938), чьи дети погибли в Первой мировой войне. Под руководством Финка и при непосредственном участии фон Белова Геймпель защитил докторскую диссертацию «Король Сигизмунд и Венеция», став приват-доцентом и получив возможность преподавать в университете.

Но карьера историка развивалась очень стремительно. Вскоре после защиты диссертации своего ученика умер восьмидесятилетний Георг фон Белов. Его преемником на кафедре стал приглашенный из Кенигсберга Эрих Каспар (1879–1935), для которого местный университет был всего лишь промежуточной остановкой на пути в столицу. После

---

¹⁵ *Heimpel*. 1981. S. 521–525.

¹⁶ *Heimpel*. 1926.

¹⁷ *Heimpel*. 1995. S. 189.

перехода Э. Каспара в Берлин, Геймпель получил совершенно исключительное предложение занять бывшую кафедру своего учителя в родном Фрайбурге, кафедру на которой сам совсем недавно специализировался (Hausberufung). О своем приглашении Геймпель вспоминал: «То, что я, так рано, всего в 29 лет, получил заведование кафедрой – очень рано: так как вплоть до сегодняшнего дня мне не хватает годов обучения, годов архива, годов заграницы, языковой подготовки <...> – следует приписать тому обстоятельству, что среднее поколение <...> в результате первой войны этого столетия было значительно сокращено»¹⁸.

В 1928 г. Геймпель женился на Элизабет Михель (1902–1972), дочери тайного советника юстиции и члена правления акционерного общества «И. Г. Фарбениндустри». Она тоже училась во Фрайбурге (ее преподаватели: М. Хайдеггер, психолог Й. Кон, историк Г. Финке), в Геттингене она специализировалась у педагога Э. Венигера и отца современной «социальной педагогики» Германа Ноля, под руководством которого в конце 1927 г. защитила первую диссертацию «Просвещение. Историко-систематическое исследование»¹⁹. В их семье было пятеро детей, которые вслед за родителями восприняли основные установки «немецкой идеи образования», связав себя с наукой и высшей школой²⁰.

Таким образом, к началу 1930-х гг. Г. Геймпель достиг вершины научной иерархии в Германии, заняв одну из ведущих кафедр университета, среди его близких друзей и знакомых были не только молодые коллеги по семинару фон Белова – А. Берней и Р. Штадельманн²¹, но также признанные ученые: историк Г. Риттер, филолог В. Шадевальдт, искусствовед К. Баух и сам М. Хайдеггер. Из-за недоступности личного архива ученого до сих пор вызывают споры партийно-политические пристрастия историка в 1920-1930-х гг., являющиеся чрезвычайно актуальными в свете тех политических перемен, что произошли в Германии после прихода к власти Гитлера и его нацистской партии. В данном случае выводы можно строить исключительно на личных признаниях самого ученого и сообщениях его ближайшего окружения. В ходе денацификационного процесса, Геймпель сообщил, что и 6 ноября 1932 г., и 5 марта 1933 г. он голосовал за праволиберальную Немецкую народную

---

¹⁸ *Heimpel*. 1981. S. 41.

¹⁹ *Weber-Reich*. 1995.

²⁰ Дочь Э. Геймпель (Хубер) (1929), доктор философии; сын Г. Геймпель (1930), доктор медицины; дочь Э. Геймпель (Тройе) (1935); сын Кр. Геймпель (1937), доктор философии; сын В. Геймпель (1940), доктор философии.

²¹ См. воспоминания Геймпеля о друзьях: *Heimpel*. 1995. S. 155–163; 202–223.

партию (DVP), признанным оратором и активным членом которой был Г. Риттер. Но данные личного архива последнего сегодня обнародованы и опубликованы, и в этих материалах нет упоминания о том, что Риттер и Геймпель являлись политическими единомышленниками. Скорее напротив, Г. Риттер, один из немногих немецких историков, остался верен своим национально-консервативным убеждениям, основанным на прусско-протестантских традициях. Не приняв национал-социализм, он стал активным членом консервативного Сопротивления, участвуя в подготовке покушения на Гитлера 20 июня 1944 г., за что был арестован гестапо. Геймпель же, не являясь членом нацистской партии, с воодушевлением воспринял «национальную революцию» и не стеснялся сообщать об этом коллегам и ученикам. Приход к власти национал-социалистов развел представителей двух поколений немецких историков по разные стороны баррикад, что очень ярко проявилось весной 1933 г., в связи со сменой власти в городе и университете.

Еще в конце 1932 г. Сенат Фрайбургского университета избрал новым ректором доктора медицины, члена партии социал-демократов Вильгельма фон Мёллендорфа (1887–1944), его вступление в должность должно было состояться в апреле 1933 г., но начавшиеся в городе преследования социал-демократов не позволили ему продержаться у власти и пяти дней²². Сложившийся вокруг Шадевальдта, одного из ближайших друзей Геймпеля, «небольшой круг национал-социалистических профессоров» сделал все, чтобы отстранить Мёллендорфа от власти и провести на пост ректора М. Хайдеггера. Известный знаток биографии Хайдеггера Х. Отт среди лиц, способствовавших философу в его избрании, не называет имени Г. Геймпеля, но упоминает наиболее близких историку людей²³. Сам Геймпель никогда не скрывал своего отношения к Хайдеггеру. В речи по случаю смерти Р. Штадельманна (1951), Геймпель сказал: «наше тогдашнее сообщество, наряду с молодыми историками [имея в виду себя и Штадельманна], филологом Шадевальдтом и искусствоведом Баухом, испытало расцвет философии Хайдеггера и силу его личности»²⁴. Одну из своих работ переломного 1933 года историк посвятил «Мартину Хайдеггеру – ректору университета»²⁵.

Г. Геймпель не мог представить себя вне тех перемен, что произошли в Германии в 1930-е годы, стремясь не только зафиксировать,

---

²² Сафрански. 2005. С. 330.

²³ Отт. 1988. S. 141–143.

²⁴ Heimpel. 1995. S. 210.

²⁵ Heimpel. 1933.

но и принять в них активное участие, сделав свои во многом иррациональные и аффективные устремления общезначимыми. И роль обыкновенного статиста его никак не устраивала. «Мы ученые, заявил он, не являемся декораторами, которые вслед за строителями с помощью отделки делают дом немного красивее <...> Скорее всего, мы возводим его заново. Мы строим в наших сердцах из надежных камней беспощадного правдолюбия прошлую, настоящую, будущую Германию»²⁶. Эта фраза взята нами из так называемых «Двух вступительных речей к лекции» – работы Г. Геймпеля, долгое время остававшейся неизвестной и не включенной ни в один из библиографических указателей его работ. Этот текст впервые был обнаружен лишь в конце 1990-х годов в одной из частных коллекций историком М. Маттизеном, который опубликовал выдержки из него в своей работе²⁷. Во многом, именно обращение к этим «Речам» во вступительном слове Й. Фрида, председателя Союза немецких историков на съезде во Франкфурте-на-Майне в сентябре 1998 г., вызвало негодование учеников Геймпеля²⁸.

Автору данной статьи удалось без особого труда найти в «Немецкой библиотеке» (Deutsche Bücherei) в Лейпциге печатный вариант этих вступительных речей, прочитанных Геймпелем в 1933 г. Нельзя не согласиться с одним из инициаторов современного «спора историков» Гётцом Али, который утверждает, что новыми являются «не документы, а сама готовность к ним обратиться <...> Любой, кто держал в руках обсуждаемые источники, знает, что в большинстве они хранятся в Бундесархиве или Тайном прусском государственном архиве <...> они уже не один десяток лет могли бы стать предметом критического перечитывания. Интересно лишь то, почему никто этого не сделал»²⁹.

В своей первой речи «Май», открывавшей лекции летнего семестра, историк отметил «великие события марта», к которым, по всей видимости, относил выборы 5 марта 1933 г., и так называемый «День Потсдама» 21 марта. Именно эти события воспламенили в душе историка чувство восхищения национал-социализмом, которое он, вероятнее всего, впервые ощутил знаменательным вечером 8 ноября 1923 г. Возможно рукопожатие Гитлера и Гинденбурга в Гарнизонной церкви (день Потсдама), над могилой Гогенцоллернов стало стимулом для право-консервативного крыла немецких историков отказаться от предубежде-

---

²⁶ *Heimpel*. Zwei Vorreden... S. 7.

²⁷ *Matthiesen*. 1998.

²⁸ *Fried*. 1998. S. 869–873.

²⁹ *Aly*. 1999. S. 164.

ний в отношении национал-социалистического массового движения. «Благодаря мастерской режиссуре Геббельса первое заседание нового рейхстага в Потсдамской гарнизонной церкви превратилось во встречу “старой” Германии с “новой”»³⁰. Подчеркивалось, что ныне, разрушенная в 1918 г. прусско-германская имперская традиция была восстановлена. Прорыв в новое и восстановление былой связи времен – эти две прежде противоречивые оценки очень часто встречаются в высказываниях немецких историков того времени. Но оба этих полюса содержат в себе существенные элементы историко-политического сознания, как национал-социалистов, так и историков.

«Мы начинаем работу этого лета в потрясении перед лицом самой истории. Так как в эти каникулы с е р ш и л а с ь и с т о р и я (разрядка по тексту – *А. Х.*) <...> Свершилось, воля немцев <...> объединилась, о чем не было слышно со времен первых лет канцлерства Бисмарка и вне полей сражения великой войны. Свершилось, немецкая нация сбросила с себя старые партийные формы, чье непостоянство больше не давало импульсов государственной жизни, а напротив сковывало преобразующую волю»³¹. Правительство Гитлера ликвидировало федеральные земли и запретило партии, достигнув тем самым «единства» – обязательно условия нового немецкого расцвета. Эти два комплекса идей и связанных с ними мер, осуществленных нацистами, были мечтой целого поколения. Идеал сильного, единого национального государства задавал те политические установки, которые способствовали идентификации значительной массы историков с национал-социализмом. «Земли немецкого рейха, – с радостью пишет Г. Геймпель, – фактически потеряли свой государственный характер».

Отныне иначе воспринимаются и задачи самой исторической науки, по словам немецкого медиевиста, «великие события марта взвалили на нашу работу новую ответственность»³². Геймпель пишет: «Историческая наука получает свои темы всегда от нового, от самой истории. Поэтому также для историка сегодня начинается новая эпоха. Кто со мной знаком, знает, что я не имею в виду стремление к вульгарной современности и поспешной актуальности; существует вечно присущая науке связь вопросов и методов; и разрыв научного континуитета никогда не являлся самоуничтожением науки. Но переживание великих исторических событий, заставляет нас обращаться к решающим вопросам

---

³⁰ Цит. по: *Фрай*. 2009. С. 45.

³¹ *Heimpel*. *Zwei Vorreden*... S. 3.

³² *Ibid*. S. 4.

истории, которые всегда являются также вечными вопросами»³³. Свое научное творчество молодой профессор четко ориентировал в направлении прагматической историографии. Большая часть работ, написанная им за двенадцать лет нацистского господства была представлена в форме докладов, посвященных, прежде всего, анализу роли немецкого рейха в истории средневековой Европы и значению франко-германского противостояния для становления современного Запада.

Общественно-политическую значимость этих тем доказывает неоднократное обращение к ним рейхсканцлера А. Гитлера, заявлявшего, что наряду с историей Древнего Рима, история германских императоров это «величайший эпос, который когда-либо видел мир». Но главное для нацистского главаря – практическая ценность средневековья, так как, по его словам, «если мы вообще намерены выступать с претензиями на мировое господство, то сослаться нам следует на историю германских императоров. Все остальное происходило совсем недавно, представляло собой дела весьма сомнительные, и успех их довольно условен»³⁴. В 1936 г. В. Франк, «фюрер немецкой исторической науки», в статье о «еврейском вопросе» заявил, что «великая идея и миссия», возложенная на немецкий народ, это Рейх, понимаемый не только как властный центр, но также как центр всех «областей бытия», и задача истории – прояснить опытом прошлых столетий самому народу и его окружению «путь немцев к Рейху и к миссии порядка этого Рейха в Европе»³⁵.

До 1933 г. Геймпель был, по преимуществу, историком хозяйства, естественно, не в марксистском или даже материалистическом смысле, но, тем не менее, он, будучи признанным знатоком средневековых текстов, в отличие от большинства своих коллег, обращал внимание и на экономическую обусловленность многих явлений европейской истории. В своей вступительной лекции во Фрайбурге в 1931 г. он, споря со своим учителем Г. фон Беловым, ссылается на М. Вебера, ему знаком сравнительный метод О. Хинце. Кроме того, хотя он не упоминает и прямо не ссылается на работу Марка Блока о «Королях-чудотворцах», из текста видно, что немецкий историк был с ней знаком не понаслышке³⁶. Но приход к власти нацистов радикально изменил иерархию научных интересов в историографии в целом. Занятие хозяйственной историей, даже в ее традиционном для Германии варианте, в политическом плане было

---

³³ *Ibidem*.

³⁴ Дукер. 1993. С. 74–75.

³⁵ Frank. 1937. S. 51.

³⁶ Heimpel. 1933. S. 35–36, 42.

совсем не безобидно. В государственных и партийных кругах за такими историками закреплялось клеймо «марксиста» и «социал-демократа»³⁷.

Один из учеников Геймпеля, оценивая научное творчество своего учителя, полагал, что после 1933 г. «разрыва не последовало, произошел лишь сдвиг, включение в новый контекст, а именно в имперскую мистику <...> нацистского происхождения»³⁸. Другой ученик историка Г. Бокманн, сравнивая своего учителя с Эрнстом Канторовичем и многими другими историками, утверждает, что они после проигранной войны и в результате падения монархии были «очарованы» Рейхом, но если Канторович из-за «внешнего принуждения» расстался с этим «внушением», то работы Геймпеля, по его мнению, необходимо рассматривать как раз в этом контексте³⁹. Действительно, знаменитая работа Канторовича является целиком и полностью результатом его раздумий над судьбами Германии после 1918 года, и книга «Император Фридрих II» была попыткой духовно воскресить потерянный «Рейх»⁴⁰. Но в случае с Геймпелем подобного рода причинно-следственная связь не просматривается, так как вплоть до прихода к власти национал-социалистов его интересы сосредотачивались в иной сфере. Лишь с 1933 г. место хозяйственной истории в его творчестве занимает более востребованная новыми властями тема: история Рейха и его идея.

Лекции зимнего семестра, Геймпель также начал с вступительной речи «Ноябрь», прочитанной им через два дня после новых выборов и референдума 12 ноября 1933 года. Немецкие граждане должны были задним числом утвердить решение нацистов о выходе Германии из Лиги Наций, они должны были ответить на вопрос «“одобряешь ли ты, немецкий мужчина, и ты, немецкая женщина, политику правительства своего рейха, готов(а) ли ты назвать ее выражением твоего мнения и твоей воли и торжественно заявить о своей поддержке этой политики?” 40,6 млн. чел. (95,1%) сказали “да”, около 3 млн. чел. ответили “нет” или сдали недействительные бюллетени»⁴¹. Результаты референдума стали предметом восхищения немецкого историка, но если в своих более ранних работах Геймпель восторгался исключительно результатами

---

³⁷ См. например казус, связанный с отказом предоставить кафедру в Лейпцигском университете Герману Аубину (1885–1969), обвиненному властями в «марксизме» из-за его социально-экономических интересов: *Briefe des Ostforschers Hermann Aubin...* 2008. S. 163–165.

³⁸ *Fleckenstein*. Op. cit. S. 35.

³⁹ *Boockmann*. Op. cit. S. 26, 58.

⁴⁰ Подробнее см.: *Хряков*. 2002. С. 78–98.

⁴¹ Цит. по: *Фрай*. Указ. соч. С. 71.

нацистской политики, то здесь он был очарован личностью Гитлера: «12 ноября 1933 г. тайным голосованием все немцы (остатки история не считает) выбрали Адольфа Гитлера своим фюрером к свободе, к новой Германии, к новому Западу. Мы <...> склоняемся сегодня перед фюрером, перед презрением к смерти, перед силой отречения от скорого благополучия, перед даром предвидения его свиты. Десятки, сотни, а затем тысячи вели непрестанную борьбу за улицу и массы, уничтожив классы и партии и объединив народ в обоснованной надежде и ясной воле»⁴².

В той же речи впервые проявился, как назвал его Э. Шулин, «антифранцузский аффект» исторических размышлений Геймпеля, ставший на долгие годы его «визитной карточкой»: «Мы верим, когда мы строим Германию, мы строим Запад. Мы верим в новую Германию. Поэтому мы верим в Запад. Мы сохраняем наши сердца готовыми для Германии и для Запада». И на собственный вопрос «где же находится Запад?», Геймпель отвечает: «Запад находится в Германии. Запад – это больше не Франция цивилизации, безопасности, восточных союзов и буржуазной страховки, чью страховую премию снова и снова оплачивает ослабленная Германия. Но Запад есть и будет Германией истины»⁴³.

Геймпеля не смущало сотрудничество с нацистскими властями, напротив, он связывал с ними надежды на восстановление былого могущества Германской империи и возвращение ей прежней роли в мире. По его мнению, целью Германии является лишь возвращение того, что было у нее несправедливо отобрано, на большее она не претендует. Историк постоянно подчеркивал исключительно мирный характер политики нацистов, в том числе и в отношении соседней Франции. Насколько Геймпель заблуждался, свидетельствует его доклад, прочитанный 14 июля 1939 г., то есть незадолго до начала Второй мировой войны. Он в очередной раз обрушился на агрессивные планы Франции, которые она пытается осуществить, начиная с 870 г., ведя борьбу за каролингское наследство. Помимо территориальных притязаний у западного соседа присутствует жажда духовной экспансии, но с приходом Гитлера к власти, эта борьба «враждующих братьев» закончится, так как Германия «благородно отказалась от немецкого реванша за Версаль»⁴⁴.

Вне всякого сомнения, мировоззрение Геймпеля в очень большой мере определялось националистическим образом мысли. «Народ» он определял как организм, который в соответствии со степенью своей

---

⁴² *Heimpel. Zwei Vorreden...* S. 6.

⁴³ *Heimpel. Zwei Vorreden...* S. 7-8.

⁴⁴ *Heimpel. 1940. S. 229–243.*

зрелости получает новые возможности самовыражения в условиях «третьего рейха». «Народ вернулся с войны, народ который больше не признает старых классов, народ, который в своем обнищании оставил все условности прошлого, народ, который, предчувствуя свое величие и свое будущее, лишь внешне смирился с поражением и поэтому был способен следовать за тем, кто его приведет к самому себе. Он научился видеть <...> прочные, ведущие, сохраняющиеся силы крови, ему снова открылось его германское происхождение как историческая сила, поддерживающая и распространяющая историчность немцев»⁴⁵. Это органическое понятие народа базируется на тезисе, согласно которому существует принципиальная сущностная разница между народами, проявляющаяся в общественном устройстве и типе государства. Согласно этому представлению, адекватной формой, выражающей внутреннюю суть немецкого народа, всегда был Рейх.

Начиная с 1933 г. в своих многочисленных работах ученый выступал за пересмотр немецкого средневековья в духе времени, то есть националистическим (*völkisch*) образом, когда «под гнетом нынешней судьбы» должно произойти коренное перетолкование истории средневекового рейха⁴⁶. Средневековая история разрабатывалась им для решения актуальных задач, прежде всего, легитимации политических целей. Как можно понять из многочисленных высказываний немецкого историка, он сознательно стремился к политической функционализации науки, он был убежден в том, что историческое познание должно служить настоящему, и требовал от исторической науки «найти тайные артерии нордического и германского рода в немецкой истории».

Истинным прообразом настоящего, третьего по счету рейха, для Геймпеля является средневековая Империя, воспринимаемая историком не иначе как «немецкая судьба». «Если при этом слово “Рейх” свою торжественность возьмет у образа первого рейха, то придет это не из ученого знания об “истинном характере” средневекового понятия империи, но политическая воля усвоит из звучания средневекового рейха как раз то, чем настоящий рейх должен быть: единство, господство фюрера, чистая государственность внутри и европейская миссия снаружи»⁴⁷. Обращаясь к известному спору немецких медиевистов XIX века о значении итальянских походов для эволюции немецкого национального государства, Геймпель считает, что сегодня продолжение этого спора

---

⁴⁵ *Heimpel*. 1941. S. 739.

⁴⁶ Цит. по: *Fleckenstein*. Op. cit. S. 34.

⁴⁷ *Heimpel*. 1933. S. 6.

бессмысленно. «Насколько масштаб национального государства вообще может подойти для средневекового немецкого феодального государства <...> Мы не хотим переключать наше сознание на вопрос о немецко-итальянской имперской политике, но мы спрашиваем о сущности немецкого средневекового государства вообще, только так мы поймем судьбу, которую он нам предоставил»⁴⁸.

Результатом его собственного исследования сущности средневекового немецкого государства было чествование политики Оттонов и Салиев. Их итальянская политика не только внесла вклад в умиротворение европейского континента, но была также проявлением исключительно немецкой способности к созданию и поддержанию европейского порядка. Используя свой излюбленный прием сравнения человека германского типа с его антагонистом – человеком романского типа, немецкий историк заявляет о присущей романским народам тенденции к анархии. «Все народы – датчане и поляки, чехи и венгры, греки и итальянцы, и конечно же французы, снизу вверх смотрели на немцев, пытаясь найти помощь власти в собственной разобщенности, выбирая силу превосходящей государственной и церковной организации»⁴⁹. В этом государстве, говоря о Священной Римской империи, раскинувшейся на территории всей центральной Европы, Геймпель уточняет, господствовал одновременно принцип порядка. Служба миру, а не господство над ним, была содержанием Рейха. «Немцы были великими распорядителями (Ordner) среди европейских государств». Но рейх – это не только распорядитель, он также первый опекун всех желаний человека, его власть соответствует потребностям тогдашнего человечества как такового и поэтому для Геймпеля, немцы – это «всемирный народ»⁵⁰.

Рассматривая высказывания немецкого историка о своеобразном предназначении немецкого народа быть «распорядителем» и «опекуном» остальной Европы, можно отметить его явную попытку защитить «империалистическую» внешнюю политику. С одной стороны, он ссылается на особое национальное, фелькишское своеобразие немцев, с другой стороны, на не совсем четко определяемую имперскую идею, понимая ее метафизически. Но как первое, так и второе объяснение немецкой сущности практически никак не подтверждаются им с помощью документов. Кроме того, Геймпель не останавливается и перед рекомендацией прямых политических действий. По его мнению, современ-

---

⁴⁸ Ibid. S. 8.

⁴⁹ Ibid. S. 9.

⁵⁰ Ibidem.

ная мирная Европа требует стабильного немецкого Рейха, ссылаясь на пример средневековья. «Три столетия власти не забываются»⁵¹.

В 1941 г., после завоевания Франции, Геймпель с радостью принял приглашение возглавить кафедру средних веков в только что открытом Имперском университете Страсбурга⁵². Одного профессионализма для приглашения в учебное заведение подобного рода было явно не достаточно. По словам ректора Карла Шмидта, «при занятии страсбургских кафедр необходимо добиваться того, чтобы из имеющихся в распоряжении немецких ученых выбирались те люди, которые уже давно осознанно и с радостью, добровольно и с готовностью, всей своей личностью, своей наукой и своим желанием встали на службу и под мировоззрение национал-социализма»⁵³. Позднее он с гордостью констатировал, что ему удалось собрать «верных Гитлеру людей», а философский факультет ярче всех продемонстрирует «боевой характер» университета и его «ориентацию против Запада»⁵⁴. Подбором историков занимался «декан-основатель» философского факультета, известный нацистский историк Эрнст Анрих (1906–2001)⁵⁵. Эльзас, согласно Анриху, должен стать «сознательной и духовно неприступной для чуждых культур немецкой пограничной маркой»⁵⁶. После войны, от которой он ожидал прекращения «воздействия западно-европейского духа на немецкий народ», университет должен был способствовать продвижению идеи европейского порядка, спланированной немецким Рейхом.

Для демонстрации националистических антизападных воинственных целей нового университета Геймпель подходил как нельзя лучше. Изучая историю средневековой Европы, историк изображал Германию жертвой империалистических устремлений Франции, в то время как немецкие правители, по его мнению, в своей политике всегда «заботились об угодном Богу состоянии мира». Возможность работать в окку-

---

⁵¹ *Heimpel*. 1933. S. 32.

⁵² Подобные Имперские университеты (*Reichsuniversitäten*) были основаны также в Познани и Праге, их целью было националистически ориентированное исследование приграничных с Германией областей. См.: *Hausmann*. 2008. S. 578–584.

⁵³ *Schmidt*. 1941. S. 682.

⁵⁴ Цит. по: 1996. S. 250.

⁵⁵ Уже в 1930 г. Анрих стал одним из руководителей Национал-социалистического немецкого студенческого союза, но после конфликта с фюрером немецкой молодежи Бальдуром фон Ширахом его исключили из партии; вплоть до краха фашистского режима он безуспешно добивался своего восстановления в нацистской партии. Подробнее см.: *Kettenacker*. 1968. S. 140–152.

⁵⁶ *Anrich*. 1936. S. 12.

пированном Эльзасе, практически на линии фронта, как в военном, так и духовном смысле, Геймпель воспринял как «подарок неба»⁵⁷. В статье «Исследование немецкого средневековья в немецком Эльзасе», названной его учениками «страсбургской программой», Геймпель размышляет об основных задачах и направлениях средневековых исследований, предлагая «перерисовать» образ средневековья «под имперским углом зрения». Он признает, что «история первого Рейха завершилась», но сама идея Рейха не умерла. «Его вечный смысл осуществляется и обновляется на наших глазах». Заложенный еще Генрихом I и осуществленный немецкими императорами европейский порядок противостоит «современной системе мнимого равновесия, в которой окраины Европы объединились за счет немецкого центра». На этой же имперской основе покоится и порядок современной Европы. «Этот Рейх также является порядком Европы из ее центра. Своей кровью он защищает прошлое и будущее Европы от мира варваров, которым неведомо прошлое. Этому новому Рейху служат учения новых эпох, те средства и достижения, которые отсутствовали у наших императоров <...> Императорская кавалькада редко показывалась среди крестьян и горожан, слово фюрера проникает в самые удаленные хижины. С трудом плелась королевская свита, мотор покоряет пространство, которое сдалось немцам»⁵⁸.

В ходе новой войны Германия в полной мере продемонстрировала, что за «порядок» ждет Европу «из ее центра». Эта «власть порядка» обрекла как Европу, так и саму Германию на гибель и раскол, переживаемый многими немецкими интеллектуалами как «немецкая катастрофа» (Ф. Мейнеке). Для Геймпеля крах «третьего рейха» означал также личный крах, и не столько ввиду необходимости покинуть Страсбург, сколько из-за разрушения собственной картины мира, в которой Рейх занимал центральное место. Очередные поиски «самого себя» историк начал в ночь на Рождество 1944 года, в геттингенском доме известного историка З. А. Келера, который приютил многочисленное семейство Геймпеля, бежавшее из Страсбурга⁵⁹. Свои размышления он облек в форму воспоминаний о детстве, проведенном в Мюнхене. Немецкий историк обращается к счастливым детским переживаниям накануне Первой мировой войны, демонстрирует мир семейного порядка, устойчивость и неизменность фамильных норм и ритуалов, в число которых входят посещения церкви и многочисленных мюнхенских картинных

---

⁵⁷ Heimpel. 1941. S. 740.

⁵⁸ Heimpel. 1941. S. 742.

⁵⁹ Heimpel. 1957. S. 7.

галерей, путешествия в горы и послеобеденные игры с друзьями, и конечно же регулярные занятия со скрипкой. Но за этой яркой картиной кроется некая апатия, выраженная одной емкой фразой «мир утонул»⁶⁰.

Поражение нацистской Германии во Второй мировой войне лишь отчасти привело к осознанию немецким обществом всей глубины падения национального духа и культуры в последнее «коричневое» десятилетие. За немногими исключениями, смысла «немецкой катастрофы» не поняли. Первые послевоенные годы, связанные с демилитаризацией и денацификацией, проводимой оккупационными властями, не слишком располагали к серьезному переживанию случившегося. Напротив, преобладала тенденция рассматривать гитлеровский режим как природное бедствие, катаклизм, возникновение которого не зависит от воли и желания людей. Нежелание беречь прошлое проистекало как из стремления частных лиц предстать перед новыми властями в роли не причастных, так и из общего желания поскорее забыть собственный «сон разума» – слишком велика была плата за «очарование Гитлером».

В этой ситуации Геймпель стал одним из немногих немецких историков, кто осмелился говорить о гитлеровской эпохе и ее роли в общегерманской истории. Признавая собственную вину и вину своего поколения, немецкий историк призывал ни в коем случае не забывать о тех ужасах, что принес с собой нацизм. По его мнению, чувство вины может воздвигнуть «барьер между нами и прошлым – барьер вины»⁶¹. Вне всякого сомнения, Г. Геймпель до конца жизни остро ощущал это чувство вины. В этой связи, он часто вспоминал своего учителя З. Гельманна, чью кафедру в университете Лейпцига он занял в 1934 г. Ученики Геймпеля считают, что ему не в чем себя упрекать, что он поступил единственно возможным в тех обстоятельствах способом: не желая эмигрировать, принял приглашение в Лейпциг, а затем в Страсбург⁶².

Но сам Г. Геймпель не боялся признавать свою ответственность за все, что он сделал или, напротив, не сделал в годы «третьего рейха». Ощущение вины возникает как раз в тот момент, когда понимаешь, что у тебя был выбор, когда собственная жизнь перестает быть векторно направленной и предзаданной, когда осознаешь возможность альтернативного поведения. Пожалуй, искренне любящие и почитающие ученики, лишая жизнеописание своего учителя совершенно естественных проявлений сомнений, слабости, неуверенности, как никто другой спо-

---

⁶⁰ *Heimpel*. 1965. S. 277.

⁶¹ *Heimpel*. 1959. S. 5.

⁶² *Boockmann*. Op. cit. S. 16, 25.

собствуют формированию пресловутой «биографической иллюзии», забывая при этом, что возможность находиться рядом с великим человеком – не только дар и привилегия, но и значительная ответственность.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Anrich E.* Universitäten als geistige Grenzfestungen. Stuttgart, Berlin: Rohlhamer, 1936. 25 s. Briefe des Ostforschers Hermann Aubin aus den Jaren 1910–1968 / Hrsg. Von E. Mühle. Marburg: Herder-Institut, 2008. 610 s.
- Frank W.* Deutsche Wissenschaft und Judenfrage. Hamburg: Hanseat. Verl.-Anst., 1937. 51 s.
- Heimpel H.* Das Gewerbe der Stadt Regensburg im Mittelalter. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1926. 328 s.
- Heimpel H.* Der Staat des abendländischen Mittelalters // *Heimpel H.* Deutschlands Mittelalter - Deutschlands Schicksal. Zwei Reden. Freiburg in Breisgau, 1933. (Freiburger Universitätsreden. H. 12).
- Heimpel H.* Zwei Vorreden zu Vorlesungen. o. O. o. D. (Freiburg in Breisgau, 1933).
- Heimpel H.* Frankreich und das Reich // Historische Zeitschrift. 1940. Bd. 161. S. 229–243.
- Heimpel H.* Die Erforschung des deutschen Mittelalters im deutschen Elsaß // Straßburger Monatshefte. 1941. 5 Jg. H. 11. S. 738–743.
- Heimpel H.* Der Mensch in seiner Gegenwart. 2. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1957. 231 s.
- Heimpel H.* Über Geschichte und Geschichtswissenschaft in unserer Zeit. Vortrag, gehalten auf der 8. Vortragsveranstaltung der Niedersächsischen Landesregierung am 19. Februar 1959. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1959. 28 s.
- Heimpel H.* Die halbe Violine. Eine Jugend in der Haupt- und Residenzstadt München. München, Hamburg: Siebenstern-Taschenbuch, 1965. 302 s.
- Heimpe H.* Traum im November // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Bd. 32. 1981. S. 521–525.
- Heimpel H.* Reden gehalten am 19. Oktober 1981 in der Aula der Georg-August-Universität in Göttingen zur Feier des 80. Geburtstags von Hermann Heimpel am 19. September 1981 / Hrsg. vom Max-Planck-Institut für Geschichte. Göttingen, 1981. S. 41–47.
- Heimpel H.* Aspekte. Alte und neue Texte / Hrsg. von S. Krüger. Göttingen: Wallstein, 1995. 464 s.
- Schmidt K.* Form und Wollen der Reichsuniversität Straßburg // Straßburger Monatshefte. 1941. 5 Jg. H. 10. S. 681–687.
- Борозняк А. И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. 288 с.
- Бурдые П.* Биографическая иллюзия / Перевод и комментарий Е. Мещеркиной // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75–84.
- Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. И.В. Розанова / Общ. ред. вступ. статья и предисл. И. М. Фрадкина. Смоленск: Русич, 1993. 496 с.
- Репина Л. П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. / Под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. М.: РГГУ, 1999. С. 76–100.

- Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время / Пер. с нем. Т. А. Баскаковой при участии В. А. Брун-Цехового; вступ. статья В. В. Бибикина. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 614 с. (Жизнь замечательных людей).
- Фрай Н.* Государство Фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 256 с.
- Хряков А. В.* «Тайная Германия» Эрнста Канторовича // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 78–98.
- Aly G.* Theodor Schieder, Werner Conze oder Die Vorstufen der physischen Vernichtung // Deutsche Historiker im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Schulze und O. G. Oexle. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1999. S. 163–182.
- Boockmann H.* Der Historiker Hermann Heimpel. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. 70 s.
- Fleckenstein J.* Gedenkrede auf Hermann Heimpel // In memoriam Hermann Heimpel. Göttingen, 1989. (Göttinger Universitätsreden. H. 87.).
- Fried J.* Eröffnungsrede zum 42. Deutschen Historikertag am 8. September 1998 in Frankfurt am Main // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1998. H. 10. S. 869–873.
- Hausmann Fr. R.* Reichsuniversität Straßburg // Handbuch der völkischen Wissenschaften. Personen – Institutionen – Forschungsprogramme – Stiftungen / Hrsg. von I. Haar, M. Fahlbusch. München: K. G. Saur, 2008. S. 578–584.
- Kettenacker L.* Kontinuität im Denken Ernst Anrichs. Ein Beitrag zum Verständnis gleich bleibender Anschauungen des Rechtsradikalismus in Deutschland // Paul Kluge zum 60. Geburtstag. Dargebracht von seinen Schülern / Hrsg. von D. Rebentisch. Frankfurt am Main, 1968. S. 140–152.
- Matthiesen M.* Verlorene Identität. Der Historiker Arnold Berney und seine Freiburger Kollegen 1923–1938. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. 131 s.
- Mommsen H.* Die verspielte Freiheit. Der Weg der Republik von Weimar in den Untergang 1918 bis 1933. Berlin: Propeläen, 1989. 580 s.
- Ott H.* Martin Heidegger. Unterwegs zu einer Biographie. Frankfurt am Main, New York: Campus, 1988. 355 s.
- Schulin E.* Weltkriegserfahrung und Historikerreaktion // Geschichtsdiskurs. Bd. 4: Krisenbewußtsein, Katastrophenerfahrungen und Innovationen 1880–1945 / Hrsg. von W. Küttler, J. Rösen, E. Schulin. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1997. S. 165–188.
- Schulin E.* Hermann Heimpel und die deutsche Nationalgeschichtsschreibung. Heidelberg: Carl Winter, 1998. 121 s.
- Sommer K. P.* Eine Frage der Perspektive? Hermann Heimpel und der Nationalsozialismus // Historisches Denken und gesellschaftlicher Wandel. Studien zur Geschichtswissenschaft zwischen Kaiserreich und deutscher Zweistaatlichkeit / Hrsg. von T. Kaiser, St. Kaudelka, M. Steinbach. Berlin: Metropol, 2004. S. 199–226.
- Wolf U.* Litteris et patriae: das Janusgesicht der Historie. Stuttgart: Steiner, 1996. 518 s.

Хряков Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; alexchryakov@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ

О. С. НАГОРНАЯ

«ПОЛКОВНИК БЕЗЗВУЧНО ЗАРЫДАЛ, СЛЕЗЫ БЫЛИ НА ГЛАЗАХ У ВСЕХ ОФИЦЕРОВ...» КОММУНИКАЦИЯ ЭМОЦИЙ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

В статье реконструируется эмоциональный мир русских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны. Предметом изучения является не только сама палитра эмоций, но и способы их медиализации и коммуникации непосредственно за колючей проволокой, а также в российской/советской публичной дискуссии и мемуарах. Особое внимание уделяется нарушениям сложившегося эмоционального гендерного канона и целенаправленному инсценированию чувств с соответствием с общественными ожиданиями.

Ключевые слова: история эмоций, Первая мировая война, русские военнопленные в Германии.

Сегодня «историю эмоций» уже нельзя назвать ни «просто очередным модным течением», ни «выходом из кризиса постмодернистского историописания»¹. Пройдя горнило двадцатилетних методологических дебатов и процесс институционального оформления, данное направление заняло прочное место в ряду культуралистских подходов к изучению социальных и индивидуальных исторических феноменов. Базовым ориентиром для истории эмоций является убеждение в том, что чувства являются культурно обоснованными символическими действиями, которые нарабатываются и инсценируются историческими актерами². Разделяя запас опыта социальной действительности, члены группы вырабатывают совместные чувственные диспозиции, имеющие большое значение для конструирования общественных смысловых систем³. Восприятие и образ эмоционального выражения варьируются в зависимости от историко-культурной основы и манифестируются в различных по длительности, интенсивности и предмету правилах выражения чувств. Эти правила содержат общественные ожидания: кто, какое чувство, в какой момент, как долго и каким способом должен артикулировать⁴.

---

¹ См.: *Плампер*. 2007. С. 458.

² *Kessel*. 2006. S. 29.

³ *Neckel*. 2006. S. 126.

⁴ *Winkel*. 2006. S. 293.

Несмотря на потенциал подобного подхода к изучению различных аспектов истории «маленького человека», исследование чувств связано с целым рядом методологических проблем, главной из которых является отражение в источнике не самой эмоции, а ее следа. Как отыскать в письменных и визуальных источниках следы индивидуальных, групповых и коллективных эмоций? Как отличить проявления действительных чувств от их инсценировки? Как избежать «самопроецирования историка в исторический документ»⁵.

Одним из катализаторов прорыва эмоционального в письменных источниках послужила Первая мировая война, поставившая под сомнение рациональность человека, в том числе возможность его сознательного контроля над эмоциональной сферой в условиях массированного арт-обстрела, окопной жизни и лагерей военнопленных. При знакомстве с источниками, запечатлевшими судьбу 1,5 млн. русских солдат и офицеров в немецких лагерях военнопленных поражает обилие эмоциональных проявлений и их несоответствие традиционному чувственному канону «прекрасной эпохи» с его гендерными предписаниями. Исходным для нас является предположение, что частота и сила проявления эмоций за колючей проволокой свидетельствует не столько об интенсивном процессе эмоционального приспособления к новой ситуации (ограничению свободы, лишению личного пространства, голоду, принудительному труду, высокой смертности и т.д.), сколько о намеренном инсценировании эмоций и их коммуникации в рамках российской/советской дискуссии о войне и плене в интересах определенной социальной группы.

Эмоциональная палитра лагеря

Попадание в плен, условия содержания в лагерях, почти осязаемое присутствие смерти и неизвестность дальнейшей судьбы неизбежно вызывали у военнопленных чувство страха. Высокая эпидемичность, наличие в пределах лагеря постоянно растущего кладбища порождали опасения, что далеко не все из них увидят родину: «...тяжелое впечатление оставили гробы, во множестве стоявшие в бараках. Как хочется жить! Как не хочется умирать на чужбине в юные годы! А ведь смерть близка...»⁶; «потемневшие деревянные кресты ужасно действовали на психику многих»⁷. Однако примечательно, что страх выражается в косвенных категориях и намек на него встречается в основном при описа-

⁵ О методологических трудностях истории эмоций см.: Greiner. 2009. S. 18–19; Платнер. 2010. С. 35.

⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 817. Л. 6.

⁷ Аскольдов. 1921. С. 30.

нии нового опыта пребывания в плену или переезда в новый лагерь. Монотонность многолетнего существования за колючей проволокой и общественные предписания положенных для заключенных лагерей чувств обусловили преобладание упоминания другой «классической» для отрезанного от внешнего мира пленного эмоции – скуки.

По признанию А. Беллебаума, исследовавшего феномен скуки в многогранности ее проявлений, обитатели «тотальных институтов», природе которых присуща центральная организация и детальная всеохватность распорядка дня, часто используют понятие потерянного, зря прожитого времени, которое нужно перетерпеть и оставить позади. При этом их перестает интересовать будущее, уходит чувство надежды, либо, напротив, возникает чувство нетерпения⁸. В письмах русских военнопленных и статьях лагерных газет помимо прямого указания на скуку встречаются также ее синонимы «тоска» (чаще всего, тоска по родине) и «грусть»: «... весь день валялся на нарах, снедаемый убийственной скукой»⁹; «[лагерные курсы] многих отвлекли от тоски и внесли большую организованность в наш коллектив»¹⁰; «пришлите книг... очень скучно»¹¹; «...скучно и грустно. Эх, доля солдата русской армии хуже собачьей, а до мира далеко, як до солнца»¹²; «тоска по родине свое взяла»¹³. Катализаторами подобного душевного состояния становились репрессии германских властей в форме отмены корреспонденции с Россией: «люди падали духом, ходили как тучи и ни о чем не хотели слышать»¹⁴, а также отправка из лагеря других национальных групп.

Так, в нюрнбергской лагерной газете «Сквозняк» были помещены стихи, «отражающие грусть русских пленных, наблюдающих за частыми отправками союзников.

А русский серый воин на месте точно врос,
Сердечко у бедняги кручиной занялось...
Разлука, ты разлука, чужая сторона...
Сижу я и тоскую с гармошкой у окна¹⁵.

Одним из не столь явно вербализируемых, но с определенной степенью достоверности фиксируемых чувств среди солдат и офицеров в

⁸ См.: Bellebaum. 1990.

⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 817. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 812. Л. 4.

¹¹ Там же. Ф. 351. Оп. 1. Д. 178. Л. 90.

¹² Там же. Л. 103.

¹³ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 37. Л. 52.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 351. Оп. 2. Д. 179. Л. 123.

¹⁵ Сквозняк. 1917. № 2.

немецких лагерях являлось ощущение вины за попадание к противнику. В пропагандистских публикациях военного периода под авторством вернувшихся на родину пленных красной нитью проходит стремление объяснить свою пассивность и работу на вражеское государство: «Наверное, у многих возникнет недоуменный и недружелюбный вопрос: “Зачем же пленные работали на врага? Ведь без их работы Германия не могла бы ни дня продолжать войну!” Кто захочет вдуматься в душевное состояние человека, униженного и забитого так, как забиты русские пленные в Германии, тот найдет ответ»¹⁶. Попавший в плен в Августовских лесах А. Успенский вспоминал, что его однополчане тщательно отслеживали в немецких газетах описание боев с их участием и радовались, если враг признавал их заслуги. Это рождало у офицеров надежду, что и в России их подвиг найдет достойное признание, а не осуждение за предательство¹⁷. В результате обысков в саксонских лагерях, где содержалась основная масса окруженной самсоновской армии, у большинства офицеров были обнаружены многочисленные немецкие издания о сражении при Танненберге и причинах неудач русского командования¹⁸. Благодаря распространявшейся на фронте пропаганде попавшие в плен, особенно солдаты, работавшие на немецких предприятиях, были уверены, что после возвращения на родину их ждет ссылка в Сибирь. Наказание казалось настолько неотвратимым, что некоторые рядовые и офицеры уже в середине войны обращались за разрешением остаться в Германии, объясняя свое желание страхом перед расстрелом в России¹⁹. Неизбежность суда на родине предчувствовал пленный командующий 13-го армейского корпуса генерал Н. А. Клюев в разговоре со швейцарскими делегатами Красного Креста²⁰.

И солдаты, и офицеры компенсировали гнетущее ощущение вины выражением обиды на собственное правительство, оставившее их фактически без материальной и политической поддержки: «...с болью и смертельной обидой русские задавали друг другу вопрос: когда же наша очередь наступит? Когда, наконец, уедут наши больные и тяжелораненные?»²¹ Другие выражали свою обиду вспышками гнева и угрозами в адрес административных институтов: «Больше всего меня мучает и возмущает факт, что семьям военнопленных офицеров сокращают со-

---

¹⁶ Шамурин. 1917. С. 41.

¹⁷ См.: Успенский. 1933.

¹⁸ См.: SaechsHSta, 11352, Stellv.Generalkommando, Nr. 824.

¹⁹ HStA Stuttgart, M 77/2, Bue. 33.

²⁰ Berichte des Herren... 1915.

²¹ Сквозняк. 1917. № 2.

держание... Это не только мое мнение, но и всех окружающих. От всего сердца я желаю матушке [России – *О. Н.*] такую тяжелую болезнь, чтобы все служащие в своих конторах были затравлены и старая фирма была навсегда ликвидирована»²². Ощущение несправедливости, усиленное наблюдением относительно благополучной жизни военнопленных-союзников и немецкой агитацией, выливались в критику не только политической системы в России, но и внешнеполитической линии западноевропейских правительств в целом

«Вы знаете, сколько битв выиграла Франция? нам русским военнопленным кажется, что ни одной. И тем не менее французы получают больше, чем русские военнопленные, в то время как Россия выиграла много битв. Когда мы видим, что едят французские и английские военнопленные – так не питается король Бельгии или Сербии, а русские должны еще мыть за ними чашки. Англичане и французы подбивают Россию на продолжение войны. Когда мы видим, что в России ничего нет, а во Франции и Англии всего много, – пусть они сами сражаются с немцами. Они хотяг завладеть всей Европой, но они этого не получают»²³.

Преобладание негативных переживаний обуславливало частые проявления эмоциональной неустойчивости пленных. Причиной срывов становились длительное отсутствие богослужений, закрытие лагерей в период эпидемий и вызванная болезнями высокая смертность. Религиозные действия, устраиваемые во время Пасхи после спада волны тифа 1915 г. в лагерях или на кладбищах, сопровождались массовыми рыданиями солдат и офицеров: «Умилению и слезам нашим не было конца»²⁴. Подобные эмоции наблюдались среди репатрируемых, которые впервые после многих лет плена получали возможность посетить православный храм²⁵. Эмоциональные срывы в виде плача или депрессивного настроения часто провоцировали несбывшиеся ожидания маленького чуда к очередному религиозному празднику: посылки, улучшения пищи, освобождения от работ²⁶. Беспрецедентные политические события на родине также не способствовали стабилизации эмоционального мира. Один из военнопленных офицеров после прихода известия об отречении императора признавался: «Как только я прочитал в газете новости, я плакал и молился. Они легли мне тяжелым камнем на сердце. Что будет?»²⁷.

²² SaechsHSta, 11352, Stellv. GKdo, Nr.620.; 11348, Stellv. GKdo, Nr. 150.

²³ SaechsHSta, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6954.

²⁴ *Успенский*. 1933; а также: Eindruecke eines Seelsorgers... S. 24.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-6171. Оп. 1. Д. 4. Л. 67.

²⁶ См., напр.: ГАРФ. Ф. Р-6656. Оп. 1. Д. 1. Л. 3. Ф. Р-7494. Оп. 1. Д. 3. Л. 74. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 14. Л. 74.

²⁷ SaechsHSta, 11352, Stellv. Generalkommando, Nr. 641.

Естественно, эмоциональная палитра плена была значительно богаче: источники содержат упоминания радости от получения вестей из дома, веселья при просмотре спектаклей лагерного театра, надежды при начале отправки на родину. Все же упоминание позитивного эмоционального фона плена является в эго-документах исключением.

Траурный ритуал как средство коммуникации эмоций за колючей проволокой

Большинство из описываемых военнопленными проявлений чувств: страха перед смертью, вины перед умершими, боли одиночества, тоски по родине – компенсировались в траурных церемониях, ставших фактически единственным санкционированным немецкой стороной ритуалом коллективного действия. При поддержке комендатур похороны умерших военнопленных превращались в торжественный ритуал, совмещавший в себе черты военного погребения и церковной службы. На похоронах, открытии памятников и возложении венков обязательно присутствовали немецкие офицеры и солдаты охраны в парадной униформе, комендант произносил торжественную речь, а похороны офицеров завершались ружейным залпом. Почти сразу же в лагерях появилась традиция дня поминовения усопших с церемониальным шествием, возложением венков и проведением богослужений. В случае захоронения на городском кладбище на эту церемонию допускались и представители местного населения²⁸. В смешанных лагерях делегации составлялись из равного представительства каждой национальности, соответственно проповеди читались священниками разных конфессий. Мероприятие обычно сопровождалось игрой немецкого военного оркестра и церковными песнопениями лагерных хоров²⁹. После Февральской революции через использование цветов национального флага для украшения могил пленные стремились подчеркнуть идентичность умерших товарищей как борцов за национальное дело. Приход к власти в России большевиков придал траурному ритуалу в лагерях классовый оттенок: памятники сооружались отныне «дорогим товарищам, павшим в честь капитала»³⁰, а опубликованные на родине воспоминания посвящались «всем погибшим под железной пятой империализма, умершим от голода и болезней в условиях ужасного германского плена»³¹.

²⁸ ГАРФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 110. Л. 191.

²⁹ См.: Barch, R 1508/1810; R 1508/1814; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue. 919; Peter. 1922. S. 332; *Тарасевич*. 1917. С. 10.

³⁰ ГАРФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 39. Л. 45.

³¹ *Кириш*. 1925. С. 1.

Значительная часть одного из номеров нюрнбергской лагерной газеты «Сквозняк» за ноябрь 1917 г., посвященная описанию траурного ритуала, изобилует эмоциональными категориями:

«Выступавший от русских начал с того, что охарактеризовал глубокую внутреннюю связь между умершими и теми, кто пришли почтить их память. Горечь расставания с жизнью, страдания от ран и болезней заслуживают почтительной памяти со стороны всех. И вот теперь, когда справедливость справляет свою победу над ложью, когда перед нами открывается свободное и светлое будущее нашей дорогой родины, нам страстно хочется, чтобы мертвые услышали ликующие слова: «У нас на Руси народ победил!» Вам, испытывавшим на себе тяжелое бремя самодержавия, вам не пришлось увидеть свободной России. Но добрая память о зарытых на чужбине товарищах будет жить в наших сердцах, пробуждая к отпору против всякого, кто дерзнет посягнуть на завоеванную свободу. Пройдет бурное время тревог, но страдания жертв, овеванные славой, будут жить в сердцах внуков и правнуков, вызывая благоговение грядущих поколений. По окончании речей русский хор пропел «Коль славен» и «Вечную память». Суровые лица солдат хмурились, а женщины, стоявшие позади, плакали, потрясенные волнующими напевами чужестранной печали»³².

Цитата ярко демонстрирует, что похороны и поминовения соответствовали сложившимся социальным стандартам коммуникации индивидуального страдания³³ и стали способом преодоления страхов, печали и чувства вины перед умершими, формирования лагерной идентичности, а также отвлечения от рутины лагерной жизни. Приемлемость такого способа коммуникации эмоций отчасти объясняет факт приверженности пленного сообщества религиозным кодам вопреки размаху атеистической советской пропаганды в лагерях³⁴. Тематизация чувства вины выживших и скорби по погибшим стала одной из основ образования «социальных сетей» военнопленных после их возвращения на родину.

Инсценирование эмоций плена в российской/советской институциональной и общественной коммуникации

Как известно, традиционный гендерный порядок приписывал эмоциональность именно женскому началу. Суровый и сдержанный идеал воина не предполагал проявления излишней чувствительности. Тем не менее, в заметках сестер милосердия, посещавших лагерь военнопленных в Германии, часто упоминаются проявления чувств, не свойственных мужчинам в обычной ситуации, тем более, кадровым военным: «...Полковник беззвучно зарыдал, слезы были на глазах у всех офицеров,

³² Сквозняк. 1917. № 2.

³³ Подробнее см.: *Winkel*. Op. cit. S. 286–303.

³⁴ Подробнее о религиозных практиках русских военнопленных в немецких лагерях см.: *Нагорная*. 2008. С. 156–164.

с ними плакала я»³⁵, или: «тысячи пленных запели «Боже царя храни», пели еле слышно. Тихие рыдания прорывались иногда...»³⁶. Пленные не стеснялись проявления чувств и в рамках публичной дискуссии. Один из военнопленных солдат так описывал свое возвращение из плена в Россию с партией инвалидов через нейтральную Данию: «Когда мы приехали и увидели много народа с цветами и подарками в руках, тогда каждый из нас заплакал от радости и не подумал, что это люди, а ангелы, которые прилетели, чтобы спасти нас из ада, где мы страдали о своих грехах!»³⁷.

Возможным объяснением подобного несоответствия является, во-первых, следование упомянутым выше социальным предписаниям эмоций, которые воюющее общество определило для пленных: моральные и нравственные страдания должны быть настолько велики, что пленным дозволено и даже положено не стесняться в выражении своих мучений. Подобные предписания содержались не только в пропагандистских публикациях, но и в призывах благотворительных организаций к ответственности жертвовать на помощь заключенным немецких лагерей: «Мало изменилась лишь горькая участь военнопленных! ... Широкою волной всегда текли пожертвования народных масс туда, где нужно было подсобить чужому горю и облегчить чужие страдания. Поэтому мы уверены, что не останутся они безучастными к страданиям пленных и не оскудеет рука дающих в оказании им помощи»³⁸; «Граждане! Несколько миллионов наших братьев томятся в плену»³⁹ и т. п.

Естественно, что сами пленные, пытаясь реабилитировать свое военное поражение или предполагаемое предательство в глазах военных органов и общественности, старательно культивировали ореол мученичества, преувеличивая масштаб «немецких зверств» и своих страданий в лагерях. Теми же эмоциональными проявлениями наполнены обращения военнопленных в Советское бюро в Берлине с просьбой ускорить их отправку на родину: «тоска по родине не дает ни минуты покоя, оставил больного старика-отца и мать. Кроме того оставил жену-невесту, от которой уже больше года не получал известий. Последний раз прошу о содействии в отправке»⁴⁰; «...представьте, очень обидно сидеть в Германии, когда в России строится новая свободная Россия и когда ... дорог

---

³⁵ Казем-Бек. 1917. С. 45.

³⁶ Отчет сестры милосердия А. В. Романовой... С. 2011.

³⁷ Русский военнопленный. 1917. № 2. С. 1.

³⁸ ВСГ. Киевский местный отдел...

³⁹ Русские военнопленные...

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 30. Л. 104.

каждый человек»⁴¹. Один из военнопленных в качестве аргумента указывал на известную всем «сентиментальность бюро товарищей», которые должны проявить сочувствие к солдату, «теряющему надежду повидать малолетних деток, а также свою обновленную родину, которую шесть лет назад оставил в порабощении капитала»⁴².

Можно предположить, что возвращение к традиционному канону эмоциональности произошло только в условиях межвоенной советской действительности при переработке военнопленными своих переживаний в опубликованных воспоминаниях. Излишняя сентиментальность как немужское качество отныне приписывалось в плену политическим противникам. Так К. Левин наделяет представителя партии меньшевиков признаками трусости и эмоциональной несдержанности: «Он нервничал ужасно, сжимал руки, глухо стонал и бегал, расспрашивал: отправят его или нет, – и плакал, и безнадежно прятал в колени черную голову»⁴³. Напротив, в публицистике эмиграции образ страдающих военнопленных больше подходил для описания трагедии русской армии в целом. От лица сестры милосердия П. Краснов воспроизводит уже ставший традиционным облик доведенных до физического и эмоционального истощения пленных: «Первое, что ей бросилось в глаза, были белые русские рубахи и чисто вымытые бледные истощенные страданием, голодом и тоскою лица. Низко, русским поясным поклоном поклонилась она всем и сказала “Россия-матушка всем вам низко кланяется” и заплакала. В ответ на слова сестры раздались всхлипывания, потом рыдания. Вся палата рыдала и плакала»⁴⁴.

* * *

Изучение эмоциональной стороны опыта русских военнопленных Первой мировой войны в немецких лагерях позволяет нам углубить представление о жизненном мире маленького человека в эпоху военных и революционных потрясений. Упоминания позитивных эмоций: радости, веселья, надежды – случайны и выражены опосредованно. Напротив, большинство непосредственных свидетельств военнопленных отражают богатую палитру негативных эмоциональных проявлений: страх перед смертью, скука, чувство вины за попадание к врагу, обида на родину, не сумевшую организовать материальную и политическую под-

---

⁴¹ Там же. Л. 117.

⁴² Там же. Л. 243. Письма русских военнопленных в Советское бюро в Берлине, 1920 г.

⁴³ Левин. 1930. С. 238.

⁴⁴ Краснов. 1992. С. 25–26.

держку. Представляется, что непосредственной канализации негативных эмоций и эмоциональной нестабильности способствовал траурный ритуал, позволивший не только выразить и смягчить индивидуальное страдание, но также создать и поддержать идентичность маргинального по своему характеру сообщества.

В то же время анализ эмоциональных проявлений позволяет говорить об их инсценированном характере. Путем конструирования определенных шаблонов эмоциональной репрезентации жизни в лагерях, которая соответствовала общественным представлениям о жизни за колючей проволокой, военнопленные стремились пробудить чувство сострадания со стороны государственных институтов и общественности. Примечательно, что при этом произошла девальвация набора эмоций, допустимых для воина. Он был приведен в соответствие с общественными предписаниями: какие чувства и как следует проявлять страдающим в немецких лагерях солдатам и офицерам: пленные открыто плакали, в том числе и в присутствии женщин, преувеличенно активно выражали чувство тоски по родине и семье.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аскольдов А. А.* Памяти германского плена. Прага: Славянское издательство, 1921.
ГАРФ. Ф. Р-5815. Оп. 1. Д. 14. Комитет лагеря Вюнсдорф в общество помощи русским гражданам в Берлине, 1920 г.; Ф. Р-6171. Оп. 1. Д. 4. Бернский комитет помощи военнопленным, 1919 г.; Ф. Р-6656. Оп. 1. Д. 1. Переписка издательства Гаспари, 20.3.1916; Ф. Р-7494. Оп. 1. Д. 3. Переписка Отдела 6 «Россия» немецкого благотворительного общества с лагерями военнопленных. 1921; Ф. 9488. Оп. 1. Д. 39, 110. Письма русских военнопленных в Советское бюро в Берлине, 1920 г.; Ф. 9491. Оп. 1. Д. 37. Письма русских военнопленных в Советское бюро в Берлине, 1920 г.
- Казем-Бек П. А.* Поездка по Германии во время войны русской сестры милосердия. С прибавлением извлечений из отчета по осмотру лагерей ВП. Пг., Сенатская типография, 1917.
- Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма (из записок рядового военнопленного № 4925) 1914–1918. М.-Л., 1925.
- Колосов М.* Воспоминания о положении русских военнопленных в Дании в 1918–1919 гг. – РГАСПИ. Д. 812 (); Ф. 351. Оп. 1.
- Краснов П. Н.* Венок на могилу солдата Императорской российской армии. М.: Страстной бульвар, 1992.
- Левин К. Я.* Записки из плена. М., 1930.
- Мартынов М.* В цепях реакции. – РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 817.
- Нагорная О. С.* Религиозная жизнь русских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны // Отечественная история. 2008. № 6. С. 156–164.
- Отчет сестры милосердия А. В. Романовой // Вестник Красного Креста. 1916. № 6.
- Письма военнопленных в КЗО РСДРП. 1917 г. – РГАСПИ. Д. 178–179.

- Плампер Я. Введение 1. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера и др. М.: НЛЮ, 2010. С. 11–36.
- Плампер Я. Страх в русской армии в 1978–1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 453–460.
- Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии // Первая мировая война 1914–1918 гг. Россия: Документы, листовки, воззвания. (Коллекция Российской публичной исторической библиотеки).
- Русский военнопленный. 1917. № 2.
- Сквозняк. 1917. № 2.
- Тарасевич А. В. Отчет по обследованию лагерей и мест водворения русских военнопленных в Австрии и Венгрии. М.: Гор.тип., 1917.
- Успенский А. А. В плену. Ч. 1, 2. Каунас, 1933 // Сайт проекта «Русская армия в Первой мировой войне». URL: <http://www.grwar.ru/library/Uspensky-capt-1/> (время доступа 13.09.2010).
- Шамурин Ю. Два года в германском плену. М.: Образование, 1917.
- Bellebaum A. Langweile, Ueberdruss und Lebenssinn. Eine geistesgeschichtliche und kultursoziologische Untersuchung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990.
- Berichte des Herren C. de Marval und der Herren A. Eugster und C. de Marval ueber ihre gemeinsamen Besuche einiger Kriegsgefangenenlager in Deutschland und Frankreich. Basel, 1915.
- Bundesarchiv, R. 1508/1810, Kommandantur Gardelegen, 27.9.1916; R 1508/1814, Kommandantur Worms, 14.10.1917.
- Eindruecke eines Seelsorgers (Pfarrer Correvon). Frankfurt am Main, 1916.
- Greiner B. Angst im Kalten Krieg. Bilanz und Ausblick // Greiner B., Mueller Chr. Th., Walter D. (Hg.) Angst im Kalten Krieg. Hamburg: Hamburger Edition, 2009. S. 7–31.
- Hauptstaatsarchiv Stuttgart, M 77/1; M 77/2.
- Kessel M. Gefühle und Geschichtswissenschaft // Schützeichel R. (Hg.), Emotionen und Sozialtheorie. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2006. S. 29–47.
- Neckel S. Kultursoziologie der Gefühle. Einheit und Differenz – Rückschau und Perspektiven // Schützeichel R. (Hg.), Emotionen und Sozialtheorie. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2006. S. 124–139.
- Peter J. Ein deutsches Gefangenenlager. Das große Kriegsgefangenenlager Ingolstadt, geschildert von seinem Kommandanten // Süddeutsche Monatshefte. Jg.18,2 (1921/22). S. 321–372.
- Saechsisches Hauptstaatsarchiv, 11352, Stellv.General Kommando; 11348, Stellv. GKdo; 11248, Saechsisches Kriegsministerium.
- Winkel H. Soziale Grenzen und Möglichkeit der Kommunizierung von Trauer. Zur Kodierung von Verlust Erfahrungen als individuelles Leid // Schützeichel, R., (Hg.), Emotionen und Sozialtheorie, Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2006. S. 286–303.

Нагорная Оксана Сергеевна, кандидат исторических наук, сотрудник Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета; nagornaja.oxana@mail.ru

В. Г. КОСТЫРЕВ

РОЛЬ РЕГУЛЯРНОГО ЖАЛОВАНЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОК О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В XIV В.

Рассматриваются изменения в представлениях о платной военной службе в Западной Европе XIV в., преимущественно в Англии и во Франции. В это время регулярная выплата жалованья стала общепринятой практикой, что открывало возможности для создания постоянных армий и укрепления контроля над вооруженными силами со стороны королевской власти. Показано, как эти перемены влияли на отношение современников к военной службе.

Ключевые слова: наемники, платная военная служба, первые постоянные армии, военное дело, «государство нового типа», *états moderne*.

В 1337 г. Англия и Франция вступили в Столетнюю войну. Сроки и условия военной службы фиксировались в специальных контрактах, обязательным условием которых стало определение размера и порядка выплаты жалованья. Жалованье выплачивалось раз в месяц или раз в несколько месяцев, но его размер рассчитывался на поденной основе. Если на какие-то дни пришлось сражение или штурм крепости, размер выплат мог быть увеличен. Определялись условия лишения жалованья. Контракты предусматривали и иные виды выплат, например, за потерянных в походе коней. В то же время, усиливающаяся королевская власть стремилась предотвратить возможные злоупотребления воинов по отношению к своим подданным и запрещала воинам без особой необходимости заниматься мародерством на своих территориях. За полученные у населения продукты воины должны были платить, хотя, конечно, не всегда удавалось добиться этого¹. В силу указанных причин связанные с деньгами вопросы становились важным элементом повседневной жизни воина.

Этому способствовали и иные факторы. В XIV в. растет активность «третьего сословия», под которым понимались горожане и крестьяне².

---

¹ *Sumption*. 1990. P. 352–353; *Chérest*. 1879. P. 271.

² См.: *Басовская*. 1987. С. 48–66; *Она же*. 2001. С. 48–57; *Она же*. 1991. С. 23–34; *Хачатурян*. 1976; *Она же*. 1989; *Она же*. 2008; *Цатурова*. 2001. С. 50–88; *Она же*. 2007. С. 166–179. *Она же*. 2010; *Barnie*. 1974; *Bean*. 1989; *Bennett*. 1983; *Bois*. 1984;

Городские верхи проявляют себя в политической жизни, что отразилось в восстании под руководством Этьена Марселя в Париже в 1356–1358 гг. Вармиях западноевропейских монархий растет доля неблагородных воинов и представителей мелкого дворянства, не имевших даже рыцарского звания³. Для них военная служба была главным, а порой и единственным источником дохода, многие не могли или не хотели вернуться к прежней мирной жизни, тем более что конфликты продолжались практически без перерыва. В результате появились объединения, сформированные вне сеньориально-вассальных обязательств (например, наемные компании, поступавшие на службу к магнату или городу), и даже такие вооруженные формирования, которые не служили никому (в глазах окружающих, они могли не отличаться от разбойничьей шайки). Понятно, что для них жалование имело очень большое значение, и его распространение не могло не повлиять на их оценку своего образа жизни.

Платная военная служба в широком смысле слова (если понимать под ней службу, в которой воину денежное вознаграждение или содержание выплачивались на нерегулярной основе или как дополнение, например, к наделению землей) существовала задолго до XIV в. Но именно в XIV в. окончательно складывается порядок фиксирования жалования в контрактах: почти все воины, независимо от социального и материального статуса, регулярно получают строго оговоренные суммы денег. Так формируются новые представления о том, что должен предоставлять наниматель своим воинам. Логично предположить, что происходило изменение представлений о долге воинов по отношению к нанимателю. Это может быть повышение мотивации, рост верности нанимателю, а может быть, наоборот, более отстраненное отношение, снижение заинтересованности в исходе конфликта: в отличие от отношений сеньора и вассала, получение жалования возможно без формирования личных связей, а служащий за деньги воин будет думать о своей выгоде, а не о победе хозяина.

Наконец, надо отметить, что указанное время принято считать началом формирования государства «нового типа», в котором складывается разветвленный бюрократический аппарат, постоянная армия, происходит централизация власти, исчезают местные привилегии и вольности, формируется монополия государства на насилие. В XIV–XV вв. можно

Guenée. 1988; *Keen*. 1972. В военной сфере: *Ayton.*, *Price*. 1998; *Bell*. 2004; *Morgan*. 1987; *Keen*. 1976. P. 32–45; *Idem*. 1996.

³ *Контамин*. 2001. С. 184–192; *Prestwich*. 1996. P. 29–71.

говорить только о самых первых стадиях этого процесса⁴. Регулярность выплаты жалования, рост сроков службы, фиксация условий в контрактах – этапы на пути формирования постоянного войска. Принято считать, что оно появилось во Франции при Карле VII в середине XV в. Однако подобные отряды появились уже при Карле V в 1360–1370-х гг.⁵: разница заключается в том, что они распались вскоре после его смерти, армия же Карла VII продолжила существовать.

Столь масштабные социально-политические изменения позволяют предположить перемены в восприятии действительности. Нарративные источники, трактаты и поучения нередко содержат оценки современниками тех или иных явлений. Даже если автор хроники или трактата не выражает своего мнения открыто, подбор материала, манера его изложения и задачи, которые он ставит перед собой, отражают систему его представлений, оценку им социальной практики и происходящих в ней изменений. Мы рассмотрим тексты, написанные людьми, которые сами несли службу за деньги (подобные работы, однако, весьма редки) или теми, кто писал с их слов. К первой группе можно отнести произведения французского рыцаря Жоффруа де Шарни⁶, «Скалахронику» англичанина Томаса Грея⁷, воевавшего во Франции испанского оруженосца Гутьеро Диаса де Гамеса⁸. Ко второй – конечно, работы Жана Фруассара⁹ и

⁴ См.: *Badie, Birnbaum*. 1979; *Beaune*. 1985; *Renaissance du pouvoir...* 1988; *L'état Moderne...* 1990; *Contamine*. 1992; *Génet*. 1990; *Idem*. 1986; *Guenée*. 1988; *L'Etat ou le roi...* 1992; *Foucault*. 1975; *Kantorowitch*. 1984; *Strayer*. 1979.

⁵ См.: *Хачатурян*. 1989; *Histoire militaire...* 1992. Т. I. P. 142–152, 198–208; *Contamine*. 1972. P. 135–207, 278–300.

⁶ *Charny*. P. 463–533. Жоффруа де Шарни, ок. 1300–1356 гг. Прославленный рыцарь, член созданного королем Иоанном II Ордена Звезды, нес орифламу в битве при Пуатье в 1356 г. и погиб, защищая ее. Написал наставление для рыцарей, рассматривающее нормы поведения как в мирной жизни, так и на войне.

⁷ *Gray*. 1839. Томас Грей, умер ок. 1369 г. Английский рыцарь, коннетабль замка Норэм, участник войн с шотландцами, воевал и на континенте против французоз в королевских армиях. Во время пребывания в плену в Эдинбурге в 1355 г. приступил к написанию «Скалахроники» – всемирной истории, в финальной части которой значительное место уделяется англо-шотландским войнам первой половины XIV в.

⁸ *Gamez*. 1928. Диас де Гамес, умер между 1446 и 1453 гг. Знаменосец кастильского рыцаря Перо Ниньо. Сопровождал его в морских экспедициях против мавританских корсаров и к побережью Алжира в 1402–1404 гг. В 1405–1406 гг. вместе с ним отправился во Францию, где Перо Ниньо воевал на стороне французоз против англичан. В 1430–1440-е гг. записал историю своего сеньора, дав ей название «Непобедимый» (как утверждает Гамес, так называли его хозяина современники).

⁹ *Froissart*. 1967. Жан Фруассар, род. в 1337 г., умер после 1404 г. В «Хрониках» описывает события Столетней войны с ее начала до конца XIV в. В своей работе Фруассар, писавший для благородных покровителей, ориентировался на рыцарские вкусы.

Жана ле Беля¹⁰. «Хроника доброго герцога Луи де Бурбона» написана в значительной степени со слов рыцаря Жана де Шательморана, служившего Бурбонам многие годы¹¹. Не раз затрагивает тему выплаты жалования трувер Кювелье, создавший «Песнь о Бертроне дю Геклене»¹². Вопросы оплаты службы рассматриваются весьма подробно в трактатах Оноре Боне¹³ и Кристины Пизанской¹⁴ по военному искусству.

Значительный интерес представляют протоколы судебных процессов, содержащие признания обвиняемых и их ответы на вопросы судей¹⁵. В «Регистре Шатле»¹⁶ есть несколько историй бывших воинов. В своих показаниях обвиняемые в разбое солдаты рассказывают о различных аспектах своей службы, в том числе и о получении жалования. При этом в отличие от героев хроник, почти все они не принадлежат к высшим слоям общества. На основании их слов вполне возможно составить представление о том, чем для таких воинов была служба за деньги.

Система выплаты жалования получила широкое распространение и признание уже в XIII в. Жалование выплачивалось во многих случаях и в XI–XII вв.¹⁷ В итоге, платная военная служба и выплата жалования не были чем-то принципиально новым к изучаемому периоду, и по отношению к этим явлениям уже сложилась определенная система взглядов и оценок. Возможно, даже говорить о времени возникновения платной

---

¹⁰ *Bel.* 1863. Жан ле Бель, ок. 1290–1370, французский хронист, рассказавший в «Правдивых хрониках» о первых этапах Столетней войны. Ориентировался на рыцарские вкусы. Фруассар использовал его работу при написании начальных частей «Хроник», цитируя предшественника иногда дословно.

¹¹ *Orville.* 1876. Кабаре д'Орвиль, придворный хронист герцога Карла I Бурбона. написал «Хронику доброго герцога де Бурбона» (имеется в виду герцог Луи II, 1337–1410) в 1429 г. Жан де Шательморан воевал сначала под началом герцога, а затем в качестве капитана его отрядов в 1370–1400-х гг.

¹² *Cuvelier.* 1839. Жан Кювелье, трувер, составил «Песню о Бертроне дю Геклене», вероятно, вскоре после 1380 гг.

¹³ *Bonet.* 1883. Оноре Боне, ок. 1340 – ок. 1410, монах-бенедиктинец, настоятель монастыря Салон в предгорьях Французских Альп. Написал «Древо битв» (между 1382 и 1387 гг.), в котором рассмотрел законы ведения войны и правила поведения участников военных действий. Опирался на античные источники (в основном, на трактат «О военном деле» Флавия Вегеция Рената, написанный в конце IV – начале V в.), на переводы фрагментов римского права, касающегося военного дела, сделанные Джованни ди Леньяно в начале XIV в., но использовал и современный опыт.

¹⁴ *Christine de Pisan.* 1488. Кристина Пизанская в «Искусстве рыцарства» (начало XV в.) рассматривает правила ведения войны и организации войска.

¹⁵ *Тогоева.* 2006.

¹⁶ *Registre criminel...* 1861.

¹⁷ *Mallet.* 1999. P. 209–229; *Prestwich.* 1996. P. 129–150; *Контамин.* 2001. С. 105–116.

военной службы в Средние века не имеет смысла – раз существовали деньги как ценность, они могли использоваться для награды наиболее достойных. Поэтому следует совершить краткий экскурс в более ранний период, чтобы понять основные принципы, на которых в средневековом обществе строилось отношение к получению денег за военную службу.

Церковь, главный авторитет в вопросах морали в Средние века (а служба за деньги относилась как раз к числу таких вопросов, ведь воин вынужден убивать, а в данном случае он еще может разбогатеть на этом), к изучаемому времени не имела принципиальных возражений против военной службы за деньги. Мнения по этому вопросу основывались на предписании Иоанна Крестителя нести службу и довольствоваться жалованьем (Lu 3:14). На этот фрагмент Нового Завета обратил внимание блаженный Августин¹⁸. Его положения позднее дополнялись и комментировались¹⁹. В XII–XIII вв. схоласты рассматривали частные моменты этой теории, не опровергая ее в целом. Бонавентура считал, что воин может сражаться за деньги ради защиты *res publica*. Военная добыча (и выплата за её счёт жалованья) позволялась, если не была захвачена у церкви и бедняков²⁰. Того же мнения придерживался Фома Аквинский²¹. Томас Чобэмский оправдывал выплату жалованья даже из захваченной у мирных жителей добычи, если те сами напали на солдат²². Птолемей из Луки советовал государям тратить деньги на укрепления и плату рыцарям, поскольку это способствовало усилению обороны. Винсент из Бове считал, что надежда на награду побуждает рыцарей сражаться лучше²³. Томас Чобэмский критиковал наёмников: они стремятся сделать меньше, но получить за это больше денег и захватить богатую добычу²⁴. Альберт Великий считал, что они наживаются на совершении порицаемых церковью деяний, причем всегда оценивают себя выше, чем стоят на самом деле, впадая тем самым в грех. Он призывал правителей пользоваться услугами тех воинов, кто просит лишь небольшое вознаграждение, не имея другой возможности обеспечить себе существование; а знатные и богатые сеньоры не должны настаивать на получении жалованья, так как могут обеспечить себя сами. Им следует сражаться ради справедли-

---

¹⁸ Russell. 1977. P. 240–280.

¹⁹ См.: Russel. 1977. P. 1–20.

²⁰ Ibid. P. 242.

²¹ Ibid. P. 276.

²² Baldwin. 1970. T. 1. P. 222; T. 2, P. 159.

²³ Russell. 1977. P. 276–277.

²⁴ Ibid. P. 24.

вых и благородных целей²⁵. В этой концепции жалование понималось как «хлеб насущный»²⁶, и поэтому его получение не осуждалось (другое дело, если солдат стремился получить больше положенного и приобрести выгоду за счет войны). Вести войну предписывалось во имя справедливого дела и избегать проявления пагубных страстей²⁷.

Данные наблюдения представляют точку зрения лишь одной из общественных групп, которую можно назвать интеллектуальной элитой, но здесь не ставится цель изучить эволюцию платной военной службы на протяжении классического Средневековья. Важно, что даже в глазах главного нравственного авторитета эпохи получение жалования считалось вполне приемлемой практикой.

В XIV в. современники из числа воинов и клириков проявляют значительно меньше интереса к тонкостям несения платной военной службы, в их глазах она не несет оценочной нагрузки. В рамках градации рыцарских деяний, предложенной Жоффруа де Шарни, платная военная служба в дальних странах занимает высокое место, сразу после крестовых походов²⁸. Благодаря ей рыцарь может прославиться в чужих краях. Авторы ряда трактатов, посвященных идеалам рыцарства, высоко оценивают участие в войнах в чужих странах за деньги²⁹. В качестве примера можно привести историю маршала Франции Жана ле Менгра, прозванного Бусико, который неоднократно нес платную службу за границей, в том числе в Италии и Византии, а однажды предлагал свои услуги османскому султану. Данные факты никак не влияют на характеристику, которую анонимный биограф дал маршалу, высоко оценив его качества рыцаря, воина и полководца, мудрого человека, приверженца строгих моральных принципов и поддержания дисциплины в войске³⁰.

---

²⁵ Ibid. P. 277.

²⁶ Соответствующее положение четко сформулировал в XIII в. Пьер Шантье: «Жалование это не то, без чего [воины] не стали бы сражаться, но то, без чего сражаться невозможно» (*Stipendium autem causa est propter quam non sine qua non pugnaret, sed sine qua pugnare non posset*). Цит. по: *Baldwin*. P. 158–159.

²⁷ Подобная система взглядов отражала отношение к войне вообще, получившее закрепление в теории «справедливой войны»: хотя вооруженный конфликт несет с собой зло, он необходим для поддержания заповеданного Господом порядка на земле, задача же его участников – действовать во имя этой благой цели и не стремиться к удовлетворению собственных желаний, потребностей и получению выгоды.

²⁸ *Charny*. 1970. P. 467–468.

²⁹ Например, Томаззо III, маркиз ди Салуццо, в 1394–1395 гг. в трактате “*Chevalier Errant*” и Бодуэн де Конде в “*Dit dou Baceller*”.

³⁰ *Mazas*. 1845. Т. IV. P. 635. См. биографию Бусико, написанную неизвестным автором, вероятно, в начале XV в.: *Histoire de Messire Jean de Boucicaut*... 1620.

Подобного мнения придерживались не только авторы произведений, составленных рыцарями и для рыцарей. Английский монах-хронист Томас Уолсингем в рассказе о свержении Эдуарда II упоминает, что когда королева Изабелла высадилась в Англии с *stipendiarii alienigeni*, ее муж также призвал на платную службу рыцарей из числа собственных подданных. Однако на его призыв никто не откликнулся, поскольку король не имел поддержки среди английской знати³¹. Обе стороны в борьбе за корону Англии пытались опереться на воинов, служащих за деньги, но Уолсингем определяет свое отношение к участникам конфликта (а он находится на стороне Изабеллы), не принимая во внимание эти обстоятельства. Плата за службу не являлась мерилем «моральности» участников конфликта. Само по себе денежное вознаграждение не является решающим фактором при наборе войска: на первом месте для английского рыцарства стоят политические соображения. Даже крупные суммы, потраченные на жалованье пришедшим с Изабеллой воинам (для их выплаты пришлось заложить коронные драгоценности), не вызвали неудовольствие историографов. Иностранные наемники, если они не причиняли неприятностей местным жителям и честно служили королю, воспринимались довольно спокойно. Так, «Хроника из Ланеркоста» вообще не упоминает о них, хотя после свержения Эдуарда II рыцари из Фландрии участвовали в неудачном походе против шотландцев³². При этом в силу приграничного расположения монастыря Ланеркост, где составлялась хроника, ее автор был прекрасно осведомлен о войнах с Шотландией³³.

Показателен рассказ о походе Жана д'Эно в Англию, изложенный его придворным хронистом Жаном ле Белем. Он описывает экспедицию своего сеньора в «рыцарских» тонах, хотя и не упускает случая упомянуть о денежных вопросах, будь то выплата жалованья или компенсация за потерянных в походе коней. После встречи с Изабеллой Жан д'Эно обещает помочь ей вернуться в Англию, хотя многие из его окружения советуют не вмешиваться в английские междоусобицы³⁴. В ответ тот утверждает, что «добрые рыцари должны, не щадя себя, помогать добрым дамам и девам», и что он будет рад, если так случится, принять

---

³¹ *Walsingham*. 1863. Т. 1. Р. 180. “non inveniretur aliquis, qui volebat contra reginam regis stipendiis militare”.

³² *Chronicon de Lanercost...* 1839. Р. 255, 260.

³³ В том же походе против Шотландии в 1327 г. английские лучники устроили настоящее сражение с воинами Жана д'Эно. *Bel*. Т. 1. Р. 39–46. Но в основе конфликта лежали, очевидно, этнические различия, а не факт получения денег за службу, тем более что жалованье выплачивалось и английским лучникам.

³⁴ *Bel*. Т. 1. Р. 14.

смерть вместе с Изабеллой³⁵. Сбор воинов для экспедиции описывается в том же духе: Жан д'Эно призывает воинов из Брабанта, Хесбена и Эно сопровождать его в походе в Англию «по дружбе»; многие согласились присоединиться «из-за любви, которую они питают к нему»³⁶. Даже выплата жалования участникам экспедиции после свержения Эдуарда II выглядит скорее как церемония одаривания, когда рыцари получают щедрые дары в награду за подвиги: «столь щедра была эта награда, что грех было ею не похвалиться... возмещение оказалось столь щедрым, что все рыцари без всяких споров соглашались с предложенной им суммой, не говоря, что это, мол, слишком мало»³⁷. Рыцарский флер сохраняется и при описании выплаты жалования за шотландскую кампанию 1327 г.: опять речь идет о пирах и дарах, хотя здесь хронист больше внимания уделяет практическим деталям – задержке выплаты жалования и компенсации за потерянных в походе коней³⁸. Ле Бель даже отмечает, что Жану д'Эно пришлось поручиться перед своими воинами, что им заплатят через некоторое время. Кроме того, хроника Жана ле Беля содержит эпизод, где утверждается, что несвоевременная выплата вознаграждения воину является поступком бесчестным, позорящим нанимателя³⁹. Он также отмечает связь между представлениями о социальном статусе и чести, с одной стороны, и размерами платы за службу, с

---

³⁵ Ibid. P. 15. “Le gentil chevalier ne s'en vould oncques délayer, car puisqu'il promis à celle dame de la conduire jusques en son royaume, il ne luy faudroit pour mourir”. Ibid. P. 14: “je le vous ay promis, si ne vous en faudray pour riens qui me puist, mielx ameroye mourir”.

³⁶ Ibid. P. 14. “sur toutes amitiés”; “pour l'amour de lui”.

³⁷ Ibid. P. 27–28. “Quant la royne et son conseil que prière riens ne valoit, ilz leur firent toute l'honneur et la révérence aue peuvent, et leur fist donner la royne grqnt argent et grans joyaulx pour leurs fraiz et pour leur service, à chascun selon son estat, si grande, ent que chascun siën devoit bien loer. et aussy feirent-ilz partout, et avecques ce elle leur fist rendre l'extimation de leurs chevaux qu'ilz avoient laissié, si hault que chascun les voutul extimer, sans débat et sans dire ne trop ne trop pou. Et tous furent payez en argent en purs estrelins d'Angleterre, si que chascun s'en parti moult joyeux, à grand honneur et à grand profit”.

³⁸ Ibid. P. 72. “Si furent haultement festiez et honnouréz messire Jehan de Haynau, le gentil chevalier, et tous ceulx de sa compaignie, du roy, du royaume, de la royne, et de tous généralement, et mesement des dames lesquelles là estoient. et fist chascun somme de ses chevaux morts et vifs et de ses frais <...> il se partit à toute sa compaignie, bien fourny de beaulx joyaulx qu'on luy avoit donné de costé et d'aulture”. Речь идет о *restauratio equorum* – платная служба часто сопровождалась обязательствами нанимающей стороны компенсировать утрату дорогостоящих рыцарских коней. Ayton. 1994.

³⁹ Bel. 1863. T. 2. P. 231–232. “ilz leur promettoient et offroient grandes richesses et bons gages, et les retenoient moult volentiers, mais au derrain ilz ne les paioient point, si que croissoit leur déshonneur”.

другой, упоминает о расчете размера жалования согласно социальному положению воина, «каждому согласно его положению»⁴⁰.

Таким образом, получение жалования органично вплетается в систему рыцарского мировоззрения. Можно привести и другие свидетельства. Так, согласно «Хронике доброго герцога Луи де Бурбона», герцог воспринимал предложения о службе за плату сеньору из другой страны вполне положительно. Наоборот, он опасался, что отказ от предложения короля Кастилии присоединиться к нему в войне против Португалии может быть истолкован как урон для его чести (король предложил щедрую плату, но герцог счел, что она недостаточна для обеспечения отряда, необходимого для победы в намечавшейся кампании)⁴¹. Похожая история имела место в 1387 г. с вассалами Гастона Феба, графа Фуа. Как сообщает Фруассар, ища поддержки в конфликте с мятежной Португалией, король Кастилии призвал рыцарей соседних стран присоединиться к нему. Предполагаемая военная служба должна была оплачиваться. Многие рыцари и оруженосцы Фуа и Беарна откликнулись на этот зов, что вызвало недовольство их сеньора Гастона Феба, предпочитавшего хранить нейтралитет в частых военных конфликтах соседей по обе стороны от Пиренеев. Граф попытался отговорить своих рыцарей от опасного похода, но они заявили, что не могут отказаться, поскольку уже получили деньги от кастильского короля, и что непозволительно рыцарю отказываться от военной службы, если он уже получил за это плату⁴².

Энрике Трастамарский, незаконнорожденный сын короля Кастилии, проигравший на первом этапе борьбу за престол, был вынужден в начале 1360-х гг. во главе отряда своих изгнанных сторонников служить за деньги сначала Арагону, а затем Франции. При поддержке Карла V ему в 1366 г. удалось вернуться в Кастилию и завоевать корону⁴³. Этот монарх навлек на себя множество различных обвинений, например, в убийстве своего сводного брата Педро I, но к его военной службе за деньги в период изгнания хронисты относятся нейтрально.

Иногда термины, связанные со службой за деньги, употребляются в контексте рассказа о бескорыстном служении высшим силам. В романе «Меллозина» конца XIV в. (написан неизвестным автором по заказу герцога Бери), один из капитанов представляет двух молодых оруженосцев

---

⁴⁰ Ibid. Т. 1. Р. 231–232. “et leur fist donner la royne grant argent et grans joyaulx pour leurs fraiz et pour leur service, à chascun selon son estat, si grande,ent que chascun sùen devoit bien loer”.

⁴¹ Orville. 1876. Р. 189.

⁴² Froissart. 1967. Т. 11. Р. 138–141.

⁴³ Sumption. 2001. Р. 480–482, 526–538, 559–561.

королю со словами: «вы будете рады узнать, что они ничего у вас не просят, ведь они стали солдатами не из-за золота, а чтобы служить нашему господину Иисусу Христу»⁴⁴. Божьими «солдатами», именно солдатами (*souldoiers*), а не воинами (*guerriers, bellatores*), могут быть названы даже ангелы⁴⁵. Но, пожалуй, самый яркий пример принятия рыцарством идеи службы за жалование можно найти в «Юноше» Жана де Бюэя, французского полководца уже несколько более позднего периода – середины XV в.: «Мы, бедные солдаты (*pouvres soldouiers*), с оружием в руках спасем свои души точно так же, как спасли бы их, даже будучи отшельниками и питаясь лишь съедобными кореньями»⁴⁶.

Таким образом, распространение платной военной службы не потребовало переоценок рыцарских или религиозных идеалов, моральности ведения войны. Платная служба за границей практически совпала с концепцией странствующего рыцарства. Отправляющиеся в поход войны, возможно, желали получить богатое вознаграждение, но их сбор описывался прежними лексическими конструкциями, делавшими акцент на «любовь», «дружбу», желание помочь даме в беде. Платная военная служба в представлении современников стала необходимым элементом рыцарского участия в войне. Прежние идеалы – служение прекрасной даме, смелость и отвага, готовность отдать жизнь, выполняя свой долг, странствия в поисках подвигов – не вступают в конфликт с практикой получения жалования, наоборот, рыцарские мотивы вполне могут соседствовать с «меркантильными» рассуждениями о сроках выплаты и размерах жалования. Многие хронисты не останавливаются на этих моментах и уж тем более не избирают их предметами критики, но порой специально отмечают те случаи, когда войны несли службу безвозмездно, за свой собственный счет⁴⁷.

Относясь нейтрально к платной военной службе, современники, в то же время, понимали накладываемые ею ограничения и существующие в ее рамках недостатки. В «Наставлении государю» Теодор Палео-

---

⁴⁴ “et il vous plaise assavoir que ilz ne veulent rien du vostre, car, comme ils dient, ilz ne sont par souldoiers pour argent, mais ilz se dissent souldoiers de nostre seigneur Jhesuchrist”. На языке оригинала противопоставление еще более яркое: слово “souldoiers” однозначно указывает на воина, сражающегося за плату – *sould*.

⁴⁵ *Robert*. 1952. P. 281.

⁴⁶ *Bueil*. 1887–1889. T. 2. P. 21.

⁴⁷ *Chronique normande...* P. 122, 141, 142; *Grandes chroniques de France...* T. 6. P. 265.

лог⁴⁸ призывает полагаться на собственных вассалов (которые получают деньги за службу), а не на пришлых наемников (*gens estranges*). Такие воины ненадежны, поскольку не заинтересованы в положительном исходе войны, а стремятся только к порочной личной выгоде⁴⁹. По мнению же автора трактата, целью войны является установление справедливости, защита законных прав и владений, а не обогащение.

Сходным образом на военную службу за деньги смотрит Уолтер Милимет, автор наставления наследнику английского престола, написанного в конце правления Эдуарда II. Он выделяет три группы воинов: тех, кто служит добровольно, тех, кто служит за деньги, и тех, кто явился на войну в силу обязательств. Первая группа – самые лучшие бойцы, последняя – худшие. Однако принц все равно должен справедливо вознаграждать всех, кто воевал за него, и наделять их землей⁵⁰. Хотя служба за деньги в глазах автора имеет определенные недостатки, она вполне приемлема; он лишь советует не слишком доверять наемникам. Но такие замечания находятся в русле существовавшей и ранее критики участия в войне в поисках обогащения, а не ради защиты правого дела.

Платная служба была хорошо знакома и незнатным воинам. В мае 1345 г. перед судом парижского парламента предстал Арно Фуко из Гаскони. В своем рассказе он неоднократно употребляет термин «солдат». На допросе обвиняемый добровольно, без пыток и принуждения, рассказал о своих приключениях на службе у англичан⁵¹, сообщил судьям, что накануне набега на аббатство Сен-Жорж-де-Рес (*Saint George de Ress*) «он был солдатом в Бордо»⁵², и заявил, что «он много раз встречался с людьми и солдатами сенешаля Гаскони»⁵³.

В 1389 г., представший перед судом парижского парламента бывший солдат Жан ле Брюн признал, что на протяжении нескольких лет воевал на стороне англичан. В Лимузене он участвовал в набегах как *gros varlet*⁵⁴, вместе с другими занимался фуражировкой, чтобы обеспечить продовольствием английских *soudoyer* из гарнизона Корбезана.

---

⁴⁸ Теодор Палеолог, маркиз Монферратский (1291–1338 гг.) – сын византийского императора Андроника II и Виоланты, дочери маркиза Монферратского, через которую унаследовал маркизат.

⁴⁹ *Paléologue*. 1983. P. 87.

⁵⁰ *Prestwich*. 1996. P. 150.

⁵¹ *Interrogatoire et jugement...* 1882. P. 223-230.

⁵² *Ibid.* P. 228-229. “il estoit soldoier à Bordeaux”.

⁵³ *Ibid.* P. 227. “il avoit esté par plusieurs foiz aveques les genz et soldoiers du seneschal de Gasquoigne”.

⁵⁴ *Registre criminel du Chatelet de Paris*. T. 1. P. 58.

При этом он отрицал факт получения фиксированной платы за свои услуги⁵⁵. Возможно, тем самым обвиняемый пытался доказать, что участие в боевых действиях против французского короля было случайным эпизодом. В таком случае, получение фиксированной и регулярной платы могло рассматриваться как принятие определенных обязательств.

Впрочем, самих судей получение обвиняемыми денег не очень интересовало. Основаниями для приговора служили либо уличение в воровстве, разбое, убийствах и изнасилованиях, либо установление того факта, что будучи подданным французского короля подсудимый воевал за англичан (это давало основания для обвинения в предательстве). Так что и среди неблагородных воинов получение денег за военную службу было привычно и распространено.

Несколько месяцев спустя перед судом предстал Гильом ле Брюк⁵⁶, заявивший, что он человек благородного происхождения, и поэтому «никакого ремесла не знает, но участвовал в войнах в компании многих других благородных людей»⁵⁷. Он упоминает о различных эпизодах своей службы: в Бретани, в Ренне с Гильемом Рубо, затем с Пьером Бузье в Шатонёфе в Оверни, где ходил в набеги, пока не был взят в плен и доставлен в гарнизон Вентадура, где в то время располагался отряд Жоффруа Тет-Нуара, и принес ему присягу. Ле Брюк признается, что участвовал в захвате крепости Мустье, где во время штурма убил двух воинов (одного стрелой, другого в схватке на стене)⁵⁸, что позволяет рассматривать его как опытного воина. Если раньше он служил французскому королю, то под началом Тет-Нуара фактически стал «разбойником», но из его слов нельзя сделать вывод, что такая перемена имела для него большое значение. Он вообще относится к своим переходам от одного сеньора к другому довольно безразлично. Ле Брюк не уточняет, служил ли тот или иной его хозяин англичанам либо французам или же в действующей самостоятельно компании⁵⁹.

Из Вентадура ле Брюк опять ходил в набеги. На службе у Тет-Нуара он занимался фуражировкой (по крайней мере, об этом он заявляет перед судьями). Оружие и доспехи предоставлял сеньор. Он много раз мог убежать от своих товарищей, но решил не делать этого, потому

---

⁵⁵ Ibid. P. 60.

⁵⁶ Registre criminel... Т. 1. P. 14–35.

⁵⁷ Ibid. P. 16.

⁵⁸ Ibid. P. 18–19.

⁵⁹ Даже имя Тет-Нуара появляется в его рассказе позднее и в связи с иными обстоятельствами. Ibid. P. 23–24.

что в таком случае «стал бы клятвопреступником»⁶⁰; так что он решил сохранить верность Тет-Нуару и остаться в его войске. Ле Брюк признает, что служба у этого капитана принесла ему солидный куш⁶¹.

Лишь после того, как он поссорился (из-за чего, ле Брюк не уточняет) с хозяином, он попросил его возратить данную ему клятву верности, потому что он «больше не хочет служить своему хозяину по причине ссоры между ними». Тет-Нуар согласился⁶². После этого ле Брюк двинулся домой в Бретань. Там он опять отправился на войну и держал сторону герцога против короля, участвовал во взятии Ла-Рош-Дерьена⁶³. Он упоминает и об участии в «одном из недавних походов во Фландрию», предпринятых королем (впрочем, он не мог сказать, в каком именно и когда), а также в походе в Германию⁶⁴. Согласно показаниям ле Брюка, как во время участия в войнах и походах, так и в перерывах между ними, он много раз занимался грабежами, проникал в церкви, дома богатых горожан и сеньоров и похищал оттуда ценные вещи, а также воровал у своих хозяев. В итоге суд приговорил его к смерти за многочисленные грабежи и «как предателя короля и королевства»⁶⁵.

Распространение жалованья позволило монархам увеличить число представителей «третьего сословия» в своих войсках. Очевидно, что получение денег имело для них большое значение, что они были хорошо знакомы с порядком их выплат и соглашались с тем, что получение жалованья накладывало на них определенные обязательства.

Как оценивали подобных воинов современники и выделяли ли они себя сами из их числа? Вот что думали о вернувшихся с полей сражений во Франции воинах англичане, остававшиеся дома. Жалобы на то, что они не хотят работать, пьянствуют, рассказывают небывлицы о своих подвигах, были нередкими в Англии XIV в.⁶⁶ Отмечались случаи, когда бывшие воины собирались в отряды, уходили в лес и фактически возвращались к прежней походной жизни с грабежами и налетами⁶⁷. Фран-

---

⁶⁰ Ibid. P. 24.

⁶¹ Ibid. P. 25.

⁶² Ibid. P. 24–25.

⁶³ Ibid. P. 29.

⁶⁴ Ibid. P. 31.

⁶⁵ Ibid. P. 25. “comme traittres de roy nostre sire et de son royaume”.

⁶⁶ Hewitt. 1966. P. 172–173, 176.

⁶⁷ Даже парламент выражал беспокойство действиями отрядов таких ветеранов и призывал шерифов принять меры (например, в 1350 и 1353 гг.). Красочное описание английских воинов-бродяг представлено в «Анонимной хронике»: Anonimale chronicle...1970. P. 40–41. Неожиданное появление из леса толпы лучников удивило пленного французского короля Иоанна Доброго по дороге в Лондон

пузские коллеги таких солдат мало чем отличались от своих бывших противников. Рассказы о том, как воины отрядов на службе у французского короля занимались грабежами, разбоями и убийствами регулярно встречаются в королевских письмах о помиловании⁶⁸.

Незнатные воины зачастую плохо ориентировались даже в том, когда и за кого сражались. Многие не указывали этого в своих ответах судьям, ограничиваясь лишь упоминанием о том, что «грабили французские земли». Их рассказы об участии в военных действиях зачастую принимали вид «ходил в набеги с англичанами», «присоединился к войску во время последнего похода во Фландрию», или «когда король в первый раз ходил во Фландрию». В ряде случаев они затруднялись назвать местности, в которых побывали, пока были воинами. Более широкая картина боевых действий их не интересовала.

Трудно сказать, насколько важной могла быть для таких воинов самоидентификация на основе получения жалования или принадлежности к особой группе людей, для которых война является главным занятием. Наоборот, кажется, многие воспринимали военную службу как временный, порой даже вынужденный этап своего жизненного пути. В историях, рассказанных в суде Жаном ле Брюном и Гильомом ле Брюком, участие в войне явно отгеснено на второй план грабежами и разбоями, совершенными в составе небольших банд или в одиночку.

Воинов в приведенных примерах вполне можно назвать маргиналами, и получение жалования не отменяло этого статуса. Некоторые пытались доказать свой «благородный» статус, который, по их мнению,

---

в 1357 г. Сопровождавший его Черный принц объяснил, что собираться в такие отряды – в обычае англичан (“le prince respondit qils furent gentz Dengleterre foresters vivaunt par sauvagine en lour dedute et ceo fuist lour custome checun jour destre issint arraer”). На самом деле это были люди принца, который решил пошутить над пленником. Так или иначе, это происшествие свидетельствует об определенных явлениях в социальной жизни Англии: даже если это действительно был маскарад, то такие лесные разбойники были хорошо известны наследнику престола. Имеются документальные свидетельства реальности подобных отрядов. Например, в Сэлоне в 1360 г. разбойники «собрались как для войны»: *Calendar of Patent Rolls. 1358–1361. 1911. P. 160.* Волнения в Чeshire, главном центре набора английских войск, в 1360 и 1361 гг. (сразу после завершения похода на континент 1359–1360 гг. и заключения мира с Францией): *Register of Edward the Black Prince. 1933. T. 3. P. 401, 421.* Джон Виклиф жаловался на вернувшихся с континента солдат в одной из проповедей, а парламент в 1376 г. постановил, что такие люди должны заниматься прежними ремеслами, а не бродяжничеством (*Caferro. 2006. P. 343*). Во Франции такие воины появляются в качестве героев произведений Юстаса Дешампа: *Hewitt. 1966. P. 134, 172–173.*

⁶⁸ *Henneman. 1996; Chérest. 1879. P. 351–360.*

приобретался в результате занятия войной. Но это подчеркивает их приверженность традиционным представлениям об общественном устройстве, в рамках которых сражаться с врагами должны были дворяне. Нет признаков того, что получение жалованья, служба королю или регулярное участие в боевых действиях позволяли им осознавать себя частью особой социальной группы (как это позднее произошло, например, с ландскнехтами, для которых даже создавались особые своды законов⁶⁹).

В военной сфере нельзя заметить четкого противопоставления благородных и неблагородных воинов как двух принципиально отличных групп (это будет характерно для раннего Нового времени). Конечно, современники хорошо осознавали отличия между знатными и незнатными воинами, рыцари зачастую относились к выходцам из «третьего сословия» с презрением. Карл V предписывал набирать в учрежденные им компании воинов только дворян⁷⁰. Но конкретные боевые ситуации иногда заставляли забыть о социальных противоречиях перед лицом врага. Испанский рыцарь Рамон Мунтанер радуется, когда незнатные воины из его отряда убивают французских рыцарей⁷¹. К представлениям об облагораживающем характере войны относились серьезно: в 1362 г. под Авиньоном французские рыцари не стали отказываться от вызова, брошенного им членами компаний⁷². Размер жалованья зачастую определялся не по реальному социальному статусу, а по особенностям экипировки. Если у воина был боевой конь, доспехи и он мог сражаться как рыцарь, то зачастую он и получал соответствующее жалованье⁷³. В результате иногда довольно трудно определить, к какой социальной категории принадлежало то или иное лицо. Существовала и реальная социальная мобильность – в Англии можно было приобрести дворянский статус при покупке рыцарского надела земли. Испытывавшие трудности с комплектованием армий короли были заинтересованы в повышении числа воинов и не ставили формальных препятствий. Но далеко не все землевладельцы стремились принимать на себя дополнительные обязательства. В результате часть незнатных воинов вполне могла приобрести

---

⁶⁹ Новоселов. 2001. С. 166–172.

⁷⁰ Contamine. 1972. P. 176.

⁷¹ Muntaner. 1860. P. 112–113, 361–365.

⁷² Lettres secrètes et curiales... 1902. № 2069, 2070.

⁷³ Сравнительные таблицы размеров жалованья воинов в конце XIII–XIV вв.: Contamine. 1972. P. 620–630. Из них видно, что социальный статус воина указывался не всегда, а причины, в зависимости от которых назначался тот или иной размер оклада, не всегда ясны. В некоторых случаях единый принцип назначения размера жалованья трудно проследить даже среди участников одного похода.

снаряжение, достойное рыцаря, в то время как разорившийся, например, из-за высокого выкупа, рыцарь был вынужден сражаться пешим, с плохими доспехами и оружием. Но, вероятно, большее значение имеет то, что неблагородные воины не обособились в отдельную социальную группу. Как было показано выше, даже те, кто регулярно участвовал в походах и провел на войне значительную часть жизни, были маргиналами, промышлявшими разбоем и воровством и относившимися к войне как к временному занятию. Не только мирные жители, но даже они сами не воспринимали себя в качестве особой корпорации, «наемников».

В истории Жана ле Брюна особенный интерес представляет то обстоятельство, что получение платы могло рассматриваться как принятие воином каких-то особенных обязательств по отношению к нанимателю. Важно подчеркнуть, что подобные отношения сами по себе не могут рассматриваться как действительное новшество в XIV в., ведь, по большому счету, речь идет просто о добровольном принятии на себя ряда обязательств в ответ на вознаграждение или дар со стороны сеньора. Возможно, в данном случае стоит говорить лишь о формализации подобной практики и закреплении денег как важнейшей формы вознаграждения, накладывающей обязательства на воина (разумеется, за исключением феодальной зависимости в рамках сеньориально-вассальных отношений, поскольку земля в XIV в. продолжала играть наиболее важную роль в общественных отношениях; впрочем, справедливости ради надо заметить, что к этому времени становится практически невозможно привлечь воинов на службу в рамках исключительно феодальных обязательств⁷⁴, в то время как денежное вознаграждение становится ее непременным элементом; Кристине Пизанской в «Искусстве рыцарства» даже приходится специально указывать, что рыцарь, оказавший помощь попавшей в беду даме, не должен требовать с нее платы⁷⁵). Ведь тот же Жан ле Брюн признает, что получил от господина коня и снаряжение, но отрицает факт получения регулярного жалованья.

Здесь можно указать также на эпизод осады Джоном Гонтом, герцогом Ланкастерским, крепости Монпаон в Аквитании в 1370 г.⁷⁶ Осада затянулась. Отряду бретонцев под командованием Сильвестра Буда, находившихся на службе у французского короля, удалось прорваться в замок. Хотя после длительной осады защитников вынудили сдаться, герцог был в ярости и собирался их казнить: ведь задержка отрицательно сказалась

⁷⁴ Prestwich. 1988. P. 179, 189–190, 484–485.

⁷⁵ Christine de Pisan. III, 8.

⁷⁶ Осада англичанами Монпаона: *Froissart*. Т. 8. P. 64–75.

на планах предполагаемой кампании в Аквитании и Анжу. На предварительных переговорах с представителем англичан Сильвестр Буд добивался предоставления своим людям права беспрепятственно покинуть замок. С этой целью он обратился к герцогу Ланкастеру, пытаясь оправдать упорное сопротивление: «мы солдаты на жаловании короля Франции, и хотим верно служить ему против прочих сеньоров; вы поступили бы также»⁷⁷. Герцога подобное объяснение вполне устроило: он признал правомочность действий солдат и унял гнев. Очевидно, что такое отношение к обязанностям наемника вполне устраивало Фруассара и его читателей, а это означает, что исповедуемые Будом ценности были к этому времени распространены и общеприняты. Показательно, что бретонский капитан (и хронист) останавливается именно на этом варианте оправдания («*sau-doyer gaignans nos saudées au roy de France*»). Он защищает крепость не в силу рыцарского долга, стремления к славе, желания угодить даме, хотя в этом случае рыцарский дискурс, кажется, был бы к месту. Для воинов, к числу которых принадлежали герои осады замка (Буд, Ланкастер, английский рыцарь, участвовавший в переговорах) статус *souldoier* и получение жалованья оказываются наиболее удовлетворительным объяснением столь упорного сопротивления. Причем речь идет не о стремлении к наживе и желании заработать, ведь в данной ситуации французы вряд ли могли рассчитывать на победу, добычу и выкупы, а опасность быть убитым, получить ранение или попасть в плен была очень велика.

Впрочем, возрастание роли жалования и материальной поддержки со стороны сеньора не обязательно осознавалось современниками. В конце концов, 1360–1370-е гг. выдались особенно напряженными в плане ведения боевых действий, и у Карла V просто не было иного выбора, как содержать некоторые отряды на постоянной основе. В такой ситуации его воины зачастую оказывались оторванными от традиционных источников дохода просто в силу стечения обстоятельств. В одном из эпизодов «Хроники доброго герцога Луи де Бурбона» после долгих войн с англичанами на службе у Карла V в 1370-х гг. герцог попросил у короля разрешения вернуться в свои владения, чтобы поправить дела – участие в войнах короля ввело его в большие издержки. При этом, правда, герцог подчеркнул, что только необходимость вынуждает его просить об отпуске, ведь он всегда готов служить королю. «Сеньор, я хотел бы всегда подчиняться вам»⁷⁸, – этими словами герцог начал свое обращение.

---

⁷⁷ «nous sommes saudoyer gaignans nos saudées au roy de France et qui loyaument nous vollons acquitter enviers no signeur, sicome vous feriés pour le vôte». Ibid. P. 69.

⁷⁸ «Sire, je vous voudrais obeir toujours». Orville. 1876. P. 87.

В ответ король заявил, что готов предоставить Бурбону и его людям любую необходимую помощь, после чего герцог с готовностью остался на службе. Независимо от того, что думали о роли жалования герцог Бурбон и король Карл V, вполне очевидно, что у монарха были как возможность удержать своего вассала на службе столько, сколько ему требуется, так и средства, чтобы компенсировать ему и его рыцарям потери от столь долгого участия в королевских войнах, а сам герцог Бурбон против подобной ситуации не возражал.

Как распространение жалования влияло на изменение практик комплектования войска? Из того же примера с герцогом Бурбоном видно, что король по-прежнему использует для этого традиционные методы (вызывает для службы крупнейших магнатов с их людьми), только теперь он может привлекать к участию в своих войнах герцога Бурбона и его людей в течение столь продолжительного времени, как будет ему угодно, при условии, что он сможет обеспечивать их содержание. В документах парижского парламента люди еще одного капитана компании Арно де Серволя называются *gentes et familiares*⁷⁹, что указывает на наличие среди них людей, связанных с Серволем не только выплатой жалования. В то же время, в отряде этого капитана, без сомнения, были люди со стороны – наваррцы и даже англичане⁸⁰.

Аналогично складывается ситуация в отряде кастильского рыцаря во Франции Перо Ниньо, о которой сообщает его знаменосец Диас де Гамес. Сначала для войны с пиратами на море король Кастилии заключил с Ниньо договор, согласно которому тому предоставлялся корабль и деньги на выплату жалования воинам (Перо Ниньо набрал их, в основном, из своих родственников, придворных рыцарей и оруженосцев) и команде⁸¹. После нескольких успешных экспедиций против пиратов на Средиземном море король Кастилии в 1402 г. отправил Перо Ниньо на север, в помощь французам против англичан. Там Ниньо на своем корабле и с командой, основу которой по-прежнему составляли его придворные воины, совершал опустошительные вылазки на английское побережье. При этом жалование ему платили французы⁸². В то же время, Ниньо не упускал возможности временно расширить свой отряд за счет воинов из Нормандии и Бретани⁸³. Своим людям – участникам похода

---

⁷⁹ La guerre de cent ans... 1961. P. 486–490.

⁸⁰ *Sumption*. 1990. P. 77–78, 356.

⁸¹ *Gamez*. 1928. P. 21, 41.

⁸² *Ibid*. P. 63.

⁸³ *Ibid*. P. 68.

он платил исправно⁸⁴. Таким образом, основанием для службы кастильского рыцаря становится договор с королем, в рамках которого тот предоставлял ему средства для содержания команды и корабль. Ниньо самостоятельно платит жалованье своим воинам, которые в большинстве являются членами его двора, родней или клиентами, то есть связаны с ним в силу каких-либо иных причин, а не только денежными выплатами.

Наконец, осталось рассмотреть, на что тратили воины заработанные ими деньги. В ряде случаев они действительно обвинялись в чрезмерном корыстолюбии и стяжательстве. Фруассар писал, что «английские дворяне за все отпущения грехов в мире не предпримут ни одного похода, если до этого им не заплатят. Воины не могут жить на индульгенции, и не слишком заботятся о них, кроме тех случаев, когда им угрожает смерть»⁸⁵. Также и пикардийский трувер Кювелье в «Песни о Бертроне дю Геклене» рассказывает, как главный герой на пути в Испанию вымогает у папы Урбана V, находившегося в это время в Авиньоне, выкуп, чтобы земли вокруг города не были преданы огню и мечу:

Хватит говорить об отпущении грехов,
Золото они любят больше⁸⁶.

Такие обвинения могут объясняться недовольством хронистов компаниями, зачастую промышленлившими грабежом, или же падением уважения к Церкви. В конце концов, автор «Песни о Бертроне дю Геклене» вкладывает эти слова в уста своего главного героя, которого он превозносит, а не осуждает. Возможно, он рассчитывал на то, что читатели «Песни...» поймут подобное пренебрежение отпущением грехов.

В противовес эти примерам можно привести эпизод из уже неоднократно цитировавшейся «Хроники доброго герцога Луи де Бурбона». После очередной военной кампании против англичан, завершившейся осенью, часть рыцарей Бурбона попросили отпустить их на зиму в Пруссию, чтобы они смогли принять участие в войнах против язычников. Весной они обещали вернуться и снова сражаться против англичан. Герцог согласился и, в свою очередь, предложил помочь им оплатить путешествие. Однако рыцари отказались, объяснив это тем, что заработали за минувший сезон достаточно денег, чтобы оплатить все расходы самостоятельно⁸⁷. Таким образом, отправиться в крестовый поход в

⁸⁴ Ibid. P. 41.

⁸⁵ Цит. по: *Herwaarden*. 1980. P. 101.

⁸⁶ «D'asolucion ne parolent noient: il ameroient mieulx à avoir de l'argent». Цит. по: *Cuvelier*. 1839. Т. 1. P. 274.

⁸⁷ Ibid. P. 63.

Пруссию рыцари решают уже после того, как провели весь год в сражениях во Франции; при этом для участия в новой войне они готовы потратить деньги, заработанные в предыдущей. Таким образом, ситуация в изображении автора хроники (а он писал со слов участника событий Жана де Шательморана) вполне соответствует предписываемому церковью идеалу, когда денежное вознаграждение требовалось для обеспечения воинов лишь самым необходимым. Излишки же используются не для обогащения, а для финансирования иной достойной в глазах рыцарей деятельности, вроде участия в крестовом походе.

В то же время, выплата жалования необходима, ведь в ином случае солдаты быстро превратятся в разбойников⁸⁸. В одном из эпизодов «Песни о Бертроне дю Геклене» коннетабль прямо заявляет о том, насколько важным является для короля своевременная выплата жалования своим воинам. В беседе с маршалом Арнулем д'Одрегемом, через которого король предложил бретонцу должность коннетабля, тот отвечает, что согласен служить, только если король будет щедро платить.

Если король хочет сделать меня коннетаблем,
Пусть вовремя отдает солдатам на содержание,
Заслуженное ими жалованье.
Я думаю, если король будет так поступать,
То наберет отличных воинов к своему удовольствию.
Но если серебра платят недостаточно,
То это не достойно почтения и хвалы.
Потому что солдаты хотят получать жалованье,
И если им не платить, то и служить они не будут.
Такие воины часто превращаются в разбойников⁸⁹.

Этот рефрен будет часто повторяться при создании ордонансных компаний в 1445 г. Так, в поэме неизвестного автора второй половины XV в. приводится следующее описание подобных отрядов:

У нас нет больше мечей,
Мы не латники и не лучники,
Нас выгнали с наших квартир.
Очень плохо для солдата лишиться жалования.

---

⁸⁸ В «Искусстве рыцарства» к такому выводу придет Кристина Пизанская. *Christine de Pisan*. III, 9.

⁸⁹ *Cuvelier*. 1839. P. 135-136. "Sire, ce dit Bertran, qui tant fist à chiérir, // Se li rois me voloit connestable establir, // Ses soudoiers baillier pour estour maintenir, // Lor soudées briefment lor ferai déservir. // Je sai bien que li rois qui tant fait à crémir // Asssemblera grant gent si li vient à plaisir. // Mais tout ce ne doit-on prisier ne chier tenir // S'on ne lor fait argent souffisamment offrir. // Car soudoiers qui veulent lor soudées tenir, // Si ne sont bien païé, ilz ne veulent servir, // Et se les fait souvent fors pillars devenir". (стихи в переводе автора – В. К.)

Наши копыя сломаны,
 А мечи давно затупились.
 Мы грабим народ день ото дня.
 Очень плохо для солдата лишиться жалованья.
 Мы кричим во весь голос.
 Благородный король,
 Ваш добрый покойный отец
 Никогда не оставлял солдат без жалованья⁹⁰.

Подобные выводы можно заметить уже во второй половине XII в. у Иоанна Солсберийского, заимствовавшего суждения по организации войска у античных авторов, прежде всего, у Вегеция⁹¹ (это возвращает нас к более масштабной проблеме развития платной военной службы в раннее и классическое Средневековье). Но в любом случае денежные выплаты за службу рассматривались не как средство обогащения, а как способ обеспечения важнейших потребностей. Богатство на войне обретали за счет грабежа, захвата добычи, получения выкупов⁹².

* * *

XIV в. стал периодом значительных изменений в военном деле. Они протекали в нескольких направлениях: складывание системы выплаты жалованья, появление первых постоянных отрядов, увеличение числа неблагородных участников военных действий. Но проведенный анализ показывает, что в области представлений не произошло кардинального разрыва. Наоборот, новые идеи органично переплетались с более ранними идеями о долге вассала и рыцаря. Служащий за деньги воин зачастую оказывался связан с нанимателем вассальным долгом, а получение жалованья воспринималось как традиционное вознаграждение или как содержание, предоставление «хлеба насущного». По большому счету, четко разделить в описанной картине старые и новые элементы вряд ли возможно. Однако подобная ситуация кажется вполне закономерной на исходе классического Средневековья, когда в различных сферах жизни общества начинали происходить определенные изменения (например, в сторону формирования *État moderne*, важной частью которого является постоянная армия), однако эти новшества во многом основывались еще на прежнем укладе и находились с ним в неразрывной связи.

Конечно, определенные изменения в этой области в XIV в. все же происходят. Большинство современников уже не мыслят участия в войне без получения жалованья. Выплата денег иногда воспринимается как

⁹⁰ Цит. по: *Solon*. 1972. P. 94. Король-отец и его сын – Карл VII и Людовик XI.

⁹¹ *Salisburyensis J. Policraticus*. 1990. VI, 10.

⁹² *Jones*. 1995. P. 147–151.

принятие определенных формальных обязательств. Жалование позволяет королям создавать первые постоянные отряды, действующие на протяжении многих лет, причем подобное усиление привязанности к королевской власти положительно воспринимается магнатами и рыцарством.

Но многие изменения в организации войска, а также социально-политические процессы, вроде укрепления королевской власти и обретения армией новых функций как одной из главных опор монархии, зачастую проявлялись лишь в определенных обстоятельствах. Стал бы Карл V содержать отряды герцога де Бурбона за свой счет, если бы не затяжная и тяжелая война с англичанами? Эти процессы, которые замечает исследователь, современниками практически не осознавались. Они не получили отражения ни в специальных трактатах, ни в исторических и литературных произведениях XIV в. Этот вывод помогает лучше понять специфику последнего столетия классического Средневековья.

В XIV в. денежное вознаграждение воинов приобретает регулярный и фиксированный характер, получение денег за службу становится общим правилом, что открывает возможности для формирования постоянной армии и появления таких людей, для которых военная служба становится единственным занятием и источником дохода, приобретая черты «профессии». Но новшества дополняли прежние формы организации войска, а некоторые нововведения и вовсе остались незамеченными, во многом потому, что они не были результатами целенаправленных реформ, а складывались спонтанно, под влиянием конкретной ситуации в тяжелых условиях почти не затихавшего конфликта между Англией и Францией. Сделанные наблюдения позволяют подчеркнуть сложный характер социально-политических процессов, происходивших на завершающих этапах классического Средневековья.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Басовская Н. И.* Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 48–66.
- Басовская Н. И.* Освободительное движение во Франции и формирование национального самосознания (вторая половина XIV – первая половина XV в.) // Из истории социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе. М., 2001. С. 48–57.
- Басовская Н. И.* Правитель и народ в Столетней войне: миф и реальность // Средние Века. Вып. 54. М., 1991. С. 23–34.
- Кин М.* Рыцарство. М.: Научный мир, 2000.
- Конталмин Ф.* Война в Средние века. Издательский дом «Ювента»: СПб., 2001.
- Новоселов В. Р.* Суд длинных копий (Recht der langen Spiessen) немецких ландскнехтов XVI столетия по военному уложению Карла V // Право в средневековом мире. Вып. 2-3. СПб, 2001. С. 166–172.

- Тогоева О. И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М.: Наука, 2006.
- Хачатурян Н. А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М.: Изд-во Московского университета, 1976.
- Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М.: Высшая школа, 1989.
- Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008.
- Цатурова С. К. «Сеньоры закона»: к проблеме формирования «параллельного дворянства» во Франции в XIV–XV вв. / Средние века. Вып. 64. М., 2001. С. 50–88.
- Цатурова С. К. Историческая память в построении самоидентификации парламентариев во Франции XIV–XV вв. // Социальная идентичность средневекового человека. М.: Наука, 2007, 166–179.
- Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (07.00.03). М., 2010.
- Anonimale chronicle 1333 to 1381 from a MS Written at St. Mary's Abbey, York / Ed. V. H. Galbraith. N.-Y.: Barnes and Nobles, 1970.
- Ayton A. Knights and Warhorses: Military Service and the English Aristocracy under Edward III. Woodbridge: Boydell Press, 1994.
- Ayton A., Price J. L. The Medieval Revolution from a Medieval Perspective // The Medieval Military Revolution: State, Society and Military Change in Medieval and Early Modern Society / Ed. A. Ayton and J. L. Price. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Badie B., Birnbaum P. Sociologie de l'Etat. Paris: B. Grasset, 1979.
- Baldwin J. W. Masters, Princes and Merchants: The Social Views of Peter the Chanter and His Circle. 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1970.
- Barnie J. War in Medieval English Society: Social Values and the Hundred Years War. Ithaca (N-Y): Cornell University Press, 1974.
- Bean J. From Lord to Patron: Lordship in Later Medieval England. Philadelphia (Pa.): University of Pennsylvania Press, 1989.
- Beaune G. Naissance de la nation en France. Paris: Galimard, 1985.
- Bel, Jean de. Vraies chroniques de messire Jehan le Bel. 2 vols. Brussels: Academy royale de Belgique, 1863.
- Bell A. War and Soldier in the fourteenth century. N.-Y.: Boydell Press, 2004.
- Bennett M. J. Community, Class and Careerism. Cheshire and Lancashire Society in the age of Sir Gawain and the Green Knight. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Bois G. Crise du Féodalisme. Cambridge: 1984. P. 1981.
- Bonet Honoré. L'arbre des batailles de Honoré Bonet. Bruxelles, 1883.
- Bueil Jean De. Le Jouvencel // Ed. C. Favre et L. Lecestre. Paris: Libraire Renouard, 1887–1889.
- Cafferro W. John Hawkwood. An English Mercenary in Fourteenth-Century Italy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006.
- Calendar of Patent Rolls. 1358–1361. 1911.
- Charny, Geoffrey de. Livre de Chevalerie // Froissart, Jean. Oeuvres de Froissart: Chroniques (publ. avec les variantes des divers manuscrits par M. Le baron Kervyn de Lettenhove). 25 vols. Osnabrück: Biblio Verlag, 1967. T. 1(2). P. 463–533.
- Chérest A. L'archiprêtre. Episodes de la guerre de Cent ans au XIVe siècle. P.: Claudin, 1879.
- Christine de Pisan. Le Livre de Faictes des Armes. 1488.
- Chronicon de Lanercost, 1201–1341 // Ed. J. Stevenson. Edinburgh: Maitland Club, 1839.

- Chronique normande du XIVe siècle // Ed. A. Molinier, E. Molinier. Paris: Libraire Renouard, 1882.
- Contamine Ph. Des Pouvoirs en France 1300–1550. P.: Presses universitaires de France, 1992.
- Contamine Ph. Guerre, état et société. à la fin du Moyen Age. Études sur les armées des rois de France (1337–1494). Paris et La Haye: Mouton, 1972.
- Cuvellier Jean. Chronique de Bertrand du Guesclin. 2 vols. Paris: L'Institut de France, 1839.
- Foucault M. Surveiller et punir. Paris, Gallimard, 1975.
- Froissart Jean. Œuvres de Froissart: Chroniques (publ. avec les variantes des divers manuscrits par M. Le baron Kervyn de Lettenhove). 25 vols. Osnabrück: Biblio Verlag, 1967.
- Gamez, Diaz de. The Unconquered Knight: a chronicle of the deeds of Don Pero Niño [Электронный ресурс]: Trans. J. Evans. L., 1928. URL: http://www.yorku.ca/inpar/gamez_evans.pdf (время доступа 30.06.2010).
- Genet B. L'Etat moderne: genèse, bilans et perspectives. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1990.
- Grandes chroniques de France // Ed. M. Poulain. 6 vols. Paris: Libraire Techener, 1838.
- Gray Thomas. Scalacronica // Ed. by J. Stevenson. Edinburgh: Maitland Club, 1839.
- Guenée B. L'Occident aux XIVe et XVe siècles: Les états. Paris: Presses universitaires de France, 1988.
- Henneman J. B. Olivier Clisson. P. 125-126, 159. Philadelphia (Pa.): University of Pennsylvania Press, 1996.
- Herwaarden J. The War in the Low Countries // Froissart, Historian / Ed. Palmer J. Woodbridge: Boydell Press, 1980. P. 101–117.
- Hewitt H. J. The organization of war under Edward III. Barnes and Noble: N-Y., 1966.
- Histoire de Messire Jean de Boucicaut, Marshal de France. Paris, 1620.
- Histoire militaire de la France. 3 vols. T. 1. Des origines à 1715 // Ed. Ph. Contamine. Paris: Presses universitaires de France, 1992.
- Interrogatoire et jugement par le Parlement d'Arnaud Foucaut // Chronique normande du XIVe siècle / Ed. A. Molinier, E. Molinier. Paris: Libraire Renouard, 1882. P. 223–230.
- Jones M. The fortunes of war: the military career of John, second lord Bouchier // Essex Archaeology and History, 3rd series, 26 (1995). P. 147–151.
- Kantorowitch E. Mystères de l'Etat. Un concept absolutiste et ses origines médiévales (bas Moyen Age). Paris: Presses universitaires de France, 1984.
- Keen M. Chivalry, Nobility and the Man-at-Arms // War, Literature and Politics in the late Middle Ages / Ed. by C. Allmand. Liverpool: Barnes and Noble, 1976. P. 32–45.
- Keen M. England in the Later Middle Ages: A Political History. L.: Methuen, 1972.
- Keen M. Nobles, Knights and Men-at-arms in the Middle Ages. L.: Hambledon Press, 1996.
- Krieger K.-F. Obligatory Military Service and the Use of Mercenaries in Imperial Military Campaigns under the Hohenstaufen Emperors // England and Germany in the High Middle Ages. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- L'état Moderne: le droit, l'espace et le form de l'état. Paris: Gallimard, 1990.
- L'Etat ou le roi. Les fondations de la modernité monarchique en France (XIV–XVII siècles): Table ronde de 25 mai 1991 / Organisée par N. Bulst, R. Descimon et A. Guerreau. Paris: Edition de la Maison des sciences de l'homme, 1992.
- La genèse de l'état moderne: culture et société politique en Angleterre Etat et eglise dans genèse de l'Etat moderne: actes de colloque organize par la Centre National de la Recherche Scientifique et la Casa de Velazquez. Madrid. 1984 / Ed. J.-Ph. Genet, B. Vincent. Madrid, 1986.

- La guerre de cent ans vue à travers les registres du parlement (1337–1369) / Ed. Pierre-Clément Timbal. Paris: Centre national de la Recherche scientifique, 1961.
- Lettres secrètes et curiales du Pape Urbain V / Ed. P. Lecacheux and G. Mollat. Paris: E de Boccard, 1902.
- Lewis N. B. Indentures of Retinues with John of Gaunt // Camden Soc., 4th series. Vol. I. 1964. P. 77–113.
- Mallet M. Mercenaries and Their Masters: Warfare in Renaissance Italy. Totowa (NJ): Bodley Head Ltd, 1974.
- Mallet M. Mercenary // Medieval Warfare. Ed. by M. Keen. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 209–229.
- Mazas A. Vies des Grands Capitaines français du Moyen-Âge (Louis de Clermont, duc de Bourbon, et Jean le Meingre de Boucicaut). Paris, 1845.
- Morgan P. War and Society in Medieval Cheshire. Manchester: Manchester University Press, 1987.
- Muntaner, Ramon. Crònica catalana / Ed. A. De Bofarull. Barcelona, 1860.
- Orville Cabaret de. La chronique du bon duc Loys de Bourbon / Ed. M. Chazaud. Paris: Société de l'histoire de France, 1876.
- Paléologue Theodore. Les enseignements de Theodore Paléologue // Ed. C. Knowles. L.: Maney Publishing, 1983.
- Prestwich M. Armies and Warfare in the Middle Ages: The English Experience. L.: Yale University Press, 1996.
- Prestwich M. Edward I. Oxford: Oxford University Press, 1988.
- Prestwich M. Money and Mercenaries in English Medieval Armies // England and Germany in the High Middle Ages. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Register of Edward the Black Prince. T. 3. L., 1933.
- Registre criminel du Chatelet de Paris. 2 vols. Paris: Société des bibliophiles français, 1861.
- Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'état / Ed. A. Gouron, A. Rigaudier. Paris: Socapress. 1988.
- Robert L. E. Middle-English Dictionary. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1952.
- Russell F. The Just War in the Middle Ages. L.: Cambridge University Press, 1977.
- Salisburyensis, Joannis. Policraticus. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Solon P. Popular Response to the Standing Military Forces in the Fifteenth-Century France // Studies in the Renaissance. Vol. 19 (1972). P. 78-102.
- Strayer J. R. Les origines medievales de l'Etat moderne. Paris: Payot, 1979.
- Sumption J. The Hundred Years War I. Trial by battle. L.: Faber and Faber, 1990.
- Sumption J. The Hundred Years War II: Trial by Fire. L.: Faber and Faber, 2001.
- Walker S. John of Gaunt and his Retainers, 1361–1399. All Souls College for the Degree of Doctor of Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1986.
- Walsingham, Thomas. Historia Anglica // Ed. H. T. Riley. 2 vols. L.: Longman, Green, Longman, Roberts and Green, 1863.

Костырев Владимир Геннадьевич, кандидат исторических наук, специальный корреспондент редакции *Infox.ru*, ООО «Инфокс Интерактив»; *jaite@yandex.ru*

А. И. ЧЕПЕЛЬ

«БЫЛ БЕЗ ПРОЕЗЖЕЙ И ХОТЕЛ СВОИХ ДЕТЕЙ НАВЕСТИТЬ»

ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ СЕМЕЙ В ШВЕДСКО-РУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА

На основе документов российских архивов анализируются особенности взаимодействия между родственниками, разделёнными шведско-русской границей, установленной по условиям Столбовского мира. Делается вывод, что родственные связи приграничного населения и двойственная политика приграничных властей способствовали нестабильности на границе.

Ключевые слова: *Столбовский мирный договор, шведско-русское приграничье, проблема перебежчиков, православие, лютеранство.*

Современный мир даёт множество примеров стремительного изменения границ между государствами что приводит, в частности, к неожиданному появлению «зарубежных родственников». Раньше мы могли свободно ездить друг к другу, а теперь, чтобы повидаться, необходимо получать загранпаспорт, оформлять визу. В сходное положение в XVII в. было поставлено население северо-запада России. По Столбовскому мирному договору 1617 г. царь Михаил Федорович уступил в пользу Швеции северо-западные территории России – Корельский уезд, ставший шведским Кексгольмским леном, и Ижорскую землю, получившую название Ингерманландии. Люди, до этого имевшие возможность общаться беспрепятственно, оказались по разные стороны новой шведско-русской границы. Одни остались царскими подданными, другие оказались подданными шведского короля. Какое влияние оказало разлучение семей на положение в шведско-русском приграничье?

Сначала рассмотрим проблему применительно к организации обороны рубежа. Здесь большое значение имела информация о состоянии обороноспособности соседа, и эти сведения были особенно важны по следующим причинам. Проведение линии границы растянулось до августа 1621 г.¹, но еще до середины 1650-х гг. регулярно проводились межевые съезды для корректировки линии границы². Кроме того, для организации надежной охраны и обороны рубежей зачастую просто не

---

¹ Жуков. 2000. С. 36.

² Курсков. 1958. С. 152.

выделялось достаточно людей и денег³, а в некоторых приграничных районах застав не было вовсе⁴. Современные исследователи признают, что охрана границы была организована плохо⁵, и это приводило к ее беззащитности⁶. В чем причина такого нерадения к обороне рубежей?

Первая половина XVII в. для Швеции – время значительных усилий, направленных на упрочение положения страны в ряду великих держав⁷, и такая политика, в частности, требовала создания национальной профессиональной армии⁸. С другой стороны, наемные армии обходились «так дорого, что требовали напряжения всей финансовой мощи государства»⁹. Швеция в XVII в. оставалась редко населённой аграрной страной, и денег в казне «хронически не хватало»¹⁰. К тому же, с ростом территории Шведского государства расходы на фортификацию также увеличивались значительными темпами¹¹. Не случайно шведские армии стремились захватить и удержать лишь важнейшие в стратегическом экономическом отношении территории, в первую очередь – устья рек, впадающих в Балтийское море¹², отрезая доступ к Балтике другим странам региона¹³: контроль балтийской торговли сулил огромные прибыли от сбора таможенных пошлин¹⁴.

Россия, как и Швеция, в первой половине XVII в. вела активную внешнюю политику, и это также требовало мобилизации значительных материальных и людских ресурсов. Специалисты указывают на то обстоятельство, что, по крайней мере, до гибели в 1632 г. шведского короля Густава II Адольфа правительства обеих стран стремились к дипломатическому сближению для совместной борьбы с общим врагом – Речью Посполитой, но прочной основы для шведско-русского союза, помимо борьбы против третьей стороны, не усматривают¹⁵. Видимо, именно это противоречие в дипломатических отношениях государств

³ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.

⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1. Л. 47; 1631 г. Д. 1. Л. 2.

⁵ *Сербина*. 1951. С. 232; *Мюллер*. 1952. С. 216.

⁶ *Курбатов*. 2007. С. 185.

⁷ См., например: *Roberts*. 1973; *Кан*. 1974. С. 185–192; *Шаскольский*. 1982. С. 101–102; *Заборовский*. 1997. С. 70–73; *Рогинский*. 2008. С. 88–103.

⁸ *Уртон*. 1998. Р. 7.

⁹ *Поршнев*. 1976. С. 231.

¹⁰ *Кан*. 1980. С. 26. См. также: *Заборовский*. 1994. С. 143.

¹¹ *Пийримяз*. 1980. С. 36–48.

¹² *Roberts*. 1958. Р. 420.

¹³ *Frost*. 2000. Р. 103.

¹⁴ *Поршнев*. 1976. С. 53.

¹⁵ *Миронова*. 2009. С. 178, 184.

соседей позволяет современным исследователям охарактеризовать эти отношения как состояние «полувражды»¹⁶, при которой одна страна относительно другой была «давним соперником и недолговечным другом»¹⁷. Тем не менее, стороны делали попытки укрепить дипломатические контакты путем обмена постоянными представителями¹⁸. Россия, заинтересованная в том, чтобы шведская армия успешно вела боевые действия против Речи Посполитой, предоставляла Швеции скрытые финансовые субсидии в форме беспошлинной продажи хлеба¹⁹. Шведское правительство, в свою очередь, организовывало в Московском государстве производство артиллерийских орудий²⁰ и, несмотря на потребность шведской армии в снаряжении и оружии, поставляло для русской армии латы, мушкетеры, пистолеты²¹, а также присылало царю военных специалистов, чтобы «учить воинских ратных людей»²². Таким образом, взаимно нуждаясь в военно-политическом сближении, обе страны повышали оборонный потенциал друг друга.

Основные силы задействовали вдали от границы. У рубежей размещались, в основном, гарнизонные войска, а полевые доставлялись туда только в случае непосредственной угрозы нападения²³. Русское правительство, испытывая потребность в увеличении численности пограничных войск, но, не имея для этого денег, в дополнение к отрядам стрельцов и казаков, расположенных в порубежных крепостях, стало набирать из жителей приграничья так называемых «пашенных солдат», не отличавшихся высокой боеспособностью²⁴. Шведское правительство также искало возможности уменьшения расходов на содержание гарнизонов²⁵, отдавая комендантам приграничных крепостей указания «переписать в уездах всяких людей, которые в службу пригодятца, оставлять только старых да малых да женок», и приграничные власти отбирали для войн в Европе «кнехтов лучших», оставляя «худых людей для караулов»²⁶. Таким образом, безопасность границы обе стороны надея-

---

¹⁶ Рогинский. 1997. С. 191.

¹⁷ Жуков. 2003. С. 203.

¹⁸ Иванов. 2002. С. 39; Шаскольский. 1998. С. 61.

¹⁹ Поринев. 1945. С. 317–340.

²⁰ Лобин. 2006. С. 383–397.

²¹ НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 819, Д. 828, Д. 833, Д. 835, Д. 965; Шаскольский. 1998. С. 45.

Экономические связи между Россией и Швецией... 1978. № 43. С. 76.

²³ Лайдре. 1986. С. 103–104.

²⁴ Епифанов. 1979. С. 245–246.

²⁵ Пийримяз. 1980. С. 39.

²⁶ НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 906. Л. 1.

лись обеспечить скорее дипломатическими, чем военными средствами. Оперативное управление приграничными землями осуществляли воеводы русских приграничных городов и коменданты шведских приграничных крепостей, в русских документах именуемые «державцами»²⁷.

Особое значение в условиях слабой обороны рубежей придавалось сбору сведений о военных приготовлениях в соседней стране. Протяжённая граница позволяла шведским и русским пограничным властям систематически отправлять лазутчиков для получения оперативных сведений, для чего подбирались люди, которые имели налаженные связи за рубежом, например, торговцы: по всей Европе обычным делом было сочетание торговли с разведкой²⁸. Новая граница открывала здесь и другие возможности. Так, в 1621 г. новгородские воеводы отправили лазутчиком в шведские земли, в Ивангород, Микиту Шандина, и так объясняли Москве свой выбор: «А посылали мы того Микитку в Ивангород для вестей потому, что наперед сего он бывал в Ивангороде <...>, и у него там знакомцы и племя есть»²⁹. Упоминание «племени» (родственников), живших у Микитки за рубежом, говорит о том, что власти стремились использовать для сбора «вестей» родственные связи местных жителей. Зачастую, именно благодаря родственным связям разделённых границей людей, представители приграничных властей убеждали подданных соседнего государства собирать информацию в интересах иностранного монарха. Так, в 1619 г. на границе был пойман крестьянин, который русскую «заставу учал было обходить лесом». Расследование показало, что он – царский подданный, крестьянин Савка, который был завербован шведами, когда ходил к брату Поташке в шведские владения, в Ивангород, «повидатца». Зарубежный родственник исправно служил шведской администрации: «И брат <...> ево про него объявил Свейскому маршалку Карлу Карлову, и маршалок <...> послал его, Савку, к Москве проведать <...> вестей, и дал ему денег на дорогу полтора рубли. А проведав <...> вести, велел ему маршалок быть у себя в Ивангород»³⁰. «Маршалок», оправдывая завербованного лазутчика, ссылаясь на нестабильное положение в приграничье из-за присутствия там польских отрядов, одинаково опасных для населения по обе стороны шведско-русской границы³¹. Каковы бы ни были причины использо-

---

²⁷ Курсков. 1958. С. 149.

²⁸ Жуков. 2003. С. 76.

²⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Репстр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 169.

³⁰ Там же. 1619 г. Д. 1. Л. 32–33.

³¹ Селин. 2008. С. 83–85.

вания царского подданного в качестве лазутчика, своими действиями шведский «маршалок» подталкивал порубежных жителей к нелегальному пересечению границы. Из рассмотренного эпизода не ясно, какие рычаги использовали шведские власти, чтобы убедить Савку заниматься проводыванием «вестей» в пользу Швеции. Вполне вероятно, что Поташка выступал своего рода заложником в руках шведов, и отказ Савки мог повлечь для шведского родственника печальные последствия. Возможно, это были корыстные мотивы, или же Поташка по своей воле стал сотрудничать со шведской администрацией, стремясь заработать в глазах «маршалка» хорошую репутацию. В любом случае, эпизод показывает, что разделение родственников линией границы оказывало влияние на организацию разведки в приграничных областях.

Граница разделила также православных священников со своими духовными детьми. Традиционно отношения православного священника и его паствы рассматривалось в рамках так называемой покаянной семьи – людей, регулярно причащающихся и исповедующихся у одного иерея, считавшегося их духовным отцом. Связь духовника со своими духовными детьми подразумевала живое религиозно-нравственное и простое житейское общение³². Этой духовной связью русские власти пользовались, в том числе, для сбора «вестей» в шведских владениях. Об этой практике повествует следующий эпизод. Русская крепость Гдов до 1621 г., до завершения межевания приграничных земель, находилась в залоге у шведов, и шведские власти снаряжали оттуда лазутчиков в соседние Псков и Печерский монастырь, интересуясь местами дислокации русских войск. Русские власти узнали об организации этих мероприятий от «попа Иосифа Лукина сына», который был отправлен воеводами к Ионе, игумену Озерского монастыря, находившегося на подконтрольной шведам территории, в Гдовском уезде. Стремление получить информацию о намерениях шведов именно от игумена объясняется следующим обстоятельством. Иона сумел наладить почти дружеские отношения со шведской администрацией: «И тот озерской игумен знаеца на Ивангороде и во Гдове с немецкими приказными людьми и с рускими детьми боярскими, которые там живут <...>. Да у игумена <...> был на пиру Гдовский державец и приказные немцы». Отправка в этом случае лазутчиком именно «попа Иосифа» раскрывается русскими приграничными воеводами так: «А тому игумену он сын духовный»³³.

³² Стефанович. 2002. С. 236–237.

³³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 158–159.

Появление границы, разделившей семьи, внесло новые проблемы и открыло новые возможности также в частной жизни порубежных жителей. Так, осложнилось получение наследства от оставшихся за рубежом родственников: при попытке перевезти по праву принадлежащее наследнику имущество через рубеж, он мог быть признан грабителем. В 1623 г. Корельский «державец» Индрик Монсон уведомил новгородские власти, что в шведские приграничные деревни приходила банда во главе с Алешкой Тонконогим – пограбили местных жителей. Русские власти отыскивали трех русских крестьян, которые попали под подозрение. В расспросе обвиняемые нарисовали иную картину происшедшего. По их словам, у Алешки за рубежом жил отец, Афанасий, умерший в 1622 г. Тогда сын «сказал у себя отца своего духовную», а всё отцовское имущество хранилось у шведского подданного, у крестьянина Пимена, и Алешка с этими тремя крестьянами отправился за рубеж не для грабежа, а с целью получения наследства, «явно, а не тайно». Пимен отдал наследнику оставленных отцом по духовной двух коров, быка, мерина и различные вещи. Животные и наследственное имущество было перевезено на русскую территорию. Из дальнейшего расспроса понятно, что позже Алешка уже один ходил в ту же шведскую деревню, и привел корову и лошадь – «и сказал им, что ему Пименко дал»³⁴. Рассмотренный эпизод наводит на мысль о том, что, возможно, дело обстояло совсем по-другому. Предположим, что все обвиняемые действительно составляли банду разбойников, промышлявших грабежами в близлежащих зарубежных деревнях. Тогда само по себе наличие отцовского наследства в шведских владениях служило хорошим оправданием: преступники получали возможность представлять перемещения уведенных животных и награбленных вещей через границу как транспортировку наследственного имущества. Таким образом, разделение семей границей, установленной по Столбовскому миру, оказывало влияние на разрастание преступности на порубежных территориях.

Разделение многих семей линией границы могло использоваться преступниками как оправдание своего нелегального нахождения на территории соседнего государства тягой к родственному общению, избегая при этом обвинения в худших намерениях – в шпионаже, грабежах. Так, в 1630 г. русские подданные, некие Прошка и Харка, были обвинены в проникновении в шведские владения и убийстве королевских подданных – «латышей» (так в русских документах именовались жившие по соседству с северозападными областями России народы, исповедовав-

---

³⁴ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 44. Л. 1; Д. 55. Л. 1–2.

шие лютеранскую веру³⁵). Совместно с русскими, обвинялся и «зарубежный мужик», Гаврилко. Дело получило широкий резонанс, и король Швеции велел докладывать ему лично о ходе следствия. Поначалу все участники этой «международной трансграничной банды» отпирались, но в итоге Прошка и Харка повинились, сказав, что «побили <...> тех латышей они. А пошли <...> за рубеж к племени своему, Прошка к сестре, а Харка к брату». На грабеж, приведший к кровавой развязке, их якобы подбил именно Гаврилко, указавший конкретное селение, «а они до того про тех латышей не ведали»³⁶.

Для проведывания родственников за рубежом необходимо было получить у властей разрешительный документ – «проезжую грамоту». При ее отсутствии человек, пересекавший границу, признавался перебежчиком. Так, вскоре после русско-шведской войны 1656–1658 гг. шведский подданный, крестьянин Федор Андреев, без проезжей грамоты пришел на русскую территорию, был задержан как перебежчик, и выдан шведам. Несмотря на явное нарушение правил пересечения границы, здесь именно намерения послужили оправданием перебежчика в глазах шведской приграничной администрации. Оказалось, что крестьянин этот «был без проезжей и хотел своих детей навестить». Во время минувшей войны он и вся его семья были пленены и вывезены со шведской территории в Россию. Когда настало мирное время, «отец помянутой Федор попомнил свою присягу его королевскому величеству и короне Свейской <...>, он один с женою своею на свое старое житье пришел». Сыновья его, вопреки условиям договора, не были отправлены обратно в Швецию, что и подвигло Федора отправиться повидаться с сыновьями. Это намерение и позволило шведскому коменданту оправдать крестьянина – «Только ходил он не как перебежчик»³⁷. Цель Федора Андреева не могла служить оправданием его нелегальных переходов как из русского плена домой, в шведские владения, так и к детям, в русские земли: и Валиесарское перемирие 1658 г., и Кардисский мир 1661 г. подразумевали определенную процедуру возвращения пленников – «выдачу»³⁸, а не переход через границу без уведомления властей. Поэтому и в этом случае мнение шведского коменданта размывало в умах порубежных жителей понятие границы.

³⁵ Экономические связи между Россией и Швецией... 1978. № 18. С. 184.

³⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1. Л. 24.

³⁷ НИА СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 67–68.

³⁸ ПСЗ. 1830. № 240. С. 473; № 301. С. 544.

Таким образом, стремление разлученных рубежом родственников продолжать общение увеличило число трансграничных миграций, что осложняло положение в приграничье. При этом даже наличие проезжих документов не гарантировало безопасность мигрантов. Так, в 1622 г. два казака – Ивашко Лукин Жаркой и Минка Ерофеев, отправились на шведскую территорию, в Корелу и Орешек – «сыскать и навестить своих сродичов и племяни». От русских властей им была дана «к немецким горододержавцам грамота оберегальная». В Кореле «державец» на основании этого документа выдал свою грамоту, позволив казакам свободно передвигаться в шведских землях. Казаки съездили «к племянникам своим», но на обратном пути подверглись насилию со стороны местных старосты и дьяка. Казаков «староста Самуила Пункенен да дьяк Борис Кузьмин велели изымать, и они у них отняли и пограбили» деньги и перстень, «да сорвали с ворота крест серебрян», день продержали в подполе, после чего отпустили³⁹.

В приведенном выше эпизоде о крестьянине, который без проезжей грамоты пришел в русские земли, и «хотел своих детей навестить», затронута важнейшая проблема шведско-русского приграничья – проблема перебежчиков, давно привлекающая внимание исследователей⁴⁰.

Одной из причин роста числа перебежчиков было стремление к воссоединению семей. Бывали случаи, когда родственники соединялись при посредничестве самих монархов. Так, в 1623 г. новгородский воевода докладывал царю об исполнении монаршей воли. Ещё в 1622 г. Михаил Федорович распорядился специально написать коменданту Орешка, чтобы он нашел и отпустил в Россию оставшуюся в шведских землях девку Прасковью, свояченицу князя Б. М. Мещерского. Новгородский воевода писал о Прасковье Орешковскому «державцу» несколько раз, и в итоге свояченица была сыскана и возвратилась в Москву⁴¹. В этом случае вмешательство царя было связано с тем, что просителем выступал представитель высшей знати, князь. Тем интереснее то обстоятельство, что новгородскому воеводе, чтобы выполнить царскую волю, пришлось неоднократно сноситься с комендантом Орешка. Одна из причин затягивания дела, об исходе которого следовало доложить лично царю – отлучка коменданта из Орешка на какое-то время⁴². Этот

³⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617 г. Д. 15. Л. 13-14; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 80. Л. 3-4; Д. 327. Л. 1; Д. 328. Л. 1.

⁴⁰ См., например: *Якубов.* 1897; *Жербин.* 1956; *Kirkinen.* 1995.

⁴¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 200. Л. 1.

⁴² Там же. Д. 233. Л. 1.

эпизод показывает, что решение вопроса о выдаче даже члена княжеской семьи могло затянуться на неопределенное время, если на месте не оказывалось главы приграничной администрации. Такое положение дел делает понятным стремление порубежных жителей самостоятельно, избегая участия бюрократических механизмов, решать вопросы общения и воссоединения семей.

Особенно обострялась ситуация после разменов перебежчиками между государствами, когда родственники в очередной раз разлучались, и тогда нарушители границы оправдывались стремлением соединиться с родней. В 1636 г., сразу после такого размена, русские власти отправили начальнику заставы – «заставному голове» Богдану Тыркову следующие инструкции. Если перебежчики со шведской стороны, которые по царскому указу выданы шведским властям, «учнут приходи к тебе на заставу и проситца в государеву сторону по жен своих и по детей», таких не пропускать. Следовало говорить, что если у пришедших на заставу в царской стороне остались временно не способные из-за болезни к передвижению жены и дети, то нужно ждать, когда шведские власти укажут их в списках перебежавших. После этого русские власти разыщут их и «отдадут за рубеж на розмене иным временем». Отдавая такое распоряжение, русские власти осознавали, что эти объяснения вряд ли смогут сдержать напор стремившихся к соединению родственников. Поэтому заставному голове далее предписывалось «того б еси беречь накрепко, чтоб однолично с Свейские стороны <...> перебешики русские люди и латыши мимо заставу не проходили и тайно не прокрадывались, а присылали б перебешики <...> по жен своих и по детей своих иных зарубежных людей, не перебешиков, с проезжими грамотами»⁴³.

Обратная ситуация возникла после русско-шведской войны 1656–1658 гг. В 1659 г. из Москвы в Новгород были присланы «свейские полоняники». Их следовало отпустить в шведские земли, но пленники отказались покидать территорию России на том основании, что здесь у них остаются родственники⁴⁴. В том же 1659 г. группа шведских крестьян с проезжими грамотами пришли в русское приграничье – «своих жон и детей сыскивати»⁴⁵.

Близость границы не только приводила к разделению семей, но также способствовала созданию новых. До появления границы люди общались беспрепятственно, и после Столбовского мира, несмотря на

---

⁴³ Там же. Д. 634. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Д. 149. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 250. Л. 1.

появление новой границы, продолжали заключаться браки – теперь уже с «зарубежными» людьми. Так, в 1626 г. из русских владений на шведскую территорию перебежала царская подданная, вдова, и вышла замуж за подданного шведского короля. Переход этот был обусловлен тем обстоятельством, что вдова осталась без средств к существованию и, попав «в такую великую бедноту, <...> пришла она к своему племени с ними повидается и у них кое чего прошать, чем бы ей прокормится». Оказалось, что эти родственники теперь живут в шведских владениях, так что вдова попала в разряд перебежчиков. Заграничные родственники «учали думать, чем ей какую помогу учинить», и, в конце концов, выдали замуж. Когда русский воевода стал требовать выдать беглянку обратно, за нее вступился шведский комендант. В оправдание он указывал воеводе: «для того, что она попала в такую великую бедноту и родилася на нашего короля стороне <...> пришла она к своему племени». Говоря о рождении новой семьи, комендант особо отмечал, что «поп русский именем Кондратий венчал их. И то те крестьяне учинили по христианскому обычаю. Да и подобает на обе стороны христианам такую любовь и законное дело чинить». Комендант, отвечая на требование воеводы вернуть перебежчицу, писал: «Может то быть, что ты преж сего про то не слыхал и о том деле не ведаешь, что порубежные мужики», приходившие с царской стороны, «женивались у нас <...> на вдовах и на девках на поповских дочерях и на иных простых людей дочерях и отвозили с собою за рубеж по соседственной любви». «Державец» предупреждал воеводу: «И будет тебе такое законное дело недобро повидитца и соседственна приятельства не залюбишь и вперед такого не хочешь терпеть, и я с своей стороны так же такого любви и приятельства против того не стану учиняти. И везде закажу, чтоб никто» со шведской территории не осмелился «после сего дни давать дочь свою или вдову замуж <...> как преж сего бывало», на царскую сторону. Комендант уверял воеводу, что не подобает новобрачную «назад просить и с мужем разлучить и законный брак рознити», и требовал: «А если ты однолично хочешь ее с мужем разлучить и хочешь, чтоб я тебе ее прислал, и мое к тебе соседственное прошение, чтоб ты всех тех вдов и девок, которые во многие лета преж сего законным делом к вам за рубеж перешли, к нам назад <...> безо всякого отговору отдал»⁴⁶. В этом послании шведский комендант поднимал важные проблемы, осложнявшие положение в приграничье. Шведы постоянно упрекали русских в том, что те удерживают на своей стороне перебежчиков посредством креще-

---

⁴⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1626 г. Д. 1. Л. 129–133.

ния в православную веру⁴⁷. Есть сведения, что условием оставления перебежчика в России зачастую выдвигался именно переход в православие. Так, в 1626 г. в пригранные русские земли из шведского Кексгольмского лена перебежал «латыш» Гейкий, и местные крестьяне позволили жить ему «где похочет», выдвинув при этом требование – принять православие⁴⁸. За крещением нередко следовал семейный союз с царской подданной⁴⁹. Подобной практике помогало то обстоятельство, что среди перебежчиков большинство составляли молодые люди⁵⁰. Кроме того, на русской стороне активно эксплуатировали бытовавшее в то время среди населения представление о том, что православный – значит, подданный русского царя⁵¹. В рассмотренном эпизоде с вышедшей в шведских владениях замуж вдовой прослеживается попытка шведской стороны использовать для привлечения населения те же противоречившие мирным соглашениям методы, какие практиковали русские власти.

Близость границы создавала как проблему трансграничных браков, так и проблему «трансграничных разводов». Нередко один из супругов бросал семью, уходил за рубеж⁵², где иногда вступал в новый брак⁵³. Не миновали порубежных жителей XVII в. также проблемы непонимания поколений, знакомые современным семьям. Здесь весьма примечательны случаи перехода через границу подростков. Так, в 1627 г. шведские приграничные власти отрядили человека в Новгород «для сыску и проведывания двух молодых людей, именем Сидорко Бутора да Осипко Степанов, которые отселе убежали от своих отцов и от матерей»⁵⁴.

Люди, имевшие родственников за рубежом, перебегая границу, находили пристанище именно у своих «родимцев». Так, в 1642 г. некий Янка Степанов перешёл со шведской территории, из Кексгольмского лена, в русские земли «к зятю своему к Потапку Ярыеву», который покинул Швецию несколько раньше⁵⁵.

Таким образом, шведские приграничные власти, периодически обвинявшие русскую сторону в попустительстве или даже прямом пособничестве перебежчикам (что было правдой), в свою очередь, не оста-

⁴⁷ Якубов. 1897. Раздел 2. № 2. С. 163.

⁴⁸ Жуков. 2003. С. 101.

⁴⁹ Курсков. 1986. С. 75.

⁵⁰ Жуков. 2001. С. 133.

⁵¹ Селин. 2000. С. 34.

⁵² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.

⁵³ Там же. Д. 721. Л. 1.

⁵⁴ Дела Тайного приказа. 1926. Раздел 3. № 5. Стлб. 333–334.

⁵⁵ ОСРК РНБ. Q-IV. № 366. Л. 33 об.–34.

навливались перед применением тех же незаконных методов. Это не служит оправданием действий русских властей, которые, в силу давних связей с перешедшими под власть шведского короля вчерашними царскими подданными, имели больше рычагов воздействия на них. Все же следует признать, что мероприятия шведских приграничных властей, наряду с действиями русской приграничной администрации, оказали определённое влияние на сохранение нестабильного положения в шведско-русском приграничье.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дела Тайного приказа / Ред. С. Ф. Платонов. Л., 1926. Т. 4. (Русская историческая библиотека. Т. 38). 553 стлб.
- Епифанов П. П. Войско // Очерки истории русской культуры XVII века / Отв. ред. А. М. Сахаров М.: Изд-во МГУ, 1979. Ч. 1. С. 245–246.
- Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1956. 79 с.
- Жуков А. Ю. Карелия в составе России (конец XV–XVII в.) // История Карелии с древнейших времён до наших дней / Ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макурова. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 98–180.
- Жуков А. Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617–1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 31–36.
- Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2003. 252 с.
- Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа. М.: Наука, 1994. 189 с.
- Заборовский Л. В. Швеция в общеевропейском контексте в XVII в.: Некоторые вопросы международной жизни // Тринадцатая конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 70–73.
- Иванов К. В. Дипломатическое представительство Швеции в Москве в XVII в. // Шведы в Москве: Материалы российско-шведской науч. конференции: Москва, 1–2 июня 2000 года. М., 2002. С. 39–44.
- Кан А. С. Превращение в великую державу при Густаве II Адольфе // История Швеции / Отв. ред. А. С. Кан. М.: Наука, 1974. С. 185–192.
- Кан А. С. Развитие капитализма в Швеции до промышленного переворота и буржуазная революция начала XIX в. // Скандинавский сборник / Тарт. гос. ун-т. Таллин, 1980. Вып. 25. С. 19–35.
- Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 157–197.
- Курсков Ю. В. Русско-шведские дипломатические контакты и развитие общественной мысли России в середине XVII в. // Десятая Всесоюзная конференция по

- изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 1. С. 74–76.
- Курсков Ю. В. Русско-шведские отношения в 40–50-х годах XVII века (межевые съезды 1642, 1652, 1654 годов) // Скандинавский сборник / Тарт. гос. ун-т. Таллин, 1958. Вып. 3. С. 149–163.
- Лайдре М. Х. Численность шведских войск в Лифляндии в 1655–1661 гг. // Десятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 1. С. 103–104.
- Лобин А. Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Фёдоровича (1613–1645) // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 383–397.
- Миронова О. Н. Русско-шведские дипломатические отношения в 1618–1632 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / [Нижегор. гос. архитектур.-строит. ун-т]. Н. Новгород, 2009. 208 с.
- Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в. // История Карелии с древнейших времён до середины XVIII века / Под ред. А. Я. Брюсова. Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1952. С. 209–293.
- Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПб ИИ РАН). Колл. 2 (Актовые книги); Ф. 109 («Порубежные акты»).
- Пийрмяэ Х. А. Военные расходы Шведского государства в Лифляндии в XVII в. // Скандинавский сборник / Тарт. гос. ун-т. Таллин, 1980. Вып. 25. С. 36–48.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 1. 1029 с.
- Поринев Б. Ф. Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1945. Т. 2. № 5. С. 317–340.
- Поринев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976. 435 с.
- Рогинский В. В. Исторический путь Швеции в Новое время: От многонациональной мини-империи к национальному государству // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности. М.: Изд. центр РГГУ, 2008. С. 88–103.
- Рогинский В. В. Российско-шведские отношения в Новое время // Шведы и русский север: Историко-культурные связи: (к 210-летию А. Л. Витберга): Материалы Междунар. науч. симп. / Отв. ред. В.В. Низов. Киров, 1997. С. 191–195.
- Российская национальная библиотека. Основное собрание рукописных книг (ОСРК РНБ). Q–IV. № 366 (Переписная книга 1650 года).
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96 (Сношения России со Швецией).
- Селин А. А. Ладога при Московских царях: 3-е изд., испр. и доп. СПб.; Старая Ладога: Нестор-История, 2008. 194 с.
- Селин А. А. Порубежное духовенство в 1-й половине XVII в. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2000. Вып. 3. С. 29–36.
- Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 487 с.

- Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках. М.: Индрик, 2002. 349 с.
- Шаскольский И. П.* Шведское великодержавие // Девятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Тарту, 1982. Ч. 1. С. 101–102.
- Шаскольский И. П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 319 с.
- Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке: Документы из сов. архивов / Редкол.: А. Аттман, Ф. И. Долгих [и др.]. М.; Стокгольм: Наука, 1978. 296 с.
- Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века: Сборник материалов, извлеченных из Московского главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива и касающиеся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 годах. М.: Университетская тип., 1897. 493 с.
- Frost R.* The Northern Wars: War, State and Society in Northeastern Europe, 1558–1721. Harlow, 2000. 401 p.
- Kirkinen H.* Karjalan historia juurista uudenkaupungin rauhaan // *Kirkinen H, Nevalainen P, Sihvo H.* Karjalan Kansan Historia. Porvoo, 1995. S. 13–171.
- Roberts M.* Gustavus Adolphus: A history of Sweden 1611–1632. Vol. 2: 1626–1632. London, 1958. 848 p.
- Roberts M.* Sweden's Age of Greatness, 1632–1718. London, 1973. 314 p.
- Upton A.* Charles XI and Swedish Absolutism. Cambridge, 1998. 281 p.
- Чепель Александр Иванович**, аспирант кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; *achepe1@mail.ru*

Е. М. КИРЮХИНА

МИР СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В «ХРОНИКАХ БРАТА КАДФАЭЛЯ» ЭЛЛИС ПИТЕРС

Объектом исследования является изображение повседневной жизни Средневековья в серии историко-детективных романов английской писательницы Эллис Питерс «Хроники брата Кадфаэля»: изображение интерьера, костюма (покрой и цвет), аксессуаров и украшений, еды, способов времяпровождения в Англии XII века. Особое внимание уделяется взаимоотношению вещи и ее создателя, творческому отношению мастера к ее созданию (рукописная книга).

Ключевые слова: *повседневная жизнь, цвет в костюме, аксессуары и украшения, времяпровождение, рукописная книга.*

Повседневная жизнь эпохи – объект интереса широкого круга исследователей, а художественная литература помогает создать яркий и запоминающийся образ времени. Книги Эллис Питерс (псевдоним Эдит Парджетер, 1913–1995) отличает бережное отношение к истории. Эта известная писательница – лауреат премий «Эдгар», «Серебряный клинок», «Алмазный клинок», была награждена королевой Елизаветой Орденом Британской империи. Ее главный труд – «Хроники брата Кадфаэля» (цикл из 21 книги), переведен более чем на 20 языков, хотя на русском языке появился сравнительно недавно (1995–1997) и практически не подвергался серьезным исследованиям¹. Одной из причин популярности писательницы стало переплетение «добротного английского классического детектива» и «средневековой романтики»².

Местом действия романов был не только город Шрусбери и Шрусберийское аббатство, но и само графство Шропшир на границе Англии и Уэльса. Время действия – XII в., война между королем Стефаном и императрицей Матильдой. Достоверность романам придает глубокое знание географии родного края³, реальных событий, характеров исторических лиц. Максимальное приближение к реальности отличает вымышленных персонажей: «...вводя в повествование вымышленные элементы, я сохраняла глубокое почтение к истории и, надеюсь, ни в чем

---

¹ См., например: Кирюхина. 2005. С. 214–218.

² Роговская. 1995. С. 14.

³ Graber. 2006.

не погрешила против исторической достоверности. Реальные биографии королей, графов, епископов, аббатов, валлийских принцев и датских вождей – всех тех, кто оставил в истории более или менее заметный след – мною не искажены. Но наряду с ними «Хроники» населены множеством других людей – купцами, ремесленниками, крестьянами, монахами или мелкими землевладельцами, образы которых порождены моим воображением. Я старалась добиться, чтобы они были максимально правдоподобны – жили и действовали как реальные люди той далекой эпохи»⁴. Хотя главный герой, монах Кадфаэль – вымышленный персонаж, его имя было заимствовано из исторической хроники: «Питерс часто начинает исследование своего сюжета с изучения хроники XII века, прослеживая события, в которых Кадфаэль мог бы участвовать»⁵. Это валлиец, обладающий богатым жизненным опытом (бывший участник Первого крестового похода, воин и мореплаватель), ставший монахом-бенедиктинцем в зрелом возрасте и по искреннему убеждению.

Книги Эллис Питерс представляют собой своеобразную энциклопедию средневековой Англии. Подробно описывается замок XII в. с его комнатами, службами и подземной тюрьмой⁶; манор⁷; не обойдено вниманием место последнего приюта – семейный склеп с надгробиями предков в церкви⁸. Один из любимых автором интерьеров – солар в маноре: «Свет в комнату проникал через два узких окна, возле каждого находилось по сиденью с подушками. У одной стены они увидели красивый низкий комод, у другой – изящный стол, весь покрытый резьбой, и кресло, на котором не побрезговал бы сидеть сам король. Госпожа Эмма, судя по искусной вышивке на подушках и шпалерах, прекрасно знала свое дело. В углу комнаты стояла рама с натянутым на нее неоконченным рукоделием, которое радовало глаз яркими красками»⁹. Особенно подробно описан бенедиктинский монастырь с его кельями,

---

⁴ *Питерс*. Введение. С. 10–11.

⁵ *Cranch*. 1993.

⁶ *Питерс*. Покаяние брата Кадфаэля. С. 227–228, 231, 269, 285–286; 289–290. См. подробное описание: *Квенеллы*. 2002. С. 134–141.

⁷ *Питерс*. Послушник дьявола. С. 144. Интересно, что пол покрыт тростником и в замке, и в доме (*Питерс*. Выкуп за мертвеца. С. 14–15; *Квенеллы*. 2002. С. 141).

⁸ «В нишу правой стены была вделана громадная каменная плита с высеченным на ней силуэтом спящего рыцаря: не иначе то был первый де Клари, ступивший на землю Англии вместе с Вильгельмом Завоевателем, прославленный в боях воин, успевший насладиться заслуженной королевской милостью» (*Питерс*. Исповедь монаха. С. 132).

⁹ Там же. С. 192. См. также описание покоев императрицы: *Питерс*. Покаяние брата Кадфаэля. С. 316.

собором, школой и скрипторием¹⁰, странноприимным домом и приютом Святого Жилия для прокаженных.

Любимые места главного героя – садик, в котором он выращивает привезенные с Востока семена диковинных растений¹¹, и сарайчик, где он хранит сушеные травы и готовит целебные снадобья¹². Известно, что монастыри выращивали душистые и лекарственные травы, которые послужили основой средневековой кухни и фармакопеи, монахи обменивались друг с другом семенами и черенками лекарственных растений, фруктов и овощей¹³. Кадфаэль «...с удовольствием составлял всевозможные сборы душистых трав и цветов. Употребляя их в самых разных сочетаниях, он смешивал нежное благоухание роз и лилий, фиалок и клевера, оттеняя их пряными ароматами руты, шалфея и полыни»¹⁴. Английские исследователи отмечают, что из растений в садике брата Кадфаэля «...большинство используются в медицине так же хорошо, как и в кулинарии. У него есть петрушка, шалфей, розмарин и тмин, но также кервель, горчица, базилик, фенхель, укроп, майоран, чежер, имбирь и мята. <...> Садик Кадфаэля и его аптека включает много цветов, которые можно найти в современных садах – водосбор, лаванду, пионы, и то, что он называет *gilver*s, что мы знаем как гвоздику полевую и гвоздику садовую. Некоторые из его трав, такие как рута и пижма, хорошо известны садоводам-травникам сейчас, но другие, такие как воробейник, вика, василек, воловик, известны гораздо реже»¹⁵.

Время действия «Хроник...» – круглый год, каждый месяц которого по-своему привлекателен: автор описывает и ежегодную ярмарку в Шрусбери, и празднование обретения мощей Святой Уинифред¹⁶. При этом Э. Питерс прекрасно осведомлена о климатических особенностях Англии XII века: в «Погребенной во льдах» описывается страшный холод накануне Рождества 1139 года.

---

¹⁰ Мулен. С. 256–259. См. описание бенедиктинского монастыря XII века: *Квелленлы*. 2002. С. 150–160.

¹¹ См. подробное описание трав и растений, выращиваемых в садике, с их практическим использованием в средневековье, – например, пионы выращивались ради семян, считавшихся целебными: *Уайтмен*. 1997. С. 451–466.

¹² «Он чувствовал себя как дома в этом полутемном мирке, где пахло деревом и шуршали сушеные травы. Кадфаэль проводил тут много времени, а Хью нигде так хорошо не думалось, как в сарайчике монаха» (*Питерс*. Выкуп за мертвеца. С. 65.).

¹³ Мулен. 2002. С. 242–243.

¹⁴ *Питерс*. Тень ворона. С. 234–235.

¹⁵ *Cranch*. 1993.

¹⁶ *Питерс*. Роковой обет. С. 254–267.

Многое из того, что описывается в «Хрониках...» по-настоящему красиво. Как известно, в Средние века «Красивым считалось разноцветное и блестящее, а чаще всего еще и богатое. Но вместе с тем красивое – это было доброе. Обаяние физической красоты было так велико, что она являлась не переменным атрибутом святости. Добрый Бог – это прежде всего прекрасный Бог...»¹⁷. О целительности красоты рассуждает юный брат Марк: сама улыбка прекрасной невесты, обращенная к прокаженным, «...сделает для наших подопечных больше, чем все мои осмотры и компрессы»¹⁸. И в изображении вещей Э. Питерс отдает предпочтение вещам, искусно украшенным. Действительно, в Средневековье «Многие составные части материального мира, в том числе и костюм, воспринимались как ритуальные и ценились не за красоту, а за сверхъестественные качества. Красота, пышность, яркость были дополнением к сути вещей, ее обрамлением. Меч и пояс почитали не потому, что они блистали золотом, а потому, что их власть над человеком была велика. Украшения были своего рода “даром” человека этим вещам, выражением чувства любви или способом преодолеть страх перед ними»¹⁹. Однако в «Хрониках...» орудия, которые возможно использовать для причинения вреда человеку или для убийства, как правило, находятся в негодном состоянии – посох священника с роговой рукоятью²⁰ или кинжал²¹.

Большое внимание уделяется описанию одежды. Известно, что между 1140-ми и 1220-ми годами коренным образом изменился костюм: «Мужчины, так же как и женщины, стали носить длинное платье... <...> Широко распространилось пристрастие к аксессуарам, мягким, шелковистым тканям, ярким цветам и покрою, подчеркивающим формы тела»²². Использование цвета определялось как иерархическими соображениями, так и требованиями моды. Как и ранее, выше всего ценился «цвет цвета» – красный, который имел самые различные оттенки, а также белый и зеленый: «...каждый цвет оценивался по степени яркости. Красный, белый, желтый “излучали больше света” и поэтому считались

¹⁷ *Ле Гофф*. 1992. С. 316.

¹⁸ *Питерс*. Прокаженный из приюта Святого Жилия. С. 24.

¹⁹ *Горбачева*. 2000. С. 22.

²⁰ *Питерс*. Тень ворона. С. 297–298.

²¹ «...превосходный кинжал с серебряным эфесом тонкой филигранной работы. С одной стороны удобной, округленной по руке рукояти, у самой гарды, светилась и переливалась россыпь мелких камней, а с противоположной серебряное плетение было обломано на конце» (*Питерс*. Один лишний труп. С. 421–422).

²² *Пастуро*. 2001. С. 110–111; 115–120; *Брюнель-Лабрион, Дюамель-Амадо*. 2003. С. 186–191.

самыми изысканными...»²³. Устойчивая триада красного, белого и черного, по мнению М. Пастуро, в XII в. была нарушена. Конкурентом красного становится синий, он начинает занимать доминирующее место в цветовой палитре: «В XII веке синий цвет становится излюбленным; красильщикам удается получить синий “чистый, насыщенный и яркий”. <...> Синий цвет приобретает символическую ценность, становится цветом Святой Девы и официальным цветом королей»²⁴. Хотя в «Хрониках...» упоминаются пурпурный, розовый и кремовый цвета, сочно-синий – самый любимый, богатый и нарядный. Так, мрачное великолепие сине-золотого облачения императрицы наводило на мысль о стальной броне: «Императрица сидела в высоком мягком кресле. Ее темные волосы были заплетены в толстую блестящую косу, не уложенную вокруг головы, а переброшенную через плечо. Просторное платье из темно-синего бархата оттеняло снежную белизну ее кожи. Хотя Матильда и не была коронована, выглядела она настоящей королевой»²⁵. Одновременно в «Хрониках...» приводятся ценные практические замечания: «В разное время года пользовались разными красками: в апреле и мае, как правило, красили собранным прошлым летом дроком, дававшим синий цвет, а за ним шли разные оттенки красного, коричневого и желтого, краски для которых Годфри Фуллер добывал из лишайника и марены. Годфри хорошо знал свое ремесло. Ткань, которую снимали с сукновальной рамы, имела по всей длине куска ровный, чистый цвет, окраска была прочной, и за материю можно было просить хорошую цену»²⁶.

Нарядные одежды украшены «златотканым» шитьем по горловине, манжетам и низу: «На расшитую шелком, золотой или серебряной нитью тесьму нередко нашивают еще и жемчужины и драгоценные камни»²⁷, либо искусной вышивкой: «По платью вышивали разноцветными шерстяными и шелковыми нитками, выполняя мелкие растительные узоры, выющиеся сеточки и надписи, имена и девизы»²⁸.

²³ Пастуро. 2001. С. 114.

²⁴ Брюнель-Лабришон, Дюамель-Амадо. 2003. С. 190. «Недаром английский король Карл I, лишенный престола и царских регалий, приговоренный парламентом к смертной казни, в своем последнем слове высказал единственную просьбу – быть облаченным на эшафоте в рубашу лазурного шелка. Появившись перед толпой в тунике цвета «голубой крови» на рассвете 30 января 1649 года, Карл, не произнеся ни одного слова, не сделав ни одного жеста, сумел обозначить свои особые права и защитить свою честь, что и было сразу отмечено современниками» (Горбачева. 2000. С. 49).

²⁵ Питерс. Покаяние брата Кадфаэля. С. 86.

²⁶ Питерс. Роза в уплату. С. 87–88.

²⁷ Брюнель-Лабришон, Дюамель-Амадо. 2003. С. 189.

²⁸ Горбачева. 2000. С. 88–89.

Перчатки, которые носили и мужчины, и женщины, стали живописной частью костюма: «...ни одну другую вещь так обильно не украшали, не усыпали вышивками, бусами и, наконец, пуговицами»²⁹. Перчатки из тонкой и мягкой «чудной» кожи с великолепным золотым шитьем можно было купить на ярмарке в Шрусбери³⁰. Упоминаются различные сумки и кошельки, в том числе, «...в виде кисета, известные под названием *сарацинских сумок* или *аумоньер* – *омоньеров*»³¹; застежки-фибулы: «...огромные круглые броши, иногда вставленные в оправу и украшенные сверкающими камнями, стеклянными жемчужинами и кораллами, вылавливаемыми в Средиземном море»³². Непременным дополнением женского наряда был искусно завязанный по фигуре длинный пояс³³. До середины XII в. он играл чисто декоративную роль и делался из витых шелковых, шерстяных или льняных шнуров, а во время действия «Хроник...» пояса изготавливают из кожи и тонких чеканных пластинок с подвесками художественной работы³⁴. Пояс, украшенный так искусно и богато, как ни одна из вещей в женском туалете, позволял отделить порядочную женщину от распутной, вне зависимости от ее состояния или происхождения, а снимался он только в знак траура по мужу³⁵. Поэтому, когда молодая вдова приносит на починку пришедший в негодность когда-то подаренный мужем пояс, в этом действии скрывается неосознаваемое желание начать новый этап в своей жизни: «Джудит положила на длинный стол свой требующий починки пояс – тонкую полоску мягкой, прекрасно выделанной кожи. Он был украшен маленькими бронзовыми розетками, окружавшими дырочки для языка пряжки, и на другом его конце имелась бронзовая накладка. Яркие эмалевые вставки на бронзе выглядели чистыми и новыми, однако швы на коже были потертыми и пряжка отсутствовала»³⁶.

Разнообразны женские украшения. Это кольца, серьги, жемчужные ожерелья, ожерелья из тяжелых, отшлифованных, но не ограненных камней (способ средневековой ювелирной работы)³⁷. Украшались и женские прически: «В XII веке женщины носят длинные волосы, изощряясь

---

²⁹ Там же. С. 94.

³⁰ Питерс. Ярмарка Святого Петра. С. 209.

³¹ Горбачева. 2000. С. 95.

³² Брюнель-Лабришон., Дюамель-Амадо. 2003. С. 189–190.

³³ Пастуро. 2001. С. 119.

³⁴ Брюнель-Лабришон, Дюамель-Амадо. 2003. С. 186.

³⁵ Горбачева. 2000. С. 113.

³⁶ Питерс. Роза в уплату. С. 43.

³⁷ Горбачева. 2000. С. 115–118.

в изобретательности по части их укладки. Волосы можно поддержать с помощью серебряного или золотого обруча, завязать узлом на затылке, укрепив с помощью ленты или тонкого изукрашенного шнура. Можно заплести косы, перевив пряди золотыми нитями...»³⁸. В прическе одна из героинь прячет секретный свиток «длиной в ладонь и толщиной в два пальца»³⁹. Все это сочеталось в праздничных и свадебных нарядах: «Иветту подняли рано, ибо ей предстоял замысловатый туалет. Агнесс и Мадлен выкупали, одели и украсили ее, взбили золотую волну ее волос и заплели дюжину блестящих косичек, затем покрыли их филигранной сетью и поверх прикрепили унизанную драгоценными камнями золотую диадему. С этой короны свисала фата из позолоченных нитей, закрывая сзади шею и плечи невесты и спускаясь на жесткое, шитое золотом платье. <...> когда туалет был завершен, ее оставили посреди комнаты в позе разряженной статуи святой, приготовленной для установки в нишу. Каждая складочка ее платья была доведена до совершенства. Боясь нарушить это великолепие, невесте приказали не двигаться»⁴⁰.

Так же искусно украшалась сбруя и упряжь коней – кожаные уздечки мягкие, украшенные бахромой, золочеными или серебряными пряжками: «Кадфаэль остановился как вкопанный, не в силах оторвать взгляд от чепрака. Тот был из толстой шерстяной ткани, расшитой переплетенными цветами. Бледно-алые розы, очевидно выцветшие, и темно-синие ирисы. В центре цветов и по краю шли золотые нитки. Чепрак был не новый, кое-где шерсть свалаялась, нитки обтрепались, и виднелись тонкие трепещущие ворсинки»⁴¹.

Самыми изысканными драгоценными материалами в то время считались золото, серебро и цветные эмали. Разноцветные эмали ценились наравне с жемчугом и самоцветами: «Ими украшали серьги, головные уборы, кольца, а самые богатые дамы носили эмалевые наборные пояса. Лучшими эмалями считались привозимые из Византии перегородчатые эмали, в которых филигранная работа по золоту сочеталась с мельчайшими вкраплениями стекловидной пасты самых насыщенных и нежных цветов»⁴². Такова крупная фибула – «...брошь старинного фасона, – несомкнутое кольцо с поперечной булавкой-язычком. У кольца были широкие расплюснутые концы с замысловатым орнаментом: фили-

³⁸ Брунелль-Лабришон, Дюамель-Амадо. 2003. С. 192.

³⁹ Питерс. Ярмарка святого Петра. С. 395. Неоднократно упоминается золоченая сеть на волосах, серебряная или алая лента в волосах.

⁴⁰ Питерс. Прокаженный из приюта Святого Жилия. С. 174–175.

⁴¹ Питерс. Выкуп за мертвеца. С. 300.

⁴² Горбачева. 2000. С. 114.

гранный узор золотом по эмалевой поверхности – извивающиеся тела сказочных животных, которые с первого взгляда показались ей переплетенными растениями, но, взглядевшись попристальнее, она поняла, что это скорее всего все же змеи. На ромбовидной головке серебряного язычка-булавки был выгравирован и покрыт эмалью стилизованный цветок; заостренный конец булавки выступал за пределы кольца на длину мизинца Айсуды, а само кольцо было величиной с ее ладонь»⁴³.

Из золота в «Хрониках...» – дорогие или старинные украшения: «...тоненькое золотое колечко, выполненное в виде свернувшейся спиралью змейки, в глаза которой были вставлены красные камушки»⁴⁴, однако встречаются и явно безвкусные. Вещи из серебра, как правило, имеют большую художественную ценность. Видимо, поэтому они становятся дарами церкви. Среди вклада в монастырь упоминаются вещи из серебра, украшенные растительным орнаментом в виде листьев винограда и папоротника, а также виноградных лоз⁴⁵.

На протяжении «Хроник...» мы видим не только, как одеваются, но и как питаются люди Средневековья. Горячее мясо, приправленное пряным соусом, – для состоятельных людей; мастеровые удаиваются хлебом с беконом и сыром. Подробно описывается рацион монахов. Они едят хлеб, сыр, лук, эль или яблоки и сыр⁴⁶, а на сладкое – собранные самими сливы. Они используются как свежими, так и в виде повидла или клейких сладких тянучек⁴⁷. Даются способы приготовления горячительного напитка–посета и целебного питья для больных⁴⁸.

Согласно уставу, монахи трудились по семь часов в день. Автор описывает круг сельскохозяйственных работ: зимой – починка кровли и сбрасывание снега⁴⁹; осенью – сбор плодов с фруктовых деревьев⁵⁰; перекапывание земли, унавоживание почвы, обрезка деревьев⁵¹. В то же время Знатные люди отстаивают справедливость на Божьем суде в виде яростного поединка⁵², пируют: «В тот вечер дамы приглашены не были

⁴³ *Питерс*. Послушник дьявола. С. 361.

⁴⁴ *Питерс*. Сокровенное таинство. С. 298.

⁴⁵ Там же. С. 270–271. Прекрасный дар для украшения алтаря – подсвечники в виде цветущих лилий: «У каждого лепесточка даже прожилки были видны – ну точь-в-точь как у живого растения». *Питерс*. Необычный монах. С. 94.

⁴⁶ *Питерс*. Послушник дьявола. С. 212.

⁴⁷ *Питерс*. Сокровенное таинство. С. 64.

⁴⁸ См. об этом: *Мулен*. 2002. С. 109.

⁴⁹ *Питерс*. Исповедь монаха. С. 14–15.

⁵⁰ *Питерс*. Послушник дьявола. С. 44.

⁵¹ *Питерс*. Тень ворона. С. 63–64.

⁵² *Питерс*. Один лишний труп. С. 450–470.

– гости собрались для обсуждения политических и военных вопросов, однако пиршественный зал ратуши был украшен позаимствованными для этой цели драпировками и ярко освещен светильниками. <...> Со своего места, позади кресла Хериберта, стоявшего на помосте за королевским столом, Кадфаэль оглядел битком набитый зал и прикинул, что гостей набралось человек пятьсот. Он поискал глазами Берингара и нашел его за столом пониже. Хью был в пышном наряде, любезный и оживленный, и прекрасно владел собой... <...> Когда унесли последнюю перемену блюд и в зале заиграли музыканты, а на столах осталось только вино, слуги, в свою очередь, получили возможность полакомиться остатками королевской трапезы, а повара с поварятами разбрелись по укромным уголкам и принялись за угощение»⁵³. Менее знатные принимают участие в ярмарочных состязаниях: «В последний день ярмарки обычно устраивались состязания: силачи боролись, а стрелки соревновались в меткости на прибрежных лугах. Лучникам и арбалетчикам частенько случалось потягаться друг с другом, хотя здесь, в порубежных землях, чаще использовали не английский лук длиной в шесть футов, который натягивают к уху, а короткий валлийский, натягивавшийся к груди. На вымощенном дворе замка устраивали конные состязания. Всадники похвалялись умением на полном скаку поразить копьём укрепленную на шесте мишень»⁵⁴. Дети в своих забавах подражают взрослым: «Жиль был счастливым обладателем хитроумной игрушки – двух вырезанных из дерева ярко раскрашенных рыцарей с укрепленными на шарнирах конечностями. Стоило подергать за нити, как рыцари начинали приплясывать и рубить друг друга мечами с чрезвычайно кровавым видом»⁵⁵. С нескрываемым уважением относится Эллис Питерс к дару певцов, музыкантов и актеров. Хотя к последним было неоднозначное отношение в Средневековье, умудренный опытом Кадфаэль откровенно восхищается ими. Особое внимание уделяется игре на псалтерионе⁵⁶: «...он вынул небольшой псалтерион, напоми-

⁵³ Питерс. Один лишний труп. С. 418–421. См. также описание пира у Овейна Гуиннедского: Питерс. Покаяние брата Кадфаэля. С. 69–92.

⁵⁴ Питерс. Ярмарка Святого Петра. С. 297.

⁵⁵ Питерс. Сокровенное таинство. С. 320–321. См. подобное описание: Виолле-Дюк. 1997. С. 317; Квенеллы. 2002. С. 186.

⁵⁶ «Античный псалтерион (*psalterion*) – струнный инструмент треугольной формы, отдаленно напоминающий наши гусли. В средние века форма инструмента меняется – на миниатюрах представлены и квадратные псалтерионы. Играющий держал его у себя на коленях и перебирал пальцами или плектром двадцать одну струну (диапазон инструмента – три октавы). <...> В средневековой французской литературе псалтерионы начинают упоминаться с начала XII в., <...>, играли на них не только

навший формой и размером крупное свиное рыло. <...> Юноша взял в руки настроенный ключ, лежавший в сундуке вместе с инструментом, и принялся подкручивать колки, подтягивая сделанные из кишок струны. <...> Тутило склонил голову над псалтерионом, затем резко, словно падающий на добычу сокол, склонился еще ниже и стал играть, перебирая струны своими проворными пальцами. Старая дека, казалось, вот-вот развалится на куски под напором звуков, она была настолько переполнена ими, что звукам, чтобы вырваться наружу, мало было вырезанного в виде розы отверстия в ее центре. <...> Искрометный, вихревой танцевальный ритм, страстный, как танец пушинки чертополоха на ветру, сменился медленной, ласковой мелодией, куда более подходящей для такого нежного инструмента, как псалтерион, – нечто чуть печальное, вроде вириле, монотонное и грустное. <...> Леди Доната не знала южно-французского наречия, да и Кадфаэль давным-давно позабыл его, однако они не могли не понять, что это была песня о любви – грустной, неразделенной, безысходной любви в разлуке»⁵⁷.

Эллис Питерс поэтизирует действия людей, в которые они вкладывают свою душу. Это может быть и интимность полуночной молитвы, и домашнее вышивание, и работа в скриптории: «Он работал уверенно, точно и аккуратно – тонкие мазки ложились на лист пергамента, в причудливый орнамент влетали, будто живые, яркие и нежные цветы, а буквы окружала изысканная вязь, нанесенная легкими, словно осенняя паутинка, штрихами»⁵⁸. Работа по изготовлению какой-либо вещи становится творчеством, если мастер вкладывает в свое творение частичку себя. Вот как один из героев делает дароносицу: «Он хранил свою святыню завернутой в кусок золотой парчи, а я задумал изготовить маленький ковчежец, как раз по размеру реликвии. Получилась такая шкатулочка с крышечкой на шарнире. Я ее сделал из грушевого дерева, все подогнал как следует, хорошенько ее отполировал, а на крышке выложил изображение Пресвятой Девы – фигурка из серебра и перламутра, а мантия из лазурита. По-моему неплохо вышло»⁵⁹ (в последней фразе звучит наивное удовлетворение созданным).

Венцом человеческого творения выступают рукописные книги. Подробно описывается шедевр книжного искусства – Псалтырь царя

менестрели, но и женщины – благородные дамы и их свита. К XIV в. псалтерион постепенно сходит со сцены, уступая место клавишину» (*Виоле-ле-Дюк*. 1997. С. 345–346).

⁵⁷ *Питерс*. Святой вор. С. 38–44.

⁵⁸ *Питерс*. Сокровенное таинство. С. 284.

⁵⁹ *Питерс*. Монаший капюшон. С. 196. См. также работу мастера над искусной пряжкой женского пояса: *Питерс*. Роза в уплату. С. 76.

Давида, сделанный ирландским монахом Диармидом из монастыря Святого Галла по велению императора Оттона на случай женитьбы его сына Оттона, принца Римской империи, на принцессе Византии Теофании. Книга заключена в старинную деревянную шкатулку с резьбой и узором на пластине из слоновой кости. Ее переплет, первые и последние листы – из пурпурного пергамента, а остальные страницы – очень тонкой выделки почти белого цвета. На фронтисписе изображен царь Давид на троне. Тонкость, изящество, почти воздушность отличала письмо – ирландский минускул: «С благоговением он стал перелистывать страницу за страницей, углубляясь в белую, как слоновая кость, толщу, где буквы были не золотыми, но насыщенно-голубыми, а цифры и заглавные буквы ярко окрашены и обрамлены узором из самых разных луговых цветов, выющихся роз и травок размером не более ногтя, где птицы пели в ветвях не толще волоска, а робкие животные прятались в цветущих кустах. Крохотные, изящно выписанные дамы читали, сидя на дерне под ветвями роз-энглатерий. Золотистые фонтаны играли в бассейнах из слоновой кости, лебеди плавали в кристально чистых потоках, и крохотные кораблики отправлялись в плавание по океану размером в слезинку»⁶⁰. На последней странице книги был изображен рай: «...все сияло золотом; обитатели небес, рая и земли были выписаны такими же изящными, тонкими линиями, как и обрамлявшие их усики выющихся роз, виноградных лоз и жимолости; а небеса над ними были такими же ярко-синими, как ирисы и барвинки под их ногами. Концы ангельских крыльев таяли и растворялись в ослепительном сиянии, как в завесе, скрывшей от взора непостижимое таинство»⁶¹.

Как пишет В. Н. Топоров, между вещью и человеком, ее сотворившим, складываются особые отношения: созданная искусственно *мыслящей* рукой человека, она зависит от человека, ее «отца-родителя»; «Беззащитная и бессловесная, вещь отдается под покровительство человека и рассчитывает на него. <...> Это ощущение «теплоты» вещи отсылает к теплоте отношения человека к вещи, а эта последняя теплота – как знак окликнутости человека не только Богом сверху, но и вещью снизу. Бог окликает человека как Отец. Вещь окликает его как дитя, нуждающееся в отце»⁶². Таково описание личной печати в романе «Покаяние брата Кадфаэля»: «С чем человек расстается в последнюю очередь, – промолвил в ответ монах, – так это со своей печатью. Ведь

⁶⁰ *Питерс*. Ученик еретика. С. 435–436.

⁶¹ Там же. С. 436.

⁶² *Топоров*. 1995. С. 33.

уступая ее, он как бы уступает свои права, доверяет кому-то свою честь и доброе имя <...>. Резьба была искусной и тонкой – маленькие язычки пламени вокруг саламандры с раскрытой пастью и высунутым языком. Голова саламандры была обращена влево <...>. Казалось, что за странным зеркальным отображением кроется мрачная тайна. Кадфаэлю даже почудилось, будто окружавшие саламандру языки пламени всколыхнулись, ожили и лизнули его пальцы, словно зывая к нему»⁶³.

Эпоха Средневековья предстает в «Хрониках брата Кадфаэля» во всем великолепии ее повседневной жизни. Но самые любимые описания мест, вещей, способа времяпровождения связаны с тем, во что человек вкладывает самого себя, частичку своей души. «Счастье, – подумал брат Кадфаэль, – зависит вовсе не от великих свершений, оно складывается из милых сердцу мелочей, на первый взгляд – пустяков. Это те самые вехи, которыми помечен наш земной путь, и, наверное, о них вспоминает смертный, готовясь смиренно ступить за предел земного бытия»⁶⁴. Именно это привлекает не только историка, но и любого современного мыслящего читателя к романам Эллис Питерс.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Брюнель-Лабришон Ж., Дюамель-Амадо К* Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII веков / Пер. с фр., предисл. Е. Морозовой. М.: Мол. гвардия, 2003. 414 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
2. *Виоле-ле-Дюк Э. Э.* Жизнь и развлечения в средние века / Культура средних веков в памятниках исторической мысли Франции / Пер. с фр. М. Ю. Некрасова; вступ. ст. А. Н. Кирпичникова.; ред. Н. И. Милетенко.; сост. С. Е. Еременко. СПб.: Евразия, 1997. 384 с.
3. *Горбачева Л. М.* Костюм средневекового Запада: От нательной рубахи до королевской мантии. М.: ГИТИС, 2000. 232 с.
4. *Квенеллы М. и Ч. Г. Б.* Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов / Пер. с англ. Т. В. Ковалевой; науч. ред. и вступ. ст. М. Г. Муравьевой. СПб.: Евразия, 2002. 384 с.
5. *Кирюхина Е. М.* Историческая реальность и художественный вымысел в «Хрониках брата Кадфаэля» Эллис Питерс // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского: XIV чтения памяти С. И. Архангельского. 25–26 февраля 2005 г. Часть 1. Н. Новгород: НГПУ, 2005. С. 214–218.
6. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Е. И. Лебедевой, Ю. П. Малинина, В. И. Райцес, П. Ю. Уварова; общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

⁶³ *Питерс.* Покаяние брата Кадфаэля. С. 171–172.

⁶⁴ *Питерс.* Сокровенное таинство. 1996. С. 361.

7. *Мулен Л.* Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X – XV века / Пер. с фр. Т. А. Чесноковой под ред. В. Д. Балакина; науч. ред. и послесл. Т. Д. Сергеевой. М.: Мол. гвардия, 2002. 346 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
8. *Пастуро М.* Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / Пер. с фр. М. О. Гончар; науч. ред., коммент и послесл. Т. Д. Сергеевой; предисл. А. П. Левандовского. М.: Мол. гвардия, 2001. 239 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
9. *Путерс Э.* Введение // *Уайтмен Р.* Мир брата Кадфаэля: Справочник-путеводитель по сериалу / Пер. с англ. В. Волковского. СПб.: Азбука-Терра, 1997. С. 10–12.
10. *Путерс Э.* Выкуп за мертвеца. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 381 с.
11. *Путерс Э.* Исповедь монаха. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 397 с.
12. *Путерс Э.* Монаший капюшон. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 445 с.
13. *Путерс Э.* Необычный монах. СПб.: Азбука-Терра, 1997. 264 с.
14. *Путерс Э.* Один лишний труп. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 475 с.
15. *Путерс Э.* Покаяние брата Кадфаэля. СПб.: Азбука-Терра, 1997. 492 с.
16. *Путерс Э.* Послушник дьявола. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 429 с.
17. *Путерс Э.* Прокаженный из приюта Святого Жилия. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 445 с.
18. *Путерс Э.* Роза в уплату. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 413 с.
19. *Путерс Э.* Роковой обет. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 429 с.
20. *Путерс Э.* Святой вор. СПб.: Азбука-Терра, 1997. 476 с.
21. *Путерс Э.* Сокровенное таинство. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 461 с.
22. *Путерс Э.* Тень ворона. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 429 с.
23. *Путерс Э.* Ученик еретика. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 445 с.
24. *Путерс Э.* Ярмарка Святого Петра. СПб.: Азбука-Терра, 1995. 445 с.
25. *Роговская Н.* Если бы Шерлок Холмс жил в XX веке, его звали бы брат Кадфаэль... // Книжное обозрение. 1995. № 33. 15 августа. 14 с.
26. *Уайтмен Р.* Мир брата Кадфаэля: Справочник-путеводитель по сериалу / Пер. с англ. В. Волковского. СПб.: Азбука-Терра, 1997. 480 с.
27. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.
28. *Cranch Robbie.* Mystery in the Garden: Interview with Ellis Peters // *The Herb Companion.* Ogden Publications. [December/January 1993]. URL: <http://www.herbcompanion.com/UnCategorized/Mystery-in-the-Garden.aspx?page=4>. (время доступа 20.03.2010).
29. *Graber Rebecca.* The Cadfael Books by Ellis Peters // *Bookslut.* [May 2006]. URL: http://www.bookslut.com/fiction/2006_05_008757.php. (время доступа 20.03.2010).

Кирюхина Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории России Нижегородского педагогического университета; elenakiruhina@gmail.com

ИНСТИТУТЫ КУЛЬТУРЫ И МЕСТА ПАМЯТИ

Н. Г. САМАРИНА

ПАМЯТНИКИ НАУКИ И ТЕХНИКИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье характеризуются культурологический и источниковедческий подходы к интерпретации памятников науки и техники в музейной среде. Проблема техники рассматривается в онтологической и аксиологической плоскостях, как фактор трансформации социокультурных ценностей, изменений феномена человека и той роли, которую он играет по отношению к материальному миру. Сложившаяся музейная практика демонстрирует игнорирование источниковедческих знаний и отсутствие навыков научной классификации.

Ключевые слова: *памятник науки и техники, культурный феномен, музейное источниковедение, вещественный источник, критерии классификации.*

Сохранение, интерпретация и презентация памятников науки и техники в современном музее не могут осуществляться вне общего контекста развития социально-гуманитарных наук. Бурное развитие наук о культуре в широком понимании этого явления ставит перед музейными работниками задачи сохранения памятников науки и техники как историко-культурных объектов, их интерпретации и презентации как культурных продуктов и культурных феноменов.

Характерно, что теория и философия культуры изначально не исключали размышлений о статусе техники как фактора социокультурной динамики или существенного составного элемента культуры. Л. Уайт, стоявший у истоков культурологии, под влиянием В. Оствальда развивал энергетическую теорию эволюции культуры. Придерживаясь позиций технологического детерминизма, он полагал, что содержанием динамики культурных изменений является степень энергообеспеченности человечества и предлагал рассматривать культуры как формы организации и системы по преобразованию энергии. Он использовал понятие энтропии как степени организованности процессов. Во всей Вселенной господствуют законы термодинамики, по которым энергия стремится к равномерному рассеянию в пространстве, а структура Вселенной – к упрощению (увеличение энтропии), в пределе к некоему абсолютно равносному состоянию (тепловая смерть Вселенной). Однако в живых

организмах и сообществах людей процесс идет в противоположную сторону, в направлении усложнения структуры и накопления энергии. Л. Уайт настаивал на включенности исторического прогресса в системы глобального космического взаимодействия. Критерием прогресса в эволюции культур он считал возрастание количества энергии, используемой общностью. История представлялась ему беспощадной битвой людей с природой за все больший уровень контроля над энергией. Первый уровень и источник энергии – человеческий организм. Эра человеческой энергии сменилась эрой покорения солнечной энергии в форме возделывания культурных растений и использования домашних животных. Затем наступили эпохи ветра, воды, органического топлива, и, наконец, в XX в. люди осваивают атомную энергетику.

Таким образом, критерий общественного прогресса, согласно Л. Уайту, состоит в: «1) количестве обуздываемой за год энергии на душу населения; 2) эффективности технологических средств контроля и использования энергии; 3) количестве производимых продуктов и услуг, удовлетворяющих человеческие потребности»¹. В соответствии с этим цель потока культурных изменений – аккумулировать и придавать структурную форму энергии, рассеянной в пространстве или существующей в потенции в окружающей природе. Признавая решающую роль энергетического базиса, Л. Уайт практически отождествлял уровень технологического и культурного развития. Более того, он полагал, что каждому способу «обуздания энергии» соответствуют определенные культурные ценности, идеология общества.

Технологический детерминизм проявился и в интерпретации значения частей или слоев культуры. Культурная система состоит из трех уровней: технологического слоя в основании, философского наверху и социологического между ними. Технологический уровень первичен, вся культура основана на нем и зависит от него. Технология, по Л. Уайту, – это совокупность материальных, механических, физических средств и техники их использования. При помощи них человек как животный вид взаимодействует с природой. Технологический слой делится также на орудия и энергию. Он предопределяет содержание социологического или социального уровня, состоящего в межперсональных отношениях. Философский или идеологический слой в культуре включает в себя культурные ценности, искусство и т.п., выражает технологические силы и отражает социальные системы.

---

¹ Уайт. 2004. С. 368.

Как фактор становления и развития буржуазного духа рассматривает технику В. Зомбарт. Под техникой в широком смысле он понимает «все способы действия, которыми человек пользуется для достижения намеченных целей, а в более узком смысле – целесообразное использование вещественных предметов: в этом случае я говорю об инструментальной технике, и о ней одной может идти здесь речь. Если инструментальная техника служит для производства благ, то она является производственной техникой; если же с ее помощью должны быть перемещаемы люди, блага или известия, то она – транспортная техника»². Техника будит предпринимательский дух, проявления волевой энергии в «хозяйствующих субъектах», способствует их развитию, воздействует в различных направлениях на мышление экономического человека, развивает рационализм. В качестве основы техники на место опыта с XVII в. становится естественнонаучное познание. Под рационализмом В. Зомбарт подразумевает знание законов, лежащих в основе технических процессов, точное следование им, осуществление деятельности по научным законам, их исследование и применение. Развитие техники формирует культурные ценности и отношение к материальному миру. «Мы быстро разбогатели, мы привыкли к миру, техника обезопасила нас от ужасов чумы и холеры; что удивительного, если низкие инстинкты человека – удовлетворение беспрепятственным наслаждением, любовь к комфорту и привольному житью – далеко превысили идеальные стремления. Стадо мирно пасется на жирном пастбище»³. Тем самым ставится проблема соотношения человека и техники: техника вытесняет человека из центра производственного процесса, человек исчезает из центра как хозяйственных, так и общих культурных ценностей.

Философы культуры обсуждают также проблемы взаимосвязи науки и техники, смысла и значимости результатов их развития как культурных феноменов, будущего техники в социокультурной среде.

К. Ясперс пытается оценить то принципиально новое, что привнесли современная наука и техника, поскольку это имеет решающее значение для анализа ее духовных и материальных возможностей в современной социокультурной ситуации, и соглашается с В. Зомбартом, что период господства науки и техники как факторов культурной эволюции начался в XVII в. «Современная наука универсальна по своему духу. Нет такой области, которая могла бы на длительное время отгородиться от неё. Все происходящее в мире подвергается наблюдению,

---

² Зомбарт. 2009. С. 373.

³ Там же. С. 383.

рассмотрению, исследованию – явления природы, действия или высказывания людей, их творения и судьбы. Религия, все авторитеты также становятся объектом исследования. И не только реальность, но и все мыслительные возможности становятся объектом изучения. Постановка вопросов и исследование не знают предела»⁴.

Однако не наука, а техника стала едва ли не главной проблемой основополагающих условий человеческой жизни, эволюции свойств человеческой природы. «Техника – это совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой; цель их – придать жизни человека такой облик, который позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды. Как природа меняет свой облик под воздействием техники, какое обратное действие на человека оказывает его техническая деятельность, то есть как характер его труда, организация его труда и его воздействие на среду меняют его самого, – все это составляет основной фактор исторического развития»⁵. К. Ясперс делает акцент на разрушительных последствиях развития техники: существование человека как технического механизма, превращение планеты в единую фабрику, отрыв человека от его почвы, потеря преемственности традиций. Он соглашается с Ф. Дессауэром, что смысл техники состоит в освобождении от власти природы, поэтому принцип техники заключается в целенаправленном манипулировании материалами и силами для реализации назначения человека. Технический человек рассматривает вещи под углом зрения их ценности для реализации человеческих целей и пытается приблизить формы вещей к особенностям этих целей. Различается техника, производящая энергию, и техника, производящая продукты. Безусловно, технические открытия есть результат творческой деятельности и основаны на достижениях науки, они расширяют представления об окружающем мире, однако «в повседневном труде смысл целого исчезает в качестве мотива и перспективы, техника распадается на бесконечно многообразные виды деятельности, теряющие свой смысл для работающего и обедняющие его жизнь... Человек погружается в состояние, при котором сознание отсутствует или теряется»⁶.

«Техника господствует только над механизмом, над безжизненным, универсальным. Во власти техники всегда лишь механически постигаемое. Она преобразует свой предмет в механизм, а тем самым в

---

⁴ Ясперс. 1991. С. 101.

⁵ Там же. С. 115

⁶ Ясперс. 1991. С. 118–119.

аппарат и машину. Перед лицом неожиданно грандиозных успехов этих механических возможностей может показаться, что в техническом отношении все выполнимо. Тогда возникает обманчивая уверенность в том, что все может быть сделано. Подобная абсолютизация техники связана с непониманием действительности, которая во всех случаях требует чего-то большего, чем голая техника, и хотя во всякой деятельности техника служит необходимой предпосылкой, механизм составляет как бы только костяк. Отношение к природе в деле культивирования растений и приручения животных, к человеку – в процессе воспитания и коммуникации, создание произведений духовной культуры, даже само изобретение немислимо на основе одних технических правил. Напрасны старания сделать с помощью техники то, что доступно лишь живому духу. Даже в живописи, поэзии, науке, где знание техники как средства необходимо, все то, что являет собой не более чем продукты технического умения, остается бесплодным»⁷.

Оспаривая данные выше инструментальное и антропологическое определения сущности техники, М. Хайдеггер заявляет: «К тому, что есть техника, относится изготовление и применение орудий, инструментов и машин, относится само изготовленное и применяемое, относятся потребности и цели, которым все это служит. Совокупность подобных орудий есть техника. Она сама есть некое орудие, по-латински – *instrumentum*»⁸. Но если размышлять о существовании техники, она – не простое средство, но вид раскрытия потаенности, область выведения из потаенности, осуществления истины. По М. Хайдеггеру, выведение из потаенности, которым захвачена современная техника, происходит таким образом, что таящаяся в природе энергия извлекается, извлеченное перерабатывается, переработанное накапливается, накопленное опять распределяется, а распределенное снова преобразуется. Тогда извлечение, переработка, накопление, распределение и преобразование – виды выведения из потаенности. Однако выведение не просто идет своим ходом и не растекается в неопределенности. Техническое раскрытие потаенного раскрывает свои собственные сложно переплетенные процессы тем, что управляет ими: управление со своей стороны стремится всесторонне обеспечить само себя. Управление и обеспечение делаются главными чертами производящего раскрытия. «Какого рода открытость присуща тому, что вышло на свет в процессе производящего предоставления? Его во всех случаях заставляют установленным образом быть в

---

⁷ Там же. С. 135.

⁸ Хайдеггер. С. 1.

распоряжении, а именно с установкой на дальнейшее поставляющее производство. Все, что таким образом поставлено, стоит на особом положении. Назовем его состоянием-в-наличии. Этот оборот речи будет означать у нас нечто более весомое и существенное, чем просто «припасенность». Словосочетание «состояние-в-наличии» поднимается здесь до статуса принципиального понятия. Им характеризуется весь тот способ, каким наличествуют вещи, затронутые производяще-добывающим раскрытием. Состоящее-в-наличии уже не противостоит нам как предмет в его объективной реальности»⁹. Обращаясь к проблеме взаимоотношений техники и человека, М. Хайдеггер считает очевидным ответ на вопрос: кто осуществляет все это поставляющее производство, через которое так называемая действительность выходит из потаенности для состояния в наличии? – Человек. Но до какой степени человек своими силами способен на раскрытие потаенного? Он может, конечно, тем или иным способом представлять, описывать и производить те или иные вещи. Но человек не распоряжается непотаенностью, в которой показывает себя или ускользает действительное.

Взгляды М. Хайдеггера на будущее техники не были пессимистическими: он обнаруживает, что существо техники таит в себе возможные ростки спасительного. С одной стороны, «гонка поставляющего производства» подвергает риску самые корни отношения человека к существу истины, с другой стороны, пути осуществления поставляющего производства позволяют человеку, пусть и неосознанно, пребывать в будущем, что обеспечивает преемственность времен, создает условия для хранения существа истины.

Таким образом, теоретиками культуры проблема техники рассматривается в онтологической и аксиологической плоскостях, как фактор трансформации социокультурных ценностей, существенных изменений феномена человека и той роли, которую он играет по отношению к материальному миру. Решение поставленных проблем не позволяет рассматривать развитие науки и техники как абсолютный прогресс в силу его противоречивости.

В хайдеггеровской теории техники, пожалуй, наиболее детально представлена вещественная сторона техники. Он рассматривает вещь не только как сущность (идею), но и как материальную форму. «Столетиями философия учит, что есть четыре причины: 1) *causa materialis*, материал, вещество, из которого изготавливается, например, серебряная чаша;

---

⁹ Там же. С. 6.

2) *causa formalis*, форма, образ, какую принимает этот материал; 3) *causa finalis*, цель, например жертвоприношение, которым определяются форма и материал нужной для него чаши; 4) *causa efficiens*, создающая своим действием результат, готовую реальную чашу, то есть серебряных дел мастер»¹⁰.

Сформулированные М. Хайдеггером положения целиком совпадают с нашими представлениями о свойствах источника: он имеет некую материальную форму (в частности, характеризуемую материалом изготовления), в процессе его создания реализуется единство целевых установок (интенций, мотиваций) индивидуального или коллективного субъекта, источник содержит в отраженном или воплощенном виде некий культурный текст (совокупность социокультурной информации).

Музейное источниковедение рассматривается нами как самостоятельная отрасль источниковедения¹¹. Возникнув как вспомогательная историческая дисциплина, источниковедение к середине XX в. достигло статуса главной вспомогательной дисциплины, а во второй половине XX в. в условиях бурного развития и дифференциации гуманитарных наук приобрело междисциплинарный характер. В качестве объекта изучения музейного источниковедения рассматривается не только музейный предмет, в отличие от источника обладающий свойствами аттрактивности, экспрессивности и коммуникативности, существенно дополняющими ту семантическую нагрузку, которую несет каждый источник. Под музейными источниками мы подразумеваем всю совокупность музейных предметов и научно-вспомогательных материалов, составляющих музейные фонды, поскольку и те и другие в равной мере отражают социокультурную реальность и являются носителями фиксированной информации; и те и другие играют роль посредника между действительностью и познающим ее субъектом.

Предмет музейного источниковедения, как и предмет общего источниковедения, включает две части: теоретическую и практическую. Музейное источниковедение изучает процесс комплектования музейных коллекций и собраний, формирование их состава, научную организацию и классификацию фондов, а также вырабатывает методику научного комплектования, учета, хранения, атрибуции и экспонирования музейных источников.

Не затрагивая проблем источниковедения вербальных (в том числе письменных) источников, сосредоточимся на источниковедческом под-

---

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Самарина. 2010. С. 60–92.

ходе к изучению вещественных и изобразительных источников, которыми в музейных собраниях представлены памятники науки и техники.

Вещественные источники, как правило, относятся к вещевому фонду и не включают естественноисторических предметов, что противоречит последовательному применению типологического принципа и создает иллюзию особого музейного статуса естественнонаучных музеев и коллекций. По определению В. Н. Фомина, «вещевые источники – это материальные трехмерные объекты, изготовленные человеком, имеющие определенную степень утилитарности, которые многообразием своих признаков несут информацию о различных аспектах исторической действительности определенной эпохи»¹².

Из практики организации фондов в ведущих музеях страны вещественные источники классифицируются по видам материала: ткани; кожа; металл черный и цветной; металл драгоценный; керамика и стекло; дерево; кость и рог; перламутр и камень; пластмассы и современные материалы. Второй определяющий признак – функциональное назначение, подразумевающее деление на разновидности. Например, мебель: для отдыха, для хранения, для занятий; оружие: холодное, огнестрельное, защитное вооружение; нумизматика и бонистика; сфрагистика и геральдика. Внутри разновидностей вычленяются группы хранения. Например, мебель для занятий (столы): обеденные, кухонные, для игр, специальные, рабочие. Возможно и более дробное деление на подгруппы: специальные столы подразделяются на чайные, курительные, журнальные, прикроватные, столы-подставки, консоли.

Потенциальные информационные возможности вещественных источников значительно шире вида материала, и только источниковедческий анализ позволяет выявить эту «закодированную информацию». Музейная практика выработала определенные приемы обработки вещественных источников, но перед музеоведами стоит задача обобщения накопленного практикой опыта и разработки соответствующих методик. Выработка таких методик крайне необходима, потому что вещи как источники информации коренным образом отличаются от других источников. В сфере мышления оперировать непосредственно вещами невозможно, так как закодированная в них информация сначала должна быть переведена с «языка вещей» на естественный язык, то есть вещь необходимо описать, пользуясь понятиями и суждениями, выраженными в словах и специальных терминах. Практика изучения вещественных

---

¹² Фомина. 1981. С. 65.

источников в музее и введение их в научный оборот показали, что перевод информации с языка предметов на вербальный общенаучный язык требует специальной профессиональной подготовки, которая может быть дана в рамках освоения курсов источниковедения, истории науки и техники, концепций современного естествознания, истории материальной культуры и вспомогательных исторических дисциплин.

Значительно продвинулось за последние три десятилетия источниковедение изобразительных источников. Современная классификация, подразумевает деление изобразительных источников на изобразительно-графические, изобразительно-художественные и изобразительно-натуральные. Монографического изучения удостоились только кинофотодокументы¹³, но изображение как форма отражения действительности имеет обширную историографию. К сожалению, разработка проблемы происходит разрозненно, параллельными рядами: каждый род изобразительных источников изучается определенным кругом профильных специалистов, интересы которых не пересекаются. Менее всего внимания уделяется изобразительно-графическим источникам (картам, планам, схемам)¹⁴.

Традиционно к изобразительным источникам относят живопись, графику и скульптуру, хотя с точки зрения общего источниковедения отнесение к этому типу скульптуры может показаться сомнительным. Кино-, фото- и картографические материалы образуют самостоятельные фонды, планы и схемы могут храниться в архиве, библиотеке музея, составлять часть фонда письменных источников. В исторических и краеведческих, естественнонаучных, технических, литературных музеях к художественно-изобразительным источникам подходят как к иллюстрации, повышающей эмоциональное воздействие на посетителя, не делается различия между уникальными произведениями искусства, с одной стороны, и копиями, репродукциями, фотографиями, с другой. Тем самым игнорируется содержание такого источника – художественный образ. Современные исследователи справедливо считают, что для изобразительных источников метод классификации является едва ли не самым важным, поскольку именно он позволяет адекватно интерпретировать заключенную в них социокультурную информацию.

В Государственном Политехническом музее была создана группа, решавшая проблемы классифицирования памятников науки и техники (далее – ПНТ), в ходе идентификации, регистрации и ранжирования

¹³ Магидов. 2005.

¹⁴ В основном объектом исследования становятся карты (см.: Фоменко. 2007).

ПНТ, хранящихся в российских музеях различного профиля. Классификация должна была выявить внутренние связи между различными классами и подклассами памятников науки и техники, раскрыть объективные, присущие им свойства и качества и, в результате, служить базой для всех проводимых группой исследований¹⁵.

Принятое группой определение памятника науки и техники согласуется с существующими в музееведении понятиями источника и музейного предмета. «ПНТ – сохранившийся или воссозданный материальный объект прошлого, связанный с основными этапами и достижениями в развитии науки и техники той или иной эпохи, страны или региона, который необходимо в соответствии с его исторической и социальной значимостью сохранить и использовать в общей системе культуры»¹⁶. Несмотря на то, что изучение памятников науки и техники как источников относится ко второй половине XIX – началу XXI вв., а, следовательно, не имеет такой развитой научной основы, как исследования более традиционных для гуманитарных наук вещественных (археологические находки, памятники архитектуры и искусства) и вербальных источников, музееведческие изыскания в технических музеях ведутся значительно более интенсивно и продуктивно, чем в литературных и художественных.

Проблемы классификации памятников науки и техники отражают общее содержание проблем классификации источников. Одним из первых оснований деления, предложенных П. В. Боярским, стал способ кодирования заключенной в ПНТ информации, соответственно вся совокупность была разделена на вещественные, письменные, изобразительные, фонопамятники, памятные места. Не обсуждая правомерности обозначения категорий, обратим внимание на то, с каких позиций критикует классификацию П. В. Боярского В. Р. Михеев. «Надо отметить, что используемые П. В. Боярским принципы деления классов на виды базируются на единой основе, причем признаки не только различаются между классами, но и смешаны внутри каждого класса. Так, при делении вещественных памятников одновременно используются (по терминологии Г. Г. Григоряна и В. А. Цирульникова) предметный, мемориальный, этапный и представительный принципы классификации. Члены деления взаимно не исключают друг друга, и их деление не является

---

¹⁵ Бубнов. 1981. С. 64–70; Боярский. 1981. С. 12–27; Боярский. 1988. С. 46–87; Дьячков. 1988. С. 88–102; Григорян. 1990. С. 6–13; Методические материалы по ранжированию музейных предметов... 1992; Михеев. 2000. С. 20–31.

¹⁶ Бубнов. 1981. С. 67.

непрерывным, то есть в работе происходит нарушение логических правил деления объема понятия (правила основания, адекватности, всеположенности и непрерывности). Поэтому фундаментальная работа Боярского, являясь выдающимся и основополагающим научным исследованием по классификации ПНТ, к сожалению, не может быть использована в практической работе Политехническим музеем и нуждается в значительной модификации»¹⁷. Одним из критериев, который должен обязательно использоваться в организации музейных фондов, является степень соответствия оригиналу. Применительно к ПНТ это означает образование групп натуральных (полностью сохранившиеся; повторы и копии эпохи оригинала; поздние копии и издания) и модельных (полномасштабные макеты; масштабно уменьшенные модели; упрощенные модели, в том числе действующие и демонстрационные) предметов.

К сожалению, сложившаяся музейная практика демонстрирует игнорирование источниковедческих знаний и отсутствие навыков научной классификации, что обусловлено целым рядом причин. Во-первых, музейные собрания складывались, а фонды организовывались исторически, поэтому в крупных музеях сегодня объективно трудно применить новейшие достижения в источниковедении. Во-вторых, источниковедческие критерии классификации, сложившиеся в прошлом веке, зафиксированы в «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР» (1984) и «Единых правилах организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации» (2009). В-третьих, полифункциональность музейных учреждений не позволяет рассматривать проблемы научной организации фондов без учета подчиненности музея, форм собственности на музейные предметы и физических условий их хранения. В-четвертых, в музейной среде, особенно среди профильных специалистов и специалистов-практиков, распространено скептическое или пренебрежительное отношение к источниковедческой методологии и методике как основе научно-фондовой работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Боярский П. В.* Классификация памятников науки и техники // Памятники науки и техники: 1981: Ежегодник / Под ред. Н. К. Гаврюшина. М.: Наука, 1981. С. 12-27.
Боярский П. В. Теоретические основы памятниковедения науки и техники // Памят-

---

¹⁷ *Михеев.* 2000. С. 22.

- никоведение науки и техники: теория, методика, практика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. П. В. Боярский. М.: НИИ культуры, 1988. С. 46-87.
- Бубнов И. Н.* Памятники науки и техники. Некоторые вопросы практики и теории // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. № 1. С. 64-70.
- Григорян Г. Г.* Научно-технические музеи и принципы идентификации памятников науки и техники // Советский научно-технический музей: Проблемы и перспективы: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. П. Мишин. Киев: Наукова думка, 1990. С. 6-13.
- Дьячков А. И.* Памятники науки и техники в системе памятников истории и культуры // Памятниковедение науки и техники: теория, методика, практика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. П. В. Боярский. М.: НИИ культуры, 1988. С. 88-102.
- Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории развития экономического человека. Художественная промышленность и культура. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. 576 с.
- Магидов В. М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.
- Методические материалы по ранжированию музейных предметов как памятников науки и техники / Под ред. Г. Г. Григоряна и В. А. Цирульников. М.: Гос. Политех. Музей, 1992.
- Михеев В. Р.* Подходы к классификации памятников науки и техники // Разработка методов и научного аппарата выявления, ранжирования и музеефикации памятников науки и техники / Сост. Т. Ф. Соколова. М.: Знание, 2000. С. 20-31.
- Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 8 декабря 2009 г. № 842 «Об утверждении Единых правил организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации» [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: http://pravo.roskultura.ru/upload/file/15_12_2009_1.doc (время доступа 15.05.2010).
- Самарина Н. Г.* Проблема классификации источников в научно-фондовой работе // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Тр. ГИМ. Вып. 117. М.: ГИМ, 2008. С. 168-186.
- Самарина Н. Г.* Музейное источниковедение // Основы музееведения / Отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 60-92.
- Уайт Л.* Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.
- Фоменко И. К.* Образ мира на старинных портоланах: Причерноморье: Конец XIII – XVII в. М.: Индрик, 2007. 408 с.
- Фомин В. Н.* Проблемы научной обработки вещевых источников в музее // Актуальные проблемы фондовой работы музеев: Научная обработка музейных предметов / Сб. науч. трудов НИИ культуры. Вып. 99. М.: Полиграфист, 1981. С. 64-89.
- Хайдеггер М.* Вопрос о технике [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <http://www.heidegger.ru> (время доступа 17.10.2010).
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Самарина Наталья Гурьевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Московского гуманитарного педагогического института; samarina_n.g@mail.ru

А. М. САФРОНОВА

КНИГИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТАТИЩЕВА

В статье впервые характеризуются книги по всеобщей истории, изданные на иностранных языках в XVI – начале XVIII в. и имевшиеся в Екатеринбургской библиотеке В. Н. Татищева. В их числе – труды о древнейших народах и государствах, о мировой истории, истории Западной Европы и отдельных стран.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, Екатеринбургская библиотека, литература по всеобщей истории.

В «Предъизвещении...», предворявшем многотомную «Историю Российской», В. Н. Татищев писал: «Что собственно о пользе русской истории принадлежит, то равно, как о всех прочих, разуметь должно, и всякому народу и области знание своей собственной истории и географии весьма нужные, нежели посторонних. Однако ж должно и то за верно почитать, что без знания иностранных своя не будет ясна и достаточна»¹. Не удивительно, что значительное место в книжном собрании Татищева занимали книги по истории древнего мира, Античности, Средневековья и нового времени. В «Истории Российской» на одной странице приводятся мнения десятков авторов, с одними Татищев соглашается, другие критикует, третьи с возмущением опровергает. Можно только удивляться множеству сведений из всеобщей истории, которыми оперирует Татищев, раскрывая историю своей страны.

Каталог библиотеки Татищева, привезенной им в Екатеринбург (в связи с назначением в 1734 г. начальником казенных заводов Урала и Сибири), опубликован В. С. Астраханским². Он дает четкое представление о том, какими книгами по всеобщей истории располагал Татищев. Часть книг выявлена в библиотеках Санкт-Петербургского горного института, Хельсинкского университета, фондах Свердловского областного краеведческого музея и описана в изданных каталогах³. Описание не сохранившихся книг, упоминаемых в каталоге 1737 г., разыскивалось нами в электронных каталогах библиотек Германии, Швеции, Франции, Великобритании, США.

---

¹ Татищев. 1962. С. 81.

² Астраханский. 1981. С. 12–37 (далее: КБТ).

³ См.: Книги В. Н. Татищева... 1992; Каталог книг В. Н. Татищева... 2005 (далее: СОКМ).

Особое место в библиотеке Татищева, привезенной им в Екатеринбург, занимали труды античных авторов, с которыми он активно работал здесь, используя для написания первой части «Истории», ссылаясь порой и во второй. Это сочинения Геродота, Корнелия Непота, Тита Ливия, Валерия Максима, Плутарха, Тацита, Флора. Заметим, Татищев был первым русским ученым, использовавшим для раскрытия древнейшего периода истории славян сведения античных авторов.

«Историю» Геродота Татищев имел в переводе с греческого на немецкий язык, старинное издание 1593 г., которое хранится сейчас в Свердловском областном краеведческом музее⁴. Труды Геродота Татищев посвятил 12-ю главу первой части своей истории: «Сказание Геродота Иелиокарнассского о скифах, сарматах и протчих». Татищев широко цитировал Геродота (прежде всего о народах, населявших территорию юга Руси в древности): если исключить «Предъизвещение», то из 208 страниц первой части «Истории» упоминания о Геродоте, по нашим подсчетам, имеются на 105 страницах! Говоря современным языком, это высочайший индекс цитирования иностранных источников. Безусловно, выписки из труда Геродота и основу главы о нем Татищев закончил в Екатеринбурге: Геродот во второй библиотеке Татищева отсутствовал.

Сочинения Корнелия Непота (I в. до н.э.) Татищев заказывал еще в 1730 г., в каталоге Екатеринбургской библиотеки они числятся под № 316 на латинском языке (1723). Корнелия Непота Татищев упоминает в «Истории» в одном ряду с Геродотом и Плутархом, ссылается на его данные о расстоянии между Понтом и Каспийским морем, не соглашается с его мнением, что Албания располагается на Кавказе, приводит ссылки на него других географов⁵. На латинском языке имелось у Татищева и сочинение Тита Ливия (59 до н.э. –17 н.э.), зарегистрированное под № 162. Татищев, ссылаясь на его «Римскую историю от основания города», привел легенду о названии Рима, сведения о первых правителях, о появлении обычая носить изображение орла перед войском и др.⁶

Сочинения Плутарха (ок. 46–126) – это исправленное и дополненное издание в переводе с греческого на немецкий 1616 г. В примечаниях к «Истории Российской», видимо, на том основании, что Татищев заказывал труды Плутарха в Академию наук с Урала, отмечается, что он мог пользоваться ими в библиотеке Брюса, где имелось издание 1616 г.⁷ Но

---

⁴ *Herodoti*. 1593 (КБТ 187).

⁵ *Татищев*. 1962. С. 165, 257, 268, 282, 322, 323, 332, 410.

⁶ Там же. С. 161, 286, 318, 369, 434.

⁷ *Татищев*. 1962. С. 448.

и в каталоге Екатеринбургской библиотеки под № 157 находим: “Plutarchi Griechische u[nd] römische Historien. 1616”, то есть Татищев располагал собственным экземпляром, и именно с ним работал на Урале. Из «Сравнительных жизнеописаний» выдающихся греков и римлян (50 биографий), Татищев использовал в своей «Истории» сведения из «Мария», «Фемистокла», «Тезея», «Солона», «Жития Камилла», «Жития Агриколы»; привел сведения Плутарха о путешествиях Геродота, о почитании в Риме книг Корнелия Непота, о скифах и других древних народах, об обычаях греков и другие⁸.

Издание сочинений Тацита в переводе на немецкий Татищев приобрел в Стокгольме в 1725 г.⁹ Он активно использовал Тацита, выясняя географию проживания европейских народов в древности, их языки, отмечал, что Тацит дал первое описание эстийцев, которые, по его мнению, являются предками эстонцев¹⁰.

Имелись в библиотеке Татищева записки Цезаря (100–44 до н.э.) о галльской и гражданской войнах в одном переплете с сочинением Валерия Максима (I в.) «О замечательных деяниях и изречениях» (переводы с латинского на немецкий)¹¹. Располагал Татищев «Избранными письмами» Цицерона на латинском языке¹² и его речами, зафиксированными как “Ciceronis orationes, pars 3. Basel, 1562” (№ 534); трудом Флора (II в.) «Извлечение из Римской истории от основания города Рима до императора Октавиана Августа», хранящимся сейчас в СОКМ¹³.

Наличие последних изданий в библиотеке Татищева свидетельствует, что он проявлял не только практический интерес к трудам Античности, как источникам для написания своей «Истории», но интересовался ими и как просвещенный гражданин своего времени. Кстати, имелись у Татищева и издания современных авторов, посвященные древней истории: книга А. М. Рамсея «Странствующий Кир...» – об основателе древнеперсидского царства (перевод с английского на немецкий) и И. Г. Григория (Мелиссантеса) об истории древней Греции и Рима¹⁴.

Из исторических трудов Средневековья следует выделить «Космографию» Себастьяна Мюнстера (1469–1552). Она впервые была издана в Базеле в 1544 г., Татищев приобрел издание 1598 г., хранящееся сей-

⁸ Там же. С. 94, 97, 135, 137, 146, 257, 258 и т.д.

⁹ Сейчас оно хранится в СОКМ: Tacitus. 1657 (КБТ 272).

¹⁰ Татищев. 1962. С. 97, 161, 169, 211, 228 250, 265 и т.д.

¹¹ Caesar. 1565; Valerius Maximus. 1678 (КБТ 170–171).

¹² Cicero. 1671 (КБТ 567).

¹³ Florus. 1679 (КБТ 277).

¹⁴ Ramsay. 1728; Gregorius, 1715, 1717 (КБТ 246, 270, 271).

час в СОКМ¹⁵. В «Космографии» наряду с Германией много внимания уделялось другим странам Европы, их истории, географии, этнографии, описанию городов, областей. Есть и описание Московии, заимствованное в основном из сочинения польского историка Матвея из Мехова. Кроме карт имелись портреты государей, их гербы, множество рисунков. Изложенная доступно и занимательно, «Космография» Мюнстера в течение столетия выдержала 24 издания на немецком и много раз печаталась в переводах на латинском, французском, итальянском, английском, чешском языках. Татищев широко использовал «Космографию» при написании первой части «Истории», она интересовала его и после отъезда с Урала: в каталоге библиотеки Татищева в Болдино числилось даже два экземпляра «Космографии»¹⁶. Татищев о Мюнстере отзывался так: «Он хотя по тогдашнему мрачному еше времени достаточно похвален, однако ж о здешних странах весьма скудное знание или известие имел». И привел пример с «Сармацией», которую Мюнстер объявил обширной областью, включавшей многие народы и государства: поляков, руссов, пруссов, московитов, готов, алан и др.¹⁷.

В библиотеке Татищева имелся главный труд историка-гуманиста Себастьяна Франка (1499–1542) “Chronick: Geschichte und Zeitbuch”, впервые изданный в 1531 г. в Страсбурге. Татищев приобрел дополненное издание 1585 г. В первой части хроники излагалась древняя история до появления христианской церкви, во второй – гражданская история, включая правление Карла V, в третьей – история церкви¹⁸. Знаток западноевропейской средневековой историографии О. Л. Вайнштейн отмечал, что Франк отверг все традиционные авторитеты, включая Библию, с позиций разума подверг разрушительной критике государство с его органами насилия и войны, наемные армии, феодальный строй, церковь, отдав предпочтение Античности перед Средневековьем. Лютер и Меланхтон объявили это произведение внушенным дьяволом, а вследствие доноса Эразма Роттердамского первый тираж был конфискован, Франк был изгнан из Страсбурга. Саксонский герцог запретил издавать и читать эту «зачумленную» книгу в своих владениях, советовал сделать также и другим князьям¹⁹. Мы не встретили в работах Татищева каких-либо упоминаний о книге Франка, но, наверняка, он разделял

---

¹⁵ *Münster*. 1598 (КБТ 147).

¹⁶ См.: *Пекарский*. 1864. С. 61, 63.

¹⁷ *Татищев*. 1962. С. 247.

¹⁸ *Franck*. 1585 (КБТ 163).

¹⁹ *Вайнштейн*. 1964. С. 334–335.

критические взгляды автора на роль католической церкви и папства, ведь и сам подвергал их уничижительной критике, особенно в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах».

Татищев имел в библиотеке «Избранную хронику», которая освещала историю мира до 1539 г., «Историческую хронику» И.Л. Готфрида (Абелина), представлявшую собой описание мира до 1619 г. (на нее Татищев не раз ссылался при характеристике народов Европы в древности); «Общее историческое описание мира Д. Ботеро (в переводе с итальянского на немецкий, 1611); описание всех империй, королевств и республик мира, доведенное до 1695 г.²⁰

Выделим 6 частей «Исторической карты мира» итальянца Антонио Форести (XVII в.)²¹. В первой описывались четыре великих империи мира: Ассирия, Персия, Греция и Рим, другие империи, появившиеся после распада последней; во второй характеризовалась жизнь глав католической церкви от Св. Петра до Климента XI и вся церковная история. 3-я часть посвящалась истории варварских государств Европы и правителей Франции, Италии, Испании, Португалии, Венгрии, Богемии, Польши, Кипра, Иерусалима, «великих князей в Москве»; 4-я – жизни королей Англии, Шотландии и Швеции; 5-я – королям Дании, Норвегии, Гольштейна; 6-я – мусульманским халифам, правителям Оттоманской и китайской империй (КБТ 152).

Ценным многотомным пособием по всеобщей истории являлись “Kurtze Fragen aus der politischen Historia” Иоганна Гюбнера (1668–1731) в 10 томах²². В первом томе излагалась история готтов, Ассирии, Рима, Турции. Во втором – древняя, средневековая и новая история Испании, Португалии, Франции, Англии, Шотландии, Ирландии, Нидерландов; в третьем – Дании, Норвегии, Швеции. Четвертый том посвящался истории Богемии, Моравии, Силезии, Трансильвании, Венгрии, Молдавии и Валахии и России. 5–8-й тома – Германии, 9-й – странам Азии, Африки и Америки. 10-й том представлял собой указатель ко всем предшествующим. Из собрания “Supplementa zu seinen historischen, genealogischen und geographischen Fragen”, дополнявших сведения 10-томного издания, Татищев имел первые два тома²³.

---

²⁰ Ein Außerlebens Chronick... 1539; *Gottfried*. 1710; *Botero*. 1611; *Vermehrte Archontologia Cosmica*...1695 (КБТ 185, 146, 169, 126). К сожалению, не удалось атрибутировать “Universal chronica von Anfang der Welt”, зарегистрированную в каталоге 1737 г. под № 165 “in Folio”.

²¹ *Foresti*. 1718–1723 (КБТ 152).

²² *Hübner*. 1709 (?)–1712 (КБТ 307).

²³ [*Hübner*]. 1712–1716 (КБТ 308).

Самое большое собрание литературы, касавшееся стран Западной Европы, относилось к истории «Священной Римской империи германской нации» и ее правителям. Сочинение Ф. Л. Секендорфа “Christen-Stat” (Лейпциг, 1693), видимо, понравилось Татищеву, и он решил приобрести его новое, дополненное издание 1720 г.²⁴ Имелась у Татищева и книга юриста княжества Лüneбургского К. Л. Бильдербека, в которой раскрывается история империи, начиная с основания, характеризуются ее правители, нравы, религия, университеты. На 40 страницах приводится обширный список литературы по истории права под названием «Юридическая публичная библиотека Германии»²⁵.

В соответствии с утвердившейся теорией о «переносе» империи от римлян к германцам путем возложения императорской короны папой в 800 г. на голову Карла Великого, священник М. Закс в «Новой императорской хронике» привел сведения о всех императорах, начиная с Юлия Цезаря и кончая Рудольфом II, правившим в 1576–1612 гг., а Э. Узе – с Юлия Цезаря до Карла VI, вступившего на престол в 1711 г.²⁶

Особо отметим книгу И. Слейдана, считающегося первым немецким ученым, написавшим монументальную историю Реформации. Он с 1539 г. собирал материалы по теме, работал в Страсбургском архиве и архиве ландграфа Филиппа Гессенского, получал материалы от Лютера, Меланхтона, Кальвина и, основываясь на официальных документах, мемуарах, литературных памятниках, работах других историков, в 1556 г. издал на латинском языке «Комментарии о состоянии религии и государства при императоре Карле I». В этой книге он изобразил историю Германии 1517–1522 г. как ревностный лютеранин, приверженец княжеской Реформации, вызвав ярость врагов протестантства. За полтора столетия книга Слейдана выдержала около 80 изданий и до середины XIX в. считалась самым авторитетным трудом по истории Реформации²⁷. Татищев приобрел книгу Слейдана на немецком в 1719 г. на Аландских островах, а прочел в августе 1735 г. в Екатеринбурге²⁸.

Татищев имел и сборник документов, характеризующих государственное устройство «Священной Римской империи» с 1356 по 1613 г. В него вошли Золотая булла Карла IV, провозгласившая империю политической организацией суверенных князей, документы о порядке дея-

²⁴ *Seckendorf*. 1693; *Seckendorf*. 1720 (КБТ 81, 69).

²⁵ *Bilderbeck*. 1715 (КБТ 28).

²⁶ *Sachs*. 1606–1607; *Uhse*. 1712 (КБТ 164, 255).

²⁷ См. подробнее о книге: *Vainutein*. 1964. С. 350–353.

²⁸ *Sleidan*. [1558] (КБТ 181).

тельности и роспуска рейхстага, уголовное законодательство Великого Карла V и другие²⁹. Это издание числилось в каталоге среди юридических книг, как и другое, под названием «Corpus Juris Militaris...». В последнем широко представлено военное право курфюрстов и князей «Священной Римской империи», в первую очередь курфюршества Бранденбургского, приведены тексты важнейших артикулов, плакатов, эдиктов и предписаний³⁰. К этой группе книг можно отнести и «Введение в немецкое государственное право» И. Цшаквитца, где наряду с законодательством представлено происхождение наиболее известных курфюршеских и княжеских фамилий, рассмотрены спорные генеалогические вопросы, притязания, описаны гербы и прочее³¹.

Следует отметить наличие в библиотеке Татищева большого числа сочинений, посвященных событиям в Европе XVII в. и ее правителям. «Annalium Ferdinandeorum...» Ф. К. Кевенгиллера (1588–1650) – обширный труд в 12 частях, посвященный эрцгерцогу Фердинанду Штирийскому, ставшему императором Священной Римской империи Фердинандом II (1619–1637), жесткая политика которого, направленная на истребление протестантов, привела к Тридцатилетней войне в Европе. Книга содержит богатую информацию о Габсбургах, их подробные биографии, ее страницы украшают около 900 гравюр на меди, в т.ч. портреты исторических лиц³². Историю императорского дома Габсбургов продолжают: Панегирик Фердинанду III (в 1625 г. стал королем Венгрии, в 1627 – Богемии, с 1637 – императором Священной Римской империи); книга о жизни и делах Леопольда I и Иосифа I³³. Назовем также книгу И. Б. Кюхельбекера с известиями об императорском дворе, описанием Вены, резиденции императоров, и ее окрестностей; «Историю современной Европы» Э. В. Гаппеля, освещающую события, начиная с переговоров об окончании Тридцатилетней войны в Мюнстере, кончая правлением императора Леопольда I; книгу маркграфини Бранденбурга Эрдмут Софии о церковных, государственных и светских делах³⁴.

Во время Аландского конгресса Татищев приобрел солидный труд француза С. Гулара на голландском, посвященный истории Франции, начиная с правления Генриха II и кончая Генрихом IV (с 1547 по 1610 г.), в котором подробно раскрывались этапы ожесточенной борьбы

²⁹ Aller deß Heiligen Römischen Reichs... 1621 (КБТ 3).

³⁰ Schulze. 1693 (КБТ 31).

³¹ Zschackwitz. 1710 (КБТ 82).

³² Khevenhüller. 1721–1726 (КБТ 125).

³³ Wassenberg. 1647; [Rink]. 1711 (КБТ 314, 319).

³⁴ Küchelbecker. 1732; Happel. 1692; Erdmuth Sophia. 1696 (КБТ 245, 124, 312).

между католиками и протестантами, вылившиеся в ряд гражданских войн, пиком которых стали события Варфоломеевской ночи 1572 г. Тогда же Татищев заполучил и две книги голландца Метерена (1535–1612) по истории Нидерландов конца XVI – начала XVII в. (книги 20–36, без первых 19)³⁵. Татищев имел книгу, посвященную событиям второй англо-голландской войны 1664–1667 гг.³⁶. Особо выделим «Театр исторический, представляющий претензии и пререкания влиятельных персон и других правящих властей в Европе» Х. Г. Шведера и двухтомный сборник Х. Пеллера, содержащий мирные договоры, трактаты о дружбе, заключенные в Европе в 1647–1685 гг. Тексты этих документов приводятся параллельно на латинском и немецком языках, отдельные документы – на французском и голландском. По-видимому, Татищев приобрел это издание в розницу, поскольку тома имеют разные годы издания³⁷.

Ряд книг касался истории Великобритании. Прежде всего, это сочинение епископа Бурне, в котором освещался важный этап истории страны: восстановление королевской власти, правление Карла II, Якова II, государственный переворот 1688 г., избрание Вильгельма III и Марии II на «вакантный» королевский престол и превращение Англии в конституционную монархию. Это также сочинение Г. Миеге, раскрывающее историю Англии и включенных окончательно в ее государственную систему Шотландии и Ирландии, в том числе происхождение народов, их язык, религию, обычаи, литературу³⁸.

Из богатого собрания книг, касающихся истории Швеции, отметим одно из самых обстоятельных сочинений о Тридцатилетней войне 1618–1648 гг. в Европе немецкого историка и юриста С. Пуфендорфа «Двадцать шесть книг истории шведско-немецких войн»³⁹. Татищев имел и труд Пуфендорфа о деяниях шведского короля Карла X Густава (1654–1660), поставившего задачей своей внешней политики обессиление Польши и упрочение шведского господства на Балтийском море. Эта книга в каталоге Екатеринбургской библиотеки не числилась, но на выявленном в фондах СОКМ экземпляре имеются две монограммы Татищева⁴⁰. Приобрел Татищев и «Известие о старом и новом королевском доме Швеции» в переводе со шведского на немецкий язык⁴¹.

³⁵ *Goulart*. 1633; *Meteren*. 1634 (КБТ 182, 183).

³⁶ *Außführlicher Bericht...* 1669 (КБТ 321).

³⁷ *Schweder*. 1712; [*Peller*]. 1702, 1685 (КБТ 158, 32).

³⁸ *Burnet*. 1724; *Miège*. 1718 (КБТ 197, 207).

³⁹ *Pufendorf*. 1688 (КБТ 118).

⁴⁰ *Pufendorf*. 1697 (КБТ 305).

⁴¹ [*Nachricht...*]. [ca. 1720] (КБТ 173).

Особый интерес Татищев проявил к литературе о Карле XII, правившем в 1697–1718 гг., что не удивительно: против его войск он сражался в Северной войне. В Екатеринбург Татищев привез три книги о Карле XII. В фондах СОКМ сохранилась одна, приобретенная в Ледезунде в 1719 г. (более 470 стр.)⁴². Это сочинение в трех частях, незаконченное (в электронных каталогах Германии числится в четырех частях), датируемых 1702–1709 гг. Только в электронном каталоге библиотек Баварии нашлось описание экземпляра, без года издания (т.е. вышедшего ранее 1709 г.), пагинация которого совпадала с изданием, имевшимся у Татищева. Другая книга была написана Фассманом в виде разговора Карла XII в стране мертвых⁴³, третью атрибутировать не удалось, возможно, в каталоге 1737 г. дата издания (1731) указана ошибочно⁴⁴.

Отметим также два документа, изданных в Стокгольме, и, возможно, приобретенных Татищевым во время поездки в Швецию: это «Военный артикул» Карла XI и закон о форме правления Ульрики-Элеоноры. Карл XI (1660–1697) провел реформу военного дела в Швеции: разделил государство на области, из которых каждая обязывалась содержать известное количество конного войска (*rusthall* – земля, с которой содержался конный солдат). Благодаря этому у Швеции стало 38000 чел. постоянного войска и еще 25 000 в провинциях. Военный артикул 1683 г. подробно регламентировал все основные стороны военной службы и представлял собой документ объемом более 250 стр.⁴⁵. Татищев, имевший за плечами немалый срок военной службы, не мог не заинтересоваться организацией военного дела в стране противника.

Привлек его внимание и законодательный акт, изданный Ульрикой-Элеонорой, которая стала королевой после смерти Карла XII. Если в 1693 г. в Швеции была провозглашена доктрина абсолютизма и риксдаг официально характеризовал Карла XI как «самодержавного, всем приказывающего и всем распоряжающегося короля, ни перед кем на земле не отвечающего за свои действия»⁴⁶, то Ульрика-Элеонора, придя к власти, сразу же подписала закон о новой форме правления, разрабо-

---

⁴² *Faber*. [S. a]. (КБТ 305).

⁴³ [*Fassmann*]. 1723 (КБТ 209).

⁴⁴ Такое издание отсутствует в электронных каталогах Германии, Англии, библиотеки Конгресса США, учтено другое: [*Westphal A.*]. *Leben Caroli des XII. und Grossen, Königs von Schweden*. Greifswald, [ca. 1729]. В библиотеке Татищева имелась большая группа изданий, посвященных Северной войне, уже охарактеризованных нами в одной из статей См.: *Сафронова*. 2003. С. 43–47.

⁴⁵ *Krieges-Artickel*... [ca. 1683] (КБТ 96).

⁴⁶ Цит. по: Всеобщая история. 1958. С. 152.

танной сословиями: решающая власть в стране переходила в руки риксдага. Швеция, формально оставаясь монархией, стала управляться дворянской олигархией. В стране начался период, получивший громкое название «эпохи свободы». Татищев, убежденный сторонник абсолютизма, не мог пройти мимо такого важного в политическом плане документа, изменившего власть в соседней с Россией стране⁴⁷.

Несколько работ имелось у Татищева и по истории Лифляндии. Х. Кельх, священник одной из эстонских церквей, написал историю латышей и эстов, начиная с вопроса об их происхождении, завоевании их земель немецкими орденами, осветил борьбу между Швецией, Польшей, Россией и Данией за эти земли и другие события вплоть до 1690 г.⁴⁸ В более кратком виде, с географическим описанием, хронологией ее правителей историю Лифляндии до начала XVIII в. представил Д. Гартнак⁴⁹. Татищев приобрел книгу о «земельных порядках» Лифляндии с публикацией соответствующих законодательных актов⁵⁰; “*Liefländische oeconomie*” (№ 559), которая так и осталась не идентифицированной. Отметим и сочинение безымянного автора, содержавшее обсуждение прошлой и современной истории, будущих способов правления в герцогствах Курляндии и Земгалии⁵¹; повествование Олеария об основных событиях, происходивших в северных странах, в первую очередь в Голштинии, за 200 лет, с 1448 г. до 1663 г.; того же Олеария родословное древо королей Дании и голштинских герцогов⁵².

Среди исторической литературы в собрании Татищева – труд датского историка XVI в. Н. Петрея о древних кимбрах и готах⁵³; «История полуночных земель» упсальского архиепископа Олауса Магнуса о северных народах, этот труд Татищев активно использовал в своей «Истории»⁵⁴; сочинение К. Шпангенберга, посвященное истории крупнейшего торгового города Греции Коринфа⁵⁵, книги о Георге Кастриоте, национальном герое албанцев, успешно боровшемся в XV в. с Турцией за независимость своей страны⁵⁶; о Каталонии, поднявшей оружие про-

---

⁴⁷ Ulrica Eleonora... 1720 (КБТ 283).

⁴⁸ *Kelch*. 1695 (КБТ 208).

⁴⁹ *Hartnack*. 1700 (КБТ 323).

⁵⁰ *Liefländische Landes-Ordnungen*... 1707 (КБТ 220).

⁵¹ *Eines treuen Patrioten und Landes-Einsassen*... 1719 (КБТ 235).

⁵² *Olearius*. 1674, 1703 (КБТ 200, 201).

⁵³ *Petreyus*. 1699 (КБТ 276).

⁵⁴ *Magnus*. 1567 (КБТ 179).

⁵⁵ *Spangenberg*. 1561 (КБТ 174).

⁵⁶ [*Barletius*]. 1664 (КБТ 301).

тив герцога Анжуйского в конце XVII в. (в КБТ не учтена)⁵⁷. Под № 304 числилось: “Melangtonis Beschreibung der Turken”. По-видимому, это сочинение итальянца Паоло Джовио о происхождении Турецкой империи и ее развитии вплоть до правления Сулеймана II Великолепного, изданное в 1538 г. с предисловием знаменитого немецкого гуманиста, богослова и педагога Филиппа Меланхтона⁵⁸. Татищев имел и “Neu-eröffnetes Amphitheatrum Turcicum” (Эрфурт, 1724), характеризовавший основы государственного правления Османской империи, религию, расширение ее территории в результате завоевательных войн (КБТ 159). Объемная “Die Neu-eröffnete Ottomannische Pforte” (Аугсбург, 1694) представляла собой перевод с английского на французский, а затем на немецкий; переводы с итальянского, голландского языков на немецкий работ, посвященных светской и религиозной истории Турции, ее султанам, основным историческим событиям (КБТ 149).

Значительное место в собрании Татищева занимали книги по истории западных и южных славян. Это “Chronica slavorum” Гельмольда и Арнольда, немецких хронистов XII–XIII в., изданная на латинском языке⁵⁹; труд австрийского историка и богослова А. Кранца «Вандалия», который использовался Татищевым для определения названий славянских племен, имен их богов, названий соседних с ними народов⁶⁰; четырехтомное сочинение словенца В. Вальвазора, полученное из Германии (Татищев называл его «краинской хроникой»⁶¹; “Böhmische Chronik” чешского историка В. Гаека (Нюрнберг, 1697)⁶², в которой описывалось происхождение Богемии, ее короли, знатные роды, старейшие церкви, епископства, монетная система, дворцы, университеты и т.п.

Татищев имел собрание трудов польских хронистов XVI в., что не случайно; он писал в Академию наук в 1736 г.: «Для изъяснения русской истории <...> потребно паче всех польския и древние шведские истории»⁶³. Он приобрел книгу Мартина Кромера на латинском и польском языках, в которой содержалось много сведений о славянах и Руси⁶⁴ (по заданию Татищева этот труд переводил учитель Екатеринбургской латинской школы К. Кондратович). Отметим также сочинения Мартина

---

⁵⁷ Unpartheyische Erzählung von der Catalonier... [1714] (в КБТ не упомянута).

⁵⁸ [Giovio]. [1538] (КБТ 304).

⁵⁹ Helmold, Arnold. 1659 (в КБТ не упомянута).

⁶⁰ Krantz. 1600 (КБТ 168).

⁶¹ Valvasor. 1689 (КБТ 148).

⁶² Hájek. 1697 (КБТ 150).

⁶³ Татищев. 1990. С. 245.

⁶⁴ Kromer. 1568, 1611 (КБТ 177, 176).

Бельского “Kronika Polska” (Kraków, 1597) и М. Стрыйковского “Cronica Polska, Litewska, Zmódzka у wszystkiey Rusi Kijowskiey, Moskiewskiey... Królewiec. 1582” (КБТ 186, 190). В письме И. Д. Шумахеру от 15 августа 1735 г. Татищев отмечал, что Стрыйковский «довольно основательно русскую историю описал и Кромера во многих местах поправляет»⁶⁵. Несмотря на критическое отношение к этим трудам («В польских историях есть главная и всем им обская погрешность, что хронологии и географии в их сказаниях не наблюдали и тем немалое смятение наносят, а от недостатка достаточных публичных библиотек нередко авторов неисправно приводят, для котораго есть небезопасно их приводам верить, но нужно тех самых авторов смотреть...») ⁶⁶ Татищев активно использовал их при написании своей «Истории». Располагал он и книгами немецких авторов с описанием жизни и деяний польских королей, начиная с Леха и кончая Яном III Собеским и Августом II⁶⁷.

Выделяется многотомное продолжающееся издание “Theatrum Europaeum”, освещающее историю европейских стран, главным образом Германии. Первый том, охватывающий период 1617–1628 гг., был написан И. Г. Готфридом, при издании последующих томов ему помогали Шидер, Ореус и др., продолжившие издание вплоть до начала XVIII в. (21 том in folio). Татищев имел 19 частей этого издания, освещавших историю с 1617 до 1712 г., и стоивших баснословно дорого по тем временам – 120 руб. (3-е изд. Франкфурт-на Майне, 1662–1723; КБТ 127–145). Из многотомного издания «Europäische Staats-Cantzley», составленного историографом Антониом Фабром в 45 томах, ряд томов затерялся, в то же время 36-й представлен в двух экземплярах⁶⁸. В этом издании характеризовались деяния князей, пап, сословия «Священной Римской империи», особенности различных церковных конфессий.

В 1718–1739 гг. вышло сатирическое издание немецкого писателя Давида Фассмана «Разговоры в царстве мертвых» (240 «разговоров» в 15 томах), Татищев располагал лишь тремя томами с первыми 48 «разговорами»⁶⁹. На основе электронных каталогов библиотек Германии и Великобритании удалось установить имена «собеседников». Среди них короли Англии, Франции, Швеции, Испании, Польши, императоры «Священной Римской империи», турецкие султаны, царица Египта Кле-

---

⁶⁵ Татищев. 1990. С. 201.

⁶⁶ Татищев. 1962. С. 257.

⁶⁷ Melesander. 1685; Lauterbach. 1727 (КБТ 322, 196).

⁶⁸ Europäische Staats-Cantzley... 1697–1760 (КБТ 280).

⁶⁹ Gespräche... 1718–1739 (КБТ 203).

опатра, принцы, графы, бароны, римские папы и кардиналы, маршалы и адмиралы, Оливер Кромвель, Томас Мор и др.

Татищев имел много исторических книг справочного характера. «Церемониальный театр историко-политический» И. Х. Люнига (1662–1740), объемные два тома на немецком языке «в двойку»⁷⁰, содержали информацию о порядке избрания пап, императоров, проведении официальных приемов, визитов, процедур крестин и погребений, рыцарских турниров и прочих церемоний при европейских дворах. В книге характеризовались императорские, королевские, графские и другие духовные и светские коллегии, порядки чиновничества и т.п. церемонии, характерные для европейских дворов и государственных учреждений. Это издание стоило 9 руб. 50 коп. Несмотря на высокую цену, второй том в собрании Татищева числился в двух экземплярах. Возможно, сначала был приобретен второй том, а потом уже целиком двухтомное собрание.

Подобный же характер имело и другое двухтомное издание Люнига – “Eüropäische Staats-Consilia”, содержащее сведения о «великих господах», знаменитых министрах и других государственных, военных, религиозных деятелях Европы и Священной Римской империи германской нации в частности. Примечательно, что за два тома, согласно каталогу, Татищев уплатил 14 руб. Это было самое дорогое справочное издание в его библиотеке. В СОКМ хранится первый том объемом 1624 страницы, «в двойку»⁷¹. Своеобразным дополнением являлась двухтомная «Немецкая церемониальная политика» Ф. Винтерфельда, приобретенная Татищевым в Стокгольме в 1725 г., где описывался порядок проведения различных церемоний: избрания на престол, отречения, переговоров, аудиенций, визитов, дипломатических миссий и т. п.⁷² Приобрел Татищев и описание жизни и дел всех пап, королей, курфюрстов, зарегистрированное в каталоге под № 111 как “Beschreibung des Lebens u[nd] Thaten aller Papste, Könige, Curfürsten. Osnabruik, 1689”, которое, к сожалению, найти в электронных каталогах не удалось.

“Die durchlauchtige Welt” – четырехтомное «генеалогическое, историческое и политическое описание» большинства здравствующих тогда императоров, королей, курфюрстов, архиепископов, графов Священной Римской империи, знатных правителей в остальных частях мира⁷³. 4-й том – это геральдика и история главных государств Европы.

---

⁷⁰ *Lünig*. 1719–1720 (КБТ 4).

⁷¹ *Lünig*. 1715 (КБТ 5).

⁷² *Winterfeld*. 1700 (КБТ 493).

⁷³ [*Schmidt*]. 1710 (КБТ 562).

При этом 3-й и 4-й тома представляют собой конволюты, в них имеются другие справочники. «Хронология всеобщих государственных архивов», приплетенная к третьему тому, содержала «заклучения мира, нейтралитеты и перемирия... королевские декларации и другие манифесты». В 4-м томе имелось «Достаточное известие о тех знаменитейших и необходимейших исторической хронологии и географии...» (Гамбург, 1705). Свообразными справочными изданиями являлись исторические календари, изданные в Германии в конце XVII века. Четыре календаря, переплетенные в виде одного сборника, хранятся сейчас в Свердловском краеведческом музее. В первом представлена история королей Швеции с 1611 г., к нему примыкает «Саксонский исторический календарь» В. Э. Тенцеля, посвященный кур- и фюрстам Албертинской родословной линии с 1601 до 1697 г. Далее следовали: «Генеалогический и исторический государственный архив светлейшего Саксонского дома курфюрстов» и исторический календарь о курфюрстах Бранденбурга с 1598 до 1697 г. И. П. Людевига⁷⁴. Татищев имел два календаря, составленных немецким филологом и историком, историографом Саксонского дома Х. Юнкером. В первом содержалась подробная информация о курфюрстах и князьях Саксонии с 1400 до 1600 г. «по дням и месяцам», во втором – о правителях России, с 840 года до 1697⁷⁵.

Отметим «Аркадию графини Пемброк о господах графах и рыцарях», переведенную с английского на французский, с последнего – на немецкий язык; краткое описание «персон всяких сословий, чинов и промыслов» некоего Абрахама из Святой Клары; книгу Я. Занаха с описанием «всех правителей, монархов, королей», предназначенную для чтения на досуге (все три части труда имеют общий титул: *L'hore de Recreation*)⁷⁶. Интерес Татищева к представителям власти ведущих европейских стран своего времени отражает и наличие у него 167 номеров “*Die europäische Fama*” (из 360, вышедших с 1702 по 1735 гг.) – издания, характеризовавшего именитые европейские дворы (КБТ 293 и 306).

Завершая обзор исторической литературы в библиотеке Татищева, упомянем об учебных пособиях Х. Целлария (1638–1707), изданных в Йене в 1719–1720 гг. и широко распространенных во всех странах Европы: “*Historia Universalis*”, “*Historia antiqua*”, “*Historia nova, hoc est XVI et XVII sæculorum, cum initio seculi XVIII*” (КБТ 316, 317, 318).

---

⁷⁴ Curieuser Geschichts-Calender ... 1698; *Tentzel*. 1697; *Genealogisches und Historisches Staats-Archiv*... 1697; *Ludewig*. 1697 (КБТ 288–291).

⁷⁵ *Juncker*. 1697 (КБТ 282, 281).

⁷⁶ *Sidney*. 1642; *Abraham*. 1699; *Zanach*. 1618 (КБТ 570, 530, 87).

Таким образом, даже беглый обзор книг, имевшихся в библиотеке Татищева в Екатеринбурге, свидетельствует о его пристальном интересе к мировой истории. Он располагал основательными трудами по всеобщей истории в целом, по истории конкретных стран, начиная с древнейших государств, кончая современными. Особенно широко в библиотеке Татищева представлена литература по истории стран Западной Европы, в первую очередь Германии. В ней можно было почерпнуть информацию о древнейших народах, населявших те или иные страны, внутренней и внешней политике, их правителях, национальных героях. Имелись специальные издания, содержащие законодательные акты, мирные договоры, сведения справочного характера. Эти книги позволяли Татищеву, где бы он ни находился, даже в глубокой российской провинции, вести успешный диалог во времени и пространстве и, несомненно, помогли ему стать первым российским историком.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Астраханский В. С.* Каталог Екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 12–37.
- Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. 483 с.
- Всеобщая история: В 10 т. М.: Гос. изд-во «Искусство», 1958. Т. 5. 972 с.
- Каталог книг В. Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея / Сост. А. М. Сафронова, В. Н. Оносова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. 358 с.
- Книги В. Н. Татищева в Главной библиотеке Ленинградского Горного института: Каталог / Сост. В. Г. Бауман, Д. К. Салахутдинова. СПб., 1992. (Зап. ЛГИ. Т. 124). 159 с.
- Пекарский П.* Новые известия о В. Н. Татищеве // Записки имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. IV. Прилож. № 4. С. 56–63.
- Сафронова А. М.* Книги по истории России в библиотеке В. Н. Татищева в Екатеринбурге в 1730-е гг. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 38–65.
- Татищев В. Н.* Записки. Письма, 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990. 440 с.
- Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. М.; Л.: Наука, 1962. Т. 1. 500 с.
- Abraham* [a Santa Clara]. Etwas für Alle, das ist Kurtze Beschreibung allerley Stands-Ambst- und Gewerbs-Personnen, ... Würtzburg: Herten, 1699. [16], 717, [19] s.
- Aller deß Heiligen Römischen Reichs gehaltener Reichstäg Ordnung... Meyntz: Albin (Erben), 1621. [72], 804, 40, [3] s.
- Außführlicher Bericht Alles dessen/ was sich in deme/ zwischen denen Königen in Franckreich und Engelland/ dem Herrn Bischoff zu Münster... Franckfurt: Serlin, 1669. [4] Bl., 729, 168 s.

- [*Barletius M.*]. Des streitbaren Castrioti ruhmwürdigste Geschichte... Dresden: Loffler, 1664. [30], 647, [14] s.
- Bilderbeck C. L.* Teutscher Reichs-Staat... Leipzig: Fritsch, 1715. [8], 948, [56] s.
- Botero G.* Allgemeine Historische Weltbeschreibung... München: Hierat, 1611. [19], 471 s.
- Vermehrte Archontologia Cosmica... Franckfurt-am-Mayn: Merian (Erben), 1695. [46], 948, [26] s.
- Burnet G.* Bischof Burnets Geschichte, die er selbst erlebt hat... Hamburg ; Leipzig: Hertel, 1724. [10] Bl., 936 s., [8] Bl.
- Caesar G. I.* ... Warhafftige Beschreibungen aller namhaftten fürtrefflichen Kriege... Franckfurt am Mayn: Feyerabend; Hüter, 1565. [6] Bl., 482 [i.e. 480] s., [1] Bl.
- Cicero M. T.* Epistolae Selectae curae Reyheri... Gothenburg, 1671.
- Curieuseur Geschichts-Calender, Darinnen Die vornehmsten Thaten und Geschichte Der Großmächtigsten Könige in Schweden Die von Anno 1611. biß auff gegenwärtige Zeit gelebet haben ... Leipzig: Gleditsch , 1698. [2], 88 s.
- Ein Außerleßne Chronick von anfang der welt bis auff das jar nach Christi unsers eynigen Heylands gepurt 1539... Straßburg: Myller, 1539. [36], dcclxxviii, [32] s.
- Eines treuen Patrioten und Landes-Einsassen, wohlmeinende und uninteressirte Consideration: Wegen der künftigen Regierungs-Art, In denen Hertzogthümern Curland und Semgallen ... Mietau, 1719. [16] Bl.
- Erdmuth Sophia.* Sonderbare Kirchen-, Staat- und Welt-Sachen... Nürnberg: Endter, 1696. [8] Bl., 700 s.
- Europäische Staats-Cantzley... Th. 1–115. Frankfurt, M.; Leipzig ; Nürnberg, 1697–1760. Th. 1–10, 12, 16–20, 33, 34, 36, 37–41, 44, 45.
- Faber S.* Der ausführlichen Lebens-Beschreibung Carls des XII., Königs in Schweden... Frankfurt u. a.: Riegel, [S. a.]. 471 s.
- [*Fassmann D.*] Die gantz unvermuthete doch plötzliche Ankunft Caroli XII. letztern Königs von Schweden, in dem Reiche derer Todten... Frankfurt, 1723. 352 S.
- Florus L. A.* ... Außzug Römischer Geschichte... Gotha: Reyher, 1679. [14], 380, [144] s.
- Foresti A.* Der Historischen Welt-Carten... Th. 1–6. Augspurg: Schlüter; Happach, 1718–1723.
- Franck S.* Chronick... [Bd. 1–3]. [S. l.], 1585.
- Genealogisches und Historisches Staats-Archiv Des Durchlauchtigsten Chur-Hauses Sachsen... Leipzig: Groschuff, 1697. 83, [6] s.
- Gespräche in dem Reiche derer Todten / [Hrsg. David Fassmann]. Bd. 1–15. Leipzig: Cörner; Deer, 1718–1739.
- [*Giovio P.*] Ursprung des Turkischen Reichs bis auff den itzigen Solyman... [Wittenberg], [1538].
- Gottfried J. L.* ... Historische Chronica... [Franckfurt am Main]: Merian, 1710. [38] Bl., 1185 s.
- Goulart S.* Historie Vande Inlandse Oorloghen Ende Trovblen in Vranckryck ... Amsterdam: Jansson, 1633. [= 454] s.
- Gregorius J. G.* Neu eröffnete Schatz-Kammer Griechischer Antiquitäten. Franckfurt und Leipzig: Niedten, 1717. [8], 304, [16], 448, [14] s.

- Gregorius J. G.* Neu-eröffnete Schatz-Kammer Römischer Antiquitäten. Franckfurt; Leipzig: : Niedten, 1715. [8], 390, [32] s.
- Hájek V.* ... Böhmishe Chronik... Nürnberg: Endter, 1697. [16] Bl., 882 s.
- Happel E. W.* ... Historia Moderna Europae... Ulm: Wagner, 1692. [15] Bl., 968 s., [17] Bl., [23] Bl.
- Hartnack D.* Kurtzer Entwurff Liefpländischer Geschichte... Hamburg: Neumann, 1700. [23] Bl., 252 S.
- Helmold, Arnold von Lübeck.* Chronica Slavorum... Lubecae: Wessel, 1659. [20], 568, [64] s.
- Herodoti.* ... Historia... Franckfurt am Mayn: Bassaeum, 1593. [46], 449 s.
- Hübner J.* ... Kurtze Fragen aus der politischen Historia... [Th. 1–10]. [Leipzig: Gleditsch, 1709 (?)–1712.
- [*Hübner J.*] Supplementa zu seinen historischen, genealogischen und geographischen Fragen. [Th. 1–2]. [Leipzig: Gleditsch und Sohn, 1712–1716.
- Juncker C.* Chur- und Fürstlicher Sächsischer Geschichts-Calendar vom Jahr Christi 1400 bis 1600 in richtiger Zeit-Rechnung nach den Tagen und Monaten... Franckfurth und Leipzig: Pfothenhauer, 1697. [30], 128 s.
- Juncker C.* Curieuse Geschichts-Calendar... Leipzig: Gleditsch, 1697. 88 s.
- Kelch C.* Liefpländische Historia... Revall: Mehner; Rudolphstadt: Urban, 1695. [6] Bl., 639 s.
- Khevenhüller F. C.* ... Annalium Ferdinandeorum Oder Wahrafftte Beschreibung Käysers Ferdinand. Th. 1–12. Leipzig: Wiedmann, 1721–1726.
- Krantz A.* ... Wandalia. Lübeck: Albrecht, 1600. [10], 520, [21] s.
- Krieges-Artickel... Stockholm: Käyser, [ca. 1683]. [1] Bl., 211 s., [23] Bl.
- Kromer M.*... De Origine Et Rebus Gestis Polonorum Libri XXX. Basileae: Ex Officina Oporiniana, 1568. [12], 468, [63] p.
- Kromer M.*... Koronnych Polskich: Ksiąg XXX. W Krakowie: Lobá, 1611. [10], 599, [19] c.
- Küchelbecker J. B.* ... Allerneueste Nachricht vom Römisch-Kayserl. Hofe... Hanover: Förster, 1732. [7] Bl., 926 S. [19] Bl.
- Lauterbach S. F.* Polnische Chronicke... Franckfurt und Leipzig: Knoch, 1727. [20], 796, [24] s.
- Liefpländische Landes-Ordnungen nebst dazu gehörigen Placaten und Stadgen. Riga: Möller, 1707. [2], 779, [38] s.
- Ludewig J. P.* Curieuser Geschichts-Calender, darinnen Die vornehmsten Thaten und Geschichte Derer Chur-Fürsten Zu Brandenburg... Leipzig: Gleditsch, 1697. 167 s.
- Lünig J. C.* Europäische Staats-Consilia ... [Th. 1]. Leipzig: Lanskisch, 1715. [22], 1602 s.
- Lünig J. C.* Theatrum Ceremoniale Historico-Politicum, Oder Historisch- und Politischer Schau-Platz Aller Ceremonien... Th. 1–2. Leipzig: Weidmann, 1719–1720.
- Magnus O.*... Historien der Mitternachtigen Länder... Bazel. [In der Officin Henricpetrina], 1567. [32], dcxxij, [29] S.
- Melesander J.* Schau-Platz Polnischer Tapfferkeit... Nürnberg: Hoffmann, 1685. 8 Bl., 608 s.
- Meteren E.* Niderländischer Historien Ander Theil Darin außführlich verfasst was sich von anfang des Jahrs 1599. biß auff daß Jahr 1614. in Niderland und anderstwo zuge-tragen.... Arnhem: Janssen, 1634. [= 806] s.

- Miège G.* ... Geist- und weltlicher Staat von Groß-Britanien und Irrland... Leipzig: Weidmann, 1718. 1240, 448 S.
- Münster S.* Cosmographeye... Basel: Henricpetri, 1598. [28], MCCCCLXI s.
[Nachricht von dem alten und neuen Königl. Hause in dem Reiche Schweden]. [S. 1.], [ca. 1720]. 36 S.
- Olearius A.* Kurtzer Begriff Einer Holsteinischen Chronic... [S. 1.], 1674. [2] Bl., 148 s., [4] Bl.
- Olearius A.* Stamm-Baum der Könige in Dännemarck und Hertzogen von Schleßwig-Hollstein. Franckfurt: Oehrling, 1703. 71 s.
- [*Peller C.*] Theatrum Pacis, Hoc Est Tractatum Atque Instrumentorum Praecipuorum... Collectio = Friedens-Schauplatz, Das ist alle die fürnemste Friedens-Instrumenta Und Tractaten... Nürnberg: Endter, [Bd. 1]. 1702; [Bd. 2]. 1685.
- Petrejus N.* Die von Japhet herstammende Cimbrer... Leipzig: Liebe, 1699. [12], 120 s.
- Plutarchus.* Des fürtrefflichst Grichisch Historischreiber/ von den herrlichsten/ löblichsten/ namhafftigen Historien... Franckfurt am Mayn: Bringer, 1616 [erschiene] 1617. 972 s., [13] Bl.
- Pufendorf S. F.* ...Sieben Bücher Von denen Thaten Carl Gustavs Königs in Schweden... Nürnberg: Riegel, 1697. [= 825] s.
- Pufendorf S. F.* ...Sechs und Zwanzig Bücher Der Schwedisch- und Deutschen Kriegs-Geschichte... Franckfurt am Mayn; Leipzig: Gleditsch, 1688. [16], 646, [2], 758, [36] s.
- Ramsay A. M.* ...Reisender Cyrus/ welcher die höchste Weißheit seiner Zeiten sowol in Staats-Sachen/ als Philosophischen und übernatürlichen Dingen/ erforschet. Hamburg: Wiering (Erben), 1728. [24], 416 s.
- [*Rink E. G.*]. Leopoldi des Großen und Josephi des Glücklichen... Leben un Thaten... Franckfurt und Leipzig: Buggel, 1711. 698 s.
- Sachs M.* Neue KeyserChronika... [Th. 1–4]. Magdeburgk: Kirchner, 1606–1607.
- [*Schmidt S H.*]. Die Durchläuchtige Welt. Th.1–4. Hamburg: Schiller, 1710.
- Schulze J. F.* Corpus Juris Militaris, Das ist: Ein vollkommenes Krieges-Recht, Und Artickels-Brieffe Verschiedener Hohen Potentaten... Berlin: Völcker, 1693. [= 1344] s.
- Schweder C. H.* Theatrum Historicum Praetensionum Et Controversiarum Illustrium In Europa, Oder Historischer Schauplatz... Leipzig: Gleditsch; Weidmann, 1712. [= 933] s.
- Seckendorf V. L.* ... Christen-Stat: In Drey Bücher abgetheilet. Leipzig: Gleditsch, 1693. [38], 719, 424, [46] s.
- Seckendorf V. L.* ... Teutscher Fürsten-Staat... Jena: Meyer (Erben), 1720. [14], 862, 272, [29] s.
- Sidney P.* Arcadia Der Gräffin von Pembrock/ Vom Herrn Graffen und Rittern ... Leyden: Heger, 1642. [= 1390] s.
- Sleidan J.* Warhaftige Beschreibung aller Händel so sich in Glaubens sachen und Weltlichem Regiment under dem Großmächtigsten Keyser Carl dem Fünfften... [Franckfurt am Main]: Zephelius, [1558]. [16] S., CCCLXXXVI Bl., [10] s.
- Spangenberg C.* Chronicon Corinthiacum. Eisleben: Gaubisch, 1561. [2] s. 80 Bl.
- Tacitus C.* ... Beschreibung... Frankfurt: Müller, 1657. [34], 1266, [26] s.
- Tentzel W. E.* Chur- und Fürstlicher Sächsischer Geschichts-Calender... Leipzig, 1697. [10], 112 s.

- Uhse E.* Der Römisch-Orientalisch-Teutschen Käyser merckwürdiges Leben und Thaten... Leipzig: Groschuff, 1712. [14], 1388, [30], 68 s.
- Ulrica Eleonora, der Schweden ... Königin, allergnädigst-confirmirte Regierungs-Form...* [s. 1.], 1720.
- Unpartheyische Erzehlung von der Catalonier ergriffenen Waffen wider den Herzog von Anjou...* [S. 1.], [1714] 32 s.
- Valerius Maximus* Von Denckwürdigen Reden und Thaten Der Römer und Frembden... Hamburg: Wolff; Franckfurt: Görlin, 1678. [8] Bl., 24, 600 s., [3] Bl.
- Valvasor I. W.* Die Ehre Deß Hertzogthums Crain... Bd. 1–4. Laybach; Nürnberg: Moritz, 1689.
- Wassenberg E.* Panegyricus Sacratiss. Imperatori Ferdinando III... Coloniae Agrippinae [Köln]; Kalcovius, 1647. [3] Bl., 182 s.
- Winterfeld F. W.* Teutsche und Ceremonial– Politica... [Th. 1–2]. Franckfurt und Leipzig: Neuenhahn, 1700. [12], 256 s.
- Zanach J.* Anhang des Ersten Theils Historischer Erquickstunden... Leipzig: Rehefeld; Grosen, 1618. [16] Bl, 908 s., [1] Bl.
- Zschackwitz J. E.* Einleitung zu dem Teutschen Jure Publico, oder Staats-Rechte... Leipzig: Braun, 1710.

Сафронова Алевтина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного университета им. А. М. Горького; *Alevtina.Safronova@gmail.com*

В. Г. АНАНЬЕВ

К СЕМИОТИКЕ СОЗДАНИЯ ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА

В статье впервые предпринимается попытка проанализировать в рамках семиотического подхода основные вехи строительства и освящения Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. На смену универсальным христианским идеям Александра I, стремившегося очистить религиозный дискурс от национальной составляющей и представлявшего начало строительства храма как возобновление дела, начатого его царственными предшественниками, пришел более «исторический» религиозный дискурс николаевской эпохи и активное использование в программе храма образа Александра Невского. Церемония освящения собора должна была еще больше подчеркнуть эту связь с историческим прошлым России посредством включения в нее торжественного шествия к памятнику Петру Первому. Каждое из царствований, таким образом, включало храм в собственный сценарий власти и придавало ему новое значение.

Ключевые слова: *Исаакиевский собор, семиотический подход, сценарии власти, связь с прошлым*

Выяснение того, каким было значение того или иного объекта культуры для его создателей и, шире, современников, столь же важно, как и изучение истории его создания или отдельных его элементов. В этой связи небесполезными могут оказаться некоторые семиотические наблюдения, касающиеся истории создания Исаакиевского собора.

Как известно, ныне существующий собор св. Исаакия Далматского – четвертый по счету храм, освященный в честь этого святого в Санкт-Петербурге. Он строился в 1818–1858 гг. на месте предшествующего Исаакиевского собора и включает в себя часть каменной кладки старого здания. Для того чтобы лучше понять обстоятельства, в которых было принято решение о строительстве этого здания, следует сказать несколько слов о религиозной политике, проводимой властями в то время.

Религиозная политика Александра I во второй период его царствования значительно отличалась от политики его предшественников и преемников. Император тяготел к универсальной, общехристианской идее. Русская православная церковь во многом воспринималась им как препятствие для реализации этой идеи и установления общехристианского братства¹. Он приглашал в Россию квакеров, чьи общины так по-

---

¹ Уортман. 2004. С. 311–312, 497.

нравились ему во время путешествия по Англии, молился вместе с ними и прислушивался к их советам. Начались работы по переводу на русский язык Библии. Все эти обстоятельства нашли свое выражение в самом амбициозном проекте храмового зодчества, начатом в годы его царствования, строительстве храма Христа Спасителя в Москве.

Храм Христа Спасителя имел для Александра личное значение, – еще на Рождество 1812 г. он обещал построить его как напоминание об одержанной с помощью Бога победе над Наполеоном и как памятник всем тем, кто отдал свои жизни за эту победу. Проект собора, разработанный молодым А. Витбергом, близким по своим духовным воззрениям императору и «деятельному агенту» его «замыслов о духовном возрождении» князю А. Н. Голицыну, точно переносил в план выражения сущность утопических и универсалистских воззрений Александра: это должно было быть здание 170 м в высоту, – его колоссальные размеры должны были соответствовать величию России. Увенчанное пятью пирамидами, оно должно было возвышаться на Воробьевых горах и состоять из трех уровней: нижнего – в виде квадрата, среднего – в виде круга, и верхнего – увенчанного крестом купола. Каждый из уровней имел собственное символическое значение. В соборе предполагалось поместить имена всех павших на войне 1812 года, главные манифесты, а также статуи, отлитые из захваченных пушек². Победа над Наполеоном явно осмыслялась в семантике храма как трансцендентальное действие, изъятое из истории славных побед русского оружия и помещенное в универсальный, почти апокалипсический контекст: Александр выступал здесь не как наследник побед Петра, но скорее как орудие Провидения, смиренное перед волей Божьей, – политика, настойчиво проводимая им применительно к событиям 1812 г.³ Неудивительно, что на этом фоне и в таких условиях, реализация планов перестройки Исаакиевского собора, обсуждавшихся в Санкт-Петербурге еще с 1809 г.⁴, не могла претендовать на сколько-нибудь важную роль в репрезентации власти Александра Благословенного: слишком тесно собор был связан с конкретными событиями и лицами русской истории, слишком мало сам император был заинтересован в параллелях с Петром Великим.

Возможно, именно этот мотив был скрыт за подчеркнутым уважением к традиции сохранять при обновлении храмов стены уже освя-

---

² Там же. С. 313–315.

³ На официальной медали, в память о событиях 1812 г., были выбиты знаковые слова: «Не нам, не нам, но имени Твоему». – Там же. С. 294–298.

⁴ Бутиков. 1998. С. 6.

ценного прежде алтаря, и вместо строительства нового здания обсуждалась перестройка старого, что заметно уменьшало значение собора. В 1809 г. был объявлен конкурс на перестройку Исаакиевского собора, но среди предложенных проектов не нашлось ни одного, который был бы признан достойным высочайшего утверждения. В 1813 г. объявили второй конкурс, который также ни к каким результатам не привел. Наконец, в 1816 г. Александр приказал А. Бетанкуру, председателю Комитета по делам строений и гидравлических работ, уже без проведения конкурса подыскать архитектора для перестройки храма⁵. С этого и началась история строительства четвертого Исаакиевского собора. Показательно, с одной стороны, что настоятельное требование императора разработать новый проект здания приходится на 1816 г., – тогда под властью кн. А. Н. Голицына объединены были Священный Синод, Министерство народного просвещения и Департамент иностранных вероисповеданий, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». С другой стороны, тогда же заканчивались и последние подготовительные работы к строительству Храма Христа Спасителя, – в октябре 1817 г. был заложен краеугольный камень в основании будущего здания. «Возобновление» Исаакиевского собора вполне соответствовало тогдашней правительственной политике.

Следует подчеркнуть, что в официальной риторике Александровского царствования предприятие, начатое на Исаакиевской площади архитектором О. Монферраном, трактовалось именно как «возобновление», «перестройка», а не строительство храма. Эта идея выражалась и эксплицитно (например, в формулярном списке о службе Монферрана говорилось, что «по высочайшему указу поручена ему перестройка Исаакиевского собора»), и имплицитно: хотя строительные работы и начались в 1818 г., торжественная церемония по этому поводу состоялась лишь год спустя, 26 июля 1819 г. Тогда в основание будущего собора была заложена бронзовая золоченая доска с надписью о том, что это «первый камень обновления... при обновлении храма, начатого ...Екатериною Второю во имя Святого Исаакия Далматского в 1768 году»⁶. Александр лишь продолжал благочестивое дело, начатое его «Августейшей бабкой», чьим законам и «мудрым намерениям» он обещал следовать, вступая на престол, но не возводил ни собственный храм византийскому монаху, ни памятник Петру Великому. Показательно, что с закладной таблицы исчезло упоминание о его отце, Павле, на время

---

⁵ Там же. С. 6–7.

⁶ Там же.

правления которого приходились почти пять лет строительства «перестраиваемого» собора, при котором он и приобрел свой окончательный облик. Эта часть истории здания как бы стиралась из памяти. «Акт закладки собора» не «заменили актом обновления» по забывчивости императора и трусости боявшихся напомнить ему придворных, как предполагали советские авторы⁷; в сценарии власти Александра это был именно акт возобновления, продолжения дела, начатого бабкой, и как таковой он не мог претендовать на место главного символа царствования.

«Возобновление» собора заняло сорок лет, большая часть которых (почти четверть века), пришлось на время царствования Николая I. Новая культурная ситуация во многом противоречила парадигмам прежнего царствования. С распространением теории официальной народности, церковь «начинает выступать как хранитель национального прошлого, защищая самодержавие от идущих с Запада вредных учений»⁸. Внешним проявлением этой концепции становится национальный стиль в архитектуре, в первую очередь, связанный с творчеством К. А. Тона, которому и поручается не слишком продвинувшееся со времени А. Витберга строительство московского храма Христа Спасителя. Исаакиевский собор продолжает строиться по прежнему проекту, хотя и несколько скорректированному в сторону меньшей строгости и большей орнаментальности, характерных для позднего классицизма и эклектики. Национальная тема находит отражение скорее в его декоративном убранстве, что выражается, в частности, в том, какое место занимает в оформлении интерьера собора образ Александра Невского, встречающийся здесь 11 раз, то есть больше, чем изображение какого бы то ни было другого святого, в том числе и самого св. Исаакия.

Боковые алтарные приделы собора были освящены в честь св. великомученицы Екатерины и св. Александра Невского⁹. Такой выбор святых, сделанный, вероятно, в николаевское царствование, явно указывает на монархов, стоявших у истоков строительства собора: в продолжение начатой при Александре темы «возобновления» делается отсылка к образу Екатерины II, как основательницы храма, и указывается на Александра I, как на ее преемника в деле продолжения постройки. Связь между памятью об Александре I и приделом (до определенной степени затемнявшаяся на момент освящения собора в 1858 г. тем, что и нового императора также звали Александром) подчеркивалась помещением во

---

⁷ Там же. С. 9–10.

⁸ Уортман. 1994. С. 497.

⁹ Серафимов, Фомин. 1865. С. 19–20 второй пагинации.

втором ярусе малого иконостаса, симметрично иконе св. Александра Невского, иконы св. Спиридония, епископа Тримифунтского, в день памяти которого, 12 декабря, и родился Александр Павлович. В то же время память о Николае I была отмечена помещением в малый купол юго-западного придела (находящегося на одной оси с приделом св. Екатерины, но в западной части собора) изображения св. мученицы Февронии, в день памяти которой, 25 июня, родился Николай.

Собор освящали 30 мая 1858 г. уже при Александре II. Но что значил в этот момент сам храм? Ответить на этот вопрос отчасти помогает небольшая брошюра, изданная специально к моменту освящения. Уже в самом ее начале, объясняя значение торжественного дня «не только для нашего города, но и для всей России», автор писал: «День 30-го мая, посвященный памяти св. Исаакия Далматского, есть день рождения России – день рождения великаго преобразователя и творца ея, обновившаго, возродившаго ея к новой жизни, а потому и храм, воздвигнутый во имя Святаго Исаакия, есть в то же время памятник Петру¹⁰». Вновь, после тяжелого поражения в Крымской войне и явного кризиса репрезентации власти, старая парадигма преемственности славным событиям исторического прошлого оказалась востребованной, и новому кафедральному собору империи возвращалась его историческая генеалогия. Далее в брошюре подчеркивалось, что сама мысль о строительстве храма принадлежала именно Петру Первому, что ее осуществлению содействовали Екатерина, Павел, Александр I и Николай, и что Александру II «суждено было привести ее к окончательному выполнению»¹¹. Император объявлялся преемником дела прежних правителей, дела, начатого самым славным из них – Петром Великим.

Связь собора с Петром подчеркивалась и при разработке церемониала освящения собора. 17 мая 1858 г. московский митрополит Филарет (Дроздов), приставленный в качестве консультанта по вопросам православия к католику О. Монферрану, писал Санкт-Петербургскому митрополиту Григорию о дошедших до него слухах: будто бы «обхождение собора по чину освящения... полагается соединить с обхождением памятника Петра Великого». Более того – «сказывают, что в проекте церемониала полагается перед памятником остановление церковной процессии и возглашение памяти Петру Великому»¹². Закаленный в боях за чистоту православия Филарет (некогда протестовавший против установ-

¹⁰ Торжественное празднество... С. 1.

¹¹ Там же. С. 1–2.

¹² *Филарет*. 1886. С. 332.

ки теплопроводных труб в алтаре Успенского собора на том основании, что рабочие при проведении работ установят в алтаре котел с кипящей смолой), не скрывая сарказма, писал: «Зрелище весьма необычайное – представить, что Ваше высокопреосвященство, в полном облачении, со святыми мощами на главе, среди духовенства с крестом, Евангелием и иконами, стоите перед конною статуею и протодиакон возглашает и хор поет вечную память перед конною статуей»¹³. На это указывали еще Б. А. Успенский и Ю. М. Лотман, справедливо утверждая, что «собор исторически оказался связанным с «императорским» культом Петра». Вместе с тем, ученые, вероятно, все же ошибались, когда писали о том, что интересующий нас эпизод был включен в «чин освящения Исаакиевского собора при Николае I»¹⁴. Записка Филарета датируется 17 мая 1858 г., так что и разработку церемониала можно отнести примерно к этому же времени, т.е. к началу царствования Александра II. Впрочем, в культурном отношении это все же, вероятно, и правда было еще «николаевское царствование» с его настойчивыми апелляциями к национальному прошлому. То, что Филарет в своей записке определял как «возвышение несвященного над священным», то есть столь открыто декларируемая связь храма и памяти «великого преобразователя и творца», находилось в русле общего стремления власти преодолеть кризис обращением к славным страницам героического прошлого.

Связь собора с национальным прошлым подчеркнута была и включением в церемонию освящения мощей св. Александра Невского. За день до освящения, 29 мая, их перенесли из Троицкого собора Александро-Невской лавры в Казанский собор. А уже оттуда 30 мая в ходе торжественного крестного хода доставили к Исаакиевскому собору. Именно после прибытия процессии с мощами к Исаакиевской площади и совершалось шествие к памятнику, «воздвигнутому императору Петру I-му Екатериною II-ю»¹⁵. У памятника же совершалась лития с возглашением вечной памяти Петру I, Екатерине II, Александру I и Николаю I. Любопытно, что в числе поминаемых государей не было Павла I. Это вполне соответствовало политике нового императора, вероятно, не испытывавшего особой симпатии к памяти деда: в своем манифесте о вступлении на престол Александр не забыл про прабабку, Екатерину II, но демонстративно не упомянул деда, Павла¹⁶. Опущенным его имя

---

¹³ Там же. С. 333.

¹⁴ Лотман, Успенский. 1982. С. 243.

¹⁵ Высочайше утвержденный... С. 5–7.

¹⁶ Уортман. 2004. Т. 2. С. 43.

оказалось и на этой церемонии. И символическое «присутствие» на церемонии Александра Невского, и обращение к памяти монархов, связанных с храмом св. Исаакия были призваны оживить воспоминания о героическом прошлом русской истории.

Сделанные выше замечания – лишь попытка первого приближения к теме семиотики Исаакиевского собора. Они на конкретном примере показывают, что, по образному выражению Р. Барта, человек «вслушивается в естественный голос культуры и все время слышит в ней не столько звучание устойчивых, законченных, «истинных» смыслов, сколько вибрацию той гигантской машины, каковую являет собой человечество, находящееся в процессе неустанного созидания смысла»¹⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барт Р.* Структурализм как деятельность // *Барт Р.* Нулевая степень письма. Москва, 2008. С. 227–236.
- Бутиков Г. П.* Государственный музей «Исаакиевский собор». Санкт-Петербург, 1998.
- Высочайше утвержденный церемониал освящения С. Петербургскаго кафедральнаго Исаакиевского собора 30 мая 1858 года. Санкт-Петербург.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Художественный язык Средневековья.* Москва, 1982. С. 236–249.
- Серафимов В., Фомин М.* Описание Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, составленное по официальным документам. С приложением четырех рисунков Собора, плана его и портрета архитектора де-Монферранда, литографированных на камне. Санкт-Петербург, 1865.
- Торжественное празднество открытия и освящения Санктпетербургскаго кафедральнаго собора во имя преподобнаго Исаакия, исповедника обители Далматския, с кратким описанием жизни Исаакия и постройки собора. Санкт-Петербург.
- Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. От Петра Великого до смерти Николая I. Т. II. От Александра II до отречения Николая II. Москва, 2004.
- Филарет.* Замечания митрополита Филарета на проект церемониала освящения Исаакиевского собора (1858 г., 17 мая) // *Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакциею преосвященнаго Саввы, архиепископа Тверскаго и Кашинскаго.*, Т. IV. Москва, 1886. С. 332–334.
- Ананьев Виталий Геннадьевич*, кандидат исторических наук старший преподаватель кафедры музеологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; wostokzapad@newmail.ru

---

¹⁷ *Барт.* 2008. С. 234.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

М. И. БАЦЕР

ДВЕ АНГЛИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Корректируя установившиеся еще в советской историографии представления о событиях истории Англии XVII в., автор выдвигает на первый план демократическое движение левеллеров, негативно оценивает деятельность Кромвеля в 1649–1658 гг., восстанавливает в целом положительную оценку реставрации Стюартов в 1660 г., считает необходимым полный пересмотр отношения к Славной революции – великому событию мировой истории.

Ключевые слова: революция, монархия, либерализм, историография.

В 1924 г. в Петрограде вышла из печати книга выдающегося специалиста по всеобщей истории Н. И. Кареева «Две английские революции»¹. Любой из наших образованных современников, не обучавшихся на историческом факультете, узнав об этом, непременно удивится: «Почему две?» В самом деле, о кромвелевской революции, сопровождавшейся казнью короля Карла I, слышали все. О так называемой «Славной революции» 1688–1689 гг. – только исторически образованные люди. Это не так уж удивительно. Советские историки в течение ряда десятилетий предпочитали писать, в том числе в учебниках, о «государственном перевороте 1688 г.». Между тем, англичане на протяжении всего XVIII в. именно эти события называли революцией, а кромвелевское двадцатилетие 1640–1660 гг. – исключительно «великим мятежом». Учитель советских историков К. Маркс видел особую заслугу Т. Карлейля в том, что он снял Кромвеля с виселицы английского общественного мнения. (Речь шла о пятитомном издании «Письма и речи Оливера Кромвеля», вышедшем в 1845 г. под редакцией Карлейля). Отрицательная оценка Кромвеля не была чисто английским феноменом. Робеспьеру приходилось отбиваться от обвинений в стремлении стать французским Кромвелем. Эдмунд Бёрк, предсказывая в 1790 г. террор и военную диктатуру в качестве результата развития французской революции, уподоблял ее не «Славной революции» 1688 г., а «великому мятежу» 1640 г.

Обратимся к учителю Карла Маркса в области интерпретации исторического процесса, выдающемуся французскому историку Франсуа

---

¹ Кареев. 1924.

Гизо. В 1850 г. он писал: «Революция в Англии удалась, и удалась два раза. Ее зачинщики основали в Англии конституционную монархию; ее потомки основали в Америке Республику Соединенных Штатов»². Хорошо известно, что первая английская революция в 1660 г. завершилась реставрацией Стюартов. Англия «много перенесла, она долго крепилась, чтоб избежать новой революции, и отдалась ей только при последней крайности, когда уже не видела перед собой никакого другого средства спасти свою веру, свои права, свою честь. В том-то и состоит слава революции 1688 г., что она была действием чистой обороны, и обороны вынужденной: в этом первая причина ее успеха»³. Певцом «Славной революции» в XIX в. выступил выдающийся английский либеральный историк Т. Маколей, посвятивший ей многотомный труд «История Англии от воцарения Якова II». Маркс в «Капитале» писал: «Маколей фальсифицировал английскую историю в интересах вигов и буржуазии»⁴. Что на это можно ответить? Маколей не фальсифицировал историю. Он писал, интерпретируя историю в интересах либералов и буржуазии, а буржуазию до Парижской Коммуны 1871 г. даже советские историки оценивали как относительно прогрессивный класс, Маколей же умер в 1859 г. При внимательном анализе проблемы фальсификаторами истории предстают не Маколей и Гизо, апологеты Славной революции, а те историки, которые выступали как ее очернители.

Изложим кратко событийную сторону английской истории конца XVII в. Завершающий период эпохи реставрации (1682–1688 гг.) прогрессивный английский историк Джон Ричард Грин называет «второй тиранией Стюартов»⁵ (предшествующая была связана с беспарламентским правлением Карла I, ставшим своего рода «спусковым механизмом», приведшим к началу кромвелевской революции). Карл II и его преемник католик Яков II (1685–1688) стремились в эти годы полностью восстановить в Англии абсолютизм и католицизм, подчинить ее политике диктату могущественного соседа Людовика XIV, претендовавшего на всеевропейскую гегемонию. Главным противником Людовика XIV являлся голландский штатгальтер (пожизненный президент) Вильгельм III Оранский, женатый на дочери Якова II Марии. «У Якова не было сыновей, и брак с Марией во всяком случае обеспечивал Вильгельму по

---

² Гизо. 1996. С. 30.

³ Там же. С. 107.

⁴ Маркс, Энгельс. 1960. С. 283 (прим. 120).

⁵ Грин. 1900. С. 143.

смерти его тестя содействие Англии в его великом предприятии»⁶ (борьбе с Людовиком XIV). Но в 1688 г. возникла страшная угроза увековечения тирании Стюартов – у Якова II родился сын, наследник престола. «За известием о рождении принца Уэльского последовало дней через десять прямое предложение Вильгельму – вмешаться с оружием ради восстановления свободы Англии и защиты протестантской веры. Приглашение это было подписано представителями главных партий, теперь объединенных общей опасностью»⁷. О дальнейшем в учебной книге по новой истории, написанной виднейшими советскими специалистами в этой области и адресованной студентам исторических факультетов, говорится следующее: «Когда Вильгельм Оранский прибыл в Англию с экспедиционным корпусом, Яков, покинутый своими приверженцами, беспрепятственно отправился на корабле во Францию. Парламент в 1689 г. объявил его “отрекшимся” и передал “вакантный” престол Вильгельму Оранскому – королю Вильгельму III. Это событие буржуазные историки называли “славной”, или “бескровной”, революцией, которую они противопоставляли “кровавому мятежу” 40-х гг. В действительности это был дворцовый переворот, в котором нашел свое выражение компромисс между крупными землевладельцами и буржуазией»⁸. Так великое событие в истории Англии, Европы и мира унизили не только до государственного, но даже до «дворцового переворота».

Великолепно ответил таким критикам Франсуа Гизо (более 150 лет назад): «Часто говорилось во Франции, и даже в Англии, что революция 1688 г. была делом в сущности аристократическим, ненародным, совершившимся по соображениям высших сословий и в их пользу, а не вследствие побуждения целой нации и для ее блага. Замечательный и нередкий пример запутанности мыслей и забвения фактов, которыми так часто руководствуются при оценке великих событий! Революция 1688 г. сделала в области политики два самых популярных дела, какие только знает история. С одной стороны, она провозгласила и обеспечила личные и всеобщие права простых граждан, с другой – деятельное и решительное участие народа в своем правлении <...> С нравственной стороны революция 1688 г. имела еще более популярный характер: она была совершена во имя религиозных убеждений народа и их силою совершена для их обеспечения и господства. Никогда, ни в одной стране вера масс не оказывала такого влияния на судьбу их правления. Народная по принципам

---

⁶ Там же. С. 166.

⁷ Там же. С. 169.

⁸ Новая история (первый период). С. 64.

и результатам революция 1688 г. была аристократической по исполнению; она была зачата, приготовлена и приведена к концу людьми знатными, верными представителями интересов и чувствований нации... Дело английского народа восторжествовало чрез английскую аристократию – вот в чем заключался и великий характер революции 1688 г., вот где был с первых шагов ее залог ее будущности»⁹.

Советские историки, как правило, руководствовались не результатами собственного применения метода исторического материализма, а конкретными высказываниями Маркса и Энгельса, не всегда находившимися на уровне достижений исторической науки даже их времени. На наш взгляд, исторический материализм как раз требует высочайшей оценки характера и результатов Славной революции. К сожалению, Маркс и Энгельс перевели на социально-экономический диалект уничтожающие оценки памфлета Огюстена Тьерри «О революции 1688 г.», относящегося еще к 1819 г. Как известно, такие французские интеллектуалы, как Стендаль и Мишле, ненавидели английские порядки, о чем писали и много позже 1819 г. Славная революция означала победу либерального буржуазно-аристократического строя при верховенстве парламента и закона (смотри хотя бы «Билль о правах» 1689 г.), а также победу национальной и патриотической английской внешней политики над притязаниями Людовика XIV и вообще феодально-католической и абсолютистской Франции и ее английских ставленников (особенно в войне за испанское наследство, где герцог Мальборо выступал в качестве полномочного представителя Вильгельма Оранского и Славной революции, торжество которой во многом обеспечил переходом на сторону Вильгельма).

Если резюмировать не очень многочисленные высказывания Маркса и Энгельса на эту тему, получится, что Славная революция была «незначительным эпизодом», поставившим у власти «наживал из землевладельцев и капиталистов»¹⁰. Хотя однажды Маркс обронил что в случае победы Якова II 70% английской земельной собственности сменило бы своих хозяев. О масштабах возможного католико-абсолютистского террора говорят хотя бы «кровавые ассизы» Джеффриса при Якове II после неудачной попытки Монмута. В ходе Славной революции Джеффрис был справедливо арестован. Как можно называть «незначительным эпизодом» победу дела Долгого парламента 1640 г., означавшую полную перемену в европейских делах, а не только в английском социально-политическом строе? А где знаменитый марксистско-ленинский прин-

⁹ Гизо. 1996. С. 108–109.

¹⁰ Маркс, Энгельс. 1960. С. 735.

цип историзма? Или к власти мог прийти рабочий класс? И это за столет до начала формирования еще чрезвычайно незрелого промышленного пролетариата? Или к власти должно было прийти экспроприруемое крестьянство? Но это – не меньший абсурд, причем именно с марксистской точки зрения. К сожалению, даже крупный историк Е. А. Косминский добавляет от себя: Маркс и Энгельс «развенчали ту жалкую “революцию”, которую буржуазные историки и политики не уставали прославлять как “великую”, “славную” и “бескровную” – переворот 1688 г.»¹¹ Академик не учитывает, что значительно раньше эту революцию «развенчал» другой учитель Маркса в области исторической науки (наряду с Гизо) – Огюстен Тьерри, который придал своей критике Славной революции актуальное политическое звучание: «Теперь вошло в моду расхваливать английскую революцию 1688 г. и желать появления людей вроде Вильгельма III для блага народов и для отмщения за них. В этом восхищении и в этом пожелании, сколь бы патриотическими их ни называли, кроется невежество и малодушие»¹². К сожалению, в этих грехах можно обвинить самого Тьерри (поскольку речь идет об анализируемой статье). Взять хотя бы следующее его заявление: «Дело, восторжествовавшее в эту революцию... отнюдь не было великим делом 1640 г., делом Хемпдена, делом прав человеческих»¹³. Однако известный советский историк В. Ф. Семёнов справедливо писал: «В результате переворота 1688 г. в Англии был окончательно устранен абсолютизм и установлена конституционная, ограниченная парламентом монархия. Разумеется, это стало возможным лишь благодаря тому сокрушительному удару, который был нанесен абсолютизму революцией 40–50-х гг.»¹⁴. То есть речь идет именно о завершении «великого дела 1640 г.». Тьерри продолжает: «Но Сидней, верный хранитель старой тайны 1640 г., поднимая восстание, делал нечто совершенно иное. И хотя общий приговор объединил его со сторонниками этого нового дела и хотя один и тот же топор отрубил голову ему и им, все же его преступление отлично от их преступления: Сидней был повинен в борьбе с деспотизмом, они – только в борьбе с деспотом»¹⁵. Это заявление противоречит элементарным фактам. После 1688 г. в Англии стало невозможным появление новых деспотов. Для обоснования низложения Якова II была использована самая

---

¹¹ Английская буржуазная революция XVII века. С. 230.

¹² Тьерри. 1937. С. 306.

¹³ Там же. С. 307.

¹⁴ Английская буржуазная революция... С. 161.

¹⁵ Тьерри. 1937. С. 307.

передовая политическая теория XVII в. – теория о договоре между королем и народом, разорванным Яковом Стюартом, договоре, на основе которого был возведен на престол Вильгельм Оранский. Вопреки элементарным фактам Тьерри продолжает: «...ссылаются на билль о правах, на это жалкое собрание нескольких принципов, предоставленных без всякой гарантии на произвол власти, на эту пустую бесплодную прокламацию, которая ложно именуется договором и которую власть успела уже безнаказанно разорвать в клочья»¹⁶. Даже В. Ф. Семенов вынужден признать: «Билль о правах 1689 г. при всей его незаконченности и консервативности все же надевал крепкую узду на нового коронованного правителя. <...> При безличных преемниках Вильгельма – королеве Анне и первых Ганноверах – королевская власть окончательно стухевалась, уступив место парламентскому всевластию. Но это развитие парламентской системы первых десятилетий XVIII в. логически вытекало из событий и законодательства 1688–1689 гг.»¹⁷ Особо важной гарантией торжества парламентской системы стал «Билль о престолонаследии» 1701 г., который «отрезал Стюартам возможность возврата на английский престол <...> он объявлял наследницей престола дочь Якова II Анну, а после ее смерти (в случае ее бездетности) – представителей Ганноверской династии – потомков внучки Якова I. Право назначать и смещать судей перешло к парламенту. Устанавливалось, что действительны лишь те акты, которые подписаны кроме короля одним из министров (внесшим билль на рассмотрение парламента). Вводился принцип ответственности министров перед парламентом. Таким образом, было установлено фактическое верховенство парламента в важнейших вопросах государственной политики»¹⁸. Так факты опровергают тезисы о «жалкой революции» и «незначительном эпизоде».

Выдающийся историк и политик Франсуа Гизо в конце 1820-х гг. мудро резюмировал события конца XVII – начала XVIII в.: «Я говорил уже о великой борьбе, возгоревшейся в Европе между абсолютною монархией Людовика XIV, стремившейся к обладанию всем миром, и делом гражданской и духовной свободы, политической независимости, – делом, воплощенным в лице принца Оранского, Вильгельма III. Мы видели, что преобладающий факт европейской истории того времени – это принадлежность каждого государства к одной из этих двух великих партий. Но для современников этот факт не был так ясен, каким он пред-

---

¹⁶ Там же. С. 308.

¹⁷ Английская буржуазная революция XVII века. С. 161.

¹⁸ Новая история (первый период). С. 65.

ставляется нам теперь... Ограничение системы абсолютной монархии и утверждение принципа гражданской и религиозной свободы – таков, в сущности, был необходимый результат сопротивления Голландии и ее союзников Людовику XIV; но спорный вопрос между абсолютной властью и свободой не был поставлен так открыто»¹⁹.

Мне уже приходилось писать о недостаточном учете субъективного фактора в системе исторического материализма. В. Ф. Семёнов охарактеризовал Вильгельма Оранского очень коротко: осторожный и изворотливый политик и дипломат. Остальные советские историки вообще не рассматривали этот вопрос. К. Н. Татарина, игнорируя специфику исторического процесса, делает такой вывод: «Переворот 1688 г., являвшийся следствием незавершенности английской буржуазной революции, облегчал буржуазии возможность быстрее обогатиться за счет эксплуатации трудящегося населения самой Англии и ее колоний. Именно эта сторона переворота 1688 г., а не конституционные изменения, им произведенные, и является наиболее важной»²⁰. С нашей точки зрения, эти две фразы – яркое проявление метода вульгарной социологии, столь решительно отвергаемого на словах советскими историками. Напротив, Томас Бабингтон Маколей дает более подробную характеристику Вильгельма Оранского, подчеркивая, что «природа щедро одарила Вильгельма качествами великого правителя; а воспитание развило эти качества в необыкновенной степени»²¹.

В конце XVII – начале XVIII в. политический прогресс воплотился в двух знаменитых исторических фигурах. Западная Европа выдвинула Вильгельма III Оранского, штатгальтера Голландии и короля Англии, Восточная Европа – Петра I Великого, в недалеком будущем основателя Российской империи. Молодой Пётр находился под безусловным влиянием романтического исторического облика лидера Славной революции и борца с гегемонией Людовика XIV. В недавно переизданной после столетнего перерыва «Истории Петра Великого» А. Г. Брикнер отмечает: «С усиленным вниманием Пётр следил за событиями в Западной Европе; особенно он восхищался успехами английского короля Вильгельма III; однажды он выразил даже желание участвовать в военных действиях Англии против Франции под руководством самого короля. Когда летом 1692 г. англичане на море одержали победу над французами, Пётр, находившийся в то время на Переяславском озере, праздновал это событие

---

¹⁹ Гизо. 1892. С. 252.

²⁰ Татарина. 1958. С. 222.

²¹ Маколей. 1863. С. 1–2.

залпом из пушек новопостроенных судов»²². Прибыв с Великим посольством в Англию, Пётр посетил английский парламент. После этого он сказал: «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан». Советский историк Н. Н. Молчанов комментирует: «Если эти слова и действительно были сказаны, то они не противоречили склонностям самого Петра»²³.

Малоизвестная у нас Славная революция все-таки вошла в массовое историческое сознание любителей приключенческих романов. Знаменитый пират в финале романа Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада» становится губернатором Ямайки вместо своего врага и преследователя Бишопа. Этим он обязан исключительно Славной революции. К сожалению, авторы экранизации романа полностью переделали его финал: они заставляют Блада заявить: «Опять толстосумы у власти!» и снова пойти в пираты. Всякий образованный человек, читавший роман, может разоблачить эту наглую фальсификацию. Но что в таком случае сказать о Тьерри, имеющем заслуженный авторитет выдающегося историка? Прочитируем фрагмент из статьи Тьерри, содержащий поразительную по нелепости и полной бездоказательности фальсификацию реального значения событий: «Впоследствии правительство с наглым упорством сохраняло закон Стюартов, устанавливающий цензуру для книг и рабский режим для типографий. Оно сохраняло этот закон как раз до 1695 г., до того срока, который был установлен недвусмысленной мудростью Карла II и когда для продления его действия нужно было издать его снова»²⁴. Именно отмена цензуры давно признается всеми цивилизованными людьми одной из главных заслуг Славной революции. В вопиющем противоречии с реальной логикой исторического процесса находится следующее высказывание Тьерри: «Кроме того, независимые доходы, постоянная армия, раболепство парламента, все, о чем они (Стюарты – М. Б.) могли только мечтать, все это осуществилось при Георгах»²⁵. Но каждому студенту-историку ныне должно быть известно, что власть первых Георгов была чисто формальной по сравнению с пол-

---

²² Брикнер. 2004. С. 137–138. Увлечение личностью и деятельностью английского короля было у Петра достаточно глубоким. А. Г. Брикнер продолжает: «В 1692–1693 гг. Пётр велел построить для Лефорта великолепный дом, роскошно меблированный: здесь происходили самые веселые попойки... Во время таких торжеств беседовали о государственных делах на западе, пивали за здоровье короля английского, Вильгельма III». Там же. С. 142.

²³ Молчанов. 1991. С. 100.

²⁴ Тьерри. 1837. С. 308.

²⁵ Там же. С. 309.

ным верховенством парламента. Именно реалии ганноверского периода дали возможность Джорджу Маколею Тревельяну сделать следующее компаративистское резюме: «Реформа должна была стать особым вкладом XIX в. Особым вкладом более раннего ганноверского периода было установление правления закона; а этот закон, со всеми его тяжелыми ошибками, был все-таки законом свободы. На этом прочном основании были построены все наши последующие реформы. Если бы XVIII в. не установил закона свободы, то XIX в. в Англии прошел бы в революционных насилиях вместо парламентских изменений закона»²⁶.

Блестящее сопоставление революций в Англии и на континенте было проведено еще Маколеем вскоре после событий 1848–1849 гг. Истина, как известно, познается в сравнении: «Теперь, более чем когда-нибудь, должны мы оценить всю важность противодействия, оказанного нашими предками дому Стюартов. Повсюду вокруг нас мир взволнован судорожными движениями великих наций. Правительства, еще недавно казавшиеся способными просуществовать целые века, внезапно потрясены и низвергнуты. Самые гордые столицы Западной Европы обгагрились ручьями междоусобно пролитой крови. Все дурные страсти, жажда корысти и жажда мести, ненависть класса к классу, ненависть племени к племени, сбросили с себя узду божеских и человеческих законов. Между тем на нашем острове обычный ход управления не прерывался ни на один день. Немногие дурные люди, жаждавшие буйства и грабежа, не отважились ни на минуту противостать силе верноподданной нации, соединившейся в непоколебимый оплот вокруг отеческого престола. И если бы нас спросили, почему мы так отличаемся от других, ответ наш состоял бы в том, что мы никогда не теряли того, что другие безумно и слепо пытаются вновь приобрести. Оттого, что у нас была охранительная революция в XVII, у нас не было разрушительной революции в XIX столетии. Оттого, что у нас была свобода посреди общего рабства, у нас теперь порядок посреди общей анархии. За святость закона, за безопасность собственности, за спокойствие наших улиц, за счастье наших семей, мы обязаны благодарностью после Того, Кто по произволу возвышает и низвергает народы, Долгому парламенту, Конвенту и Вильгельму Оранскому»²⁷. Разумеется, у Маколея речь идет не о французском Конвенте 1792 г., а об английском Конвенте 1689 г., отреставировавшем Якова II и утвердившем на троне Вильгельма и Марию.

---

²⁶ Тревельян. 1959. С. 367.

²⁷ Маколей. 1863. С. 494–495.

После кончины Вильгельма в 1702 г. герцог Мальборо стал его фактическим преемником во главе английской армии, а также всей антифранцузской коалиции в войне за испанское наследство, но после ряда его блестящих побед над войсками Людовика XIV неожиданно разразился кризис. Предоставим слово Дж. Р. Грину: «Внезапно над вигами разразилась буря народного негодования. Повод к ней подала скучная и неуместная проповедь англиканского священника, д-ра Сэчвереля, защищавшего в храме св. Павла учение о безусловном повиновении. Его смелость вызвала преследование, и вопреки советам Мальборо и Сомерса вигские министры решили обвинить его перед палатой лордов. Процесс сразу получил характер крупного столкновения партий. Народ проявил горячее участие к Сэчверелю, и это показало, какую ненависть возбудили против себя виги и война. <...> Пэры незначительным большинством признали проповедника виновным, но наложенное ими мягкое наказание в сущности было оправданием, и праздничные огни и иллюминации приветствовали по всей стране это торжество тори»²⁸. Кризис был успешно преодолен при первых ганноверцах установлением прочного всевластия вигов, и «раньше окончания их долгого управления англичане забыли и думать о возможности преследования за различие мнений, или подавления свободы печати, или воздействия на отправление правосудия, или управления без содействия парламента»²⁹.

Механика подобных перемен была вскрыта Маколеем: «Сколько раз, со времени Революции 1688 г., казалось, что англичанам решительно надоело новое правительство, и сколько раз положение вещей совершенно изменялось открытием якобинского заговора или приближением французского флота. Каждый раз от этого мгновенно прекращался ропот, роптавшие шли толпами подписывать верноподданнические адреса тому, кого прежде звали похитителем престола, составляли ассоциации на поддержание его власти и брались за оружие, чтобы командовать милицией, с криком: “умрем за короля Вильгельма!” То же и теперь. Почти все те, которые находили приятность себе делать на зло ему по вопросу о его голландской гвардии, о его ирландских пожалованиях, придут в страшное раздражение, когда услышат, что Людовик, в прямое нарушение договора, хочет навязать Англии короля его веры, короля,

---

²⁸ Грин. 1900. С. 223. О. Тьерри не мог не отреагировать с большим удовлетворением на эти события: «...не прошло и 20 лет после революции 1688 г., как английский народ уже проклинал ее и кричал: “Долой вигов!”», так же как он раньше кричал: “Долой Стюартов!”». Тьерри. 1837. С. 309.

²⁹ Грин. 1900. С. 231.

воспитанного в его владениях, короля, который будет в Вестминстере тем же, чем Филипп в Мадриде, – вассалом Франции»³⁰.

Подобный поворот произошел при вступлении на престол Георгов. Как пишет Д. Р. Грин, «вскоре Англией стал управлять не король, а вигские министры короны. Вигам нечего было также опасаться сильного сопротивления со стороны их политических противников. “Торийская партия”, писал Болингброк после смерти Анны, “исчезла”. И точно, в первой палате общин, созданной новым королем, тори едва насчитывали 50 членов; в то же время роковое разделение ослабило их силы во всей стране. Более горячие из них в отчаянии перешли на сторону претендента. Лорд Оксфорд был обвинен и заключен в Тауэр; Болингброк и герцог Ормонд бежали из Англии и поступили на службу к сыну короля Якова»³¹. Широкий зритель знает о Мальборо и Болингброке по превосходному телефильму «Стакан воды», в основе которого известная пьеса Скриба, относящаяся к 1840 г., когда многие французские интеллектуалы были еще врагами Англии. Здесь все поставлено с ног на голову. Герцог Мальборо – слава Англии – показан сугубо отрицательным героем, а Болингброк – государственный изменник – сугубо положительным. Такое же отношение к ним было свойственно гениальному Свифту, в политике якобиту, что и позволило Джорджу Оруэллу говорить о «квислингизме Свифта» (Квислинг – предатель норвежского народа, перешедший на сторону Гитлера). Невозможно отрицать, что самым реакционным английским королем был именно Яков II, свергнутый Славной революцией. Славная революция была альтернативой не только абсолютизму Стюартов, но и военной диктатуре Кромвеля.

Английская революция 1640–1660 гг. представляет собой картину динамического взаимодействия тех социально-политических сил, которые во французской революции последовательно сменяли одна другую на исторической сцене. Эти силы – легитимизм, радикализм и цезаризм. Временная победа цезаризма Кромвеля как над легитимизмом Карла I, так и над радикализмом Лильберна не случайно объединила левеллеров Уайльдмана с роялистами Карла II. Этот кажущийся кое-кому противостественным союз предвещал торжественного соглашения легитимизма и радикализма – Славную революцию, заложившую фундамент буржуазной демократии в Англии. В некотором смысле можно утверждать, что без Лильберна не было бы Вильгельма III. Участие Уайльдмана в деятельности «клуба зеленой ленты», положившего начало формирова-

---

³⁰ *Маколей*. 1865. С. 252.

³¹ *Грин*. 1900. С. 229.

нию партии вигов, было закономерным. Вильгельм III назначил дожившего до Славной революции Уайльдмана главным почтмейстером королевства. По сути это разведывательная должность, предусматривающая контроль за всей перепиской.

Краеугольными камнями большевистской политологии были, как известно, апология диктатуры пролетариата и обличение либеральной демократии. История демократических движений в первой английской революции десятилетиями укладывалась на страницах трудов советских историков в прокрустово ложе этой политологии. Именно она стала основой традиционной недооценки исторической роли левеллеров и завышенной оценки движения диггеров. Главным смыслом деятельности левеллеров была борьба против олигархически-диктаторской линии развития революции. Идеолог казарменного коммунизма Д. Уинстенли все надежды возлагал на Кромвеля. Знаменитый памфлет Джона Лильберна, ставший ответом на приход к власти кромвелианцев, назывался «Разоблачение новых цепей Англии». Контраст очевиден. Майское и сентябрьское восстания 1649 г. против режима кромвелевской республики – несомненный факт. Ими руководили левеллеры. Восстания были подавлены Кромвелем, но левеллеры продолжали борьбу. Со временем она приняла крайние формы. С обоснованием индивидуального террора против военного диктатора и воплощения деспотизма, лорда-протектора Оливера Кромвеля выступил видный левеллер Эдуард Сексби. Отрывки из памфлета Сексби «Умерщвление не убийство» опубликованы в книге А. Е. Кудрявцева «Великая английская революция». Обращаясь к левеллерам, Сексби писал в 1657 г.: «До сих пор я говорил, обращаясь ко всем англичанам, теперь я обращаю свою речь к тем, которые, конечно, лучше заслужили это имя – к нам самим, сражавшимся, хотя и неудачно, за нашу свободу, под начальством этого тирана, проливавшим нашу кровь и в результате ничего не получившим, одураченным его клятвами и слезами. Право предать этого изверга правосудию принадлежит в особенности нам, которых он делал орудием и соучастником своих злодейств, за которые все хорошие люди воздают ему проклятия и ненависть... Ради народа мы сражались и вместе с ним и против него, и от нас народ справедливо ожидает казни, так как сам он не может этого совершить»³². Обращаясь к Оливеру Кромвелю, Эдуард Сексби писал: «Ведь пока вы живы, мы ничего не можем назвать своим и надеяться на наследство можем лишь после вашей смерти. Пусть это соображение ук-

³² Цит. по: Кудрявцев. 1925. С. 214.

репит ваш ум в борьбе со страхом смерти, и совесть ваша успокоится сознанием, что благо, которое вы создаете вашим концом, до некоторой степени уравновесит зло, сотворенное вашей жизнью, и, если в темном перечне злодеев найдется немного, которые принесли бы человечеству столько несчастья и смут, как вы, зато самые заклятые враги ваши должны признать, что немногие из них принесли столько пользы своим исчезновением, как это сделаете вы»³³.

Титулом Кромвеля в официальной пропаганде того времени было чисто культовое понятие «мудрый человек». В одном из памфлетов Джон Лильберн обыгрывает это понятие. Он пишет, что «нет в божьем мире такого народа и такой страны, что были бы доверчивее, и добрее, и участливее к тем, кому доверили мы власть, дабы освободить нас из тенет Гнета, к МУДРОМУ ЧЕЛОВЕКУ, коего одно имя упомянуть доставит, и подлинно мудрые люди впадают в безумие»³⁴. Что это – намек на психиатрический террор при Кромвеле? Не исключено. Разоблачил же Мольер элементы психиатрического террора при Людовике XIV в пьесе «Господин де Пурсоньяк», к сожалению, у нас мало кому известной.

Каких только упреков по адресу Лильберна не высказал М. А. Барг в своей книге «Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в.»! В основе всех этих упреков – вульгарно-социологическая недооценка политической стороны исторического процесса, заведомое осуждение либеральной демократии (разумеется, не имеющей отношения к великодержавной партии Жириновского) и апология предшественников диктатуры пролетариата (в данном случае – диггеров и Уинстенли). Совершенно очевидно, что вся история Англии 1647–1649 гг. заставляет отвергнуть тезис Барга о «формально-юридическом характере мышления Лильберна», как и его тезис о том, что спор между левеллерами и кромвелианцами «шел из-за степени буржуазного демократизма, но и в том и в другом случае это должна была быть буржуазная демократия, игнорирующая материальные основания равенства и свободы»³⁵. Лильберн совершенно правильно отмечал, что военная диктатура кромвелианцев не имела отношения к демократии, представляя собой «новые цепи Англии». Впрочем, мне уже приходилось подробно полемизировать со взглядами М. А. Барга³⁶.

---

³³ Там же. С. 212.

³⁴ Цит. по: *Мортон*. 1970. С. 112.

³⁵ *Барг*. 1967. С. 131.

³⁶ См.: *Бауер*. 2008.

Анализируя памфлет «Левеллер» (1659 г.), Т. А. Павлова писала в 1974 г., что «мелкая буржуазия, предавшая интересы трудящихся еще в 1649 г., через десять лет поправила еще больше»³⁷. Между тем уже в 1980 г. она же писала о Кромвелле: «Он начинает отходить от народа еще в 1649 г., когда порывает с его знаменосцами – левеллерами»³⁸. Перед нами вопиющий пример двойного стандарта. Левеллеры одновременно предстают и предателями, и знаменосцами трудящихся масс. Любопытно, что и то, и другое провозглашается с позиций ортодоксального марксизма, согласно которому Кромвель выступал и как Робеспьер, и как Наполеон английской революции. Проводя эту параллель, Маркс и Энгельс не учли, что у французской революции были и другие герои. Именно Дантон, ставший в оппозицию к Робеспьеру, как революционный либерал, в страшный год якобинской диктатуры, напоминает Лильберна, противостоящего Кромвелю в роковом 1649 г.

Военную диктатуру Кромвеля можно квалифицировать как черновик военной диктатуры Наполеона. Кромвелевский режим после казни короля назывался «общим благом». Интересно, что по данным Гейссера и Дживелегова робеспьеристский Комитет общественного спасения на самом деле назывался Комитет общего блага³⁹, тем самым утверждая прямую преемственность с режимом «новых цепей Англии», используя терминологию Джона Лильберна. Правда, имелась и существенная разница. Культ личности Наполеона имел огромный успех во французском народе. Попытки утверждения культа Кромвеля не имели в Англии никакого успеха. Режим протектората нанес колоссальный урон экономическому потенциалу Англии. Т. А. Павлова отмечает: «Яркую картину разрухи, царившей в стране в 1659 г., рисует автор памфлета «О, пробудись, Англия!» Раньше, пишет он, «наша шерсть шла к рабочим, наше сукно развозилось купцами во все концы мира»; теперь же «наша торговля и промышленность вообще прекратили свое существование...» Далее Т. А. Павлова пишет: «В “Ремонстрации лондонских учеников” (1659 г.) говорилось, что торговля и ремесло страны находятся в крайнем упадке – «прошедшие семь лет почти полностью пожрали те богатства, которыми владело Сити в течение семи предшествующих веков»⁴⁰.

В англо-американской исторической литературе уже отмечалось, что внешняя политика Кромвеля и прежде всего союз с Францией Мазарини под предлогом борьбы с врагом елизаветинских времен – Испани-

³⁷ Павлова. 1974. С. 76.

³⁸ Павлова. 1980. С. 343.

³⁹ См., напр.: Гейссер. 1870. С. 331.

⁴⁰ Павлова. 1974. С. 14.

ей – привели к резкому усилению Франции во времена, содействовали реализации ее претензий на роль европейского гегемона и главы общеевропейской католической реакции. Высказывалось предположение, что это было обусловлено подлинной ролью Кромвеля, являвшегося криптопапистом (тайным папистом), иначе говоря – агентом иезуитского ордена в деле осуществления его тайной мировой стратегии. От себя добавим, что и внутренняя политика Кромвеля давала повод для подобных предположений. Достаточно указать на закон 1649 г. о смертной казни за прелюбодеяние и на признаки организации психиатрического террора. Все это позволяет поставить вопрос о реставрации монархии Стюартов в совершенно ином ключе, чем это до сих пор делалось в советской исторической литературе, пытавшейся объяснять реставрацию предательской антинародной политикой буржуазии: «Для английской буржуазии революция была давно закончена и по пути ее дальнейшего углубления идти она не хотела. Другой путь приводил к реставрации монархии. Этот путь угрожал потерей политических привилегий, завоеванных в ходе революции, но давал надежду на сохранение завоеванных в ходе революции экономических позиций. Поэтому буржуазия считала, что с феодальным дворянством и монархией договориться можно. С точки зрения буржуазии второй путь был не только меньшим злом. Реставрация монархии сулила возможность справиться со всякими демократическими движениями, используя для этого государственный аппарат монархии»⁴¹. Между тем факты, приводимые в книге Т. А. Павловой «Вторая английская республика», не говоря уже о традиционной позиции представителей английской исторической науки, свидетельствуют о том, что возможно более позитивное отношение к факту реставрации Стюартов, о том, что спикер парламента имел определенные основания в приветственной речи, обращенной к Карлу II, назвать самую реставрацию «счастливой реставрацией». Известно, что в английской традиции это наименование событий 1660 г. закрепилось достаточно прочно. Дело в том, что широкие массы английского народа в 1659–1660 гг. были крайне разочарованы результатами первой английской революции. Т. А. Павлова отмечает, что за продолжение революции стояли только революционные сектанты, не имевшие серьезной поддержки. Зато требование «полного и свободного парламента», означавшее призыв к реставрации, становилось все более популярным.

Наша аргументация доказывает необходимость корректировки целого ряда установившихся представлений советских историков о собы-

---

⁴¹ Татаринова. 1958. С. 182.

тиях истории Англии XVII в. На первый план выдвигается демократическое движение левеллеров, которому следует отдать предпочтение в его споре с движением диггеров. Негативной оценки заслуживает деятельность Кромвеля в 1649–1658 гг., начиная с казни короля. От этой акции Кромвеля решительно отмежевался Джон Лильберн (от имени всех левеллеров). Следует восстановить в целом положительную оценку реставрации Стюартов в 1660 г. Необходим полный пересмотр отношения к Славной революции – великому событию мировой истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Английская буржуазная революция XVII века. Т. 2 / Под ред. Е. А. Каминского и Я. А. Левицкого. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 384 с.
- Барз М. А.* Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. М.: «Наука», 1967. 352 с.
- Бацер М. И.* От Кальвина к Руссо. Историографические исследования. Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.
- Брикнер А. Г.* История Петра Великого. М.: Изд. центр «Терра», 1991. 741 с.
- Гейссер Л.* История французской революции 1789–1799. М.: Типография А. И. Мамонтова и К^о, 1870. 640 с.
- Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. СПб.: Изд-во В. Д. Вольфсона, 1892. 263 с.
- Гизо Ф.* История английской революции. Т. 1 / Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. 478 с.
- Грин Д. Р.* Краткая история английского народа. Вып. 3. М.: Типография И. А. Баландина, 1900. 412 с.
- Кареев Н. И.* Две английские революции XVII века. Пг., 1924.
- Кудрявцев А. Е.* Великая английская революция. Л., 1925.
- Маколей Т. Б.* Полное собрание сочинений. Т. VIII. СПб.: М. О. Вольф, 1863. 523 с.
- Маколей Т. Б.* Полное собрание сочинений. Т. XIII. СПб.: М. О. Вольф, 1865. 378 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. 907 с.
- Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М.: Международные отношения, 1991. 443 с.
- Мортон, А. Л.* От Мэлори до Элиота. М.: «Прогресс», 1970. 256 с.
- Новая история (первый период). Учебное пособие / Под ред. Е. Е. Юровской, М. А. Полтавского, Н. Е. Застенкера. М.: Изд-во «Высшая школа», 1972. 776 с.
- Павлова Т. А.* Вторая английская республика (1659–1660). М.: «Наука», 1974. 224 с.
- Павлова Т. А.* Кромвель. М.: «Молодая гвардия», 1980. 352 с.
- Татаринова К. Н.* Очерки по истории Англии 1640–1815 гг. М.: Изд-во ИМО, 1958. 456 с.
- Тревелян Д. М.* Социальная история Англии / Под ред. и с предисл. В. Ф. Семёнова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 607 с.
- Тьерри О.* Избранные сочинения. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. 440 с.

ПУБЛИКАЦИИ

ДОНАТ

НАУКА ГРАММАТИКИ

(О БУКВЕ. О ЧАСТЯХ РЕЧИ. ОБ ИМЕНИ)*

Публикуется комментированный перевод с латинского языка фрагментов о буквах, частях речи и имени из «Науки грамматики» (*Ars grammatica*) Доната (IV в.). Перевод выполнен по изданию Л. Хольца (Holtz. 1981) с учетом раннего издания Г. Кейла (Keil. 1864).

Ключевые слова: буква, части речи, имя, падеж, вид, род, число, грамматика, правило, латиняне, греки.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Публикуемые ниже фрагменты Донатовой (IV в.)¹ «Науки грамматики» (*Ars grammatica*)², посвященные буквам, частям речи и, собственно, имени³, являются дополнением к нашей статье «Восприятие латинского грамматического знания русской учёностью в XVI веке (на примере Дмитрия Герасимова и других)», вышедшей в предыдущем выпуске журнала⁴. При переводе мы стремились сохранить синтаксические конструкции оригинала и передать латинскую терминологию с наименьшими потерями. При составлении примечаний использованы тексты и исследования, указанные в библиографическом перечне.

<...>

---

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 09–01–00063а): «Античное грамматическое знание и его восприятие в России в XVI веке: Дмитрий Герасимов и “Наука грамматики” Элия Доната» (2009–2010).

¹ О жизни Доната см.: *Петрова*. 2008. С. 80–92.

² Или, так называемой, «Большой грамматики» (*Ars maior*). О титулах работы см.: *Петрова*. 2008. С. 80–81. Примеч. 2. Кратко о трактате Доната см.: *Петрова*. 1999. С. 300.

³ Перевод выполнен по: Holtz. 1981. P. 603–605, P. 613–628. Учтено раннее издание: Keil. 1864. Vol. IV. P. 367–368, 372–379.

⁴ См. *Петрова*. 2011. С. 311–364.

[2.] О БУКВЕ

Буква есть малейшая часть членораздельного звука. Одни буквы – гласные (vocales), другие – согласные (consonantes). Из согласных [букв] одни – полугласные (simivocales)¹, другие – немые (mutae)².

Гласные – [те буквы], которые произносятся сами по себе, и, [сочетаясь] между собой, они производят слог. По числу же [их] пять: *a, e, i, o, u*³.

Из них две [буквы] – *i* и *u* – [могут] попасть под влияние согласных, [а это случается тогда], когда они или сами между собой соединяются, или сочетаются с другими гласными, как *Iuno, vates (uates)*⁴. Эти же [буквы] называются промежуточными (mediae), потому что в некоторых словах они не имеют ясного звука, [например], буква *i* – как [в слове] *vir*; *u*, как [в слове] *optumus*. Помимо такого вида (formam), буква *u* иногда не считается ни гласной, ни согласной; [это происходит тогда], когда она находится между согласной буквой *q* и какой-нибудь гласной, как [в словах] *quoniam, quidem*. К ней же обычно приписывается дигамма⁵, [что бывает тогда], когда она сама себе предстоит, как *servus (servuus)*⁶, *vulgus (uulgus)*⁷⁸. Однако [с тем], что буква *i* может быть удвоенной в одном слоге, многие не соглашаются. Все латинские гласные [звуки⁹] могут быть и долгими, и краткими. Также считают, что некоторые из них произносятся с придыханием.

Согласные – [те буквы], которые, хотя и произносятся сами по себе, однако, сами слога не производят. По числу же [их] семь: *f, l, m, n, r, s, x*. Из них одна – двойная, [это –] *x*, и четыре – плавные (liquidae): *l, m, n, r*, из которых [буквы] *l* и *r* производят обычный (communem) слог, а буква *s* имеет особое качество; кроме того, в стихе в большинстве случаев она теряет свойство согласной [буквы]. Также из тех [букв лишь] буква *f* помещается перед плавными [буквами *l* или *r*]¹⁰, хотя ее таким же образом считают немой, и к тому же она производит собственный слог.

Немые – [те буквы], которые сами по себе не произносятся [и] слога не производят. Их всего девять, [это]: *b, c, d, g, h, k, p, q, t*. Из них *k* и *q* некоторым кажутся лишними, но они не знают, что каждый раз, когда *a* является последующей, перед ней нужно ставить *k*, а не *c*¹¹, и каждый раз, когда последующей является *u*, следует писать *q*, а не *c*¹².

[Букву] *h* иногда считают согласной, иногда – знаком придыхания.

[Буквы] *y* и *z* остались [от греческого языка], за этими буквами мы, [латиняне], сохранили собственные греческие названия: ведь в самом деле, одна [из них] гласная, другая – двойная согласная. Отсюда следу-

ет, как полагают некоторые, что в латинском языке букв не больше семнадцати, [ведь так будет], если из двадцати трех одна является знаком придыхания, одна – двойной, две – лишними, две – греческими.

Некоторые устанавливают буквам три [признака]: имя (nomen), начертание (figura)¹³, свойство (potestas). Ведь [нам] известно, как буква называется, каково ее начертание, и на что она влияет.

<...>

[II. 1.] О ЧАСТЯХ РЕЧИ

Частей речи – восемь: имя, местоимение, глагол, наречие, частица, союз, предлог, междометие¹⁴. Из них две части речи являются основными – [это] имя и глагол. Латиняне не причисляют [к частям речи] артикль, [а] греки – междометие. Многие [из грамматистов¹⁵] полагают, что частей речи больше, [а] многие – меньше¹⁶. Из всех же [частей речи] есть три, которые изменяются по шести падежам, – [это] имя, местоимение и причастие.

[II. 2.] ОБ ИМЕНИ

Имя есть часть речи¹⁷ с падежом, обозначающее сущее (corpus) или предмет (gen) в собственном [смысле] или в общем¹⁸; в собственном [смысле] – как **Roma** (Рим), **Tiberis** (Тибр), в общем – как **urbs** (город), **flumen** (река). Акциденций у имени шесть¹⁹: качество, сравнение, род, число, фигура [составления], падеж²⁰. [Собственное] имя есть лишь у [одного] человека, наименование (appellatio) – у многих [людей и предметов], название (vocabulum) – у предметов. Но, таким образом, мы в общем сказали об именах.

[II. 2. 1. *Качество имен*]

По качеству имена – двойные. Ведь есть или собственные имена, или нарицательные.

[II. 2. 2. *Виды имен*]

У латинян есть четыре вида собственных имен: личное имя (praenomen), родовое имя (nomen), семейное прозвище (cognomen), дополнительное прозвище (agnomen), как **Публий Корнелий Сципион Африканский**. Все личные имена обозначаются или одной буквой, как **G** [и] **P**, или двумя, как **Gn**, или тремя, как **Sex**²¹; виды нарицательных имен многочисленны²². Ведь одни [из них относятся к] телесному (corporalia), как **homo** (человек), **terra** (земля), **mare** (море), другие – к бес-

телесному (*incorporalia*), как **pietas** (почтительность), **iustitia** (справедливость), **dignitas** (достоинство).

Одни [имена] являются первичными (*primae positiones*), как **mons** (гора), **schola** (школа), другие – производными (*derivativa*), как **montanus** (горный), **scholasticus** (ученик, студент), третьи – уменьшительными (*diminutiva*), как **monticulus** (горочка), **scholasticulus** (ученичок, студентик). У уменьшительных [имен] есть три степени [уменьшения]: чем меньше становится обозначаемое [слово] по значению (*forma*), тем обычно у него большее количество слогов²³.

Есть также как будто уменьшительные (*quasi deminutiva*) [имена], происхождение (*origo*) которых не известно, как **fabula** (бобик)²⁴, **macula** (пятно), **tabula** (таблица), **vinculum** (оковы).

Есть имена целиком склоняемые по-гречески, как **Themisto** (Фемистокл), **Calypso** (Калипсо), **Pan** (Пан); есть [имена] целиком подчиняющиеся правилам латинского языка, как **Polydeuces – Pollux** (Поллукс), **Odysseus – Vlixes** (Улисс); есть [имена, имеющие] форму [слова] отчасти греческую, отчасти латинскую, которые называются смешанными (*notha*), как **Achilles** (Ахилл), **Agamemno** (Агамемнон).

Одни [имена] – омонимы (*homonyma*), которые обозначают многие [слова] с одинаковым произношением (*appellatio*), как **nepos** (племянник), **acies** (острие), **aries** (баран)²⁵; другие – синонимы (*synonyma*) или полиномы (*polynoma*), как **terra – humus** (земля, почва) [и] **ensis – mucro – gladius** (меч рубящий, кинжал, остроконечный меч)²⁶.

Третьи [имена] – патронимы (*patronymica*), как **Atrides** (Атрид, [сын Атрея]), **Pelides** (Пелид, [сын Пелея]): они часто происходят от [имен] предков или прародительниц. Для тех [имен], которые являются греческими или происходят от мужских [имен], или от женских, мы в большей степени будем соблюдать греческое правило. Из них мужские [имена] оканчиваются или на **-des**, как **Atrides** (Атрид) от **Atreo**, или на **-ius**, как **Peleius** (Пелей) от **Peleo**, или на **-ion**, как **Nerion** (Нерей) от **Nerio**. Женские же [имена] оканчиваются или на **-is**, как **Atreis** (Атрея), или на **-as**, как **Peleias** (Пелея), или на **-ne**, как **Nerine** (Нерея). Есть также ктетические (*ctetica*) [имена], то есть притяжательные, которые оканчиваются на **-ius**, как ‘**Euandrius euis**’ (Эвандров меч)²⁷, [или на **-ae**, как] ‘**Agamemnoniaequae Mucenae**’ (Агамемноновы Микены)²⁸.

Есть другие [имена] промежуточного (*mediae*) значения, они прилагаются к [другим] именам, например, **magnus** (великий), **fortis** (храбрый); ведь мы говорим ‘**magnus vir**’ (великий муж), ‘**fortis exercitus**’ (храбрый воин); они также называются эпитетами (*epitheta*), то есть прилагательными (*adiectiva*)²⁹.

Одни [имена] показывают качество (*qualitatis*), как **bonus** (хороший), **malus** (дурной); другие – количество (*quantitatis*), как **magnus** (большой), **parvus** (малый); третьи – род (*gentis*), как **Graecus** (греческий), **Hispanus** (испанский); четвертые – отечество (*patriae*), как **Thebanus** (фиванский), **Romanus** (римский); пятые – число (*numeri*), как **unus** (один), **duo** (два), шестые – порядок (*ordinis*), как **primus** (первый), **secundus** (второй); но мы говорим **primus** [выбирая первого] из многих, [а при выборе первого] из двух [мы скажем] **prior**, следовательно, [выбирая] из двух мы употребляем одно [имя, выбирая] из многих – другое.

Одни имена сказываются относительно кого-то, как **pater** – **frater**, а другие имеют какое-то относительное [качество], как **dexter** (правый), **sinister** (левый); они и сравнительную степень допускают, как **dexterior** (более правый, правее), **sinisterior** (более левый, левее).

Одни [имена] – родовые (*generalia*), как **corpus** (тело), **animal** (животное), другие – видовые (*specialia*), как **lapis** (камень), **homo** (человек), **lignum** (дерево); третьи – отлагольные, как **doctor** (доктор), **lector** (лектор)³⁰; четвертые [по грамматической форме похожи] на причастия, как **demens** (безумец), **sapiens** (мудрец), **potens** (всемогущий), пятые – похожи на глаголы, как **comedo** (чревоугодник), **palpo** (льстец), **contemplator** (стрелок), **speculator** (лазутчик); но те [имена] различаются тем, что имеют сравнительные степени, а эти – падежи³¹.

[II. 2. 3. Степени сравнения имен]

[У имен] есть три степени сравнения: положительная (*positivus*), сравнительная (*comparativus*), превосходная (*superlativus*). Положительная, как **fortis** (сильный); сравнительная, как **fortior** (сильнее); превосходная, как **fortissimus** (сильнейший). Сравнительная степень всегда имеет общий род³².

Сравниваются же [те] имена, которые обозначают качество или количество. Не все [имена] обладают всеми [тремя] степенями.

Иногда встречается только положительная степень, как **mediocris** (умеренный); иногда – положительная и сравнительная, как **senex** (старый), **senior** (дряхлый); иногда – положительная и превосходная, как **pius** – **piissimus** (почтительный – почтительнейший); ведь при второй [т. е. сравнительной] степени мы помещаем наречие **magis** (более), как **magis pius** (более почтительный); иногда [бывает только] сравнительная и превосходная [степени], как **ulterior** – **ultimus** (дальний – отдаленнейший); иногда – только превосходная, как **novissimus** (последний). Сверх того, есть формы [для] **bonus** (хороший) и **malus** (дурной), ведь мы гово-

рим **bonus – melior – optimus** (хороший – лучший – наилучший); **malus – peior – pessimus** (дурной – худший – наихудший).

Сравнение имен надлежащим образом в сравнительной и превосходной степени установлено. Ибо положительная [степень] является совершенной и абсолютной³³.

Часто же сравнительная степень помещается перед превосходной, как **stultior stultissimo** (глупее наиглупейшего), **maior maximo** (больше наибольшего). Часто эта самая [степень] обозначает меньшее от положительной, хотя сохраняет сравнение, как ‘**mare Ponticum dulcius quam cetera**’³⁴. Часто эта самая [степень], помещенная перед положительной, обозначает меньшее и никак не сравнивается, как:

iam senoir, sed || cruda deo viridisque senectus³⁵.

Есть имена уменьшительные по значению, понимаемые [как] сравнительные, как **grandiusculus** (довольно большой), **maiusculus** (несколько бóльший), **minusculus** (довольно маленький). Но к [именам в] сравнительной и превосходной степени не следует присоединять [такие слова как] **tam** (так, настолько) или **minus** (меньший), или **minime** (наименьший), или **magis** (больший), или **maxime** (наибольший); ибо они присоединяются только к [именам в] положительной [степени] – ведь мы говорим: **tam bonus** (такой хороший) – **tam malus** (такой плохой); **minus bonus** (менее хороший) – **minus malus** (менее плохой); **minime bonus** (наименее хороший) – **minime malus** (наименее плохой); **magis bonus** (более хороший) – **magis malus** (более плохой); **maxime bonus** (наиболее хороший) – **maxime malus** (наиболее плохой).

[Имена] в сравнительной степени соединяются³⁶ с аблативом единственного или множественного чисел (*utriusque numeri*); они используются, когда мы сравниваем кого-либо или с чужим, или со своим родом, как ‘**Hector fortior Diomede**’ (‘Гектор сильнее Диомеда’) или ‘**audacior Troianis fuit**’ (‘он был храбрее троянцев’), мы также говорим и ‘**fortior hic quam ille est**’ (‘сильнее этот, чем тот’).

[Имена] в превосходной же [степени] соединяются³⁷ с генетивом только множественного числа, но используются тогда, когда мы сравниваем кого-либо со своим родом, как ‘**Hector fortissimus Troianorum fuit**’ (‘Гектор был сильнейшим из троянцев’)³⁸. В основном, превосходная [степень] ставится перед положительной и никак не сравнивается, как **Iuppiter optimus maximus** (‘Юпитер Всеблагой Величайший’)³⁹.

Между тем [имена] в сравнительной степени соединяются с номинативом⁴⁰, как ‘**doctior hic quam ille est**’ (‘ученее этот, чем тот’).

[II. 2. 4. *Род имен*]

У имен четыре рода: мужской (*masculinum*), женский (*femininum*), средний (*neutrum*), общий (*commune*). Мужской [род имени] есть [тот], которому предстоит местоимение или артикль **hic** в единственном числе, в номинативе, как **hic magister** (этот учитель). Женский [род имени] есть [тот], которому предстоит местоимение или артикль **haec** в единственном числе, в номинативе, как **haec Musa** (эта Муза). Средний [род имени] есть [тот], которому предстоит местоимение или артикль **hoc** в единственном числе, в номинативе, как **hoc scamnum** (эта скамья)⁴¹. Общий [род имени] есть [тот], который одновременно обозначает и мужское, и женское, как **hic [sacerdos]** и **haec sacerdos** (этот [жрец] и эта жрица).

Но из [всех] этих [родов] есть два первоначальных или единородственных – мужской и женский. Ибо средний [род] и общий произошли из [тех] обоих. Есть даже общий род из трех родов⁴², который употребляется (*dicitur*) по отношению ко всему, как **hic [felix]**, **haec [felix]** и **hoc felix** (этот [счастливый], эта [счастливая] и это счастливое). Есть эпицен (*epicoepon*), или смешанный (*promiscuum*) [род имен], который охватывает одной лексемой (*significatione*) мужское и женское, как **passer** (воробей), **aquila** (орел).

А есть и иные, по звучанию – мужского [рода], по смыслу – женского, например: **Eunuchus comoedia** (Евнохова комедия), **Orestes tragoedia** (Орестова трагедия), **Centauris navis** (Кентавров корабль); а иные, по звучанию – женского [рода], по смыслу – мужского, например: **Fenestella scriptor** (писатель Фенестелла), **Aquila orator** (ритор Аквила); иные, по звучанию – среднего [рода], по смыслу – женского, например: **Phronesium mulier** (женщина Фронесии) или **Glycerium** (Гликерии); иные, по звучанию – женского [рода], по смыслу – среднего, например: **poema** (поэма), **schema** (вид); иные, по звучанию – мужского [рода], по смыслу – среднего, например: **pelagus** (море), **vulgus** (простонародье).

Кроме того, есть имена, имеющие в единственном числе один род, [а] во множественном [числе] – другой, как **balneum** (бани), **Tartarus** (Тартар), **caelum** (небо), **porrum** (порей), **caepe** (лук), **locus** (место), **iocus** (шутка), **forum** (форум)⁴³.

Также есть имена неопределенного [*incerti*] рода, между мужским и женским, как **cortex** (кора), **silex** (кремень), **radix** (корень), **finis** (конец), **stirps** (ветвь), **pinus** (сосна), **pampinus** (усик винограда), **dies** (день)⁴⁴. Есть [имена] неопределенного рода, между мужским и средним, как **frenum** (удила), **clipeus** (оплот), **vulgus** (простонародье), **specus**

(полость)⁴⁵. Есть [имена] неопределенного рода, между женским и средним, как **buxus** (самшит), **pirus** (грушевое дерево), **prunus** (сливовое дерево), **malus** (яблоня)⁴⁶; но мы часто говорим в среднем [роде] **fructum** (плод), в женском – **ipsas arbores** (сами деревья).

Род у имен может быть неизменным (*fixa*) [и] переменным (*mobilia*)⁴⁷. Неизменный [род тогда бывает], когда в другой род имена не могут обратиться, как **mater** (мать), **soror** (сестра), **pater** (отец), **frater** (брат). Переменного [рода] бывают или собственные [имена] – и [тогда] они образуют два рода, как **Gaius** – **Gaia** (Гай – Гайя), **Marcus** – **Marcia** (Марций – Марция), или нарицательные – они образуют три рода, как **bonus** – **bona** – **bonum** (хороший – хорошая – хорошее), **malus** – **mala** – **malum** (дурной – дурная – дурное).

А есть и такие [имена], что не вполне неизменны и не вполне изменчивы, как **draco** – **dracaena** (змея – змея), **leo** – **leaena** (лев – львица), **gallus** – **gallina** (петух – курица), **rex** – **regina** (царь – царица).

А некоторые уменьшительные (*deminutiva*) [имена] не сохраняют рода, полученного от первичных имен⁴⁸, как **scutum** – **scutula** – **scutella** (большой щит – блюдо – блюдце⁴⁹), **pistrinum** – **pistrilla** (мельница – маленькая мельница), **canis** – **canicula** (собака – собачка), **rana** – **ranunculus** (лягушка – лягушонок), **statua** – **statunculum** (статуя – статуэтка)⁵⁰.

[II. 2. 5. Родовые окончания имен]

Имена, оканчивающиеся в номинативе единственного числа на гласную **-a**, бывают или мужского рода, как **Agrippa** (Агриппа), или женского, как **Marcia** (Марция), или общего, как **advena** (пришелец), или среднего, как **toreuma** (изделие), последнее, однако, греческое.

Имена, оканчивающиеся в номинативе единственного числа на гласную **-e**, бывают или женского рода, как греческое **Euterpe** (Эвтерпа), или среднего, как латинское **sedile** (сиденье).

Имена, оканчивающиеся в номинативе единственного числа на гласную **-i**, бывают или среднего рода, как греческие **gummi** (камедь), **sinapi** (горчица), или трех родов, что есть аптотон (*aptoton*), как **frugi** (разумный), **nihili** (ничего).

Имена, оканчивающиеся в номинативе единственного числа на гласную **-o**, бывают или мужского рода, как **Scipio** (Сципион), или женского, как **Iuno** (Юнона), или общего, как **pomilio** или **papilio** (бабочка).

Имена, оканчивающиеся в номинативе единственного числа на гласную **-u**, [бывают] только среднего рода, как **cornu** (рог), **genu** (колено), **gelu** (мороз), **specu** (пещера), **veru** (вертел).

Но все эти [имена] и [те], которые оканчиваются на согласные, подчиняются многим и разнообразным правилами.

[II. 2. 6. Числа имен]

[У имен] есть два числа: единственное (*singularis*) и множественное (*pluralis*); единственное, как **hic sapiens** (этот мудрец), множественное, как **hi sapientes** (эти мудрецы)⁵¹. Есть и двойственное (*dualis*) число, которого не бывает у [имен] единственного числа, как **hi ambo** (эти оба), **hi duo** (эти двое). Есть также имена общего (*communis*) числа, как **res** (вещь), **nubes** (облако), **dies** (день), **finis** (предел).

Есть [имена] мужского рода, которые [принимают] только единственное [число], как **pulvis** (пыль), **sanguis** (кровь)⁵²; [есть имена мужского рода, которые принимают только] множественное [число], как **manes** (души умерших), **Quirites** (квириты), **cancelli** (пределы); [есть имена] женского рода, допускающие только единственное [число], как **pax** (мир), **lux** (свет); [есть имена] всегда множественного [числа], как **Kalendae** (Календы), **nundinae** (нундины), **feriae** (праздники), **quadrigae** (квадрига), **nuptiae** (свадьба), **scalae** (лестница), **scopae** (цель); [есть имена] среднего рода, имеющие только единственное [число], как **pus** (гной), **virus** (слизь), **aurum** (золото), **argentum** (серебро), **oleum** (растительное масло), **ferrum** (железо), **triticum** (пшеница) и почти все остальные [имена], которые имеют отношение к мере или весу, впрочем многие [из таких имен] употребляются в разговорной речи, как **vina** (вино), **mella** (вода с медом), **hordea** (ячмень); есть [имена] всегда множественного [числа] того же рода, как **arma** (оружие), **moenia** (городские стены), **Floralia** (Флоралии), **Saturnalia** (Сатурналии).

Одни [имена] по [грамматическому] положению [имеют] единственное число, [а] по смыслу – множественное, как **populus** (народ), **conventus** (собрание), **contio** (собрание, речь), **plebs** (плебс); а другие [имена] по [грамматическому] положению [имеют] множественное число, [а] по смыслу – единственное, как **Athenae** (Афины), **Cumae** (Кумы), **Thebae** (Фивы), **Mycenae** (Микены).

[II. 2. 7. Фигуры составления имен]

У имен есть две фигуры [составления]: простая (*simplex*) и составная (*composita*)⁵³: простая, как **doctus** (ученый), **potens** (могущественный); составная, как **indoctus** (неученый), **impotens** (немогущественный). Составляются же имена четырьмя способами: из двух полных

(*integris*) [форм], как **suburbanus**; из двух неполных (*corruptis*) [форм], как **efficax**, **municeps**; из полной [формы] и неполной, как **ineptus**, **insulus**; из неполной и полной [форм], как **pennipotens**, **nugigerulus**.

Также они составляются из многих [форм], как **inexpugnabilis**, **inperterritus**⁵⁴.

При склонении составных имен мы должны обратить внимание на те, которые, будучи составлены из двух номинативов, в той и другой части склоняются по всем падежам, как **equus Romanus** (римский воин), **praetor urbanus** (городской претор); и те [имена], которые, будучи составлены из номинатива и какого-либо другого падежа, склоняются только в той части, которая произошла от номинатива, как **praefectus equitum** (командир конного отряда), **senatus consultum** (сенатское постановление).

Нам следует также следить за тем, чтобы не составлять такие имена, которые [уже] составлены или вовсе не могут быть составными.

II. 2. 8. [Падежи и склонение имен]

Существует шесть падежей: номинатив, генетив, датив, аккузатив, вокатив и аблатив⁵⁵. Из них два [падежа], номинатив и вокатив, называются прямыми (*recti*), остальные – косвенными (*obliqui*) или добавленными⁵⁶. Греки не имеют аблатива; этот [падеж] некоторые называют латинским, а некоторые – шестым падежом. Номинатив же таков: **hic Cato** (этот Катон), генетив – **huius Catonis**, датив – **huic Catoni**, аккузатив – **hunc Catonem**, вокатив – **o Cato**, аблатив – **ab hoc Catone**. Некоторые же прибавляют даже седьмой падеж, который схож с аблативом, но [употребляется] без предлога **ab**, как если бы аблатив был – ‘**ab oratore venio**’ (прихожу от оратора), [а] седьмой падеж – ‘**oratore magistro utor**’ (есть надобность в учителе ораторского [искусства]).

Также есть шесть падежных форм (*formae*), сообразно которым одни имена – моноптоты (*monoptota*), [имеющие одно падежное окончание]; другие – диптоты (*diptota*), [имеющие два падежных окончания]; третьи – триптоты (*triptota*), [имеющие три падежных окончания]; четвертые – тетраптоты (*tetraptota*), [имеющие четыре падежных окончания]; пятые – пентаптоты (*pentaptota*), [имеющие пять падежных окончаний]; шестые – гексаптоты (*hexaptota*)⁵⁷, [имеющие шесть падежных окончаний]⁵⁸. Помимо этого есть аптоты (*aptota*), которые не изменяются ни по падежам, ни по числам, как **frugi** (разумный), **nihili** (ничто), **nequam** (негодный), **fas** (закон), **nefas** (беззаконие), **nugas** (вздорный)⁵⁹. К такой форме [относятся] также имена числительных от четырех вплоть до ста. По всем падежам склоняются числа от одного до трех, а

также от двадцати и далее, за исключением тысячи. Есть имена, которые не употребляются в номинативе, как если бы кто-нибудь сказал: **hunc laterem** (такой ширины) или **ab hac dictione** (от этой власти). Также по другим падежам многие имена изменяются.

Кроме того, есть имена, одни из которых требуют генетива, как **ignarus belli** (чуждый войны), **securus amorum** (беззаботный из-за любви), другие – датива, как **inimicus malis** (враждебный порокам), **congruus paribus** (подходящий ровесникам), третьи – аккузатива, но в переносном значении (*sed figurate*), как **exosus⁶⁰ bella** (ненавидящий войны), **praescius futura** (предвидящий будущее), четвертые – аблатива, как **secundus a Romulo** (второй после Ромула)⁶¹, **alter a Syllō** (другой после Суллы), пятые – седьмого⁶² падежа, как **dignus munere** (достойный должности), **mactus virtute** (прославленный доблестью).

Все имена в аблативе единственного числа оканчиваются на пять гласных букв, за исключением тех, которые являются аптотами – ведь те не подчиняются правилам.

Какие бы имена не оканчивались на букву **a** в аблативе единственного числа, в генетиве множественного числа они оканчиваются на слог **-rum**, в дативе и в аблативе [множественного числа] – на [слог] **-is**, как **ab hac Musa** (от этой Музы), **harum Musarum** (этих Муз), **his [Musis]** и **ab his Musis** (этими [Музами] и от этих Муз). Это правило склонения с необходимостью нарушается у тех имен, которые различаются по родам, как **ab hac dea** (от этой богини), **harum dearum** (этих богинь), **his [deabus]** и **ab his deabus** (этими [богинями] и от этих богинь), чтобы, когда мы говорим **deis** (боги), не показалось, что мы имеем в виду **deos** (богов), а не **deas** (богинь).

Какие бы имена не оканчивались на краткую букву **e**⁶³ в аблативе единственного числа, в генетиве множественного числа они оканчиваются на слог **-um**, в дативе и в аблативе [множественного числа] – на [слог] **-bus**, как **ab hoc pariete** (от этой стены), **horum parietum** (этих стен), **his [parietibus]** и **ab his parietibus** (этими [стенами] и от этих стен). Исключения из этого правила обнаруживаются в таких случаях, как **ab hoc vase** (от этой вазы), **horum vasorum** (этих ваз), **his [vasis]** и **ab his vasis** (этими [вазами] и от этих ваз).

Если же [имена] оканчиваются на долгую **-e** [в аблативе единственного числа], в генетиве множественного числа они оканчиваются на слог **-rum**, в дативе и в аблативе [множественного числа] – на [слог] **-bus**, как **ab hac re** (от этой вещи), **harum rerum** (этих вещей), **his [rebus]** и **ab his rebus** (этими [вещами] и от этих вещей); считается, что это правило особенно присуще [именам] женского рода.

Какие бы имена не оканчивались на букву **i** в аблативе единственного числа, в генетиве множественного числа они оканчиваются на слог **-ium**, в дативе и в аблативе [множественного числа] – на [слог] **-bus**, как **ab hac puppi** (от этого корабля), **harum puppium** (этих кораблей), **his** и **ab his puppibus** (этими [кораблями] и от этих кораблей). Имена такого рода в аккузативе множественного [числа] отличаются тем, что скорее оканчиваются на слог **-is**, чем на **-es**, как **has puppis, navis, clavīs**.

У имен, которые в генетиве множественного числа могут оканчиваться на слог **-ium**, есть три правила: во-первых, в номинативе единственного числа они оканчиваются на буквы **n** и **s**, как **mons – montium**; во-вторых, будучи женского рода в аблативе единственного числа, они оканчиваются на краткое **-e**, как **ab hac clade – harum cladium, [caede – caedium]**; в-третьих, в аблативе единственного числа они оканчиваются на букву **i**, как **ab hac resti – harum restium**. Между тем, это правило иногда также производит аккузатив единственного числа через букву **i**, как **hanc restim, hanc puppim**. Можно увидеть, что многие имена из этой группы в повседневной речи изменились (conmutata).

Какие бы имена не оканчивались на букву **o** в аблативе единственного числа, в генетиве множественного числа они оканчиваются на слог **-rum**, в дативе и в аблативе [множественного числа] – на [слог] **-is**, как **ab hoc docto – horum doctorum – his [ab his doctis]** и **ab his doctis**. Исключения из этого правила мы находим [в таких примерах], как **ab hac domo – domorum – domibus** и **ab hoc iugero – iugorum – iugibus**.

Но мы должны знать, что древние склоняли многие [имена] иначе, как **ab hac domu – harum domuum – domibus** и **ab hoc iugere – iugurum – iugibus**, однако, в разговорной речи больше ценится благозвучие (euphoniā), чем единообразие (analogiā) или правило наставников.

Какие бы имена не оканчивались на букву **u** в аблативе единственного числа, в генетиве множественного числа они оканчиваются на слог **-uum**, с удвоенной буквой **u**, в дативе и в аблативе [множественного числа] – на [слог] **-bus**, как **ab hoc fluctu – horum fluctuum – his [fluctibus]** и **ab his fluctibus**. Ведь нет никакой необходимости удерживать букву **u** и говорить **fluctubus**, хотя мы по необходимости скажем **artubus**, чтобы не подумали, что мы подразумеваем **artes** (искусства), а не **artus** (суставы).

К этому правилу не подходят, как было сказано, имена, [называемые] аптотами, как **fas** (правда), **nefas** (неправда), **nequam** (негодный), **nihili** (ничто), **nugas** (вздорный); [также к нему] не подходят [имена], имеющие только множественное число, как **Saturnalia** (Сатурналии),

Vulcanalia (Вулканалии), **Conpitalia** (Компиталии); [также] не подходят [имена], которые мы заимствовали от греков, как **emblema** (накладной орнамент), **epigramma** (надпись), **stemma** (венок), **poema** (стихотворение), **schema** (вид), поскольку древние склоняли имена такого вида (*forma*) даже по женскому роду.

В этих правилах единообразия (*analogia*) подмечается либо из сопоставления имен существительных [*positivorum*], либо посредством уменьшения⁶⁴.

Следует также помнить, что греческие имена склоняются лучше по греческому образцу (*formam*), хотя многие пытаются их склонять и по латинским падежам. В общем же, в именительном падеже единственного [числа] латинские имена оканчиваются на двенадцать букв: на пять гласных, шесть согласных (*semivocalibus*), одну немую, [то есть на] **a, e, i, o, u, l, m, n, r, s, x, t**, как **tabula, sedile, frugi, ratio, genu, mel, scamnum, flumen, arbor, flos, nox, caput**. Некоторые добавляют [букву] **c**, как **allec, lac**.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, l и v.

² Например, p, b, t.

³ Здесь и далее выделения курсивом, полужирным шрифтом и полужирным курсивом принадлежат нам.

⁴ Holtz.

⁵ То есть двойная гамма, древнегреческая (эолийская) буква F, соответствующая латинской V.

⁶ Holtz.

⁷ Holtz.

⁸ В оригинале (éd. Holtz. P. 604, vv. 5-6): “Huic item digammon adscribi solet, cum sibi ipsa praerponitur, ut **servus vulgus**”. Ср. *Diom.* // GL I, P. 425, v. 32: “...u... geminata digammon accipit...”.

⁹ Здесь речь идет о звуке. Понятия буква и звук часто смешивались латинскими грамматистами. Об этом см. *Петрова*. 2009. С. 199. Примеч. 10.

¹⁰ Напр., *flabellum*, i (n) – веер, опахало; *fragmentum*, i (n) – обломок, кусок.

¹¹ Например, *Kalendae*.

¹² Например, *quum* (cum); *quotus*, a, um.

¹³ Термин *figura* здесь обозначает буквенное начертание, в отличие от употребления аналогичного термина при описании имен, обозначающего состав слова. См., например, *Донат*. Краткая наука о частях речи... С. 306–307.

¹⁴ Не только Донат, но и многие другие римские грамматисты III–V вв. за-

нимались вопросами морфологии и выделяли восемь частей речи. Среди них Харисий (см. GL I. P. 152, v. 11), Диомед (см. GL I. P. 300, v. 17), Досифей (см. GL VII. P. 389, v. 8), Консентий (см. GL V. P. 338, v. 4), Валерий Проб (см. GL IV. P. 51, v. 18), Марий Викторин (GL VI. P. 192, v. 2). В целом, части речи и их названия известны в римской грамматической науке с I в. н. э. Определение имени как части речи у большинства римских грамматистов, включая Доната, напоминает определение Дионисия Фракийца (GG I.1 = TLG – 0063 001 [P. 24, vv. 3-5]) и Ремия Палемона (согласно Харисию: GL I. P. 152, vv. 17-19).

¹⁵ В нашей публикации мы называем ранних авторов «грамматистами», а не грамматиками. Мы намеренно отступаем от традиции, с целью устранения смешения между «авторами-грамматиками» и их сочинениями — «грамматиками». См. Светоний. О грамматиках 4, 1-5 (PHI 5.3 – 1348): «Обычай закрепил за грамматиками греческое название; первоначально же они назывались “литератами” (initio litterati vocabantur). Об этом говорит и Корнелий Непот в книжке, где он устанавливает различие между “литератом” и “ученым” (distinguit litteratum ab eruditio): он утверждает, что обычно “литератами” зовут тех, кто умеет изящно, тонко и толково говорить и писать, но собственно так следует именовать тех толкователей поэтов, которых греки называют грамматиками (grammatici nomenentur). Назывались они также “литераторами” (litteratores), как указывает в одном письме Мессала Корвин... Некоторые различают “литерата” и “литератора” (litteratum a litteratore distinguunt) так же, как греки — “грамматика” и “грамматиста” (grammaticum a grammatista), т.е. считают, что первый — это человек высокой учености, а второй — лишь посредственной. Орбилий даже подтверждает это мнение примером и говорит: “Когда у предков выводились на продажу чьи-нибудь рабы, то обыкновенно тот из них, кто знал науку кое-как, а не в совершенстве, назывался на табличке не литератом, а литератором» (пер. М. Л. Гаспарова). – Цит. по: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей... С. 221. Другое значение слову litteratus – грамотей.

¹⁶ См. Дионисий Галикарнасский. О сочетании имен 2: «Теодект, Аристотель и современные им философы насчитывали... частей три, давая основное членение речи на имена, глаголы и союзы. Позже, главным образом благодаря руководителям стоической школы, отделившим от союзов члены, их число доведено было до четырех. Последующие же ученые, отделившие от имен собственных нарицательные имена, открыли пять основных частей. Другие, отделив от имен местоимения, ввели шестой элемент; третьи отделили наречия от глаголов и от союзов предлоги и причастия от нарицательных; четвертые путем новых подразделений число основных частей речи увеличили еще более» (пер. И. И. Толстого). – Цит. по: АТ. С. 125. Е. г. о пяти частях речи см.: Хрисипп из Сол. Фрг. 147: «...имя собственное; имя нарицательное, глагол, союз и член» (согласно Диогену Лаэртскому); Он же. Фрг. 148: «...имя, глагол, предлог, член и союз» (согласно Галену). – Цит. по: ФРС II. 1. С. 77.

¹⁷ В целом, римское грамматическое учение III–V вв. об именах основывалось на теории Дионисия Фракийца, Ремия Палемона, Аполлония Дискола. Из латинских источников на первый план выступают тексты Варрона, Веррия Флакка, Пансы, Гая Плиния Секунда, Флавия Капра.

¹⁸ Ср. [Sergius] // GL IV. P. 489, v. 28 – P. 490, v. 1: «Совершенным определением является то, которое отделяет вещь от прочих общих (наименований) и изъ-

яняет ее собственное свойство... “Что есть имя?” – Имя есть часть речи, имеющая падеж, обозначающая тело или вещь собственным или общим образом. Словами “имеющая падеж” он отделил имя от глагола, отделил от наречия, отделил от союза, отделил от предлога, отделил от междометия; но не отделил еще от двух частей речи – от местоимения и причастия. Ибо падежи свойственны местоимению и причастию. Что же отделяет от них имя? Лицо или время: ибо местоимениям свойственно лицо, причастиям – время. Остается сказать, что есть собственное свойство самого имени? – Чтобы оно было либо собственным, либо нарицательным: этого нельзя найти ни в какой другой части речи» (пер. И. М. Тронского). – Цит. по: АТ. С. 126.

¹⁹ В оригинале (*Don.* // [Holtz]. P. 373, vv. 2-3): “Nomini accidunt sex, qualitas, comparatio, genus, numerus, figura, casus. Отсюда в тексте, приписываемом Дмитрию Герасимову, – *падение* имен.

²⁰ Акциденции (т.е. свойства или признаки), названные Донатом, те же, что у Дионисия Фракийца (TLG – 0063 001 [P. 24, v. 6]) и Палемона (ар. *Char.* // GL I. P. 153, v. 6; *Dosith.* // GL VII. P. 391, v. 5), за исключением сравнения (*comparatio*). Ср. также *Diom.* // GL I. P. 320, v. 27: “...nomini accidunt observationis hae, genus numerus figura casus qualitas” («...к имени при рассмотрении добавляются следующие: род, число, фигура, падеж, качество»). Однако у Проба, кроме тех, что названы Донатом, приводятся еще два свойства имени: его положение (*ordo*) по отношению к другим частям речи и ударение (*accentum*). См. *Prob.* // GL IV. P. 73, v. 33 – P. 74, v. 16; P. 74, vv. 32-37.

²¹ Напр.: **G**[aius] (Гай), **P**[ublius] (Публий), **Gn**[ei]us (Гней), **Sex**[tus] (Секст).

²² Здесь и далее ср. *Dion. Thrax. Ars grammatica* 12 (TLG – 0063 001 [P. 25, v. 3 sqq.]). Русский перевод см.: АТ. С. 128–130.

²³ В оригинале: (*Don.* // [Holtz]. P. 615, v. 4-5): “Deminutivorum tres sunt gradus; quorum forma quam magis minuitur, crescit saepe numerus syllabarum”. Вероятно, Донат имеет в виду такие слова, как *ho-mo* – *ho-mul-lus* – *ho-mun-cu-lus* (человек – человечек).

²⁴ *Fabula*, ае (f) – 1) молва, рассказ, предание; 2) *demin.* к *faba*, ае (f) – боб.

²⁵ Здесь имеется в виду окончание, характерное для множественного числа.

²⁶ Ср. *Христиан из Сол.* Фрг. 150 (согл.: *Симпликий*. Комментарий к ‘Категориям’ Аристотеля): «Аристотель, назвав “соименными” то, что имеет одно и то же имя и одно определение (Категории I, 1а 6-12), выразился гораздо удачнее, чем стоики, которые называют так все вещи, имеющие несколько общих имен (например, Парис и Александр – один и тот же человек), да и вообще все вещи, называемые многоименными» (пер. А. А. Столярова). – Цит. по: ФРС II. 1. С. 77–78.

²⁷ *Вергилий*. Энеида X, 394: «Голову, Тимбер, тебе мечом Эвандра отсек он» (пер. С. Ошерова).

²⁸ *Ibid.* VI, 838: «Тот повергнет во прах Агамемнона крепость – Микены» (пер. С. Ошерова).

²⁹ [id est adiectiva] — позднее добавление (Keil. P. 374; Holtz. P. 616).

³⁰ *Doctor* от *doceo*, *docēre* (учить, обучать); *lector* от *lego*, *legēre* (читать вслух).

³¹ Вероятно, Донат зависит от Дионисия Фракийца. Из перечисленных Донатом видов имен, 17 совпадает с указанными Дионисием (см. *Dionysius Thrax. Ars grammatica* // GG. I.1. = TLG – 0063 001 (P. 154, v. 21 – P. 156, vv. 30-35).

³² Имеется в виду, что суффикс -iog, образующий сравнительную степень имен, – общий для имен мужского и женского родов.

³³ Раздел Доната о степенях сравнения имен прилагательных весьма обстоятелен, по сравнению с предшествующими грамматическими текстами, как греческими, так и латинскими. Кроме того, из фразы: “Nam positivus perfectus et absolutus est...” следует, что положительная степень не считается степенью сравнения.

³⁴ *C. Sallustius Crispus. Historiae* III, 65, 1 (PHI 5.3 – 0631): «Понтийское море **слаще**, чем остальные».

³⁵ См. *Вергилий. Энеида* VI, 304: «Бог уже **стар**, но хранит он и в **старости** бодрю силу» (пер. С. Ошерова).

³⁶ В оригинале (*Don. // [Holtz].* P. 618, v. 18): “Comparativus gradus ablativo casui adiungitur...” («Сравнительная степень требует аблатива...»).

³⁷ В оригинале (*Don. // [Holtz].* P. 619, vv. 2-3): “Superlativus autem genetivo tantum plurali adiungitur...” («Превосходная же [степень] требует одного только генетива множественного числа...»).

³⁸ В отличие от Харисия (см. *Char. // GL I.* P. 156, vv. 20-36 – P. 157, vv. 1-22), Донат приводит объяснение и примеры употребления аблатива при сравнительной степени, и генетива – при превосходной.

³⁹ Это посвятельная фраза Юпитеру. Ср. *Tit. Liv. I, 12, 7 (2-3)* (PHI 5.3 – 0914): “Juppiter optimus maximus resistere atque iterare pugnam iubet” – «Юпитер Всеблагий Величайший повелевает остановиться и возобновить сражение».

⁴⁰ В оригинале (*Don. // [Holtz].* P. 619, vv. 5-6): “Interdum comparativus gradus nominativo adiungitur...”.

⁴¹ Scamnum (скамья) в латинском языке среднего рода.

⁴² Харисий употребляет термин “trigenes” (см. *GL I. P. 44, v. 35*), который, возможно, заимствован у Аполлония Дискола (*τριγενής*). См. *Apollonius Dyscolus. De constructione* // GG. II.2. = TLG – 0082 004 (P. 72, v. 7).

⁴³ В оригинале (*Don. // [Holtz].* P. 620, vv. 6-7): “Sunt praeterea nomina in singulari numero alterius generis et alterius in plurali...” Здесь имеются в виду разные падежные окончания, а не различия имен по родам. Например, у имени существительного *balneum, i (n)*, окончание *Nom. Pl. -a [balnea]* (что похоже на окончание *Nom. Sing. имен существительных женского рода, относящихся к первому склонению*).

⁴⁴ Очевидно, приведенные Донатом имена в его эпоху употреблялись в двух родах – мужском и женском. *Oxford Latin Dictionary* (1968) также указывает на двуродовое употребление таких слов, кроме *radix, -icis (f)* и *pinus, -us (f)* – см. P. 1531 и 1382, соответственно.

⁴⁵ Приведенные Донатом примеры различны. Имя существительное среднего рода *frenum, -i* в *Nom. Pl.* часто имеет форму *freni* с окончанием -i, свойственным именам существительным мужского рода; реже оно имеет форму среднего рода *frena*. Имя существительное *vulgus, -i (n)*, в основном, встречается в среднем роде, хотя у ряда авторов оно бывает в мужском. Имя существительное *sperus,*

-us – мужского рода, однако, иногда оно бывает в женском и среднем роде. Имя существительное *clipeus*, -i встречается в двух родах, мужском и среднем. См. Oxford Latin Dictionary. 1968. P. 733, 2122; 1802; 337, соответственно.

⁴⁶ Имена, приведенные Донатом, относятся к женскому роду (см. Oxford Latin Dictionary. 1968. P. 246, 1382; 1510; 1070). Однако их окончание в Nom. Sing. -us похоже на окончание Nom. Sing. имен существительных среднего рода, относящихся к четвертому склонению.

⁴⁷ У других грамматистов об этом не говорится.

⁴⁸ В оригинале (*Don.* / [Holtz]. P. 621, vv. 7-8): “Sunt alia deminutiva quae non servant genera quae ex nominibus primae positionis acciperunt...”.

⁴⁹ *Scutum*, i (n) – большой щит в форме выгнутого прямоугольника, размером 120 x 80 см. Вероятно, этимология связана с формой щита, напоминающего блюдо. В современном языкознании имена *scutula*, ae (f) и *scutella*, ae (f) – уменьшительные формы от *scutra*, ae (f) – плоское блюдо или чаша.

⁵⁰ Другие римские грамматисты, напр., Харисий (GL I. P. 17, vv. 10-17) и Досифей (GL VII. P. 391, v. 7) писали о тех же родах, которые перечислены Донатом: “masculinum”, “femininum”, “neutrum”, “commune”, “epicoenon” или “promiscuum”. Однако Донат, указывая на общую форму имени для трех родов (“trium generum”), которую он также называет “omne genus”, выделяет два первичных (principalia) рода – мужской и женский, считая остальные, средний и общий, производными.

⁵¹ Учение о числах имен грамматистов IV–V вв., в основном, представляет собой рассуждение только об именах, относящихся к двум числам – единственному и множественному. Ср. (e. g.) у Диомеда (GL I. P. 301, vv. 19-22; P. 327, v. 16 – P. 328, v. 29), Проба (GL IV. P. 74, vv. 22-31), Консентия (GL V. P. 348, v. 5). При этом Диомед определяет число (*numerus*) как грамматическую категорию. Донат, помимо указания на два числа, говорит о двойственном числе (*dualis*), существование которого отрицал Консентий (GL V. P. 347, v. 32), а также рассматривает имена, имеющие общие числа (ср. у Проба [GL IV. P. 74, v. 22: ‘*numerus communis*’]).

⁵² Имеется в виду окончание.

⁵³ В грамматической традиции после Палемона было принято рассматривать две формы имен: «простую» и «составную» (или сложную) с четырьмя способами их образования. Ср. у Дионисия Фракийца (GG I.1 = TLG [P. 29]) и Палемона (согл. Харисию [GL I. P. 153, v. 21]). Кроме того, Диомед дал определение для «фигуры», указав на наличие имен, состоящих из многих слов, а также отметив, что греки такие слова называют “*parasyntheta*” (*παράσυνθετον* – ср. у Дионисия Фракийца (*Ibid.*) и Аполлония Дискола (*Ibid.* P. 475)).

⁵⁴ См. примеч. 6 к нашему переводу «Краткой науки о частях речи» Доната (Петрова. 1999. С. 331).

⁵⁵ Не только Донат, но и другие римские грамматисты III–V вв. пользовались названиями падежей, которые были известны ранее. Некоторые из ранних авторов предприняли попытку определить само понятие «падеж». См. *Diom.* // GL I. P. 301, v. 32: «Падежи суть некие ступени склонения, названные так потому, что большинство имен по ним изменяется и падает, уклонившись от своего первого положения» (пер. И. М. Тронского. – Цит. по: АТ. С. 131); *M. Vict.* // GL VI. P. 189,

v. 17; *Consent.* // GL V. P. 350, v. 16. Кроме того, ими рассматривались вопросы о том, является ли номинатив падежом (см. *Serv.* // GL IV. P. 433, v. 12; *Char.* // GL I. P. 154, v. 9; *Diom.* // GL I. P. 302, v. 3; *Pomp.* // GL V. P. 170, v. 31); каковы функции «седьмого падежа» (*casus septimus*) (см. *M. Cl. Cacer.* // GL VI. P. 447, vv. 14-28; *Char.* // GL I. P. 154, vv. 11-15; *Don.* – ad. loc.; *Diom.* // GL I. P. 317, v. 23 – P. 318, v. 22; *Consent.* // GL V. P. 351, vv. 12-17; *Mar. Vict.* // GL VI. P. 190, vv. 3-9) и “*casus octavus*” (см. *Serv.* // GL IV. P. 433, v. 23; *Cled.* // GL V. P. 12, v. 5; P. 44, v. 17; *Pomp.* // GL V. P. 183, vv. 22; *Consent.* // GL V. P. 351, v. 17).

⁵⁶ О делении падежей на прямые и косвенные, помимо Доната, говорят и другие грамматисты.

⁵⁷ Донат употребляет греческую терминологию, по всей видимости, восходящую к Аполлонию Дисколу (е. г. *μονόπτωτα* [De constructione = TLG – 0082 004. P. 41, v. 9], *διπτωτα* [De pronominis = TLG – 0082 001. P. 91, v. 7] и др. См. также *Scholia Vaticana*... // GG. I.3: “...τὰ μὲν μονόπτωτα, τὰ δὲ διπτωτα, τὰ δὲ τρίπτωτα, τὰ δὲ τετράπτωτα, τὰ δὲ πεντάπτωτα”. Для определения этих понятий римские грамматисты пользовались такими терминами, как: “*unaria*”, “*binaria*”, “*ternaria*”, “*quaternaria*”, “*quinaria*” (см. у Сацердота [GL VI. P. 433, v. 12], Проба [GL IV. P. 82, v. 80], Харисия [GL I. P. 150, v. 22], Диомеда [GL I. P. 308, v. 7]). Помимо этого, латинские авторы вводили и собственные названия, например: “*unita*” (*Char.* // GL I. P. 150, v. 23), “*monaria*” (*Prob.* // GL IV. P. 121, v. 12) – для обозначения однопадежных имен; “*bipertita*” (*Char.* // GL I. P. 150, vv. 22-23; *Diom.* // GL I. P. 308, v. 8; *Pomp.* // GL V. P. 172, v. 3) – для обозначения двухпадежных имен; “*tripertita*” (*Prob.* // GL IV. P. 214, vv. 7-8, 16; *Pomp.* // GL V. P. 172, v. 4) – для обозначения трехпадежных имен; “*quadripertita*” (*Prob.* // GL IV. P. 214, v. 7) – для обозначения четырехпадежных имен; “*quinquerertita*” (*Pomp.* // GL V. P. 172, v. 7) – для обозначения пятипадежных имен.

⁵⁸ Речь идет об именах прилагательных, которые можно рассматривать по окончаниям в именительном падеже для мужского, женского и среднего родов в единственном и во множественном числе. Так, прилагательное “*magnus* – *magna* – *magnum*” («большой – большая – большое»), относящееся к I-II склонениям, стоит в именительном падеже в единственном числе. Оно же имеет иные окончания в именительном падеже множественного числа (“*magni* – *magnae* – *magna*”). Таким образом, это имя в указанном падеже может быть рассмотрено как имя, имеющее шесть падежных окончаний («гексапTOT»). Это же прилагательное в генетиве может быть рассмотрено как «тетрапTOT», поскольку в единственном числе оно изменяется по окончаниям как “*magni* – *magnae* – *magni*”, а во множественном, как “*magnorum* – *magnarum* – *magnorum*”; в дативе – как «трипTOT», поскольку в единственном числе оно имеет окончания: “*magno* – *magnae* – *magno*”, во множественном числе для всех родов – “*magnis*” и т. д. Это же рассуждение применимо и к именам прилагательным трех, двух и одного окончаний, относящихся к III склонению. Например, имя прилагательное трех окончаний (*Nom. Sing.*) “*acer* – *acris* – *acre*”; (*Nom. Pl.*) “*acres* – *acres* – *acria*” может считаться в указанном падеже «пентапTOTом»; имя прилагательное двух окончаний (*Nom. Sing.*) “*omnis* – *omnis* – *omne*”, (*Nom. Pl.*) “*omnes* – *omnes* – *omnia*” – «тетрапTOTом»; имя прилагательное одного окончания (*Nom. Pl.*) “*prudens* – *prudens* – *prudens*”, (*Nom. Pl.*) “*prudentes* – *prudentes* – *prudentia*” – «трипTOTом». Соответственно, эти же прилагательные можно объяснить аналогичным образом и применительно к косвенным падежам.

⁵⁹ То есть несклоняемые слова.

⁶⁰ Exosus от odi, –, idisse [defect.].

⁶¹ Ср. *Horatius*. Sermones II, 3, 193: “...heros ab Achille secundus” («...второй после Ахилла, герой»).

⁶² Имеется в виду аблатив.

⁶³ Здесь речь идет о звуке. См. также *выше*, примеч. 9.

⁶⁴ Ср. *Macrobius*. Saturnalia (Willis) I, 4, 9.

*Перевод с латинского и примечания
М. С. Петровой*

БИБЛИОГРАФИЯ

(И ПРИНЯТЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ)

Издания Ars grammatica Доната

Donat et la tradition de l'enseignement grammatical: étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle) / Éd. par L. Holtz. Paris, 1981. P. 603–605, P. 613–628. – [Holtz].

Donati ars grammatica / Ed. H. Keil // Grammatici Latini. Lipsiae [GL], 1864. Vol. IV. P. 367–368, 372–379. – [Keil].

Перевод на русский язык Ars Minor Доната

Донат. Краткая наука о частях речи / Пер. с лат., текст, примеч. М. С. Петровой // Диалог со временем 1. 1999. С. 306–334.

Издания грамматических текстов греческих и латинских авторов

Apollonius Dyscolus. De constructione / Ed. G. Uhlig // Grammatici Graeci [GG]. Vol. II.2. Leipzig: Teubner, 1910; repr. Hildesheim: Olms, 1965. P. 1–497. = Thesaurus Linguae Graecae. 1999 [TLG] – 0082 004.

Apollonius Dyscolus. De pronomibus / Ed. R. Schneider / GG. Vol. II.1. Leipzig: Teubner, 1878; repr. Hildesheim: Olms, 1965. P. 3–116. = TLG – 0082 001.

Consentii Ars de nomine et verbo // GL V. 1868. P. 338–385.

Dionysius Thrax. Ars grammatica / Ed. G. Uhlig // GG. Vol. I.1. Leipzig: Teubner, 1883; repr. Hildesheim: Olms, 1965. P. 5–100. = TLG – 0063 001.

Diomedis Artis grammaticae libri III // GL I. 1857. P. 299–529.

Dosithei Ars grammatica // GL VII. 1880. P. 376–436.

Flavii Sosipatri Charisii Artis grammaticae libri V // GL I. 1857. P. 1–296.

M. Claudii Cacerdotis Artium grammaticarum // GL VI. 1874. P. 427–546.

Marii Victorini Artis grammaticae libri IV // GL VI. 1874. P. 3–184.

Pompeii Commentum Artis Donati // GL V. 1868. P. 95–312.

Probi Instituta artium // GL IV. 1864. P. 47–192.

Q. Remmius Palaemon. Fragmenta Artis grammaticae. = Packard Humanities Institute. Version 5 [PHI 5.3] – 0963.

[Sergii] Explanatum in Artem Donati // GL IV. 1864. P. 486–565.

Servii Commentarius in Artem Donati // GL IV. 1874. P. 405–448.

Scholia Vaticana (partim excerpta ex Georgio Choerobosco, Georgio quodam, Porphyrio, Melampode, Stephano, Diomede) / Ed. A. Hilgard // GG. Vol. I.3. Leipzig: Teubner, 1901; repr. Hildesheim: Olms, 1965. – (Scholia Vaticana...)

Другие тексты на латинском и греческом языках и их переводы

Ambrosii Theodosii Macrobiani Saturnalii / Ed. I. Willis. Leipzig, 1963.

C. Sallustius Crispus. Historiae. PHI 5.3 – 0631. – *Гай Саллюстий Крисп.* Сочинения. / Пер., ст. и комм. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1981.

C. Suetonius Tranquillus. De grammaticis et rhetoribus. PHI 5.3. – 1348. – *Светоний.* Из книги о грамматиках и риториках // *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993.

Dionysius Halicarnassensis. De compositione verborum / Ed. H. Usener and L. Radermacher // Dionysii Halicarnasei quae exstant. Vol. 6. Leipzig: Teubner, 1929; repr. Stuttgart: 1965. P. 3-143 = TLG – 0081 012.

P. Vergilius Maro. Aeneis. PHI 5.3 – 0690. – *Вергилий.* Энеида / Пер. с лат. С. Ошерова // *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. литер., 1979.

Q. Horatius Flaccus. Sermones. PHI 5.3 – 0893. – *Гораций.* Сатиры / Пер. М. Дмитриева // *Квинт Гораций Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Худож. литер., 1970.

Stoicorum Veterum Fragmenta / Coll. H. von Arnim. Vol. II: Chrysippi Fragmenta Logica et Physica. Lipsiae, 1859–1931. – Фрагменты ранних стоиков. Т. II: Хрисипп из Сол. Ч. 1: Логические и физические фрагменты (1–521) / Пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: ГЛК, 2002. – (ФРС II. 1).

Исследования

Barwick, K. Remmius Palāmon und die römische “Ars grammatica”. Leipsig, 1922.

Schad, S. A Lexicon of Latin Grammatical Terminology. Pisa – Roma, 2007.

Античные теории языка и стиля / Общ. ред. О. М. Фрайденберг. СПб.: Алетейя, 1996 (¹1936). – (АТ).

Петрова М. С. Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: “Ars minor” Доната // Диалог со временем 1. 1999.

Петрова М. С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем 22. 2008.

Петрова М. С. Рецепция Донатовой “Ars grammatica” Кассиодором Сенатором // Диалог со временем 28. 2009.

Петрова М. С. Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке (на примере Дмитрия Герасимова и других) // Диалог со временем 34. 2011.

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра Интеллектуальной истории ИВИ РАН; доцент, *beio-pyt@mail.ru*.

ЧИТАЯ КНИГИ

Т. Н. ИВАНОВА, Г. П. МЯГКОВ

«УВАЖАЯ ГЕРЬЕ»

ЗАМЕТКИ О НОВОЙ КНИГЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ УЧЕНОМУ, И НЕ ТОЛЬКО...

«Уважаю Герье» – эти слова В. В. Розанова из его книги «Опавшие листья. Короб первый» предваряют в качестве эпиграфа новую монографию А. В. Малинова и С. Н. Погодина «Владимир Иванович Герье»¹.

Наблюдающийся в последние годы в историографии повышенный интерес к Герье фактически реализует предвидение Розанова, который в 1916 г. писал Владимиру Ивановичу: «...я думаю, что, не найдя оценку у “детей” (российские “отцы и дети”), Вы ее найдете у внуков»². Действительно, поколение «детей», среди которых были и ученики Герье, не оценило его наследия, которое в духе марксистско-ленинской идеологии трактовалось как «идеалистическое» и «реакционное»³.

За долгие годы Советской власти В. И. Герье и его творчество так и не удостоились чести стать предметом монографического исследования. Но за последнее десятилетие свет увидели уже четыре монографии и два сборника статей, посвященных жизни и деятельности Герье⁴, а также десятки статей в других изданиях. Ни одна работа Герье не была переиздана в советские годы, но, начиная с 1997 г., на полках библиотек появились новые издания 9-ти его работ, в том числе солидные монографии об Августине Блаженном, Лейбнице, Франциске Ассизском⁵. Нельзя объяснить этот всплеск внимания к Герье только необходимостью заполнения образовавшейся в историографии лакуны. Ведь и в предыдущие годы имя Герье упоминалось в любом историографическом очерке о русской историографии конца XIX – начала XX в. Однако все еще сохраняется насущная потребность слома сложившихся стереотипов, опиравшихся не на анализ исторических концепций Герье, а на критику его политических взглядов как члена октябристской партии.

---

¹ См.: Малинов, Погодин. 2010.

² Розанов. 2009. С. 144.

³ См.: Мягков. 2008. С. 21-62.

⁴ См.: Кирсанова. 2003; Цыганков. 2008; Иванова. 2009; Малинов, Погодин. 2010; Мир историка: Владимир Иванович Герье...; История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье...

⁵ См.: Герье. 1) 2002; 2) 2003; 3) 2008; 4) 2010.

Другой причиной пробуждения интереса к Герье и его наследию является знакомость его места в развитии русской историографии всеобщей истории. Между вдохновляющими и скорее программными, чем конкретно-историческими работами Т. Н. Грановского и появлением оригинальных, основанных на архивных источниках, профессиональных исследований Н. И. Кареева, П. Г. Виноградова, И. В. Лучицкого, М. С. Корелина, П. Н. Ардашева и др., стоит многолетняя, неутомимая преподавательская деятельность профессора Герье. Без верной оценки и понимания особой и уникальной роли этого ученого мы никогда не получим полной картины развития русской исторической науки.

Не менее важной причиной переосмысления в современной историографии наследия Герье является та смена парадигм, которую переживает сейчас отечественная наука. Внимание к истории идей, нравственный императив как необходимое условие деятельности историка, осуждение революционного насилия и вульгарного материализма – эти принципы научного наследия Герье, столь яростно критикуемые в середине прошлого века, сейчас созвучны современным проблемам исторической науки, а многие высказывания ученого выглядят как удивительное предвидение последующих событий XX века.

В этих условиях появление новой монографии о В. И. Герье, цель которой, по определению авторов, «более полно представить его научное наследие» (с. 11), можно только приветствовать. Действительно, книга Малинова и Погодина стала не столько открытием чего-то принципиально нового в жизни и творчестве Герье, сколько обобщением ранее опубликованного, что представляется нам также необходимым: учитывая то, что научному анализу была подвергнута меньшая часть его печатного наследия, еще не выявлены все архивные источники о нем, необходимо осмысление той волны публикаций о Герье, которые появились в последние годы. Однако читателя ожидает некоторое разочарование от качества «полноты» представленного в книге материала. В библиографии работ Герье не хватает более десяти наименований. Среди десятков архивных фондов НИОР РГБ, ЦИАМа, АРАНа, ГАРФа, РГАЛИ, РГАДА, РГИА, в которых содержатся материалы самого ученого и о нем, упомянут только Ф. 70 НИОР РГБ; крайне неполон перечень литографированных курсов Герье (см. с. 375–386).

Досадно, что историографическое пространство России остается для некоторых исследователей сегментированным, и ученые из Петербурга, выпускающие свою монографию в 2010 г., ничего не знают не только о статьях, вышедших после 2008 г., но даже о двух монографиях,

посвященных Герье⁶. Трудно в этой связи согласиться с мнением авторов о том, что «историография о Герье не богата» (с. 7) и «изучение творчества Герье находится только на начальном этапе» (с. 11)⁷.

Не меньше вопросов вызывает и структура рецензируемой книги. На наш взгляд, наиболее точным названием для нее было бы не претенциозное «Владимир Иванович Герье», а «Очерки о жизни и научном наследии Герье». Монография структурно и содержательно делится на две части, каждая из которых, в свою очередь, распадается на ряд не всегда связанных друг с другом очерков (авторы, очевидно, считают их главами, поскольку есть «Оглавление»). Сравнивая статьи о Герье, ранее опубликованные авторами, можно предположить, что первая часть монографии (с. 5–180) принадлежит перу С. Н. Погодина, а раздел «Философия истории» (с. 180–338) – А. В. Малинову. Параллельное освещение отдельных сюжетов в обеих частях книги выявляет недостаточную согласованность общей концепции книги и отсутствие общего редактирования. Однако, не оговорив в книге авторство отдельных частей, Малинов и Погодин подразумевают свое коллективное авторство, поэтому обращаться мы будем к авторам во множественном числе.

Первый очерк («Биография») страдает схематичностью и рядом фактических неточностей⁸. Так, Герье не работал в университете перед защитой магистерской диссертации (с. 20). Неверно трактуют авторы и то, что Герье был забаллотирован советом университета из-за консервативных взглядов историка (с. 29). Мы имели возможность доказать это на анализе мемуарных и эпистолярных источников⁹. Некоторую досаду

---

⁶ См.: Цыганков. 2008, Иванова. 2009.

⁷ Есть основание утверждать, что авторы невнимательны в критике. Укажем на тот факт, что тезис «изучение творчества В. И. Герье переживает только начальный этап», сформулированный Погодиным в статье «Герье в исторической литературе» (Погодин. 2005. С. 249), был поставлен под сомнение одним из авторов рецензии и, полагаем, было доказано складывание, пусть противоречивой, развивавшейся с трудом и перерывами традиции в изучении творчества Герье в России/СССР. (Мяжков. 2008. С. 57 и сл. См. также: Цыганков. 2008. С. 14–25; Иванова. 2009. С. 5–29).

⁸ Например, опираясь на статью Т. Н. Ивановой «Частная жизнь профессора В. И. Герье» (см.: История идей и воспитание историей. 2008. С. 64–83) авторы без ссылок на эту статью утверждают, что у Владимира было два брата – Иван и Александр. Если бы эти сведения авторы проверили по архивным фондам, то могли бы обнаружить, что родной брат у Герье был один – Иван, глухонемой от рождения (НИОР РГБ. Ф. 70. К. 82. Ед. хр. 18–19), а Александр – более дальний родственник, скорее всего троюродный брат. Именно это было выявлено Т. Н. Ивановой в ходе архивных изысканий и отражено в монографии: Иванова. 2009.

⁹ См. подробнее: Иванова. 2009. С. 98–103.

вызывает несогласованность приводимых в тексте *цитат* и *ссылок* на страницах 18 (ссылка 1), 19 (ссылка 2), 41 (ссылка 2). Крайней неполнотой страдает и следующий раздел монографии «Учитель и ученики». Здесь логично было бы увидеть анализ дискуссионного вопроса о школе Герье. Однако раздел состоит из пересказа высказываний о лекциях профессора и рассказа лишь о двух его учениках – Н. И. Карееве и П. Г. Виноградове. Отсутствие каких-либо выводов и обобщений лишает данный раздел историографической ценности.

Столь же поверхностен очерк «Основоположник женского образования в России», не показаны конкретные усилия Герье по открытию курсов, подбору кадров, поиски финансирования, его новаторство в организации семинарских занятий на курсах. В очерке «Общественная деятельность» не упомянуты законодательные инициативы Герье в деле развития общественной благотворительности в России, его работа в правительственной комиссии по преобразованию общественного призрения под председательством К. К. Грота, его общественная деятельность по организации помощи безработным и развитию системы детского призрения и образования в Московском губернском земстве.

Политические взгляды Герье освещаются авторами на основе публицистических работ, созданных историком в годы Первой русской революции, что не позволяет увидеть постепенную эволюцию умеренного либерализма Герье в сторону охранительных позиций.

Наиболее важный с точки зрения историографии раздел «Исторические работы» оказывается лишь обобщением работ других исследователей творчества Герье. Авторами не предпринята попытка воссоздать общую историческую концепцию Герье. В параграфе «Новая история» кратко пересказаны основные идеи магистерской и докторской диссертаций ученого («Борьба за польский престол в 1733 году» и «Лейбниц и его век»). В разделе «История Древнего Рима» авторы в целом соглашаются с анализом антиковедческого наследия ученого, проведенного В. С. Шиловцевой и А. В. Юдиным¹⁰, пересказывая их выводы.

Следующий раздел «История Франции» вызвал у одного из авторов данной рецензии острое чувство «дежавю», ибо добрая половина этого раздела является немного сокращенным, но последовательным пересказом кандидатской диссертации Т. Н. Ивановой¹¹. Чтобы не быть голословными, приведем несколько параллельных цитат.

---

¹⁰ См.: Шиловцева. 1970; Юдин. 2008. С. 271–279.

¹¹ См.: Иванова. 1984.

<i>Диссертация Т. Н. Ивановой</i>	<i>Рецензируемая монография</i>
<p>С. 105–106: В. И. Герье считает, что французская революция закономерно вытекала из всей предыдущей истории Франции, необходимость и закономерность ее была очевидна: ...«Все главные основы политической жизни Франции обветшали, и мы нигде не видим ни возможности, ни достаточной силы для реформ», – пишет Герье, – преградой «для новых потребностей жизни стала во Франции и сильная монархическая власть с крепкой централизацией» (Лекции..., ч. I, 4). Задачи революции В. И. Герье видит в политическом преобразовании государства, в предоставлении прав и свобод гражданам, в уравнении сословий, в участии народных представителей в управлении.</p>	<p>С. 148: Герье считал, что революция закономерно вытекала из всей предыдущей истории Франции, необходимость ее была очевидна. «Все главные основы политической жизни Франции, – констатировал он, обветшали, и мы нигде не видим ни возможности, ни достаточной силы для реформ». По его словам, преградой «для новых потребностей жизни стала во Франции и сильная монархическая власть с крепкой централизацией». (Герье В. И. Лекции по Новой истории. 1868–69 г. Ч. I. С. 4). Задачи революции он видел в политическом преобразовании государства, в предоставлении прав и свобод гражданам, в уравнении сословий, в участии народных представителей в управлении.</p>

Самое удивительное, что авторы, не ссылаясь на Т. Н. Иванову, «по-слушно» списывают ссылки из текста диссертации на литографированный лекционный курс Герье: «Лекции по Новой истории. 1868–69 г. **Ч. I. С. 4**» и далее «Там же. **Ч. II. С. 30**». (с. 148). Однако в означенном издании «Лекций по Новой истории» нет ни «Ч. I», ни «Ч. II». В литографии подшиты два раздела, никак не выделенные и имеющие каждый собственную периодизацию. Для удобства цитирования Т. Н. Иванова самостоятельно ввела наименование частей (I ч. – с. 1–64; II ч. – с. 1–50), оговорив это в диссертации на стр. 105. Не обратив на это внимания, авторы используют наименование частей, которых нет в источнике!

Дабы не утомлять читателя чтением параллельного текста еще на восьми страницах, приведем две цитаты, завершающие тексты-близнецы.

<i>Диссертация Т. Н. Ивановой</i>	<i>Рецензируемая монография</i>
<p>С. 121: Значение идей Мабли русский ученый видел в том, «что именно Мабли формулировал в своих сочинениях тот средний политический тон, который был осуществлен революцией 1789 года и в общих чертах доньше сохранился в учреждениях Франции» (Вестник Европы, 1887, № 1, с. 125). Создание Генеральных штатов, на котором настаивал Мабли, и смена абсолютной монархии во Франции конституционной вполне отвечали представлениям самого Герье.</p>	<p>С. 157: Значение французского мыслителя Герье видел в том, «что именно Мабли формулировал в своих сочинениях тот средний политический тон, который был осуществлен революцией 1789 года и в общих чертах доньше сохранился в учреждениях Франции» (Герье В. И. Политические теории аббата Мабли // Вестник Европы. 1887. № 1. С. 125.) Созыв представительного органа власти, ликвидация абсолютной монархии, на которых настаивал Мабли, были важным элементом революции, полагал русский историк.</p>

Для дотошного читателя, желающего лично убедиться в аутентичности текстов, дадим соответствие страниц, где есть абзацы-двойники (которые, кстати, имеются не только в анализируемом разделе). Диссертация Т. Н. Ивановой оцифрована и доступна в Интернете.

Диссертация Т.Н.Ивановой	с. 53	с. 144	с. 145	с. 170	с. 172	с. 175	с. 32	с. 45	с. 46
Рецензируемая монография	с. 38	с. 63	с. 65	с. 92–93	с. 94	с. 96–97	с. 137	с. 138	с. 139
Диссертация Т.Н.Ивановой	с. 105	с. 107–108	с. 198–110	с. 110–111	с. 112	с. 113	с. 117–118	с. 120–122	с. 143
Рецензируемая монография	с. 148	с. 149	с. 150	с. 151	с. 152	с. 152	с. 155	с. 157	с. 172

Мы совсем не возражаем против популяризации тех научных выводов, к которым пришла Т. Н. Иванова еще в 1984 г., но хотелось бы, чтобы на соответствующих страницах присутствовали ссылки на истинного автора. Подобные таблицы соответствия параллельных текстов могли бы представить Е. С. Кирсанова, А. В. Юдин и др.

Однако вернемся к анализу монографии. Содержание раздела «История раннего христианства» явно не соответствует своему названию, ибо включает в себя анализ не только взглядов Герье на Августина Блаженного, но и его оценки Франциска Ассизского и Иннокентия III. Авторы допускают досадную фактическую ошибку, утверждая, что из-за отрицательной рецензии Н. Н. Глубоковского на книгу «Блаженный Августин» Герье не получил премии имени М. Н. Ахматовой (с. 166). Возникает ощущение, что авторы просто не дочитали до конца пространную и, действительно, резкую рецензию Глубоковского, ибо, несмотря на все высказанные замечания, он закончил рецензию мыслью о необходимости оказать «ученый почет научно-педагогическому подвижничеству [Герье], столь самоотверженно и плодотворно служившему на пользу духовного развития всем напряжением своих чувства и дарований»¹².

Некоторое недоумение вызывает раздел под названием «Лекционные курсы». Во-первых, анализ лекционного наследия Герье уже был

¹² Глубоковский. 1915. С. 64. На это упущение уже было указано, когда один из рецензентов писал: «На основании отзыва Н. Н. Глубоковского Герье была присуждена большая Ахматовская премия (1000 руб.), а автору рецензии – золотая рецензентская медаль (см.: Богданова. 2004. С. 160). С. Н. Погодин полагает, что поскольку “рецензент нашел в работе очень много погрешностей и неточностей”, то “в итоге В. И. Герье премии не получил” (Погодин. В. И. Герье в исторической литературе... С. 292)» (См.: Мягков. 2008. С. 40, прим. 80).

отчасти дан в разделе «Учитель и ученики», во-вторых, структурно этот раздел разрушает логику повествования, ибо содержит частично анализ исторических взглядов Герье, частично его педагогических воззрений. Обширные, как всегда, скрытые цитаты из статьи Н. Г. Федоровой¹³ также вызывают определённые вопросы.

Со стр. 180 монографии начинается, по сути, вторая часть работы под названием «Философия истории». Структурно этот раздел представляет собой несколько самостоятельных очерков об историко-философских взглядах Герье: «Историография и философия истории», «Западничество как всемирно исторический процесс», «История как наука», «Идеализм в истории», «Исследование о Г. В. Лейбнице». Здесь изложение материала меняет свой характер. От повествовательного пересказа основных работ Герье происходит переход к комплексному анализу его научного наследия.

Мы считаем абсолютно верным, что в данном анализе синтезированы положения не только опубликованных работ Герье, но и его лекционных курсов. На наш взгляд, научная деятельность ученого была неразрывно связана с его преподавательской деятельностью. Только анализируя весь комплекс печатного и лекционного наследия ученого, можно воссоздать с большей или меньшей полнотой его взгляды по всем значимым проблемам философии истории и реконструировать его концепцию всеобщей истории. Здесь авторы уделяют особое внимание теоретико-методологическим основам исторических работ Герье.

Можно согласиться с авторами, что крайне сложно реконструировать концептуальные положения Герье, «который предпочитает высказывать свое мнение, излагая чужую точку зрения». Недаром в письме к М. М. Стасюлевичу Герье подчеркивал: «Я потому должен был подробнее говорить о взглядах других, чтобы выяснить свой собственный» (с. 180). «Философия истории Герье эксплицируется, как правило, лишь при разборе им чужих концепций, – пишут авторы. – Историография служит ученому поводом для теоретико-методологического самоопределения» (с. 213). Действительно, в серии историографических очерков Герье, опубликованных им в 1880–1883 гг. (и не проанализированных авторами монографии), необходим тщательный текстологический анализ текста, чтобы вычлнить собственную позицию ученого и отделить её от взглядов авторов анализируемых им произведений. Однако, на наш взгляд, теоретико-методологические взгляды Герье четче высказывал в знаменитых философских введениях к своим лекционным курсам.

---

¹³ См.: Федорова. 2008. С. 195–212.

Несмотря на специфику такого вида источников как литографированные курсы, их более широкое привлечение позволило бы снять некоторые противоречия, возникающие при анализе его печатных работ. К сожалению, каждый из очерков этой части книги вполне самостоятелен и не коррелирует с другими. Поэтому, чтобы создать полную картину концепции Герье читатель должен самостоятельно сопоставить выводы пяти очерков об историко-философских взглядах ученого. Из этого сопоставления выявляются две предлагаемые авторами версии концептуальных основ всеобщей истории в наследии Герье.

Первая, сконструированная авторами «собственная версия всемирно-исторического процесса» Герье (с. 194) состоит в следующем: «Источником всемирно-исторического развития являются противоречия или, в терминологии Герье, “антагонизмы”. Это вековые противоречия, принимающие в зависимости от эпохи разные формы, но сохраняющие один и тот же смысл» (с. 194). К принципиальным противоречиям, регулярно повторяющимся в истории, авторы относят «универсальный антагонизм» – «борьбу Европы с Азией или Запада и Востока» (с. 195). Действительно, в ряде работ Герье упоминает об этом антагонизме. «Частными, так сказать внутренними, противоречиями в каждую конкретную эпоху» в концепции Герье авторы полагают «социальный дуализм патрициев и плебеев, римлян и италиков, Рима и провинции» (с. 197), а также антагонизм христианства и античной культуры, средневековый антагонизм «между аскетическим направлением и становлением христианской церкви как социального института» (с. 197), «борьбу англичан с бурами в Южной Африке» (с. 198), «дуализм римской и греческой культуры, западной и восточной церкви» (с. 199).

Данная версия теоретических основ концепции всемирной истории Герье имеет право на существование, но носит характер искусственного конструирования. Несмотря на любовь Герье к терминам «антагонизм», «антиномия», «дуализм», ученый основную движущую силу развития человечества видел в смене господствующего мировоззрения, о чем неоднократно заявлял в своих лекционных курсах. Осознавая всеобщую историю как процесс, основанный на духовной связи и культурной преемственности поколений и народов, Герье видел эту преемственность в зарождении определенных идей, которым подчинялись все события данной эпохи. Эти идеи, которые логичнее было бы назвать идеологиями, могут быть религиозными, политическими, научными, этическими и т.д. Они не довлеют над фактами, а организуют их, придавая случайным событиям системность и целостность. В любом «сколько-нибудь крупном факте» видно отражение руководящих идей, и даже случайные

факты понемногу втягиваются в круг вопросов доминирующей в это время идеи¹⁴. Эти идеи «могут способствовать развитию цивилизации и задерживать ее»¹⁵. Такими определяющими всемирное развитие идеями Герье считал религию в древневосточный период, идею политической свободы – в древнегреческий, идею империи – в древнеримский, христианство – в средневековый, реформацию – в XV–XVII вв., рационализм и просвещение – в XVIII веке и т.д.¹⁶

Авторы книги сами вычлениют подобную версию концептуальных построений Герье (с. 286–290). Наверное, следует совместить подмеченную ими «теорию антагонизмов» с идеалистической трактовкой исторического процесса, которая четко выделяется во всех работах Герье, и им самим декларировалась как основополагающая.

В целом можно констатировать, что произошедший к концу рецензируемой книги переход от повествовательности к комплексному анализу позволял авторам определить теоретические основы исторического мировоззрения Герье, его взгляд на позитивизм, роль личности в истории, движущие силы исторического процесса. Однако некоторое недоумение вызывает порядок очерков из второй *части* книги. В *последнем* очерке «Исследования о Г. В. Лейбнице» анализируется одна из *первых* книг Герье, за которую он получил докторскую степень. Такое нелогичное завершение приводит к тому, что читатель теряет ориентиры в попытке увидеть эволюцию идей ученого, ибо после книги о Лейбнице прошло еще 48 лет до появления последней книги Герье. Таким образом, в силу специфики изложения материала в виде очерков, целостного восприятия теоретико-методологических взглядов ученого не произошло.

Несомненным достоинством книги являются приложения, где впервые опубликованы черновые наброски неизвестной работы Герье «Статья о детях неимущих классов в гор. Москве» (с. 345–349) и письма Герье к А. Ф. Кони, М. К. Лемке, М. М. Стасюлевичу, К. Д. Кавелину (с. 349–375). Приходится сожалеть, что данные публикации не сопровождаются научными комментариями и примечаниями. Не проведена необходимая в таких случаях работа по уточнению условий написания писем, сущности поднимаемых в них проблем. Часть писем опубликована без уточнения их датировки (с. 369–371). Таким образом, авторы предоставили герьеведам фактически сырой материал, который еще требует научной обработки.

---

¹⁴ Герье. 1887. С. 34.

¹⁵ Герье. 1865. С. 106.

¹⁶ См.: Герье. 1) 1899. С. 3; 2) 1877. № 7. С. 8; 3) 1886. С. 3–4; 4) 1881. С. 83, 104; 5) 1887. С. 3–5.

Структурно книга завершается разделом с некорректным названием «Библиография, посвященная В. И. Герье». Он включает отделы: «Архивные материалы, в которых хранятся документы о В. И. Герье» (формулировка авторов), «Работы В. И. Герье», «Литографические издания произведений В. И. Герье» (точнее, лекционных курсов), «Рецензии на работы В. И. Герье» и «Работы, посвященные В. И. Герье». О неполноте ряда отделов мы упомянули выше. Но есть здесь и проблема этическая: кто же составители библиографии? По крайней мере, обратим внимание на то, что раздел «Литографические издания произведений В. И. Герье» в своей основе перекочевал из диссертации Т. Н. Ивановой вместе с опечатками¹⁷. Разделы «Рецензии на работы В. И. Герье» и «Работы, посвященные В. И. Герье» составлен в большинстве на основании подстрочных примечаний статьи Г. П. Мягкова «Кто вы, профессор В. И. Герье?...»¹⁸, в которой автор исследовал поток отечественной литературы о Герье за период 1862–2007 гг., вводя в современный научный оборот материалы о судьбе трудов ученого, многие рецензии на его тру-

---

¹⁷ Так, в диссертации Т. Н. Ивановой (Иванова. 1984) обозначено, что «Лекции новой истории. 1868–69 уч. год» были изданы в литографии А. Кольцова. Если бы авторы работали с первоисточником, то обнаружили, что лекции были литографированы И. Волковым, а Александр Кельцов был издателем. Названия многих литографий в книге даны точно в тех же формулировках, немного отличающихся от оригинала, как и в диссертации Т. Н. Ивановой. Справедливости ради заметим, что список литографий в книге в сравнении с диссертацией увеличился на 8 единиц, составив 27 наименований. Но Т. Н. Ивановой на настоящий момент выявлены уже 63 литографии лекционных курсов Герье.

¹⁸ Обсуждая вопрос о том, какие же рецензии были выявлены Малиновым и Погодиным, авторы данного текста обнаружили, что у них произошло увеличение числа рецензий за счет... «удвоения»: к извлеченным из статьи Г. П. Мягкова рецензиям было добавлено 9 рецензий, заимствованных из библиографии диссертации Т. Н. Ивановой, но описанных без указания фамилий авторов. Это выглядит, например, так: (1) *Арсеньев К. К.* Герье. Понятие о власти и о народе в наказе 1789 г. Москва. 1884 // Вестник Европы. 1884. № 3. С. 406–409. Ниже, по алфавиту, находим: (14) Рецензия на книгу В. И. Герье «Понятие о власти и о народе в наказах 1789 г.» // Вестник Европы. 1884. № 3. С. 406–408. Или: (6) *Воронов Е. М.* В. Герье. Философия истории от Августина до Гегеля. Москва, 1915. Стр. 267 // Исторический вестник. 1915. № 11. С. 655–656. Ниже читаем: (20) Рецензия на книгу В. И. Герье «Философия истории от Августина до Гегеля» // Исторический вестник. 1915. Ноябрь. С. 655–656 и т.д. Ошибки при описании рецензий приводят к тому, что читатель вряд ли найдет и названную рецензию Е. М. Воронова, и рецензию П. В. Безобразова, ибо первая опубликована под псевдонимом *Евг. В.*, а вторая – под псевдонимом *П. Б.*; вопрос у читателя вызовет и авторство *Б. А.* рецензии на книгу Герье «Расцвет западной теократии» (М., 1916), ибо она опубликована «Русских записках» в 1916 г. без указания автора, что нами и было в соответствии с правилами библиографирования означено [*Б. а.*]. (см.: с. 384–386).

ды, материалы энциклопедических изданий, празднований юбилеев и т.д. В библиографию была добавлена только роспись статей из сборников, вышедших в 2007–2008 гг. Главное все же состоит в том, что библиография в книге не «работает»: напрасно читатель на протяжении более чем трехсот страниц текста будет искать материалы о научных спорах, идеологических и политических баталиях, которые в изобилии разворачивались с участием Герье или вокруг его трудов.

Уважая память Герье, авторам монографии необходимо было провести редакторскую обработку текста, чтобы избежать «очерковости» изложения, нелогичности отдельных разделов монографии, скрытого цитирования текстов других ученых, фактических ошибок и погрешностей в оформлении ссылочного аппарата. Заключая заметки о монографии А. В. Малинова и С. Н. Погодина, можно сказать, что появление еще одной книги о Герье само по себе явление отрадное, как факт, вновь привлекающий внимание к его наследию.

Но подытоживать разговор о книге все же рано, ибо в ней отразилось явление весьма симптоматичное. Наличие «заимствований», выстраивание текста посредством соединения фрагментов из исследований предшественников, обнаруживаемое в рецензируемой книге, – явление уже не редкое. Особенно опасно то, что этот метод все чаще берется на вооружение вступающими на стезю науки. Провоцирует это и современный технический прогресс, Интернет с его необъятными ресурсами. Но особо – примеры и практики, получающие оформление в публикациях. Вина в таком развитии науки лежит и на научном сообществе, не реагирующем должным образом на нечистоплотность, чем и открывается путь к утверждению описываемых практик.

К сожалению, переживает глубокий кризис жанр рецензий. Во многом, это наследие пережитой советской историографией трагической эпохи, когда она, начиная с 1930-х гг., по определению Т. М. Атнашева-Мирзянца, «находилась под прямым внешним контролем партии и под внутренним прессом самоцензуры и самоконтроля»¹⁹. В этих условиях одной из функций историографии – рецензии являются одним из ее «жанров» – было «разоблачение» «контрреволюционеров» и «информирование» тех, кому должно было услышать, об идеологической и политической неблагонадежности «конкурентов». Можно и должно вполне понять авторов рецензий, которых к годам 1950-м уже «научились» ограничиваться в своей критике коллег (речь не идет о «буржуазных» авторах, в обличении и разгроме текстов которых буквально шло соревно-

---

¹⁹ Атнашев-Мирзянц, 2006. С. 21.

вание) такими формулировками, как «...имеются отдельные промахи в предисловии и примечаниях», «...ряд проблем, поставленных в книге, нуждается в дальнейшей разработке...», «...к сожалению, последняя (одна из рассматриваемых проблем – Г. М., Т. И.) освещена довольно бедно...», «Решение некоторых из рассмотренных автором проблем, видимо, можно было бы углубить и дополнительно аргументировать»²⁰ и т.д. и т.п. Не способствовали развитию жанра и политика журналов жестко ограничивать объемы рецензий, и заказной их характер.

Разумеется, сегодня сложились иные условия: журналы готовы предоставлять свои страницы авторам рецензий, выделена группа журналов, которым вменено выполнять особую миссию – публиковать подвергающиеся специальному рецензированию материалы, предоставляемые соискателями степеней кандидатов и докторов наук. Но как показывает опыт, дело возрождения рецензирования и превращения его в действенный фактор развития науки продвигается с трудом. В числе причин следует указать на готовность редакционно-издательских советов, существующих по сей день в каждом вузе, в его подразделениях, дать рекомендации к печати практически любой книге, статье²¹. Не откажет коллеге подписать составленную – весьма частая практика – самим автором рецензию на его книгу или статью и уважаемый профессор... Но вот книга или статья опубликована. Попадет ли она вовремя к тому ученому, кто *смог бы и захотел* дать рецензию? К сожалению, последние два обстоятельства становятся решающими, как и то, что правилом жизни научного сообщества продолжает быть знаменитое крыловское «А Васька слушает, да ест...»: результаты критики рецензируемых книг заметить практически невозможно.

И в случае с рецензируемой книгой есть своя предыстория. Увидевшая свет в издательстве Русской христианской гуманитарной академии, она, фактически, продолжила серию монографий о выдающихся русских историках, создаваемую Малиновым и Погодиным²². Основа-

---

²⁰ Все тезисы извлечены из рецензий, опубликованных в «Вопросах истории» в 70-е – начале 80-х гг. прошлого века.

²¹ Рецензируемая книга напечатана «по решению редакционно-издательского совета Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета» (Малинов, Погодин. 2010. С. 2).

²² Малинов, Погодин. 2001; Малинов. 1) К. Н. Бестужев-Рюмин...; 2) Павел Гаврилович Виноградов...; Погодин. 2005. Речь идет не только о предложенной серии книг на тему «История в Политехническом университете», у которой был и ответственный редактор (см.: Погодин. 2005. С. 2), но и о фактически сложившейся серии книг, статей, выступлений о жизни и деятельности русских историков.

ния для такого проекта, несомненно, есть – и объективного (где, как не в Петербурге, где в архивохранилищах и библиотеках отложился исключительный по полноте источниковый комплекс, на основании которого можно реализовать указанный замысел!), и субъективного (наличие у авторов опыта историографических исследований) порядка.

Стили и направления научного поиска у авторов весьма разные. Несомненно, творчество А. В. Малинова отличает стремление к концептуальному прочтению трудов изучаемых историков, отсюда склонность к анализу теоретико-исторических и философских взглядов мыслителей прошлого, их методологических концепций. Тексты ученого интересно читать, они, действительно, осуществляют презентацию наследия и идей ученых, чье творчество подвергается анализу. Слабые стороны метода А. В. Малинова, проявившегося в его содержательной монографии о П. Г. Виноградове, были отмечены критикой²³. Естественно, что в написанных им разделах книги о Герье, Малинов не мог изменить своему стилю – насыщать текст пространными цитатами²⁴.

Стиль же С. Н. Погодина не спутаешь. О нем уже шла речь в литературе: звонок прозвучал, когда В. Соловьев опубликовал рецензию на статью Погодина «Павел Гаврилович Виноградов» (НиНИ. 2006. № 2. С. 174–197)²⁵, с «говорящим» названием «Кое-что о так называемых ВАКовских изданиях, или снова о плагиате». Обращалась с письмом к главному редактору журнала «Пушкин» еще полтора года назад и Т. Н. Иванова, когда обнаружила пространные, без ссылок на автора, цитаты из своей диссертации, использованные Погодиным в статье «В. И. Герье в исторической литературе»²⁶.

Подобная практика, «стиль» Погодина стали возможными потому, что научное сообщество не реагировало своевременно на его «опыты». Совсем недавно нам удалось получить изданную в 2005 г. (тиражом 300 экз.) уже называвшуюся книгу «Максим Максимович Ковалевский». И хотя мы пишем рецензию на книгу о Герье, а время презентации книги о Ковалевском в форме рецензии, казалось, прошло, именно она являет-

²³ См.: Антощенко. 1) 2007; 2) 2010. С. 15–16; Книжные покупки...

²⁴ Один из авторов рецензии также критиковался за подобную практику и знает, как «заманчиво» идти по этому пути. См.: Чапкевич. 1990. С. 209.

²⁵ См.: Соловьев. 2009. № 1. С. 183–187. Доступная для пользователей Интернета, она была достаточно быстро «снята» с сайта журнала.

²⁶ Наш отклик на данную статью не был опубликован, но, возможно, был прочитан С. Н. Погодиным. Следует признать, что в монографии, в сравнении со статьей, произошла некоторая интерпретация текста диссертации, которая, впрочем, свелась к стилистическим изменениям ряда предложений.

ся, на наш взгляд, тем «зеркалом», который отражает слабые стороны современной историографии.

Судя по тексту, автор «открывает» нам имя и наследие Ковалевского, о котором – свидетельствует справочный аппарат книги – разве что упоминали некоторые современники, авторы воспоминаний, статей на смерть ученого, а также П. Б. Струве, Е. А. Косминский, Е. В. Тарле (с. 91), И. Б. Хайлова (с. 45), С. Д. Сказкин (с. 99), В. И. Рутенбург (с. 105)... И еще – в связи с использованием цитат/мыслей из книг «М. М. Ковалевский как социолог» и «М. М. Ковалевский как исследователь горских народов Кавказа» – упоминаются их авторы Б. Г. Сафронов (3 раза: с. 36, 114, 152) и Б. А. Калоев (2 раза: с. 14, 24). Иными словами, С. Н. Погодин совершенно проигнорировал историографию проблемы – весьма богатую, отразившую в своем движении многие черты и повороты духовной, идейно-политической жизни не только России, но и ряда зарубежных стран²⁷. Отсюда – практическое отсутствие проблемности, авторской позиции даже в тех немногих случаях, когда сам материал вынуждает отмечать наличие полемики в исследовании тех или иных проблем. Результат такой методы не утешителен. Достаточно здесь прочесть введение, выполняющее скорее функцию заключения, где сразу «освещена» проблема школы Ковалевского. Априорно, без каких-либо экскурсов в историографию, без исследования проблемы автор заявляет, что «в тех научных направлениях, в которых он (М. М. Ковалевский – Т. И., Г. М.) работал, он создал свои школы, свою логику поиска истины и был весьма признан и уважаем» (с. 3). И если с последним не поспоришь, то нельзя не поставить вопросы: сколько же «школ» было у Ковалевского, и вообще известен ли науке феномен «многошколия» у ученого, сколько «логик» поиска истины в науке? Разъясняя свое понимание места Ковалевского в науке, Погодин пишет: «Несмотря на реальные школы М. М. Ковалевского в истории, в социологии, экономике, можно утверждать, что существовала и его научная школа – школа русской социальной науки, или, как иногда называли, “школа российской интеллигенции”» (с. 3). Ниже читаем, что «...Максим Максимович был одним из создателей новой школы права, школы исследователей нового времени Западной Европы и России» (с. 3). Комментарии, как говорится, излишни.

Такое же «панибратское» отношение к сложнейшему вопросу историографической науки мы видим и в книге о Герье. На первой же ее странице авторы пишут: «Можно полностью согласиться с мнением

---

²⁷ См.: Золотарев, Мягков. 1995. С. 80–88.

В. П. Бузескула и В. А. Бутенко, считавших Герье основателем русской школы в изучении всеобщей истории» (с. 5). Этот тезис – свидетельство неуважения к предшественникам, непонимания самого историографического процесса. В. А. Бутенко называл Герье «основателем русской школы в области новой истории»²⁸. Поддерживая коллегу и опираясь на собственное изучение проблемы, Бузескул подчеркивает: «В. И. Герье – первый по времени специалист в России по новой истории... Он – родоначальник “русской школы” в этой области»²⁹. И все же предметное изучение творчества Герье, его многочисленных учеников, коллег – историков-«всеобщников» не только Московского, но и других университетов России в координатах сформировавшейся научной «сети» позволило выдвинуть положение о складывании в российской науке «русской исторической школы» всеобщих историков, особую роль в создании и функционировании которой играл В. И. Герье³⁰.

К сожалению, книга Погодина реального материала для ведения научных дискуссий не дает. Во-первых, потому, что автор уже выступал с работами, посвященными творчеству Ковалевского, и в известном смысле они повторяются, входят целыми фрагментами в книгу. Новизну могла дать новая структура работы: именно в работе о Ковалевском апробируется «очерковая» структура презентации творчества историков по дисциплинарным сегментам их творчества. В случае с Ковалевским – это исследования в области государства и права (2-й очерк; его предваряет 1-й, «Краткий биографический очерк жизни и деятельности», что дает основание называть главы очерками), исторические работы (3-й очерк), работы в области истории политической мысли (4-й очерк), экономические взгляды (5-й очерк), исследования в социологии (6-й очерк).

Замысел имеет право на жизнь: ясно, что социологи писали о Ковалевском как родоначальнике их науки, правоведы изучали его взгляды на государство и право, этнографы – вклад в свою науку и т.д., дело за тем, чтобы воссоздать целостный облик ученого. С. Н. Погодин понимает сложность и многотрудность задуманного, а потому спешит оговорить: «Автор данной работы не ставит перед собой задачу полного освещения научного наследия М. М. Ковалевского, это задача коллектива авторов» (с. 4). Сразу скажем: опыт не удался. Автор представил на суд читателя книгу, в которой ему, повторим, принадлежит то, что он

---

²⁸ Бутенко. 1923. С. 130, 149.

²⁹ Бузескул. 1929. С. 153.

³⁰ См.: Мяжков. 2000. С. 201, 294–295; Ретина, Зверева, Парамонова. 2004. С. 193–200; Иванова. 2009. С. 232–241.

уже фактически публиковал, а «новое» – мобилизованные фрагменты, если не из забытых, то уже редко встречающихся книг. Разумеется, мы не ставили целью проводить «изыскания» по всей книге, но даже обращение всего к трем книгам из библиотеки исследований о Ковалевском показало следующее.

1. «Краткий биографический очерк...» (с. 5–62) практически «основан» на тексте главы 1 («Жизнь и научная деятельность») книги Б. А. Калоева «М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа» (М., 1979. С. 4–35). Разумеется, «базовый» текст видоизменяется за счет сокращений (например, был выпущен не аванажный ныне фрагмент о взаимоотношениях русского историка с К. Марксом), дополняется собственными материалами (например, об отношении М. М. Ковалевского и С. В. Ковалевской: у Погодина – с. 25–34, у Калоева – с. 25–26), а также цитатами и фрагментами из других работ. Вот примеры работы Погодина с текстом «соавтора»:

<i>Калоев Б. А.</i>	<i>Погодин С. Н.</i>
<p>С. 33: Вся жизнь этого выдающегося ученого была отдана науке. Научные интересы Ковалевского не замыкались в какой-либо одной области, а отличались, как уже говорилось, многогранностью. М. М. Ковалевским оставлено колоссальное научное наследие – более пятисот печатных трудов, в основном монографических. Среди них такие многотомные исследования, как «Происхождение современной демократии» (пять томов), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (семь томов) на немецком языке, «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (три тома), посвященные социальной истории западноевропейских стран, прежде всего Англии, Франции и Италии. М. М. Ковалевский первым в русской науке начал заниматься изучением средневековой истории Англии. Он одним из первых исследовал общественный строй горцев Кавказа, дал свое толкование горскому феодализму, вызвав тем самым интерес ученых-кавказоведов к этой проблеме.</p>	<p>С. 53: Вся жизнь М. М. Ковалевского была отдана науке. Его научные интересы не замыкались в какой-либо одной области, а отличались многогранностью. Он оставил колоссальное научное наследие – более пятисот печатных трудов, в основном монографических. Среди них такие многотомные исследования, как «Происхождение современной демократии» (пять томов), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (семь томов) на немецком языке, «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (три тома), посвященные социальной истории западноевропейских стран, прежде всего Англии, Франции и Италии. М. М. Ковалевский первым в русской науке начал заниматься изучением средневековой истории Англии, один из первых исследовал общественный строй горцев Кавказа.</p>

<p>С. 34–35: Повседневный упорный труд, безукоснительное соблюдение распорядка рабочего дня были неотъемлемыми чертами М. М. Ковалевского как ученого. Один из близких родственников ученого писал по этому поводу: «Все утро до раннего обеда уходило на занятия наукой. После отдыха работа продолжалась до ужина. Работая в кабинете, он имел обыкновение иногда громко разговаривать сам с собой. На всякий случай просил домашних не беспокоиться и не принимать его за сумасшедшего» [95, с. 64].</p>	<p>С. 54–55: Повседневный упорный труд, безукоснительное соблюдение распорядка рабочего дня были неотъемлемыми чертами М. М. Ковалевского как ученого. Один из близких родственников ученого писал по этому поводу: «Все утро до раннего обеда уходило на занятия наукой. После отдыха работа продолжалась до ужина. Работая в кабинете, он имел обыкновение иногда разговаривать сам с собой. На всякий случай просил домашних не беспокоиться и не принимать его за сумасшедшего»¹²⁶ [Фатеев А. М. М. Ковалевский (К годовщине смерти), 1851–1916. Харьков, 1917. С. 64].</p>
<p>Отличаясь колоссальным трудолюбием, не считая заторной никакую черновую работу, М. М. Ковалевский служил ярким примером для своих учеников. Своей работоспособностью он приводил в восхищение многих ученых. К. А. Тимирязев, например, отмечал, что Ковалевский не уклонялся «от самого тяжелого, усидчивого, казалось бы, скучного специального труда, а представлял собой редкое явление в рядах научных деятелей всего мира» [94, с. 221]. Так же упорно трудился М. М. Ковалевский и во время полевых исследований в горах Кавказа, где, несмотря на тяжелые условия работы, вызванные бездорожьем, дождями, отсутствием нормальных бытовых условий, он записывал у местных жителей очень много материала, касающегося разных сторон жизни горцев. Сидя в архивах месяцами, Ковалевский переписывал от руки такое количество документов, что потом ему приходилось перевозить их целыми чемоданами. В одном из писем В. Ф. Миллеру он писал: «Вожу теперь целый чемодан записок. Работа могла бы подвигаться скорее, если бы не приходилось делать все самому» [141, ф. 323, ед. хр. 221, л. 21].</p>	<p>Отличаясь колоссальным трудолюбием, не считая заторной никакую черновую работу, М. М. Ковалевский служил ярким примером для своих учеников. Своей работоспособностью он приводил в восхищение многих ученых. К. А. Тимирязев отмечал, что М. М. Ковалевский не уклонялся «от самого тяжелого, усидчивого, казалось бы, скучного специального труда, а представлял собой редкое явление в рядах научных деятелей всего мира»¹²⁷ [Тимирязев К. А. Памяти друга // Летопись. 1916. № 8. С. 221]. Так же упорно трудился он и во время полевых исследований в горах Кавказа, где, несмотря на тяжелые условия работы, вызванные бездорожьем, дождями, отсутствием нормальных бытовых условий, он записывал у местных жителей очень много материала, касающегося разных сторон жизни горцев. Сидя в архивах месяцами, он переписывал от руки такое количество документов, что потом ему приходилось перевозить их целыми чемоданами. В одном из писем В. Ф. Миллеру он писал: «Вожу теперь целый чемодан записок. Работа могла бы подвигаться скорее, если бы не приходилось делать все самому»¹²⁸ [Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 323. Ед. хр. 221. Л. 21].</p>

<p>М. М. Ковалевскому были присущи прекрасные душевные качества – простота, общительность, желание прийти на помощь советами и деньгами. Еще в Московском университете он помогал многим нуждающимся студентам, а также издавал на свои деньги книги П. Л. Лаврова и ряда других ученых. Много средств затратил М. М. Ковалевский и на Русскую высшую школу общественных наук в Париже, где он не только бесплатно вел несколько курсов лекций, но и оплачивал приглашенных профессоров. М. М. Ковалевского любили за оптимизм, остроумие и доброжелательность. Об этом очень красочно говорит Д. Н. Овсяннико-Куликовский, близко знавший его в течение многих лет. <i>[Далее – пространная цитата]</i> [79, с. 162].</p>	<p>М. М. Ковалевскому были присущи прекрасные душевные качества – простота, общительность, желание прийти на помощь советами и деньгами. Еще в Московском университете он помогал нуждающимся студентам, а также издавал на свои деньги книги П. Л. Лаврова и ряда других ученых. Много средств он затратил и на Русскую высшую школу общественных наук в Париже, где он не только бесплатно вел несколько курсов лекций, но и оплачивал приглашенных профессоров. М. М. Ковалевского любили за оптимизм, остроумие и доброжелательность. Об этом очень красиво говорит Д. Н. Овсяннико-Куликовский, близко знавший его в течение многих лет. <i>[Повторяется полностью та же цитата]</i>¹²⁹ <i>[Овсяннико-Куликовский Д. Н. Воспоминания. Пг., 1923. С. 162].</i></p>
--	---

2. Очерк «Исследования в области государства и права» (с. 63–90) «составлен» из текстов а) главы «М. М. Ковалевский – историк и теоретик государства и права» (с. 48–50, 52–69), б) главы «Взгляды М. М. Ковалевского в области государственного (конституционного) права» (с. 73–83, 85–93) не упоминаемой нигде книги известного исследователя политической и правовой мысли Н. Я. Куприца³¹. Приемы работы с текстом «соавтора» одинаковы: замена слов, применение новых соединительных частиц или пропуск их (*однако, больше того, но* и т.д.), свое абзацирование, «изъятие» фрагментов текста оригинала. «Урезанию» подверглись размышления Н. Я. Куприца о соотношении учений Ковалевского и Маркса. Вводятся два фрагмента из книги Куприца и в «очерк» «Исторические работы»: текст на стр. 109–111 составлен из характеристики Куприцем учения Ковалевского о периодизации политической и экономической истории (с. 63–66) и о прогрессе (с. 34).

3. «Соавтором», а точнее собственно автором значительной части очерка «Исследования в социологии» в книге Погодина выступил... Б. Г. Сафронов, сам основатель современного – применим не совсем благозвучное, но верно отражающее предмет исследования понятие – ковалевсковедения. Его книга³², из которой, как помним, Погодин из-

³¹ См.: Куприц. 1978.

³² См.: Сафронов. 1960.

влек 3 цитаты, к сожалению, ставшая большой библиографической редкостью, вновь «введена» в современную науку: текст Б. Г. Сафронова со страниц 101–103, 113, 115–117, 121–124, 132–139, 150–151 читатель обнаружит на страницах 140–154 книги С. Н. Погодина.

Как квалифицировать этот стиль Погодина? Научное сообщество справедливо боится «жестких» определений. На ум приходит мысль назвать его компиляцией. Или вспоминается: античность подарила миру эпитому, представлявшую, как сообщает словарь иностранных слов, извлечение из какого-нибудь классического сочинения. Возможно, мы имеем дело с эпитоматорством? Или с композицией? Составляют же своды изречений, высказываний, мыслей мудрых людей. Или, налицо банальный плагиат? И можно ли в данном случае говорить об уважении памяти тех историков, которым посвящаются книги-эпитомы?

Говоря о созданной авторами серии о русских историках, нельзя не вспомнить, что наша историографическая наука знает подобное. Из-под пера Б. Г. Сафронова (1907–2001) вышла серия книг, посвященных творчеству М. М. Ковалевского (1960), Р. Ю. Виппера (1976), М. С. Корелина (1984), Н. И. Кареева (1995)³³. Подобное, разумеется, не по исполнению, а по замыслу... У Б. Г. Сафронова на создание названных книг ушло более 40 лет. Ученый неустанно работал в архивах, блестяще знал историографию. Очевидно, постижение исследовательского опыта Сафронова, прохождение «школы мысли» в его творческой лаборатории и есть истинное средство, чтобы заступить дорогу другой описанной выше практике. Б. Г. Сафронов уважал память тех историков, о которых писал свои книги. Уважают ли их современные авторы?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антощенко А. В.* [Рец.] Малинов А. В. Павел Гаврилович Виноградов... // *Ab Imperio*. 2007. № 4.
- Антощенко А. В.* Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 344 с.
- Атнашев-Мирзаянц Т. М.* Проектирование как горизонт истории // *Диалог со временем*. 2006. Вып. 16. С. 15–52.
- Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого (по архивным материалам) // *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга*. СПб., 2004.
- Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 218 с.
- Бутенко В. А.* Наука новой истории в России // *Анналы*. 1923. № 2. С. 129–167.

---

³³ См.: *Сафронов*. 1) 1960; 2) 1976; 3) 1984; 4) 1995.

- Герье В. И. История римского народа: Курс лекций, читанных ординар. проф. В. И. Герье на Моск. высш. жен. курсах в 1887 г. / Ввод. ст. А. В. Лубков, П. Ю. Савельев; подгот. текста и комм. А. В. Юдин. М.: Просвещение, 2002. 349 с.
- Герье В. И. Август и установление Римской империи // Вестник Европы. 1877. № 7. С. 5–59.
- Герье В. И. Блаженный Августин. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
- Герье В. И. В. И. Лейбниц и его век: Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
- Герье В. И. Лекции по истории средних веков. 1885/86. М.: Лит. В. В. Чичерина, 1886. 318 с.
- Герье В. И. Новая история. Второй период. Лекции орд. проф. Вл. Ив. Герье. М., 1887. 365+6+20 с.
- Герье В. И. Новая история: лекционный курс 1880/81 гг. М., 1881. 480+14+3 с.
- Герье В. И. Основы римской истории. Пособие к лекциям В. Герье. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1899. 88 с.
- Герье В. И. Очерк развития исторической науки. М., 1865. 114 с.
- Герье В. И. Франциск: Апостол нищеты и любви: Биография Святого Франциска Ассизского. М.: Либроком, 2010. 352 с.
- Золотарев В. П., Мяжков Г. П. Правда памяти (историческая судьба наследия Максима Ковалевского) // Вестник Сыктывкарского университета. 1995. Серия 6. Вып. 1. С. 80–88.
- Иванова Т. Н. В. И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России: Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 243 с.
- Иванова Т. Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 382 с.
- История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. 352 с.
- Кирсанова Е. С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В. И. Герье. Северск: Изд-во СГТИ, 2003. 209 с.
- Книжные покупки Модеста Колерова // Пушкин. М., 2008. № 1. С. 15–16.
- Куприц Н. Я. Ковалевский. М.: Юрид. лит., 1978. 120 с.
- Малинов А. В. К. Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 202 с.
- Малинов А. В. Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб.: Изд-во «Нестор», 2005. 205 с.
- Малинов А. В., Погодин С. Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. 285 с.
- Малинов А. В., Погодин С. Н. Владимир Иванович Герье. СПб.: Изд. Русской христианской гуманистической академии, 2010. 400 с.
- Мир историка: Владимир Иванович Герье: материалы науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2007. 132 с.
- Мяжков Г. П. Кто вы, профессор В. И. Герье? Наследие ученого в отечественной историографии // История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 21–62.
- Мяжков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.

- НИОР РГБ. Ф. 70. К. 82. Ед. хр. 18–19. Герье Иван Иванович. Документы об обучении в школе глухонемых Мейли Габриэля Франсуа (на нем. яз.).
- Погодин С. Н.* Герье в исторической литературе // *Фигуры истории или «общие места» историографии*. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А. В. Малинов. СПб.: Изд-во «Северная Звезда», 2005. С. 248–302.
- Погодин С. Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб.: Изд-во «Нестор», 2005. 158 с.
- Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
- [Розанов В. В.] Два неизвестных письма В. В. Розанова // *Новый мир*. 2009. № 8. С. 139–146.
- Сафронов Б. Г.* Вопросы исторической теории в работах М. С. Корелина. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 152 с.
- Сафронов Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. 224 с.
- Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. 260 с.
- Сафронов Б. Г. Н. И. Кареев о структуре исторического знания*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1995. 272 с.
- Глубоковский Н. Н.* Отзыв о сочинении В. И. Герье «Блаженный Августин» // *Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых императорскою Академиею наук*. Отчеты за 1910 год. Пг., 1915. С. 27–64.
- Соловьев В.* Кое-что о так называемых ВАКовских изданиях или снова о плагиате // *Пушкин*. 2009. № 1. С. 183–187.
- Федорова Н. Г.* Педагогические идеи В. И. Герье и учебная литература по всеобщей истории (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л. П. Репиной*. – М.: ИВИ РАН, 2008. С. 195–212.
- Цыганков Д. А. В. И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.)*. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 256 с.
- Чапкевич Е. И.* [Рец.:] Г. П. Мягков. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988 // *Новая и новейшая история*. 1990. № 5. С. 208–209.
- Шиловецва В. С.* Проблема кризиса и падения римской республики в русской историографии эпохи разложения феодально-крепостнических отношений и развития капитализма (вторая половина XVIII–XIX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 1970. 22 с.
- Юдин А. В. В. И. Герье как исследователь Древнего Рима // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л. П. Репиной*. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 271–279.

Иванова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории Чувашского государственного университета им. Н. И. Ульянова; tivanovan@mail.ru

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета; gmyagkov@yandex.ru

И. А. КОПЫЛОВ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ*

Когда в середине 1990-х гг. В. И. Уколова выступила на заседании Учёного совета ИВИ РАН с сообщением, в котором отметила необходимость развития такого направления, как интеллектуальная история, многими её коллегами это предложение было встречено скептически. Ю. Л. Бессмертный даже возразил, что вряд ли нужно особо выделять подобную область знания, если учесть, что уже существует такой предмет исследований, как история ментальности¹. Тем не менее, дальнейший ход событий показал, что В. И. Уколова не ошиблась. Интеллектуальная история не только выделилась в особый раздел исторической науки, но и заняла прочное место среди исследовательских дисциплин; в Институте всеобщей истории РАН создана Центр интеллектуальной истории, выходят периодические издания, появились проблемно-тематические сборники, к одному из которых, озаглавленному «Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков», хотелось бы привлечь внимание читателя.

Беря за основу наследие конкретных авторов (от Платона до англосаксонских средневековых писателей), авторский коллектив рассматривает широкий диапазон проблем, связанный с феноменом исторической преемственности в идейно-духовной сфере, показывая при этом, как существовали и влияли друг на друга самые разные, порой плохо совместимые традиции. Согласно определению Г. Зиммеля, традиция представляет собой «явление, посредством которого содержание мышления, деятельности, созидания, а также чувствования становится самостоятельным по отношению к своему первоначальному носителю и может передаваться им дальше как материальный предмет». С учетом этого изучение разнообразных интеллектуальных традиций становится основной и непреложной задачей интеллектуальной истории, которая, в свою очередь, представляет интеллектуальную традицию не столько как преемственность идей и мышления, сколько как процесс воссоздания, восприятия и творческого преобразования. Изучение интеллектуальных трансформаций необходимо для понимания духовных процессов, проис-

---

*Рец. на кн.: Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) / Сост. и общ. ред. М. С. Петровой. М.: Кругъ, 2010. 736 с.

¹ *Шкаренков. Translator temporis... С. 197.*

ходивших в переходные эпохи; это относится как к переходу от Античности к Средневековью², так и к становлению идеей Реформации³ и к другим переломным моментам истории. Исследование подобных проблем требует тонкого и кропотливого анализа обширного комплекса разнообразных источников. Естественно, достижение подобных целей невозможно без сотрудничества историков, филологов, философов, искусствоведов. Настоящий сборник и является образцом такого сотрудничества.

Открывается книга статьей А. В. Серегина «“Горгий” и гуманизм», исследующей фундаментальные принципы платоновской этики – так называемый «тезис о несправедливости» (имеются в виду слова Сократа: «Лучше творить несправедливость, чем ее терпеть»), понятия «блага», «порока», «счастья» и «страдания» – на основе текстуального анализа диалога «Горгий». Полемизируя с К. Поппером, автор делает вывод, что содержание этих понятий в Античности отличается от принятого в европейской культуре раннего Нового времени и привычного для современного читателя, в том числе и реципиента текстов Платона. Согласно платоновскому учению, справедливое поведение человека не предполагает принятия во внимание чужих интересов, а обладание теми или иными доблестями не предполагает того, что принято понимать под «гуманистическим альтруизмом». Работа С. В. Месяц «Учение о генадах: Прокл, Сириан, Ямвлих» посвящена учению о генадах, или «единицах», являвшееся основой метафизической системы поздних неоплатоников. Согласно Сириану и Проклу, представителям афинской неоплатонической школы V в., генады, или божества, образуют уровень первого множества над бытием и расположены между Единым и умопостигаемым Бытием. Обширная статья А. Р. Фокина посвящена взаимоотношениям античной метафизики и христианской теологии в трудах Мария Викторина, которому уже долгое время отводят роль связующего звена между античной философией и христианским богословием на Западе. А. Р. Фокин рассматривает неоплатонический метод негативной теологии, посредством которой Викторин описывает Бога как «пред-Бытие» и «Единое» и ведет речь об умопостигаемой троице «Бытие-Жизнь-Мышление», соотнося ее

---

² Образцовыми в деле изучения преемственности интеллектуальных традиций на рубеже Античности и Средневековья следует в первую очередь признать работы П. Брауна (1978), Н. В. Пигулевской (1979), В. И. Уколовой (1989), М. С. Петровой (2007), П. П. Шкаренкова (2004).

³ В этом отношении наиболее показательными являются работы А. МакГрата (1992), который поставил проблему существования своего рода «предтеч» Реформации в Средние Века и показал связь между Реформацией и позднесредневековыми теологическими школами.

с привычным для христиан представлением о Боге, едином в трёх Лицах. Автор приходит к заключению, что Викторина следует рассматривать не только как популяризатора неоплатонизма и аристотелизма на Западе, но и основателя оригинальной христианской метафизической системы.

Обращаем внимание читателя на выполненный В. П. Гайденом комментированный перевод двух трактатов – «О природе слова, рождаемого интеллектом» и «Об интеллекте и умопостигаемом», ранее приписываемых Фоме Аквинскому, ныне – представителям его школы (возможно, близким друзьям и ученикам). В предисловии публикатор подчеркивает, что основные проблемы, затронутые в трактате, можно назвать как эпистемологическими, так и теологическими, а также отмечает, что в своём анализе познавательных способностей человеческого ума средневековый автор следует учению об абстрагировании, восходящему ещё к Аристотелю, напрямую опираясь на августиновскую трактовку единства трёх способностей человеческой души: памяти, умозрения и воли, как образа Троицы в человеке. Мыслительная деятельность не просто сопоставляется с Божественным мышлением, но и объясняется исходя из него. Раздел публикаций продолжает комментированный перевод трактата Аристотеля «О предсказаниях во сне», выполненный М. А. Солоповой. Это произведение Стагирита входит в корпус так называемых малых естественнонаучных сочинений философа (*Parva Naturalia*). В статье, предваряющей перевод, рассматривается общеисторический контекст учения Аристотеля о сновидениях; говорится о широко распространенном в Античности мнении о божественном характере сновидений; отмечается, что «философия пыталась найти свой подход к проблеме сна, балансируя между символикой мифа, сухим языком медицинского диагноза и баснословием житейского опыта». Изучение темы снов и сновидений продолжается в фундаментальной статье М. С. Петровой «Онейрокритика в Античности и в Средние века (на примере Макробия)». Основная цель исследования – продемонстрировать преемственность и разрывы между представлениями Макробия о сновидениях и соответствующими «теориями» Платона, Артемидора, Цицерона, Тертуллиана и Калкидия. М. С. Петрова акцентирует внимание читателя на важности греческих источников для Макробия, отмечает самодостаточность его построений; делает вывод, что в Средние века Макробиева классификация не воспринималась серьезно и не оказала глубокого воздействия на средневековую литературу о снах и видениях.

Следующий раздел сборника посвящен теме трансляции наук и знания, обретающей в современных исследованиях всё большую популярность. Открывает раздел русский перевод очень обстоятельной и живой

лекции Эдуарда Жоно «*Translatio studii*: перенесение учености (одна из тем Жильсона)», где автор, с большой теплотой вспоминая своего учителя – Этьена Жильсона, определяет значение темы перенесения учености в исследованиях выдающегося религиозного философа-неотомиста. В работе подчеркивается, что, согласно Жильсону, своего рода «протагонистом» идеи трансляции знания в средневековой Европе был Алкуин, мечтой которого было с помощью Карла Великого построить в Королевстве франков «Новые Афины», превосходящие «Древние Афины», славившиеся своими философами. Э. Жоно отмечает, что тема «перенесения учености» получила дальнейшее развитие в трудах Ноткера, Тьерри Шартрского, Гуго Сен-Викторского и других авторов. К XIII в. не только Париж и Парижский университет прославляли как Новые Афины. Эрудиты из Англии и Германии также стали возводить генеалогию своих интеллектуальных центров к временам классической древности. Любопытно, что Э. Жоно усматривает типологическое сходство концепции *translatio studii* с русской историософской идеей «Москва – Третий Рим», впервые изложенной псковским монахом Филофеем в письме (1510–1511 гг.) к царю Василию III и сравнивает концепцию «Третьего Рима» с теорией *translatio imperii* и *translatio studii*, развитой Оттоном Фрейзингским.

Вопрос преемственности интеллектуальных традиций поставлен в статьях Т. Н. Джаксон («Древняя Русь и Исландия: школы и центры учености в первые века христианства») и А. А. Сазоновой («Трансляция латинской интеллектуальной традиции: Альдхельм Малмсберийский»). Т. Н. Джаксон отмечает типологическое сходство исторического развития школ и учебных центров в Древней Руси и в Исландии, принадлежащих к разным христианским традициям, что во многом обусловлено нахождением этих государств на периферии тогдашней средневековой ойкумены. Удаленность Руси от Константинополя и Исландии от Рима послужили причиной и их сравнительно поздней христианизации (988 и 1000 гг., соответственно). Тем не менее, автор обращает внимание на различие во взаимодействии интеллектуальных традиций, привнесенных христианством. Если на Руси система образованности была изначально ориентирована на культуру монастырского типа, резко враждебную славянскому язычеству (что сказалось на отрицании традиционных для Европы и Византии форм классического знания и на недостаточном развитии института школы), то в Исландии ученики приобщались не только к основам христианского вероучения, но и к местным культурным традициям, неразрывно связанным с языческими верованиями. Это происходило по той причине, что школы в Исландии не были целиком церков-

ными или монастырскими, а, напротив, были зачастую генетически связаны с традиционной для этого региона системой усадеб, оставаясь светскими по духу. Это обусловило бурное развитие литературы на национальном языке ещё в то время, когда в остальной Европе безраздельно господствовал латинский язык. В статье А. А. Сазоновой анализируются «Загадки» Альдхельма Малмсберийского – автора, принадлежащего к первым британским интеллектуалам германского (не кельтского) происхождения, чье творчество стало объектом культового подражания в монастырских центрах Иберии, Галлии, Италии и Германии в предкаролингский и каролингский периоды⁴.

Следующая секция сборника посвящена античной и раннесредневековой географии в контексте интеллектуальной истории. А. В. Подосинов в статье «Время и пространство в архаической картине мира» устанавливает взаимосвязь между пространственными и временными категориями в картине мира архаических культур Евразии и приходит к закономерному выводу, что «пространство и время не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются людьми, причём в различных цивилизациях и обществах». И. Г. Коновалова в исследовании «Топоним как способ освоения пространства: «Русская река» Ал-Идриси» сосредоточила внимание на проблеме интерпретации топонимов в арабских средневековых источниках. «Русская река» Ал-Идриси не имеет прямого соответствия ни с одной известной восточноевропейской рекой. По мнению И. Г. Коноваловой, под «Русской рекой» следует понимать совокупность водных путей, по которым можно пересечь Восточноевропейскую равнину с севера на юг. Это отражение особого сознания автора, для которого крупные природные объекты (моря, горы, реки) не имеют четких границ и не осознаются в качестве целостных систем. Таким образом, «Русскую реку» можно вполне соотнести с двумя другими собирательными топонимами, возникшими в рамках иных традиций – древнерусским «путем из варяг в греки» и «восточным путем» скандинавских саг.

Приоритетным направлением, развиваемым в сборнике, является источниковедение, исследование и публикация письменных источников. Нельзя не приветствовать введение в научный оборот неизвестных и малоизвестных источников, а также нестандартный подход к источникам уже хорошо известным, благодаря которому удаётся поставить ряд нетривиальных вопросов, касающихся роли конкретных пассажей, риторических топосов, отступлений и ссылок в построении текста, раскрыть при-

---

⁴ В немалой степени сделанные в статье выводы развивают и иллюстрируют положения, выдвинутые автором в монографии об Альдхельме: *Сазонова. 2008.*

чины и цели обращения автора к тем или иным первоисточникам. Особого интереса заслуживает предпринятый М. Р. Ненароковой анализ «Жизнеописания пяти отцов-настоятелей» Беда, а также первоисточников, использованных англосаксонским агиографом и хронистом, легших в основу его текста. Автор исследования демонстрирует, как Беда их перерабатывает и усваивает, выстраивая собственное изложение. В данном разделе также представлены: работа П. П. Шкаренкова, посвященная влиянию характерных для позднеантичной литературы риторических приёмов и построений, нашедших своё воплощение в “*Variae*” Кассиодора (зрительные образы, связанные со светом, роскошью, небесным сводом и красотой духовного мира, цветовые обозначения, на основании анализа которых делается вывод, что люди той эпохи различали гораздо больше цветовых оттенков, чем мы различаем сейчас); статья А. С. Суприянович, посвященная анализу женских визионерских и духовно-морализаторских трактатов; публикация двух панегириков эпохи Каролингов с предисловием и примечаниями М. С. Петровой; исследование В. В. Петрова средневековой поэтической традиции на примере “*Aulae Sidereae*” Иоанна Скотта (Эриугены); выполненный И. В. Пролыгиной скрупулезный анализ ритмических клаузул в произведениях, приписываемых Иоанну Златоусту (*Pseudo-Chrysostomica*), где ритмические структуры использовались в качестве критерия авторства спорных произведений; весьма обширное и обстоятельное исследование В. В. Петрова, показывающего взаимопроникновение исторического и символического при репрезентации артефактов на примере образа киннора, псалтири и кифары в средневековых письменных и изобразительных источниках.

Таким образом, можно заключить, что задачи, стоявшие перед авторским коллективом, были успешно выполнены. Как бы ни различалась тематика сгруппированных в пределах одной секции статей, сколь бы ни были разными исследовательские методы авторов этих работ, все они подчинены общей композиционной идее – исследованию интеллектуальных традиций Античности и Средневековья и их истолкованию, сохранению идеологической, вероисповедной и культурной преемственности при переходе от одного поколения к другому и от одной исторической эпохи к другой, трансформации интеллектуальных систем, отбору необходимых критериев, характеризующих успешное функционирование интеллектуальных традиций в новых условиях. Много внимания уделяется проблеме восприятия и усвоения духовных традиций в переходные эпохи – идет ли речь о жившем в Остготской Италии «последнем римляине» Кассиодоре или об английских женщинах-визионерках. Особый акцент в

сборнике был сделан на диалогическом взаимодействии различных традиций – христианской и языческой, античной и средневековой, мировоззрении античных философов и идеологии Европы Нового времени. Разумеется, рассмотреть все интеллектуальные традиции Античности и Средневековья в пределах одного сборника (пусть и весьма обширного) – задача заведомо невозможная. Поэтому хочется надеяться, что намеченные перспективы исследований найдут свое дальнейшее рассмотрение и в других книгах, издаваемых Центром интеллектуальной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Петрова М. С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней Античности. М.: Кругъ, 2007.
- Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в средние века. М.-Л., 1979.
- Шкаренков П. П.* Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004.
- Шкаренков П. П.* Translator temporis: Виктория Ивановна Уколова: человек, ученый, педагог // Средние Века. 2004. Вып. 65. С. 197.
- Сазонова А. А.* Альдхельм Малмсберийский: жизненный путь святого в Англосаксонской Британии (VII–VIII вв.). М., 2008.
- Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья. М., 1989.
- Brown P.* The Making of Late Antiquity. Cambridge (Mass.); London, 1978.
- McGrath A. E.* Intellectual Opus of the European Reformation. Oxford, 1992.
- Копылов Иван Александрович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета; *poikamies@mail.ru*

А. А. ПАВЛОВ, В. П. ЕФИМЕНКО

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...*

«Я <...> приступлю к рассуждению, руководствуясь правилом, которым, полагаю, следует руководствоваться при обсуждении всех предметов, если хотя бы избежать ошибки: если насчет названия предмета исследования все согласны, то надо разъяснить, что именно обозначают этим названием; если насчет этого тоже согласятся, то только тогда будет дозволено приступать к беседе; ибо никогда нельзя будет понять свойства обсуждаемого предмета, если сначала не понять, что он собой представляет».

Цицерон. О государстве I, 38.

Известная евангельская сентенция, вынесенная в заглавие, отражает не только христианское, но и античное (светское) мировосприятие. Невозможно представить Античность без риторики, как и грамматики, ставшей фундаментом для современного грамматического знания¹. Об особом отношении к слову и языку в целом говорит уже тот факт, что именно эти две дисциплины составляли основу школьного образования. Язык – мера человеческого бытия и мера человеческого познания. Цицерон, не будучи грамматиком, рассматривая в своем политико-философском трактате “De re publica” что есть государство, демонстрирует нам отправную точку любого исследования: «прежде, чем говорить о предмете, нужно определиться с самим понятием» (I, 38). Сформулированное им правило выражает общую доминанту античного сознания – восходить к первоначальному и давать толкование через него (даже если мыслительный процесс в реальности оказывается обратным, порождая массу так называемых этиологических мифов), следствием чего является та огромная роль, которая придавалась римлянами этимологии. Этимологизирование, хотя и никогда в Античности не достигло научного уровня², стало неотъемлемым средством познания и выражения действительности не только римских грамматиков и раторов, но и антикваров, историков и

---

* Рец. на кн.: Verrius, Festus, & Paul: lexicography, scholarship, & society / Ed. by Fay Glinister & Clare Woods with J. A. North & M. H. Crawford. London, 2007 (Bulletin of the Institute of Classical Studies Supplement 93).

¹ Прежде всего, в лице Доната (IV в. н. э.), создавшего учебник по грамматике для школы (Ars minor) и Присциана (V–VI вв.), написавшего “Institutio de arte grammatica” в 18 книгах.

² См., напр.: Cavazza. 2004. P. 65.

даже юристов³ на протяжении всей истории Рима, начиная с эпохи зарождения антикварно-грамматической историографии во II в. до н. э.

Антикварно-грамматическая историография составляет значительный пласт римской литературы и римского научного знания, к сожалению, до сих пор недостаточно освоенный и остающийся в значительной мере на периферии исследовательского поля. Лишь кардинальное изменение методологических подходов в области исторического знания и текстологии, ознаменовавшее последние декады XX века, привело и к переоценке значимости ряда античных текстов, не вошедших в «золотой фонд» римской художественной и исторической литературы⁴.

Одним из интереснейших сочинений указанного направления, в котором слились грамматические и этимологические изыскания и антикварность с ее обращением к социальным, политическим, религиозным и правовым институтам, является лексикографический труд «О значении слов», написанный грамматиком эпохи Августа Веррием Флакком, переработанный и сокращенный грамматиком II в. Сектом Помпеем Фестом и вновь эпитомированный в VIII в. ученым-монахом Павлом Диаконом, полностью сохранившийся лишь в этом последнем варианте. Комплексному анализу этого труда и посвящено рецензируемое издание, ставшее плодом международного проекта “Festus Lexicon Project”, осуществленного на базе Института классических исследований лондонского университета под руководством Фэй Глинистер при поддержке Центра гуманитарных исследований и искусств⁵.

Во введении Фэй Глинистер, Джона Норта и Клэр Вудс даны краткие сведения о Веррии Флакке, Секте Помпее Фесте и Павле Диаконе. Авторы отмечают, что несмотря на важное значение «Словаря» читатель все еще не имеет ни его полного современного перевода⁶, ни его коммен-

---

³ Так, например, 50-я книга Дигест, основного источника по римскому праву, созданного Юстинианом в VI в. н. э., содержит титул «О значении слов», название которого повторяет титул сочинения римского грамматика I в. н. э. Веррия Флакка.

⁴ В определенном смысле следствием этих изменений стали недавние публикации переводов на русский язык сочинений Авла Геллия (*Авл Геллий*. Аттические ночи. Книги I–X; Книги XI–XX) и Валерия Максима (*Максим Валерий*. Достопамятные деяния и изречения), а также исследований, посвященных римской антикварной и грамматической историографии: *Тристенко*. 1993. С. 175–206; *Сидорович*. 2005; *Петрова*. 1999; *Она же*. 2001; *Она же*. 2009.

⁵ См.: <http://www.ucl.ac.uk/history2/research/festus/index.htm> (апрель, 2010).

⁶ Имеется единственный французский перевод А. Савагнера: *Sextus Pompeius Festus*. De la signification des mots. 1846. Vol. 1–2. Первая попытка полного перевода эпитомы Павла на русский язык предпринята А. А. Павловым: *Павел Диакон*. О значении слов...

тария⁷; есть лишь анализ отдельных его статей, что не позволяет взглянуть на него как на самостоятельный цельный и сложный текст. Именно в этом видят свою задачу авторы, добиваясь ее решения сосредоточением внимания на трех концентраторах: состоянии лексикографии и грамматической науки в эпоху поздней республики и ранней империи; информативной ценности текста Феста для понимания реалий римского общества; проблеме передачи и сохранения текста в постклассический период.

Первая часть исследования⁸ включает в себя три работы. Ф. Глинистер посвятила свою статью «Конструируя прошлое»⁹ рассмотрению исторического фона, а также авторству и аудитории «Словаря». Она ставит перед собой несколько задач: понять, как и с какой целью создавался «Словарь», как он использовался в Античности, что он дает для реконструкции римской истории и историописания. Ф. Глинистер исходит из того, что текст Феста (несмотря на то, что он произвел значительные сокращения, а также сделал некоторые дополнения и, возможно, перегруппировку отдельных статей) в целом восходит к не сохранившейся работе Веррия Флакка. С целью лучшего понимания метода создания текста Фестом, автор статьи сопоставляет сохранившуюся часть его текста с дошедшими до нас книгами “*De lingua Latina*” (далее — LL) Варрона, написанных в 43 г. до н. э. Между этими двумя работами, по мнению Ф. Глинистер, имеется тесная и очевидная связь. Автор находит ряд параллелей: в одних случаях и Варрон, и Веррий анализируют одно и то же слово, используют тот же самый материал или дают одну и ту же информацию (*casmenae / camenae* 59.3P; 222.25F; ср. *Varro*. LL. VII. 26-28); в других случаях язык «Словаря» фактически идентичен языку Варрона, что может говорить о том, что Веррий скопировал пассаж Варрона; оба грамматика для иллюстрации используют одни и те же примеры ранних латинских поэтов и драматургов (Энний, Невий, Плавт). Имеются случаи, когда Варрон и Фест используют одну и ту же этимологию, анализируя слово. По мнению Ф. Глинистер, все это демонстрирует, что работа Варрона “*De lingua Latina*” была важным источником для «Словаря» Веррия, но далеко не единственным, ибо работа Веррия, состоявшая из 40 книг, была значительно большей по объему, по сравнению с Варроном. Отличия Веррия от Варрона проявляются в ряде случаев, например, в интерпретации тех или иных слов (e. g.: *strebula*; 410.28F, 411.10P; *Var-*

⁷ Наиболее основательным является комментарий, изданный П. Пиерони. Однако он касается только сохранившегося текста Феста: *Pieron*. 2004.

⁸ См.: *Lexicography and scholarship*. P. 11–68.

⁹ См.: *Glinister*. *Constructing the past*. P. 11–32.

ro. LL. VII. 67); в цитатах, взятых у неизвестного автора Куриация, которые Веррий приводит независимо от Варрона (166.7F; 174.20F); во включении Веррием в свой текст материала близких ему по времени авторов (Лукреция и Цицерона). По мнению Ф. Глинистер, Веррий использовал “De lingua Latina” (наряду с некоторыми другими сочинениями) как «грамплин» для своей работы, хотя иногда и подчеркивал свою независимость от Варрона, не соглашаясь с теми или иными его объяснениями.

Далее Ф. Глинистер рассматривает вопрос об аудитории и читателей «Словаря», встающий в связи с новой организацией материала: не тематической, предпочтительной в Античности, и имевшей место у Варрона, а алфавитной. Очевидно, это была первая латинская работа, построенная таким образом. По мнению автора, алфавитный порядок не облегчал, а затруднял работу с текстом, ибо большинство работ были предназначены для чтения вслух. Этот тезис автор подтверждает анализом социокультурной обстановки эпохи Августа и сведениями из жизни Веррия, биография которого изложена Светонием в книге «О грамматиках». «Словарь» был написан в эпоху кардинальной трансформации римской жизни, предпринятой Августом. Веррий, будучи вольноотпущенником и наставником его внуков, находился в тесных отношениях с Августом и был зависим от последнего. Он принадлежал новому миру лиц, вознесшихся не через унаследованный статус, а через службу и императорское покровительство. Работа Веррия находится в русле идеологии Августа: двумя ее центральными блоками являются римская (около 150 статей) и итальянская топография (около 100 статей), воспринимаемая в контексте мифологии и обычаев римлян и итальянцев, что, с одной стороны, демонстрирует неразрывность прошлого и настоящего, с другой, подчеркивает не «завоеванность», а «равенство и интегративность» итальянского населения. Ф. Глинистер заключает, что в условиях смены элит должна была произойти и смена слоя, контролирующего знание и управляющего его распространением. Иная систематизация материала у Веррия стала, по мнению автора, ответом на эту кардинальную смену парадигм, ответом на запрос реорганизации знания эпохи Августа.

Статья Мари-Карин Ломме «Варрон и Веррий во II в. от Рождества Христова»¹⁰ посвящена сопоставительному анализу значения Варрона и Веррия для авторов II в. н. э. Автор приходит к иному, чем Фей Глинистер, выводу относительно использования Веррием текста Варрона, ставя

---

¹⁰ *Lhommé Marie-Karine. Varron et Verrius au 2ème siècle après Jésus-Christ. P. 33–48.*

на первый план тот факт, что Варрон, несмотря на частое цитирование другими авторами II в. н. э., Фестом упоминается спорадически (из 461 известного фрагмента Варрона лишь 22 восходят к тексту Феста). Ломме замечает, что хотя Фест, перерабатывая текст Веррия, исключил ряд статей и сократил оставшиеся, это не объясняет столь редкого цитирования Варрона, чей текст должен был быть хорошо известен Веррию, жившему позднее его на 60 лет. Ломме сопоставляет цитаты Варрона у Феста, сравнивает этимологические объяснения, имеющихся у обоих авторов. По ее мнению, Веррий скорее критичен к Варрону в своем стремлении отличиться от него. Ломме также замечает, что ко II в. н. э. сведения о Веррии оставили Овидий, Плиний Старший, Светоний, Порфирий, Фест и Авл Геллий. Последний упоминает Веррия 6 раз, тогда как Варрона – 84. Для Геллия, изображающего себя постоянно погруженным в чтение Варрона, его авторитет почти непререкаем (из 84 цитат только 2 критичны). В отношении же Веррия Геллий не столь сдержан. Персонажи его произведения обращаются к трудам Веррия как справочным, для нахождения скорого ответа, но его мнение всегда дискутируется. И хотя Геллий сообщает, что Веррия относят к авторитетам, сам он таковым его не считает. Согласно Ломме, основным информатором о Веррии является Фест, который ссылается на него около 20 раз. Он также критичен к тексту Веррия, выражая неудовлетворение тем, что объяснения Веррия не являются чисто грамматическими, указывая на его противоречия и ставя под сомнение ценность его объяснений. Но, несмотря на критику Веррия, само переложение Феста, задавшегося целью создать более удобную в использовании версию его текста, как и то, что он не посчитал себя вправе кардинально трансформировать текст при его сокращении, свидетельствует, по мнению Ломме, о высоком авторитете Веррия во II в. н.э. Однако, как полагает Ломме, по сравнению с Варроном, Веррий был второстепенным грамматиком, чему не противоречит то, что Варрон игнорируется в «Словаре». Веррий не столько пренебрегает Варроном, заключает Ломме, сколько просто оставляет его в стороне.

Статья Дж. Норта «Почему Фест цитирует то, что он цитирует»¹¹ посвящена методике работы Веррия с источниковым материалом и его источникам. Норт задается вопросами: почему Фест цитирует лишь определенных авторов, прежде всего ранних (тогда как современные могли бы быть более подходящими); почему он регулярно заимствует из литературных источников, но не использует антикваров; являются ли приво-

¹¹ North J. A. Why Festus quotes what he quotes. P. 49–68.

димые им цитаты результатом его собственного прочтения текстов или унаследованы от традиции? Следуя собственной методике подсчета, Норт насчитал у Феста 780 цитат, из которых 398 приходится на драматические произведения, а 212 на другие поэтические тексты. Основная их масса относится к периоду III–II вв. до н. э. (от Ливия Андроника до Акция и Луцилия). Цитаты авторов I в. до н. э. минимальны (53). Чаще всего цитируются Плавт (150), Энний (140), а также Пакувий (50) и Луцилий (55); ни разу – Цезарь, Овидий. Единственным прозаическим автором, регулярно используемым Фестом, является Катон Старший (110); историки и антиквары после Катона, как и ораторы, упомянутые Цицероном в его трактате «Брут», не приводятся вовсе. По мнению Норты, это могло быть связано с целью труда Феста, в котором примеры используются для демонстрации и объяснения трудностей архаических словоформ. Варрон зачастую использовал те же примеры, что согласно Норте должно указывать на наличие более ранних сборников собраний цитат. На существование таких сборников, по мнению Норты, косвенно может указывать работа антиквара I в. до н. э. Л. Цинция “*De verbis prisicis*”, в которой Цинций, в отличие от Феста, использует настоящее время, тогда как Фест – прошедшее, стремясь показать, что современный ему латинский язык отличен от языка древних. Для Феста нет необходимости в цитатах позднереспубликанского и раннеимператорского времени, поскольку он разъясняет устаревшие институты, ритуалы, топонимы. Но даже и тогда, когда контекст современен латинскому автору, он прибегает к цитатам древних – очевидно использовать готовые цитаты из имеющихся собраний было проще для Феста, чем искать современные примеры.

Отвечая на вопрос: «Как собирались цитаты?», – Дж. Норт приходит к выводу, что, скорее всего, это происходило посредством исследования отдельных текстов, из которых выбирались случаи, требующие разъяснения, с распределением результатов такого разъяснения в алфавитном порядке. Подтверждением этому не только служат работы типа “*De obscuris Catonis*” Веррия, но и сам материал «Словаря», содержащий группы статей с примерами, взятыми у одного автора, а также цитаты авторов, появляющиеся всегда в определенной последовательности и в соответствии с порядком книг оригинала. При попытке определить к какому времени относится начало сложения сборника примеров, Норт анализирует появление цитат из Луцилия (полагая, что их наличие в текстах могло бы быть отправным ключом при определении датировки собрания). Дж. Норт приходит к выводу, что цитирование Луцилия отлично от цитирования архаических авторов, так как внимание составителя такого

сборника сосредоточено не на конкретных примерах архаического словоупотребления, а на разъяснении самого текста и проблем в нем поднимаемых. Норт заключает, что своеобразный набор цитат Феста воспроизводит уже сформировавшийся в своей основе в начале I в. до н. э. набор цитат, когда поэзия от Ливия до Луцилия и Акция составляла основу латинской литературы. Поздние грамматики лишь добавили отдельные поздние цитаты, но в основном использовали уже сложившиеся сборники цитат: канон цитируемых авторов уже сложился ко времени Веррия. Отсутствие цитат из прозаических текстов (кроме Катона Старшего) свидетельствует, скорее, о нежелании использовать не столько поздние источники, сколько прозаические источники вообще.

Вторая часть¹² сборника включает статьи Филиппа Моро и Ребекки Флеминг. В статье Моро «Лексика Феста как свидетельство зарождения науки о родственных связях в Риме»¹³ анализируются термины родства в текстах Феста и Павла, дающие информацию о генеалогической близости двух индивидов (28 статей). Для обозначения позиции индивида Фест, подобно юристам, использовал (379.6F *sobrinus*) понятия *gradus* (степень [родства]), опущенное Павлом, и *persona* – абстрактное лицо, отличное от автора, референтная точка, от которой идет отсчет (13.8P *amita*); это указывает на то, что Фест был знаком с юридическими трактатами “*de gradibus cognationis*”, существовавшими уже в конце Республики. Однако, замечает Моро, если для юристов определение степени родства было связано с наследственным правом, то для Веррия на первом месте стоит этимология, чем могут объясняться некоторые его ошибки (13.8P *amita*; 13.3P *avunculus*). Моро полагает, что источником о степенях родства Веррию послужила работа Элия Галла, к которому полностью или частично восходят 19 глосс, у Феста. Моро попытался реконструировать содержание и структуру сочинения Галла. По его мнению, труд Галла был посвящен гражданскому праву, состоял из 2-х книг и был организован тематически, а не по алфавиту. По своему характеру он мог представлять комментарий к преторскому эдикту. Особое внимание Моро уделил глоссе, в которой Фест сообщает о норме, связанной с трауром (144.3F *minutur populo luctus*), где речь идет о причинах сокращения времени траура. Одна из таких причин – рождение лица, более близкого по крови, чем тот, кого оплакивали, что, по мнению автора, должно было

---

¹² Festus and Roman society. P. 69–108.

¹³ Moreau Philippe. Le Lexique de Festus. Témoin de la naissance d’une science de la parenté à Rome. P. 69–86.

ставить практическую задачу определения степени родства между всеми членами семьи. Правила траура и контроль за их исполнением обычно связываются с великим понтификом, а создание коллегии понтификов, в свою очередь, – с Нумой. В этой связи, полагает Моро, наряду с юридической (наследство), существовала и культовая необходимость в выработке специальных категорий, фиксирующих отношения родства, так что уважение правил траура стало одним из мотивов, наряду с наследованием имущества, формирования абстрактных категорий родства.

Статья Ребекки Флемминг «Фест и роль женщин в римской религии»¹⁴ является попыткой переосмыслить, опираясь на текст Феста, роль женщин в римской религии. Автор видит свою задачу в переосмыслении тезиса Шайда о «сакральной несостоятельности» женщин, который стал основанием для вывода об их маргинальной роли в римской религии. Флемминг отвергает и два других, связанных с первым, тезиса о том, что женщины, не имея своего места в римской религии, либо вторгались в мужское пространство (весталки, фламиники, царица священнодействий), либо исполняли обязанности в иностранных культурах (Цереры, Изиды). Для обоснования выводов Флемминг рассматривает три проблемы: участие женщин в жертвенной практике и священнодействиях; известный запрет употребления вина для женщин; культ Цереры в Риме.

По мнению Флемминг, запрет женщинам участвовать в священнодействии, встречающийся у Павла (72.10P *exesto*), не является общим, а относится к определенному ритуалу: достоверно известно об удалении женщин из незначительного числа ритуалов (например, в честь Митры). Флемминг отвергает идею Шайда, опирающегося на Плутарха, об отстранении женщины от приготовления сакральных продуктов, поскольку, с одной стороны, у Плутарха речь идет о мифологическом прошлом, с другой, известно, что весталки участвовали в приготовлении *mola salsa* (57.1P *casta mola*), и эта их функция должна быть соотнесена с функцией женщины в домашнем культе. Одним из аргументов, приводимых в пользу сакральной несостоятельности женщин, согласно Флемминг, является запрет женщинам употреблять вино, который также связывается с запретом жертвоприношений. Он строится на запрете, упоминаемом Авлом Геллием (X. 23), употреблять женщинам *temetum* (чистое неразбавленное вино) и разрешении употреблять особые виды напитков (*lorea*, *passum*, *pingina*, *dulcia*). Однако, по мнению Флемминг, речь идет не о запрете как таковом, а о запрете чрезмерного потребления, что связано с этиче-

¹⁴ *Flemming Rebecca*. *Festus and the role of women in Roman religion*. P. 87–108.

ской регламентацией. Запрет, как считает Флемминг, связан с запрещением пить неразбавленное вино (какое полагается богам), что распространяется и на мужчин, и на женщин. Кроме того, Флемминг доказывает использование женщинами вина в жертвоприношениях, опираясь на Плутарха (RQ 57) и Феста (455.14P). Последний сообщает, что женщины, участвовавшие в священнодействиях и использовавшие *simpulum* (сосуд для вина), именовались *simpulatrices*. Все это, по мнению Флемминг, бросает вызов тезису о сакральной неполноценности женщины.

Далее Р. Флемминг рассматривает культ Цереры в Риме, выделяя два пласта: архаический (освящение храма плебейской триады Цереры, Либера и Либеры в 493 г. до н. э.) и новый (III в. до н. э.), с которым связывает информацию Феста (86.7P Ггаеса сага). По мнению Флемминг, в новом культе обязанности исполняли только женщины; он не был связан с запретом возливать вино (запрет относился только к ритуалу свадьбы Орка). Более того, автор исследования, опираясь на Цицерона, утверждает, что хотя и сам ритуал, и его жрицы, были заимствованы из Греции, сами жрицы исполняли его за римский народ и как римские гражданки. Такой ритуал был интегрирован в римский культ, в связи с чем жриц Цереры возможно сопоставить с весталками, царицей священнодействий и фламиникой. Таким образом, и этот культ, как полагает Флемминг, свидетельствует о включенности женщин в римскую религиозную практику.

Свои рассуждения Флеминг подкрепляет ссылками на статьи Феста, в которых сообщается о женщинах, участвующих в жертвоприношениях: помимо весталок, фламиник и жриц Цереры, Фест упоминает *simpulatrices*, *piatrix*, *saga*, женщин, возливающих молоко Румине, поклоняющихся Геркулесу-Сильвану. Закljučая, Флеминг осторожно замечает, что представление о жертвенной неспособности женщины, исходящее из предполагаемого их отлучения от главных элементов жертвенного ритуала, должно быть заменено, но не его инверсией, а представлением лучше учитывающим особенности римской религиозной жизни. По мнению Флеминг, можно говорить об эгалитарности нижнего слоя римской религии, ибо римская космология предполагает универсальную возможность взаимоотношений с богами, а римская конституция допускает равное участие женщин в религиозной власти (хотя они и были отстранены от политической и военной), в том числе в создании представителей общины в сфере религии как со стороны мужчин, так и со стороны женщин.

Третью часть¹⁵ сборника открывает статья Клэр Вудс «Вклад в библиотеку короля: эпитама Павла Диакона и ее каролингский контекст»¹⁶. Вудс ставит своей целью создание более современного (по сравнению с изданием Линдсея) списка средневековых рукописей, содержавших эпитаому Павла. Параллельно с этим она рассматривает и ряд других вопросов, а именно: где была написана эпитаома, какой вклад внесло ее появление в интеллектуальную культуру при дворе Карла Великого, каким было ее значение в отношениях между Павлом и последним.

У Линдсея дан список из 12 рукописей, датированных X–XI вв. Девять из них К. Вудс относит к IX в., а также дополняет список рукописями, датированными вплоть до XIV в. Согласно ее перечню к IX в. относится 10 (11) рукописей, к X в. – 3, к XI в. – 1, к XII в. – 1 (2), к XIII в. – 1 (возможно еще 4), к XIV в. – 4. Анализ их темпорального появления привел автора исследования к интересным заключениям. К. Вудс отмечает, что интерес к тексту Павла был утрачен уже в X в., оставаясь низким до XIV в. Вместе с тем, в это время наблюдается трансформация текста Павла. Он либо интерполируется в структуру других текстов (Leiden BPL 191; XIII–XIV вв.), либо организуется в правильном алфавитном порядке. Первая такая попытка была сделана в рукописи Philips / Austin XI в.; в полном виде алфавитный порядок статей реализован в английской рукописи XII в. (TCL, но также Paris B.N. Lat. 10295 и Oxford Balliol College 155), когда интерес к тексту Павла достиг низшей точки. Вудс также отмечает, что снижение интереса к эпитаоме совпадает с повышением интереса к лексикографии, ставшей в этот период важным элементом в культурном и схоластическом образовании. Это, в свою очередь, привело к тиражированию новых словарей, с чем могло быть связано и создание копий с полным алфавитным порядком, с целью облегчения работы с ними современным лексикографам. К XV в. относится более 100 копий гуманистов (практически все созданы в Италии), которые восходят, очевидно, к рукописи, найденной в 1417 г. Подджо Бартоломео.

Рассматривая вопрос о времени создания эпитаомы, К. Вудс указывает на наличие двух точек зрения: она была создана либо при дворе Карла, где Павел находился с 781/782 по 786 г. (что, возможно, предполагает наличие полного текста Феста при дворе); либо после того, как Павел возвратился в Монте Кассино в 786 г. Вудс полагает, что если бы

---

¹⁵ The transmission of Festus and post-classical scholarship. P. 109–158.

¹⁶ Woods Clare. A contribution to the king's library: Paul the Deacon's epitome and its Carolingian context. P. 109–136.

текст Феста существовал при дворе Карла, то Павел вряд ли бы написал в посвящении, адресованном франкскому королю, слова: «желая что-либо добавить к вашей библиотеке». На вопрос: «Откуда могла происходить рукопись Феста?», Вудс отвечает так: очевидно из библиотеки монастыря Монте Кассино, в котором Павел находился после направленного против власти Карла в Италии Фриульского восстания 776 г., во время которого брат Павла оказался в плену у Карла. То, что там не найдено ни одной рукописи, что побуждает исследователей считать, что она создана при дворе, объясняется тем, что у нас нет сведений о том, какие фонды имела монастырская библиотека в VIII в., поскольку сам монастырь был разрушен сарацинами в 883 г. Вудс отмечает, что следы эпитомы можно найти в двух рукописях из Монте Кассино (MS 90 и Vat. Lat. 1469). Эти рукописи относятся к XI в. и содержат выдержки из Феста и Павла, что предполагает существование эпитомы Павла в центрально-южной Италии. Этот факт не доказывает того, что текст составлен в Монте Кассино, но должен исключить аргумент *ex silentio*, приводимый в доказательство того, что эпитома была составлена при дворе. Текст Феста всегда был редок, о чем свидетельствует единственная плохо сохранившаяся копия XI в., происходящая из Италии. Частично текст Феста также сохранился в глоссариях, условно называемых *Abstrusa-Abolita* и *Aa*, восходящих к VII – нач. VIII вв., которые также были созданы в центрально-южной Италии. Павел использовал работу Феста не только при создании эпитомы, но и при написании других своих сочинений («Истории лангобардов», «Записок о правлении Бенедикта»), что были созданы в Монте Кассино. Все это, по мнению Вудс, может указывать на Монте Кассино как на место создания эпитомы. Однако вопрос «где?» предполагает и вопрос «когда?», на которые вновь помогает ответить «Посвящение Павла». Вудс замечает, что в своей преамбуле Павел определяет свой труд как *munusculum* – небольшой подарок; он ничего не говорит о выполнении некой миссии, ставшей ответом на просьбу или поручение Карла, а в заключении пишет, что если подарок понравится, то это поощрит его продолжить работу. На основании анализа «Посвящения», Вудс заключает, что из текстов, созданных для Карла, это, очевидно, первый. Все это, по мнению Вудс, должно говорить о том, что Павел подарил эпитому Карлу либо в 781 г., когда король был в Италии на помазании своих сыновей, либо в 782 г., когда Карл отправился ко двору умолять об освобождении своего брата. В своем «Посвящении» Павел акцентирует внимание на Риме, он пишет, что Карл найдет здесь информацию о грамматике и этимологии, столкнется с обсуждением слов, касающихся города Ромула,

его врат, улиц, холмов, мест, триб. Как замечает Вудс, посвящение такого рода могло как нельзя лучше быть связано с посещением Карлом Рима.

В статье «Ватиканские латинские кодексы 1549 и 3369 и страницы, потерянные из Codex Farnesianus»¹⁷, написанной Джованной Манчини, обсуждается проблема трансформации текста Феста, сохранившегося в единственной испорченной рукописи (Codex Farnesianus), и рассматриваются две рукописи гуманистов, находящиеся в Ватиканской библиотеке (Vat.Lat. 1549 и 3369), с целью определения характера утраченных ныне частей рукописи Феста. Дж. Манчини обратилась к проблеме структуры текста Феста и ее трансформации, в связи с исследованием муниципий и института гражданства. Она обращает внимание на порядок лемм Феста и Павла, отмечая, что он не совпадает. Это касается леммы *municipiceps* (126.16F/117.5P). Более того, содержательно близкая к ней лемма *municipium* находится у Павла обособленно (155.7P), а у Феста и вовсе отсутствует. Дж. Манчини исходит из того, что страницы Codex Farnesianus при переписывании были перемещены, что привело к нарушению порядка текста. Сопоставляя тексты кодексов (Vat.Lat. 1549 и 3369), Дж. Манчини пытается выяснить реальное расположение утраченных в Codex Farnesianus частей и дать объяснение причинам такой трансформации. Она не связывает ее с деятельностью Павла, но полагает, что текст Павла восходит не к имеющемуся Codex Farnesianus, а к его копии, в которой, очевидно, лемма *municipium* следовала непосредственно за леммой *municipiceps*.

Завершается книга библиографическим списком (р. 159–169) и различными вспомогательными указателями (р. 171–191).

Несмотря на небольшой объем, книга, несомненно, заслуживает внимания. Она не столько закрывает проблему, сколько, напротив, призвана стать отправной вехой для последующих исследований «Словаря» Феста, демонстрируя положительный пример совместного сотрудничества исследователей различных направлений (историков, филологов, правоведов) из разных стран (Англии, Франции, Италии). Именно это дало возможность впервые за последние десятилетия комплексно подойти к анализу «Словаря» и его эпохи, изучить причины появления и пути формирования текста, особенности его бытования, передачи и влияния на средневековую и гуманистическую историографию, его значение для реконструкции архаических институтов и истории Рима. Важно отме-

---

¹⁷ Mancini Giovanna. I codici Vaticani Latini 1549 e 3369 e le pagellae perdute del codice Farnesiano. P. 137–158.

тить, что в своем анализе авторы стремятся к максимальной объективности, тщательной аргументации высказываемых положений, доказательности выводов. Мы фактически не встречаем поверхностной критики римской традиции, которая до сих пор принимается многими западными исследователями, особенно в отношении традиции исторической¹⁸.

Нам представляются особенно продуктивными и стимулирующими дальнейшие исследования вывод Ф. Глинистер относительно алфавитного построения «Словаря», как нового способа организации материала, заданного переломной эпохой и идеологией Августа, и заключение Р. Флемминг об эгалитарном характере низового слоя римской религии и месте в ней женщины, игравшей самостоятельную роль в сакральной практике. Позитивным следует признать вывод Ф. Моро о существовании религиозных оснований для определения степеней родства, помимо правовых, но следует подчеркнуть, что во времена, когда формировалась эта градация родства, право и религия были весьма тесно переплетены, представляя собой, в определенной степени, неразрывный комплекс регламентаций, что осталось вне анализа автора. Мы вполне солидарны с заключениями К. Вудс о времени и месте составления эпитомы Павлом Диаконом, поскольку ее аргументация не вызывает возражений. В целом, следует согласиться и с выводами и Дж. Норта относительно причин цитирования Фестом тех или иных источников. Однако это исследование могло бы несомненно выиграть, если бы автор попытался сопоставить практику цитирования Феста с таковой у других грамматиков и антикваров. Заключение М.-К. Ломме относительно использования Веррием Флакком “*De lingua Latina*” Варрона, оказались противоположными тем, что сделаны Ф. Глинистер, хотя когда из 25 книг текста Варрона мы имеем лишь шесть (V–X), а от текста «Словаря» Феста до нашего времени дошла с огромными лакунами часть от буквы М до V, однозначный вывод едва ли возможен. То же можно сказать и относительно вывода Дж. Манчини об использовании Павлом Диаконом иной, отличной от *Codex Farnesianus*, копии Феста для создания своей эпитомы, хотя тщательность проделанной автором работы вызывает доверие и уважение.

Остается сожалеть, что организаторам не удалось привлечь к проекту более широкий круг участников, что позволило бы расширить круг

---

¹⁸ См., напр.: *Flach D.* Die Gesetze der früheren Römischen Republik: Text und Kommentar. Darmstadt, 1994 и рецензию на нее В. В. Дементьевой (IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1999. № 2 [5]. С. 215–220); *Mitchell R. E.* Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca&London, 1990 и нашу рецензию на нее: Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 32–49.

рассматриваемых проблем. Среди таковых могли бы быть, например, и структурный анализ текста «Словаря» (что позволило бы лучше понять структуру римского знания и ценностей), и этимологические построения его автора, и принципы этимологизации, присущие римской традиции в целом. Немаловажным было бы и определение места «Словаря» в рамках римской традиции, путей ее формирования и передачи в различных аспектах (религиозных, правовых, социальных).

Хочется надеяться, что, несмотря на завершение проекта, авторы сборника продолжат работу над изучением «Словаря», а его издание привлечет новых исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авл Гелий*. Аттические ночи. Книги I–X / Пер. с лат. под общ. ред. А. Я. Тыжова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2007.
- Авл Гелий*. Аттические ночи. Книги XI–XX / Пер. с лат. под общ. ред. А. Я. Тыжова, А. П. Бехтер. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008.
- Максим Валерий*. Достопамятные деяния и изречения / Пер. с лат. С. Ю. Трохачева. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2007.
- Павел Диакон*. О значении слов / Пер. А. А. Павлова // Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 4. Сыктывкар, 2009.
- Петрова М. С.* Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем 6. 2001.
- Петрова М. С.* Рецепция донатовой “*Ars grammatica*” Кассиодором Сенатором // Диалог со временем 28. 2009.
- Петрова М. С.* Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: “*Ars minor*” Доната // Диалог со временем 1. 1999.
- Сидорович О. В.* Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I в. до н. э. М., 2005.
- Трутенко Б.* Авл Гелий и его книга «Аттические ночи» // *Геллий Авл*. Аттические ночи. Томск: «Водолей», 1993.
- Cavazza F.* Gellius the Etymologist: Gellius’ Etymologies and Modern Etymology // The worlds of Aulus Gellius / Ed. L. Holford-Strevens. Oxf., 2004.
- Pieroni P.* Marcus Verrius Flaccus’ “*De significatu verborum*” in den Auszügen von Sextus Pompeius Festus und Paulus Diaconus. Einleitung und Teilkommentar (154, 19 – 186, 29 Lindsay). Frankfurt am Main, 2004. (Studien zur klassischen Philologie Band 147).
- Sextus Pompeius Festus*. De la signification des mots. Paris, 1846. Vol. 1–2.

Павлов Андрей Альбертович, доцент кафедры истории зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета; aapavlov@rambler.ru

Ефименко Владимир Петрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Сыктывкарского государственного университета; philology@syktsu.ru

Рец. на кн.: Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: Учеб. пос. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2010. 608 с.

Разработка методологических и методических проблем исторических исследований – необходимое условие реализации задач вузовского исторического образования. В условиях теоретико-методологического плюрализма разработка адекватного концептуальным подходам методического инструментария является актуальной проблемой профессиональной подготовки историка. Расширение предмета и усложнение структуры исторической науки, развитие междисциплинарной кооперации требуют освоения историками методов других научных дисциплин. Важным фактором развития современного исторического знания стал постмодернистский вызов конца XX в., который со всей остротой поставил вопрос о научном статусе истории. Эти обстоятельства определили необходимость разработки и освоения в рамках высшего профессионального образования научных методов, техник и инструментов, направленных на достижение обоснованных результатов исторических исследований. При наличии значительного числа учебников и учебных пособий по методологии истории, источниковедению, учебной литературы, посвященной методике и технике исторического исследования, на сегодняшний день явно недостаточно.

Учебное пособие Л. Н. Мазур представляет собой оригинальный вариант комплексной разработки проблемы методического инструментария историка. Структура пособия представляется вполне обоснованной: от рассмотрения сущностных проблем исторического исследования, его особенностей, природы, метода автор переходит к раскрытию методик и техник сбора, систематизации, а затем – анализа исторических данных, показывая взаимосвязь этих методик с качественными особенностями различных видов и этапов исторических исследований. Автор учитывает достижения отечественных исторических школ источниковедения и методологии, в первую очередь, школы академика И. Д. Ковальченко, с особым вниманием ее основателя, его учеников и последователей к проблемам извлечения, обработки и анализа информации исторических источников, прежде всего массовых.

Важное место в учебном пособии занимает теория метода и разработка проблемы научных методов в истории. Л. Н. Мазур показывает различные подходы к ее решению, оценивает достижения современной историографии в понимании сущности исторических методов, их видов и систем, классификаций совокупности научных методов, применяемых в исторических исследованиях. Не случайным явилось выделение автором особой классификации методов, определяемой на основе различ-

ния информационных задач, реализуемых в своей деятельности историком, и соответствующих этим задачам исследовательских практик. Эта классификация, включающая методы сбора и регистрации информации, методы ее систематизации и упорядочения, а также методы анализа и синтеза, в значительной степени определяет структуру, логику и ценность учебного пособия. Автор рассматривает совокупность именно данных методов как *методику* исторического исследования¹.

Вкладом Л. Н. Мазур в решение проблемы метода является обоснование идеи базового метода, обусловленного спецификой предмета и цели исследования, определяющего подходы и инструментарий на всех его этапах, а также положения о дополнительных методах, направленных на реализацию конкретных научных задач данного труда. В трактовке автором «базового метода» проступает, на наш взгляд, расширительное толкование метода как методологии, общего подхода к исследованию, способа его проведения, совокупности не только правил и процедур, но и задающих их принципов решения поставленной задачи. В данном случае, как нам представляется, просматривается влияние традиции, заложенной И. Д. Ковальченко, который подчеркивал, что «научный метод представляет собой теоретически обоснованное нормативное познавательное средство»². Он выделял в качестве базового общепhilosophического метода исторических исследований материалистическую диалектику как основу успешного синтеза общенаучных и специально-исторических методов познания, а также обосновал идею основных методов исторического исследования, определяющих в каждом случае специфику его инструментария (приемов, правил, процедур, орудий и инструментов)³. Таким образом, Л. Н. Мазур в новой историографической ситуации развивает продуктивную в методическом плане идею, позволяющую в полной мере осмыслить взаимосвязь теоретических концептов, принципов и инструментария исследования.

Оценивая имеющиеся в научной литературе классификации основных (традиционных) методов исторического исследования, автор дополняет и уточняет их состав, обосновывает специфику, целесообразность и сферы применения⁴. К этим методам отнесены историко-системный анализ, историко-типологический анализ, классификационный анализ, историко-динамический анализ, историко-сравнительный

---

¹ Мазур Л. Н. 2010. С. 60.

² Ковальченко И. Д. 2003. С. 40.

³ Там же. С. 50, 182–183.

⁴ Мазур Л. Н. 2010. С. 387–486.

(компаративный) анализ, историко-генетический анализ. В каждом случае автор уделяет главное внимание методическим аспектам их применения, разновидностям исследований, для которых они адекватны, приводит примеры корректного и некорректного их использования. Представляется интересным и убедительным уточнение границ и области применения историко-сравнительного метода, который, как подчеркивает автор, ориентирован прежде всего на изучение объектов с разными пространственными характеристиками⁵.

Рассматривая логику исторического исследования, определяемого как система теоретических и эмпирических процедур, направленных на получение нового знания, автор выявляет ее общие и вариативные элементы, характер возможных реализаций. Данные компоненты показаны как взаимосвязанные, но относительно самостоятельные задачи, решение которых необходимо для получения планируемого результата. Вариативность характера сочетания теоретических и эмпирических элементов исследования, как подчеркивает автор, зависит от того, каким оно будет, то есть от его вида. Л. Н. Мазур выделяет теоретические и конкретно-исторические исследования, аналитические и описательные труды, обращая внимание на целесообразность сочетания аналитического и описательного плана исследования как наиболее оптимального варианта исторического труда. Нам представляется, что разделение на теоретические и описательные труды все же несколько искусственно, хотя и имеет определенные основания. Чисто теоретических исторических исследований не может быть в принципе, так как история – эмпирическая наука, предмет исторического исследования имеет собственную источниковую базу и выводы каждого труда должны опираться именно на эту эмпирическую основу, всегда ограничены определенными пространственными и хронологическими рамками. Другое дело – использование историками результатов других исследований, в том числе в смежных науках, дающих возможность посмотреть на свой предмет с новой точки зрения и, применив исследовательский «фокус», заданный иным теоретическим горизонтом, междисциплинарные понятия и методы, увидеть скрытые возможности источников и их интерпретации, углубить теоретическое осмысление проблемы. Более длительные тренды, тенденции и особенности исторических процессов могут быть выявлены при проведении коллективных исследований, написании коллективных монографий, историографических трудов, в

---

⁵ Там же. С. 467.

рамках реализации научных проектов, дающих возможности для более широких обобщений.

Наряду с разграничением аналитических (теоретических) и описательных (эмпирических) исследований Л. Н. Мазур выделяет, с учетом специфики исследуемого объекта и технологий его изучения, сплошные и несплошные исследования. Наиболее важным в данном разделе учебного пособия является рассмотрение и обоснование идеи о том, что каждый из видов исследования, имея самостоятельную ценность, связан с применением разных приемов и методов организации и подачи материала. Если сплошное исследование направлено на изучение какого-либо массового исторического объекта или процесса и обобщенную его оценку, связано с анализом сводных характеристик объекта исследования, то несплошное построено на изучении какой-то части массового исторического объекта. Автор обосновывает разновидности несплошных исследований: монографическое изучение элитных групп, выборочное, показывая специфику приемов отбора части массового объекта и связанные с этим особенности методологии и методики данных исследований. Отрадно, что автор рассматривает значимость результатов различных видов монографических исследований с учетом эпистемологической рефлексии и достижений современной историографии, демонстрирующих важность изучения индивидуального и уникального в истории. Такой подход, отмечает Л. Н. Мазур, положен в основу многих научных направлений – исторической антропологии, микроистории, локальной истории, биографики и проч.

В учебном пособии в достаточной степени получила отражение сложная проблема специфики исторического познания по сравнению с естественнонаучным и другими видами социогуманитарного знания. Л. Н. Мазур справедливо связывает ее с неполнотой исторической информации, субъективностью процесса восприятия и реконструкции исторических явлений, влиянием на исследователя различных теорий, сложностью верификации исторического знания, особенностями исторического описания, прежде всего преобладанием описательных форм представления исторического знания. Наиболее конкретно в пособии разработана проблема специфики понятийного и терминологического аппарата, в более широком плане – языка исторических исследований. Автор дает классификацию научных категорий, понятий и способов их определения, показывает специфику системы категорий и понятий, применяемых в исторической науке. Определенным упущением, на наш взгляд, является отказ от анализа таких центральных для исторической

науки категорий, как исторический факт, историческое пространство и историческое время, не нашедших места в приведенной классификации. Тем временем именно в понимании исторического факта находит отражение проблема специфики исторического познания. Определение исторического факта как сведений, почерпнутых из достоверных источников и подвергшихся истолкованию, результата многостороннего осмысления действительного события на основе разнообразных источников⁶, на наш взгляд, позволяет в методологическом плане связать проблему поиска, систематизации и интерпретации данных источников. Л. Н. Мазур справедливо обращает внимание на одну из центральных в источниковедении и методологии истории проблему соотношения смыслов конкретно-исторических терминов, формируемых в процессе работы с источниками, или понятий первого уровня, и собственно научных понятий и категорий⁷. По сути это проблема «исторического перевода» в его широком понимании – перевода языка изучаемой эпохи на язык научного исследования. При этом историк должен как реконструировать те смыслы, которые вносили в понимание явлений сами люди изучаемой эпохи, так и дать современную научную интерпретацию данных толкований, терминов и понятий исторических источников. В процессе такой интерпретации используются более широкие и обобщенные знания, понятия, заимствованные, как правило, из других наук, что может, как показано в пособии, внести некорректное толкование, модернизацию или искажение картины исторических процессов или явлений.

Л. Н. Мазур справедливо подчеркивает, что большинство исторических понятий носит остенсивный (описательный) характер, тесно связано с конкретным историческим контекстом и не может применяться вне его. Полисеманτικότητα, недостаточная строгость и однозначность исторических терминов и понятий связана, как показывает автор, с многоликостью самой исторической действительности, различной интерпретацией исторических источников, использованием для этого разных теоретических конструкций. На наш взгляд, автору следовало бы также обратить внимание при рассмотрении данного вопроса на ценностную природу исторических понятий, их тесную связь с социальными и культурными ценностями и нормами. Как отметил М. А. Юсим, «используя их, мы вовлекаем комплекс разнообразных значений, в том числе и ценностных, которые выглядят самодостаточными, не требующими по-

---

⁶ Такое истолкование исторического факта дано, в частности, В. Ф. Коломийцевым: см.: *Коломийцев*. 2001. С. 38–42.

⁷ *Мазур*. 2010. С. 69–83.

яснения. Но в действительности их надо ставить под сомнение (деконструировать)»⁸. Ценностный аспект исторических понятий и категорий отчетливо отражается в использовании в исследовательской практике историографических метафор⁹, чему, на наш взгляд, следовало бы также уделить внимание. Л. Н. Мазур предлагает методы работы с историческими понятиями, призванные минимизировать их неопределенность или неадекватность: терминологический анализ, методы систематизации и анализа теоретических понятий. В то же время, методы исследования понятий исторических источников можно было бы проиллюстрировать на примере такого современного направления как «история понятий»¹⁰, которая рассматривает роль и смысл понятий как неотъемлемой части процесса коммуникации в прошлом и предлагает методы реконструкции и интерпретации данных смыслов и стоящих за ними политических и социокультурных практик.

Центральной в учебном пособии является проблема повышения достоверности исторического знания. Л. Н. Мазур предлагает пути ее решения за счет использования точных методик, процедур, техник сбора и анализа информации, восполнения недостающих данных, установления их репрезентативности, интерпретации, доказательства гипотез. В отдельной главе, посвященной методам анализа исторических источников, подразделяемым автором на две большие группы: традиционные и формализованные, главное внимание уделено формализованным методам. Это представляется оправданным, так как именно использование формализованных методов позволяет снизить долю субъективизма в исторической интерпретации, выявить скрытую информацию источников, использовать их информационный потенциал в полном объеме и тем самым дать их более глубокое и объективное истолкование. Комплексное использование сведений массовых источников, дающих информацию о массовых исторических явлениях или процессах, в принципе невозможно без использования формализованных методов. Значимость использования методов формализации обусловлена пониманием исторических источников как зашифрованного, непрямого отображения реальности прошлого, а самой социальной реальности как имеющей знаково-символическую природу. Формализация, как справедливо подчеркивает автор, направлена на выявление структуры (фор-

---

⁸ Юсим. 2008. С. 65.

⁹ О роли метафор как эпистемологических категорий см.: Вжосек. 1991, 1994.

¹⁰ Козеллек. 2006; История понятий...

мы) идеи, ее символического обозначения и интерпретации, в ее основе – процедура измерения в широком смысле как способ установления отношений между объектами. В пособии показаны суть, разновидности приемов формализации сведений исторических источников, их пределы и ограничения. Подробно рассмотрены такие разновидности формализованных методов как метод унифицированной анкеты, метод контент-анализа. Отдельный раздел посвящен специальным методам анализа исторических текстов, таким как информативно-целевой анализ, семиотический анализ, дискурсивный анализ, метод психоанализа документов. По сути, в этом разделе речь идет об использовании для анализа текстов исторических документов междисциплинарных методов, порожденных бурным развитием в XX в. лингвистики, семиотики, антропологии, психологии и др. Отдельная глава посвящена использованию социологического инструментария в исторических исследованиях: методам устной истории, методике проведения социологических исследований, анкетирования и интервьюирования участников и свидетелей исторических событий. Показаны богатейшие возможности расширения с помощью данных методов информационной базы исследования, правила, процедуры их реализации, строгие нормы и ограничения. Автор не только излагает теорию, но и оценивает практику применения социологических методов, в частности, на примере реализации международного историко-социологического проекта «Сельская Россия в XX в.» Важно, что в пособии не только показан эвристический потенциал формализованных методов, но и необходимость сочетания традиционных и формализованных методов анализа исторических источников.

В пособии Л. Н. Мазур обоснована роль математизации научного познания в повышении объективности исторического исследования, тщательно разрабатываются и творчески адаптируются применительно к различным его типам математико-статистические, социологические и другие междисциплинарные методы, порожденные ими конкретные методики и процедуры, призванные обеспечить достоверность полученных результатов. Значительное место в учебном пособии отводится использованию компьютерных технологий в исторических исследованиях (баз данных, геоинформационных, мультимедийных и др.), что отвечает требованиям современной информационной среды в науке и вузовском образовании.

Учебное пособие имеет необходимое методическое обеспечение: контрольные вопросы и практические задания, снабжено списком литературы, что направлено на практическое усвоение теоретических зна-

ний и организацию самостоятельной работы студентов. В целом материал учебного пособия нацелен на овладение студентами информационной культурой и компетенциями специалиста, способного применить знания в практической исследовательской деятельности. Важно, что материал учебного пособия апробирован автором при преподавании целого ряда учебных курсов («Математические методы в исторических исследованиях», «Методы научного исследования», «Компьютерные технологии в исторических исследованиях», спецкурса «Методы социологического исследования») и может с успехом использоваться при чтении курсов по методологии исторических исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вжосек В.* Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей. Человек в истории. М., 1991.
- Вжосек В.* Метафора как эпистемологическая категория (соображения по поводу дефиниции) // Одиссей. Человек в истории. М., 1994.
- История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.
- Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 2003.
- Козеллек Р.* Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX в. СПб., 2006.
- Коломийцев В. Ф.* Методология истории. М., 2001.
- Мазур Л. Н.* Методы исторического исследования. Екатеринбург: УрГУ, 2010.
- Юсим М. А.* Нормативная лексика историка // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. М., 2008.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского Федерального университета; porshneva@yandex.ru

Рец. на кн.: «Дети страны Советов: 1917–1941 гг. (антропологический аспект)»: Хрестоматия / Отв. ред. Е. Г. Пономарев. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010.

Издание «Дети страны Советов: 1917–1941 гг. (антропологический аспект)» освещает одно из проблемных полей современной исследовательской практики – историю детства. Это направлению исторической антропологии появилось в отечественной науке в последней четверти XX в. В настоящее время изучение «советского детства» в отечественных гуманитарных науках развивается в двух направлениях: с одной стороны, это исследования, посвященные идеям и практикам воспитания и образования, исходящим от официальных органов власти и партийных деятелей, а с другой – рецепции и трансляции этих идей и практик обществом, разными социальными группами, в том числе, детьми.

Исследования первого типа появились в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и в большей степени состояли из критики существовавшей воспитательной и образовательной парадигмы. Что же касается проблем рецепции воспитательных и образовательных систем советского периода обществом, то они до сих пор мало исследованы. Усилия историков, педагогов, литературоведов, социологов, психологов направлены на то, чтобы исправить, возникший «исследовательский перекокс».

Октябрьская революция 1917 г. привела не только к изменению политического режима и социального строя, но и должна была привести к «ментальному перевороту». Строительство советского общества шло одновременно с формированием человека, свободного от прежних нравственных установок и поведенческих стереотипов. На смену традиционным нравственным ценностям, базирующимся на основе христианской морали, приходила иная воспитательная и педагогическая парадигма, построенная на основе теорий и идей марксизма-ленинизма.

Новое педагогическое мышление послереволюционной России формировалось в соответствии с принципом «революционной целесообразности». Этим объяснялось подчинение всех слоев общества новой идеологии, и прежде всего системы образования и воспитания, как основ формирования «нового человека». Декларировались благородные, но мало изученные в условиях строительства социализма и практически не обеспеченные принципы содействия всестороннему развитию здорового, сильного, активного, смелого общественника, борца за классовые интересы пролетариата, а, следовательно, в конечном счете, за интересы всего человечества. Это была сложная задача, поскольку мирового опыта по ее реализации не существовало, а значит, не было и апробированных механизмов ее осуществления. Советскому обществу пришлось пойти по пути экспериментов, методов проб и ошибок.

Настоящая хрестоматия является продолжением цикла изданий документов по истории детства, над сбором и систематизацией которых работают члены лаборатории «Антропология детства» Ставропольского государственного педагогического института. Авторы-составители избирательно отнеслись к большому массиву источников, относящихся к 1920–30-м гг., и выявили те сюжеты, которые наиболее полно отражают трансформацию представлений о детстве. Разумеется, детство как социокультурное явление включает обширный спектр проблем, процессов и явлений разного уровня: от государственной политики в области детства, принятия нормативно-правовых актов, реформирования школьного образования, воспитания, охраны здоровья и т.п. до детских организаций, обществ и кружков по интересам, семейных отношений, новых игр, увлечений и пр. Однако исследователи сконцентрировали внимание на тех источниках, в которых наиболее рельефно отразилась смена эпох, идеологических принципов и ментальных составляющих. Словом, на том, что ярко отражает дыхание эпохи в судьбе конкретного ребенка, детства в целом, и в то же время проявляет изменение самого общества в глазах и ощущениях маленького гражданина страны Советов.

Выбор помещенных в хрестоматию документальных материалов продиктован не только их познавательной ценностью и практической значимостью, но и стремлением составителей дать возможность школьникам и студентам составить собственное представление о «мире детства» в советскую эпоху, причем сделать это самостоятельно.

Явления, свойственные советскому обществу 1920–30-х гг. (смена общественных ориентиров в системе воспитания и образования, беспризорность и безнадзорность, детская преступность широких масштабов), к сожалению, оказались реалиями теперь уже конца XX – начала XXI вв. В этой связи особенно ценен опыт решения проблем детства, который был приобретен в первые годы советской власти.

Документы составляют сложный комплекс опубликованных и неопубликованных материалов. Важный блок представляют материалы государственных и партийных органов по управлению народным образованием, позволяющие проследить складывание законодательной базы реформирования учебно-воспитательных учреждений, вопросы школьного строительства и становления системы воспитательных учреждений для детей разного возраста. Довольно много места вопросам разработки теории коммунистического воспитания уделялось в выступлениях и статьях партийных и советских лидеров, решениях партийных и комсомольских съездов и пленумов. Не менее важную роль играли педагоги-

ческие конференции и съезды, в материалах которых отражены взаимоотношения учительства с партийными и государственными структурами на протяжении 1920-х – 1930-х гг. Эти источники позволяют уточнить позиции рядового учительства по той или иной проблеме, выносимой на обсуждение, будь то руководство учебным и воспитательным процессом или методы работы с детьми.

Весьма важную роль в изучении процессов воспитания играют мемуары. Они позволяют выявить факты, которые не всегда отражались в других источниках, посмотреть на процесс воспитания изнутри, глазами тех, кто непосредственно был вовлечен в этот процесс.

Не менее интересную группу источников по проблеме представляют периодические издания. На страницах газет и журналов печатались самые разные материалы, отражающие многочисленные общегосударственные и местные проблемы детства и юношества. Являясь мощным средством идеологического воздействия, периодика оперативно доносила нужную информацию до тех групп населения, на которые была рассчитана. Жанры изложения материала были разными, но, в основном преобладали информационный и аналитический. В первом случае это разнообразные заметки, репортажи о событиях, связанных с открытием того или иного учреждения для работы с детьми, съезда или конференции, посвященной проблемам детства. Чаще всего подобная информация публиковалась в разделах «Хроника» или «Сообщения с мест». Во втором случае это статьи, в которых анализировались официальные документы, связанные с осуществлением государственной политики в области воспитания; разбирались формы и методы работы с детьми во всех типах учебно-воспитательных учреждений. Такой материал в большей степени насыщен информацией о деятельности педагогов, психологов, социологов, в нем отражена повседневная практика работы с детьми. Эти свидетельства помогают раскрыть сложные процессы социализации детей не только в крупных промышленных центрах страны, но и в отдаленных селах.

Отдельную группу источников составляет художественная литература. Образы, созданные на страницах советской литературы, являются отражением представлений о достойных людях «нового мира», формируя у детей новые идеалы, а также отражая сложный пласт восприятий окружающей действительности через детские души.

Одной из особенностей представленной хрестоматии является использование источников, позволяющих дать информативный срез, касающийся не только исходящих государственных установок, но и реак-

ции общественности на них. Это отражено в материалах периодической печати и художественной литературе, а также данных архивных источников и личных наблюдений участников событий.

Следует отметить, что, по нашему мнению, хрестоматия выгодно отличается от подобных изданий включением в нее материалов регионального уровня, который позволяет рассмотреть особенности политики государства в области образования и воспитания, а также социальных проблем на Ставрополье в первые постреволюционные десятилетия. Данный блок представлен материалами о политике местных властей по защите детства, деятельности ставропольских общественных организаций по решению детского вопроса и вовлечению детского населения в общественную жизнь региона. Актуальны материалы, отражающие организацию и особенности работы национальных школ в условиях полиэтничного состава населения Северного Кавказа.

Большой блок документов посвящен переходному этапу 1920-х гг. и политике в отношении детей в условиях послереволюционной трансформации и голода (положение детей в детских учреждениях, изменение отношения к детству в условиях экономического и политического кризиса и т.д.). Воспоминания детей тех лет позволили значительно обогатить и расширить источниковую базу хрестоматии. Комплекс материалов регионального характера отражает трансформацию советского образовательного пространства и изменение положения ребенка в нем как основного объекта образования и воспитания.

Материал хрестоматии предоставляет широкие возможности для творческого представления различных исторических эпизодов, в процессе которого учащиеся погружаются в мир своих сверстников, живших в 1920–30-е гг., осваивают основы исследовательской коммуникации, принципы анализа и систематизации полученных знаний. Для учителя это еще одна возможность творческой реализации межкурсовых и межпредметных связей, без использования которых невозможно течение полноценного учебного процесса.

Заслуживают слова благодарности члены коллектива авторов-составителей Е. Г. Пономарев, Т. С. Овчаренко, И. А. Ануприенко, Л. Н. Величко, Е. Н. Володькова, Н. А. Леонова, П. Г. Немашкалов, А. С. Нестеров, О. Н. Новикова, В. Н. Садченко.

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета; igory5@yandex.ru

В. П. ЕРМАКОВ

ДЕТИ РОССИИ*

В последнее время огромный интерес вызвали выходящие как в центре, так и в провинции сборники материалов, среди которых особой популярностью пользуются хрестоматии. Однако в основном внимание авторов-составителей документальных сборников и хрестоматий привлекали материалы общероссийского масштаба, без «частных», но интересных подробностей, воссоздающих историю повседневности.

Работа над циклом рецензируемых хрестоматий выполнена сотрудниками ВНИК «Обеспечение антропологического контекста исторического и филологического образования в средней школе и вузе» лаборатории «Антропология детства» Ставропольского государственного педагогического института в рамках программы «Антропологическое сопровождение реализации региональной модели образования», финансируемой Правительством Ставропольского края.

Включенные в хрестоматию материалы способствуют воспроизведению, картины детства городского и сельского населения, представителей различных сословий и групп. Авторами-составителями использованы разные виды источников: законодательные акты Российской Империи, составлявшие правовую основу государства; нормативно-директивные, делопроизводственные и другие регламентирующие инструкции (государственных учреждений и общественных организаций); материалы фискального, административного и хозяйственного учета, статистика; периодическая печать; источники личного происхождения; программные документы политических партий и организаций. Кроме того, в хрестоматию вошли произведения или их фрагменты из русской классической литературы, фотодокументы Государственного архива Ставропольского края и Ставропольского государственного историко-

---

* Рец. на книги: Дети города: Россия (вторая половина XIX – начало XX века). Хрестоматия. Ставрополь: СГПИ, 2008; Деревенские дети России XIX – начала XX вв.: Хрестоматия Часть I / Отв. ред. Е. Г. Пономарев. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009; Деревенские дети России XIX – начала XX века: Северный Кавказ, Кубань и Ставрополье. Часть II / Отв. ред. Е. Г. Пономарев. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. Авторы-составители: Е. Н. Атарщикова, И. А. Ануприенко, Э. Г. Бойко, Л. Н. Величко, Е. Н. Володькова, Н. Г. Глушкова, С. А. Книевский, Н. А. Леонова, П. Г. Немашкалов, А. С. Нестеров, О. Н. Новикова, Т. С. Овчаренко, Е. Г. Пономарев, В. Н. Садченко, К. В. Чевпилова.

культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, иллюстрации (репродукции картин известных русских художников и рисунки к конкретным художественным текстам). Наряду с документами, художественными произведениями и другими материалами, изданными в разное время, в хрестоматию включены архивные материалы, периодическая печать Ставрополя и Кубани, часть из них впервые вводится в научный оборот.

В хрестоматии воссозданы разные аспекты истории городских и деревенских детей России в XIX – начале XX в. Структура пособия и принцип отбора материала не связаны жестко с каким-либо конкретным учебником по истории России. Как отмечают во введении авторы, они не ставили перед собой цель подготовить цикл хрестоматий по истории, а пытались отразить многогранную, радостную и горестную жизнь деревенских и городских детей не только в общих рамках государства российского, но и представить специфику Северного Кавказа, Кубани и Ставрополя. Особый колорит создают страницы, раскрывающие особенности детства «инородцев», проживающих в регионе.

Хрестоматия «Дети города: Россия (вторая половина XIX – начало XX века)» построена по проблемно-хронологическому принципу. Большинство документов и материалов приведены в извлечениях и отрывках, с указанием названий, авторства, краткими справками и пояснениями. Содержание представляют шесть разделов: Раздел I. Пора детства. Воспитание в семье; Раздел II. Обучение и воспитание; Раздел III. Детский труд, образы страдания и страхи; Раздел IV. Бедность и сиротство; Раздел V. Рождаемость и здоровье; Раздел VI. Детский вопрос в программах политических организаций и партий России. Содержание хрестоматии «Деревенские дети России XIX – начала XX вв.: Хрестоматия. Ч I» представлено четырьмя разделами: Раздел 1. Детство в семье; Раздел 2. Школа, образование, воспитание; Раздел 3. Приюты, бродяжничество, малолетние преступники; Раздел 4. Детский труд и отдых. Хрестоматия «Деревенские дети России XIX – начала XX века: Северный Кавказ, Кубань и Ставрополье. Ч. II» отражает особенности региональной истории детства. В нее вошли документы фондов Государственного архива Ставропольского края, которые впервые вводятся в научный оборот. Несмотря на недостаточную полноту содержания архивных источников, специфику их оформления и фрагментарность, большой интерес представляют редкие документы, отражающие яркие эпизоды детства в деревенской глубинке. В хрестоматии шесть разделов: Раздел 1. Организация и содержание образования; Раздел 2. Семья,

быт и традиции; Раздел 3. Демография и состояние здоровья; Раздел 4. Попечительство, беспризорность и правонарушения; Раздел 5. Дети «инородцев»; Раздел 6. Фотодокументы. Документы сопровождаются вступительными комментариями, призванными активизировать мыслительную деятельность студентов и учащихся школ. При этом авторы ориентировались на тех читателей, которые пытаются осмыслить проблемы детства в контексте истории, сформировать собственное отношение к интересным фактам и особенностям восприятия детства.

Работа выполнена на высоком методическом уровне. Имеются необходимые примечания (например, краткие справки об авторах исторических источников), указывается происхождение документов, их назначение и применение.

Хрестоматии предназначены для преподавателей вузов, учителей общеобразовательных учебных заведений, студентов педагогических вузов, работников внешкольных учреждений и детских библиотек, учащихся школ и всех, кто проявляет интерес к антропологии детства. Авторы позиционировали свои хрестоматии как предназначенные для привития навыков критики исторических источников. Очевидно, что прагматической целью многих школьников является успешная сдача ЕГЭ по истории, а примерно четверть заданий ЕГЭ проверяет умение анализировать исторические источники. Рецензируемую хрестоматию можно использовать не только в процессе преподавания истории России в школах и институтах, но и для практических занятий по источниковедению и методике преподавания истории.

В заключении хотелось бы отметить, что представленные хрестоматии уже получили определенную положительную оценку, их авторы стали лауреатами Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2008 и 2009 гг. (в номинации гуманитарные науки), проводимого Фондом развития отечественного образования.

Ермаков Виктор Петрович, кандидат исторических наук, профессор, декан факультета государственной службы и управления Пятигорского государственного лингвистического университета; ermakov@pglu.ru

А. А. ФОКИН

ГАМБУРГЕРЫ – ОТДЕЛЬНО, НАУКА – ОТДЕЛЬНО*

В серии «Исследования культуры» вышла книга И. В. Глущенко «Общепит: Микоян и советская кухня». Тема советской повседневности, частью которой является и кухня, востребована не только профессиональным сообществом, но и более широким кругом читателей. Автор верно замечает, что в последнее время продукты, маркированные как советские, начинают приобретать большую популярность (С. 6).

Книгу можно разделить на две части: первая посвящена А. И. Микояну, вторая – свободному размышлению на тему пищи в СССР. Книга читается легко, в ней обнаруживается масса любопытнейших эпизодов, например история о задумках А. И. Микояна завезти в СССР гамбургеры и кока-колу (С. 88, 91). К. Мартынов отмечает, что это прекрасная интеллектуальная книга, соответствующая современным моделям быстрого чтения¹. Для любопытствующего читателя это безусловный плюс, однако, если в аннотации указано, что книга адресована широкому кругу читателей, то в выходных данных можно прочесть, что перед нами научное издание. Если рассматривать книгу исходя из первого определения, то она достойна всяческих похвал. В данном случае книга будет рассмотрена как научное издание, в связи с чем указан ряд недостатков работы И. Глущенко, часть которых носит системный характер.

В книге практически полностью отсутствует научно-справочный аппарат. При обилии цитат, автор не называет источники информации. В лучшем случае обозначаются названия произведений (книги П. Вайля и А. Гениса, И. Ильфа и Е. Петрова, Ю. Олеши и т.д.). Но когда дело доходит до цитирования выступлений различных руководителей, то трудно понять, откуда взяты эти цитаты (С. 27, 51, 100). Можно, конечно, довериться автору в том, что цитаты даются без искажения, однако исследовательская культура призывает к возможности верификации знания. Здесь же автор фактически отказывает читателю в таком праве.

Список источников и литературы насчитывает всего 26 пунктов. Понятно, почему среди них нет работы М. Ю. Павлова «Анастас Мико-

---

* Рец. на книгу: Глущенко И. В. *Общепит: Микоян и советская кухня*. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

¹ Мартынов К. Политическая диетология. Книга о том, как в СССР появилась вкусная и здоровая пища // Частный корреспондент [Электронный ресурс] URL: http://www.chaskor.ru/article/politicheskaya_dietologiya_16497.

ян. Политический портрет на фоне советской эпохи», вышедшей в 2010 г., но отсутствие статьи Е. Добренко «Гастрономический коммунизм: вкусное vs. здоровое»² сложно объяснить. Думаю, что и отсылка к литературе о ситуации в стране в сталинскую эпоху была бы полезна.

Краткость библиографического списка отчасти объясняется его содержательным наполнением. Автор указывает только один архивный фонд и одну опись – «Народный комиссариат пищевой промышленности» (С. 239). Возможно, что данная опись содержит большой объем материала, но базировать исследование пищевой промышленности в СССР на ней одной представляется опрометчивым решением. Вместо источников различного происхождения автор делает ставку на художественную литературу и публицистику. Скорее всего, филологическое образование приводит к такому текстологическому перекосу в работе.

Подбор исследовательского материала создает трудности с определением жанра этого труда. К. Мартынов решил проблему, признав его книгой для приятного чтения, а не монографией в классическом смысле. Для меня книга ближе всего к культурной истории, но часто в ней поиски красочных эпизодов заслоняют предмет исследования.

Название и текст подводят к мысли, что А. И. Микоян и советская кухня были братьями-близнецами и, говоря одно, необходимо подразумевать другое. Действительно, Анастас Иванович почти 40 лет был причастен к продуктовой сфере. Но практически все повествование ограничивается рамками 1930-х гг. Только в последней главе делается беглый забег в 1960-80-е гг. Можно было бы рассматривать такую хронологию как ориентацию на формат «истории сталинизма». Автор же в интервью portalу Russia.ru прямо указывает, что не хотела встраивать книгу в сталиниаду³. Фактически читатель получает историю Микояновского мясокомбината и анализ «Книги о вкусной и здоровой пище». Однако феномен советского общепита не может быть уложен в это прокрустово ложе. Советский общепит в книге выступает как производная помыслов Анастаса Ивановича: он возникает в 1930-е гг. подобно Афине из головы Зевса и существует без изменений вплоть до развала СССР. Вместо анализа советского питания читатель знакомится с отрывочными воспоминаниями автора и его знакомых о «чем-то розовом с чем-то серым».

Первые две главы книги посвящены А. И. Микояну, в них он выступает как человек, семьянин, руководитель. Знакомство с семьей по-

---

² Добренко Е. Гастрономический коммунизм: вкусное vs. здоровое // Неприкосновенный запас. 2009. № 2(64).

³ Гамбургер для Сталина...

зволило И. Глущенко привести ряд уникальных фактов, которые дополняют политический портрет героя. Интерес вызывают и хорошо подобранные фотографии, многие из которых публикуются впервые. А проникновенное чтение воспоминаний А. И. Микояна делает вторую главу самой сильной в книге. Но представляется странным обильное цитирование в первой половине работы делопроизводства по незначительным вопросам (С. 31–49). Если автор стремился показать рутину руководства и воссоздать дух бюрократии 1930-х гг., то это любопытно, не более того. Возможно, гораздо больше света могли бы пролить различные инструкции, постановления, разнарядки, которые сопровождали становление пищевой промышленности в стране.

Третья глава «Царство мяса» посвящена Микояновскому мясокомбинату. Такой выбор понятен: предприятие, во-первых, носит имя героя книги, во-вторых, является одним из лидеров советской пищевой индустрии. Можно согласиться с автором и признать колбасу культовым продуктом в советской культуре; при этом мясокомбинат выступает как храм, производящий сакральный продукт. Но и здесь мы видим явный перекоп в сторону текстологических исследований. В книге невозможно обнаружить сведения о стоимости продуктов: сколько стоила самая дешевая колбаса и самая дорогая, или как изменялась цена на «Докторскую». Автор умело потчует читателя сценарием спектакля «Изобилие» и материалами совещания об издании книги, посвященной истории мясной и молочной промышленности (С. 120–135). Если использовать кулинарную терминологию, эти кусочки очень вкусны, но совершенно не питательны. Ими можно себя побаловать, но насытиться ими нельзя, поскольку представленные тексты всего лишь производные от огромного явления советского общепита. И если в притче три слепца ощупывали слона, то в данном случае изучают даже не самого слона, а его тень.

Следующий раздел отдан «Книге о вкусной и здоровой пище», что вполне закономерно, хотя формально данное издание идет вразрез с понятием общепита, ибо нацелено на индивидуальное питание. В начале главы обнаруживаем следующий пассаж: «В Советском Союзе была не только однопартийная система. Был один Совет профсоюзов, один Союз писателей и одна на всех поваренная книга» (С. 137). Автор приносит фактическую достоверность на алтарь общей концепции. Помимо разнообразных книг о национальных кухнях и серии «Библиотечка повара», в 1970-е гг. была издана переводная книга Г. Линде, Х. Кнеблаха «Приятного аппетита. Кругосветное путешествие по кухням разных народов», которую сложно заподозрить в «совковости». Но для автора главное – показать тоталитарную природу «Книги о вкусной и здоровой пище».

Вообще вокруг последней сложилась странная ситуация. С одной стороны, только ленивый не отсылает к ней (наряду с кинофильмом «Кубанские казаки»), дабы продемонстрировать двуличность советского строя. С другой стороны, до сих пор нет масштабного исследования о ней. Если утвердился взгляд на нее как на витрину социализма, то, очевидно, необходимо проследить, как эта витрина менялась от издания к изданию. Хотя И. Глущенко и делает подобную попытку, но ограничивается сопоставлением изданий 1939 г. и 1952 г., а рассмотрение издания 1963 г. и последующих занимает лишь одну страницу (С. 167–168). При этом пространные рассуждения о технике изготовления иллюстраций и соотнесение их с гиперреализмом в три раза больше (С. 160–163).

Последняя глава «Что-то розовое с чем-то серым» составлена из нескольких самостоятельных очерков: «Общепит на Луне» – об ограниченности фантазии писателей в области питания; «Столовая» – об обстановке в советской столовой; «Банкет» – о традиции праздничного питания в СССР; «Частная жизнь» – о домашнем питании советских граждан; «Тара» – о различных способах упаковки продуктов в СССР; «Одноразовое или долговечное?» – о противостоянии двух типов общества, западного и советского. В целом, глава предназначена или для иностранцев, или для поколения, не знакомого с повседневностью СССР. Приведем несколько примеров: «Вилки и ложки были алюминиевыми – побочная продукция отечественного авиастроения» (С. 187); «Свинство – необходимая составляющая банкета. Как и возможность что-то утащить домой» (С. 190); «Салаты делались накануне и в стеклянных банках, в холодильниках, ожидали прихода гостей» (С. 194); «Селедка, завернутая в газету, – типичная иллюстрация тогдашнего быта» (С. 203). И. Глущенко подбирает интересные факты, но они не содержат оригинальной информации. Автор словно рассказывает читателю-внуку истории из своей молодости.

В многочисленных откликах на книгу подчеркиваются ее достоинства и, возможно, это правильно, поскольку тема советского питания требует плодотворной реализации. Но, если пользоваться кулинарными аналогиями, данное произведение, скорее, похоже на милый сердцу А. И. Микояна, да и И. Глущенко, фастфудный гамбургер. Им действительно очень удобно наспех утолить голод, но это не то, что доставит ценителю настоящее гастрономическое удовольствие.

Фокин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета; aafokin@yandex.ru

SUMMARIES

SAVELYEVA I. M., POLETAYEV A. V. The social organization of the knowledge of the past: analytical scheme

The authors attempt to systematize various approaches to the analysis of the mechanism through which social views of the past are being formed. The authors present an analytical scheme that demonstrates interconnections between different disciplinary discourses. The complex phenomenon of the shaping of the social views of the past is described in the scheme which presents a structure of the process of production, transmission and appropriation of knowledge of the past. The authors distinguish three levels that shape the views, and, accordingly, three objects of analysis: the sources that shape the views of the past, the mechanism of shaping it, and the results of the process, i.e., its contents.

Keywords: *social views, mechanisms of construing the past, sources of knowledge, expert/professional knowledge, media sources, common knowledge, individual views.*

BLACKWELL CONSTANCE. Aristotle's perplexity becomes Descartes' doubt

The author studies the Aristotelian traditions of the Renaissance and the Early Modern philosophy. It is shown how philosophers of the period used the idea of methodical doubt, and its influence over the shaping of one of the key concepts of Descartes' philosophy.

Keywords: *history of philosophy, 'Metaphysics' by Aristotle, Aristotelianism in the 16-17th cc., tomism, Descartes.*

TIMOFEYEV D. V. The notions of 'enlightenment' and 'revolution' in the vocabulary of an educated Russian in the first quarter of the 19th c.

The article analyses the system of meanings and the interlinks between the notions of 'enlightenment' and 'revolution' in the Russian social and political vocabulary of the early 19th c. The author analyses a number of memoranda, drafts, popular works and media sources and defines positive and negative expectations of the educated part of the Russian society in connection to the possible consequences of the 'enlightenment' and 'revolution' for the modernization of the Russian economy, resolving the problem of serfdom and making the system of administration more efficient.

Keywords: *history of ideas, enlightenment, revolution, European ideas and the social and political thought in the early 19th c. Russia.*

SCHNEIDER K. I. Early Russian liberals on individualism and property

The author analyses various connotations of the notions 'individualism' and 'property' in the axiological vocabulary of the early Russian liberals. His attention is focused on the particular features of the early Russian liberalism and its main theoretical postulates. The author advocates the use of the concept of 'social space' by P. Bourdieu as a method of studying the phenomenon of the early Russian liberalism.

Keywords: *individualism, property, early Russian liberalism.*

BYKOVA S. I. Soviet patriot as an 'enemy of the people': the dilemma of individual and officially prescribed identity

The article deals with the problem of conflict/cooperation between the prisoners and the NKVD investigators. The NKVD officers aimed at the detection of the 'counter-revolutionary, subversive and espionage organizations'; they arrested innocent people, and using various methods, obtained their 'confessions' of crimes the latter had not committed. One of the arguments was that the confessions were in the interests of the Soviet state.

After the ‘confessions’ had been forced of prisoners their reflections on betrayal (of oneself, other people, or of an idea) could lead them to suicide or to madness.

Keywords: *identity, Soviet patriotism, ‘provocation’ as an investigation method, the construction of the image of an ‘enemy of the people’, self-incrimination.*

SVYATOSLAVSKY A. V. *On the forming of the image of I. V. Stalin in Russian collective memory, 1930-2000*

The article analyses the dynamics of the image of I.V. Stalin in collective memory. The image of Stalin, one of the prominent historical figures of the 20th c. remains a crucial point in the system of the cultural symbols of Russia, and various political movements define themselves through their attitude to it. At the same time the image itself is being transformed considerably.

Keywords: *historical views, collective memory, social memory, Russia in the 20th c., I. V. Stalin, personality cult.*

POUTILOVA E. G. *On the origin of the movement in memory and for rehabilitation of victims of political repression in the USSR*

The article describes the history of the movement in memory and for rehabilitation of victims of political repression in the USSR. The author analyses the formative process using the example of the Memorial society. The sources for this study consist of the interviews with the members of the ‘Memorial’ and the unpublished documents from the Archive of regions of the International society ‘Memorial’ in Moscow.

Keywords: *history, repression, memory of the victims of repression.*

BOROZNYAK A. I. *‘I want to know all the truth’: German debates on the exhibition ‘the crimes of the Wehrmacht’*

The article deals with the most important stage (Munich, 15 February – 6 April 1997) of the exhibition on the crimes of the Wehrmacht’ that influenced the evolution of historical memory in contemporary Germany. The author used materials from Bavarian and German press, documents of the City Assembly of Munich, and the comments in guest books.

Keywords: *Wehrmacht, war crimes, public conscience in Germany.*

MOUKHIN O. N. *Peter the Great vs. Ivan the Terrible: the personality of ruler in the context of the Russian processes of modernization*

The aim of the article is to find factors that correlate the processes of modernization in the Early Modern Russia with psychological and social identities of monarchs-reformers through comparing the personalities of Ivan the Terrible and Peter I in their social and cultural contexts. Comparative historical analysis helps to explain the greater efficiency of the policies of the first Russian emperor, and to find the roots of the typical problems of Russian modernization that persist till our days.

Keywords: *Russia, modernization, the authority of tzar, identity, comparative analysis.*

KHRYAKOV A. V. *Hermann Heimpel: atypical biography of a German historian*

The article is focused on the life and work of a prominent German historian of the Middle Ages, Hermann Heimpel (1901–1988). He had welcomed the Nazis in power with enthusiasm and had worked on the history of Medieval Reich, which he saw as a prototype of the ‘Third Reich’. After the World War II Heimpel, alone among other historians, admitted the errors of the German way and of his own behaviour.

Keywords: *Hermann Heimpel, Medieval Studies, historical discipline in Germany, Middle Ages, biography.*

NAGORNAYA O. S. 'The colonel began to sob soundlessly; all officers had eyes full of tears...': communicating emotions behind the barbed wire

The article reconstructs the emotions of Russians prisoners of war in German camps during the World War I. The object of study is both the range of emotions and the ways of their communication in the camp and in Russian/Soviet public debate and memoirs. The focus is on the breaks of emotional gender canon and intentional dramatization of emotion according to public expectations.

Keywords: *history of emotions, World War I, Russian prisoners of war in Germany.*

KOSTYREV V. G. Regular payments in the contemporary views on military service in the 14th century

The article deals with the changes in the attitudes to the paid military service in Western Europe of the 14th c., particularly in England and France. At that time the organization of military service changed dramatically. Regular payments became an accepted practice and made possible the existence of regular armies and the royal control over it. It is shown how the changes influenced the contemporaries' attitudes towards military service.

Keywords: *mercenaries, paid military service, first regular armies, military science, états moderne.*

CHEPEL A. I. «I have not had a license and wanted to visit my children»: separation of family members in the Swedish-Russian border region after the treaty of Stolbovo

The author studies archival documents in order to analyze the interactions between members of the families divided by Swedish-Russian border as it had been agreed on in the Treaty of Stolbovo. It is concluded that the family ties of the border region population together with ambiguous policy of the local authorities resulted in the instability of the border region.

Keywords: *Treaty of Stolbovo, Swedish-Russian border region, the problem of defectors, Orthodoxy, Lutheranism.*

KIRYUKHINA E. M. Everyday life in the middle ages in the 'Cadfael chronicles' by Ellis Peters

The object of study is the description of everyday life in the Middle Ages presented in the series of historical novels the 'Cadfael Chronicles' by an English writer Ellis Peters: i.e., the descriptions of interiors, costumes (cut and colour), accessories, jewelry, food, and pastimes in the 12th c. – England. The author's attention is focused on the relationship between a product and its maker and his creativity (manuscript book).

Keywords: *everyday life, colour of costume, accessories and jewelry, leisure time, manuscript book.*

SAMARINA N. G. Monuments of science and technology: culturology and source studies

The article is focused on the two approaches to the interpretation of the science and technology monuments that are generated by culturology and source studies. Technology is viewed in ontological and axiological contexts, as a factor that transforms social and cultural values and changes the phenomenon of humanity and the human role in material

world. The current museum practice demonstrates poor knowledge of the source studies and the lack of the skill of scientific classification.

Keywords: *monuments of science and technology, a phenomenon of culture, museum source studies, material source, the criteria of classification.*

SAFRONOVA A. M. *Books on world history in the Ekaterinburg library of V. Tatischev*

The article deals with foreign books on world history printed in the 16-18th cc. that formed the Ekaterinburg library of V. N. Tatischev. Among them are the works on the history of ancient peoples and states, on world history, the history of Western Europe and some of its countries.

Keywords: *V. N. Tatischev, the Ekateginburg library, books on world history.*

ANANYEV V. G. *The semiotics of the construction of St Isaac's cathedral*

The article presents the first attempt to analyze the stages of the construction of St Isaac's Cathedral in St Petersburg and its consecration using the semiotical approach. Universalist religious ideas of Alexander I who desired to clear religious discourse from national aspects was replaced by the more 'historical' religious discourse of the reign of Nicholas I and the use of the image of Alexander Nevsky in the Cathedral's programme, The consecration ceremony was intended to stress the link with Russia's past through incorporating into it a solemn procession to the monument to Peter I. Thus each reign included the Cathedral in its own scenario of power and reshaped its meaning.

Keywords: *St Isaac's Cathedral, semiotical approach, scenario of power, link with the past.*

BATSER M. I. *Two English revolutions as a historiographical problem*

The author corrects the views on the events that took place in the 17th-c. England which dominated the Soviet historiography. The article is focused on the radical movement of Levellers, the policies of Cromwell in 1649–1658 are assessed negatively, unlike the restoration of the Stuarts in 1660. The author argues that the Glorious Revolution – a great event in world history – should be re-assessed.

Keywords: *revolution, monarchy, liberalism, historiography.*

DONATUS. *Ars Grammatica (On letter. On parts of the speech. On nouns)*

This a publication of a fragment on letters, on the parts of the speech and nouns from the grammatical work by Donatus (4th c. A.D.) (*Ars grammatica*), translated from Latin, with commentary. The translation is based on the edition by L. Holtz (1981), but the earlier edition by H. Keil (1864) has also been taken into consideration.

Keywords: *letter, parts of speech, noun, case, Romans, Greeks.*

Дорогие читатели, вы можете подписаться на наше издание «Диалог со временем» в любом отделении связи России. Подписной индекс 36030 в каталоге Агентства «Роспечати».

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история гуманитарного знания

И. М. Савельева, А. В. Полетаев

Социальная организация знаний о прошлом: аналитическая схема..... 7

Констанс Блэквелл

От «недоумения» Аристотеля к декартовскому «сомнению»..... 19

Из истории понятий

Д. В. Тимофеев

Понятия «просвещение» и «революция» в лексиконе образованного
русского подданного первой четверти XIX в..... 38

К. И. Шнейдер

Индивидуализм и собственность в мировоззрении
ранних русских либералов 59

История и память

С. И. Быкова

Советский патриот как «враг народа»: дилемма личностной
и официально заданной идентичности..... 77

А. В. Святославский

К проблеме формирования образа И. В. Сталина в отечественной
коллективной памяти с 1930-х гг. до современности..... 95

Е. Г. Путилова

Из истории возникновения общественно-политического движения
по защите прав и увековечению памяти жертв политических репрессий
в СССР..... 119

А. И. Борозняк

«Я хочу знать всю правду»: дискуссии в ФРГ вокруг выставки
«Преступления вермахта»..... 135

История через личность

О. Н. Мухин

Пётр Великий vs Иван Грозный: личность правителя в контексте
специфики российских процессов модернизации..... 153

А. В. Хряков. Герман Геймпель: нетипичная биография немецкого

историка..... 175

Из истории эмоций

О. С. Нагорная

«Полковник беззвучно зарыдал, слезы были на глазах у всех офицеров...»:
коммуникация эмоций за колючей проволокой..... 195

В пространстве социальной истории

В. Г. Костырев

Роль регулярного жалования в представлениях современников
о военной службе в XIV в..... 206

<i>А. И. Чепель</i> «Был без проезжей и хотел своих детей навестить»: Проблема разделения семей в шведско-русском приграничье после Столбовского мира.....	231
<i>Е. М. Кирюхина</i> Мир средневековой повседневности в «Хрониках брата Кадфаэля» Эллис Питерс.....	245

Институты культуры и места памяти

<i>Н. Г. Самарина</i> Памятники науки и техники: культурологический и источниковедческий аспекты.....	258
<i>А. М. Сафронова</i> Книги по всеобщей истории в Екатеринбургской библиотеке Татищева.....	270
<i>В. Г. Ананьев</i> К семиотике создания Исаакиевского собора.....	289

Приглашение к дискуссии

<i>М. И. Бацер</i> Две английские революции как историографическая проблема.....	296
---	-----

Публикации

<i>Донат</i> Наука грамматики (О букве. О частях речи. Об имени) (Пер. с лат. и прим. М. С. Петровой).....	312
--	-----

Читая книги

<i>Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков.</i> «Уважая Герье»: заметки о новой книге, посвященной ученому, и не только.....	332
<i>И. А. Копылов.</i> Интеллектуальные традиции: актуальные задачи и способы их решения.....	353
<i>А. А. Павлов, В. П. Ефименко.</i> В начале было Слово.....	360
Рец. на кн.: Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург: УрГУ, 2010 (<i>О. С. Поршнева</i>).....	374
Рец. на кн.: Дети Страны Советов. 1917–1941 гг. (антропологический аспект): Хрестоматия. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010 (<i>И. В. Крючков</i>)....	382
<i>В. П. Ермаков.</i> Дети России.....	386
Summaries.....	389
Contents.....	399

CONTENTS

Theory and history of humanities

- Savelyeva I. M., Poletayev A. V.*
The social organization of the knowledge of the past: analytical scheme..... 7
Blackwell Constance. Aristotle's perplexity becomes Descartes' doubt..... 19

History of ideas

- Timofeyev D. V.*
The notions of 'enlightenment' and 'revolution' in the vocabulary
of an educated Russian in the first quarter of the 19th c..... 38
Schneider K. I.
Early Russian liberals on individualism and property..... 59

History and memory

- Bykova S. I.*
Soviet patriot as an 'enemy of the people':
the dilemma of individual and officially prescribed identity..... 77
Svyatoslavsky A. V.
On the forming of the image of I. V. Stalin in Russian collective memory,
1930-2000..... 95
Poutilova E. G.
On the origin of the movement in memory
and for rehabilitation of victims of political repression in the USSR..... 119
Boroznyak A. I.
'I want to know all the truth':
German debates on the exhibition 'the crimes of the Wehrmacht'..... 135

History through personality

- Moukhin O. N.*
Peter the Great vs. Ivan the Terrible: the personality of ruler in the context
of the Russian processes of modernization..... 153
Khryakov A. V.
Hermann Heimpel: atypical biography of a German historian..... 175

History of emotions

- Nagornaya O. S.*
The colonel began to sob soundlessly; all officers had eyes full of tears...'
communicating emotions behind the barbed wire..... 195

Within the space of social history

- Kostyrev V. G.*
Regular payments in the contemporary views on military service
in the 14th century 206

<i>Chepel A. I.</i>	
«I have not had a license and wanted to visit my children»: separation of family members in the Swedish-Russian border region after the treaty of Stolbovo.....	231
<i>Kiryukhina E. M.</i>	
Everyday life in the middle ages in the ‘Cadfael chronicles’ by Ellis Peters.....	245
<i>Institutes of culture and places of memory</i>	
<i>Samarina N. G.</i>	
Monuments of science and technology: culturology and source studies.....	258
<i>Safronova A. M.</i>	
Books on world history in the Ekaterinburg library of V. Tatischev.....	270
<i>Ananyev V. G.</i>	
The semiotics of the construction of St Isaac’s cathedral.....	289
<i>Invitation to discussion</i>	
<i>Batser M. I.</i>	
Two English revolutions as a historiographical problem.....	296
<i>Publications</i>	
<i>Donatus</i>	
Ars Grammatica (On letter. On parts of the speech. On nouns) (Translation and comments by M. S. Petrova).....	312
<i>Reading books</i>	
<i>Ivanova T. N., Myagkov G. P.</i>	
«Respecting Gerie»: notes on a new book on the scholar, and more.....	332
<i>Kopylov I. A.</i>	
Intellectual traditions: actual goals and ways of reaching them.....	353
<i>Pavlov A. A., Efimenko V. P.</i>	
At the beginning there was the words.....	360
Review: Mazour L. N. Methods of historical research: Textbook. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2010 (<i>Porshneva O. S.</i>).....	374
Review: Children of the Soviet state: 1917–1941 (anthropological aspect): Reader. Stavropol: SSPU Publishing House, 2010 (<i>Kryuchkov I. V.</i>).....	382
Review: Children of Russia (<i>Ermakov V. P.</i>)	
<i>Fokin A. A.</i> On Hamburgers and Science.....	389
Summaries.....	393
Содержание.....	397